Ст. Лем

СОЛЯРИС

ЭДЕМ

ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

Солярис. Эдем. Сборник
Станислав Лем

Аннотация
Станислав Лем
Прежде всего постараться понять. Вступительная статья
Солярис
  Предисловие автора к русскому изданию «Соляриса»
  Прибытие
  Соляристы
  Гости
  Сарториус
  Хари
  «Малый Апокриф»
  Совещание
  Чудовища
  Жидкий кислород
  Разговор
  Эксперимент
  Сны
  Успех
  Старый мимоид
Эдем

Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
Глава тринадцатая
Глава четырнадцатая

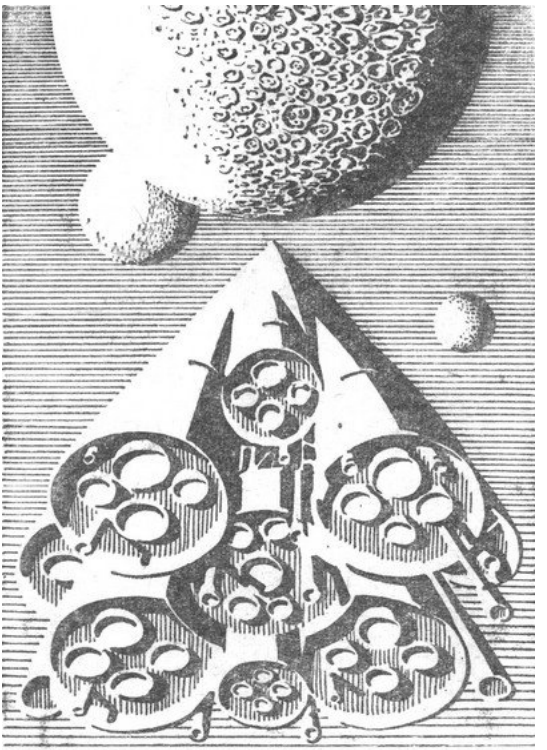
Аннотация

Один из наиболее видных фантастов наших дней, Станислав Лем в своих романах «Эдем» и «Солярис» рисует гипотетические контакты человека с разумными существами иных миров, кардинально отличающимися от людей и по внешнему облику, и по строю мышления.

Станислав Лем

Прежде всего постараться понять

Вступительная статья



Станислав Лем не нуждается в пространном

представлении. Он давно завоевал всемирную известность как один из самых выдающихся фантастов наших дней. И даже раньше, чем у себя на родине, получил широкое признание многочисленных любителей научно-фантастической литературы в нашей стране.

Лем-фантаст дебютировал романом «Астронавты». Призрак гигантского черного гриба все еще нависал над планетой, пепел Хиросимы и Нагасаки, подвергшихся атомному удару, стучал в миллионы человеческих сердец. Перенеся действие романа в 2003 год, Лем отправил на Венеру экспедицию землян, которые увидели эту планету такой, в какую могла бы превратиться Земля, если бы атомная война стала ее уделом.

От высокой цивилизации на Венере не осталось ничего, кроме развалин, и только печальный след — два силуэта на стене — свидетельствовал о когда-то существовавшей там разумной жизни.

«Всю поверхность отлогого склона покрывали мелкие пузыри стекловидной массы, застывшей в момент кипения. Мы обратили внимание, что в двух местах стена была гладкой и слегка вогнутой. В лучах мощного фонаря, направленного так, чтобы свет падал почти параллельно поверхности, на гладком фоне проступали два стертых

силуэта, заостренных кверху, словно тени в высоких капюшонах. Один сильно наклонялся вперед, словно падая, другой скорчился, как бы присев и втянув голову в плечи».

Этот еще не совершенный роман молодого польского писателя приковал к себе внимание не только злободневностью и политическим пафосом, но и завидной способностью автора так моделировать неведомое во всех его сугубо гипотетических частностях и деталях, что оно обретало удивительную, почти осязаемую реальность.

Но творческий потенциал Лема проявился несколько позже. Поклонники его таланта — а с каждой новой книгой писателя их становилось все больше — не переставали поражаться многогранности его интересов и научной эрудиции, позволявшим ему писать произведения, столь различные по жанровым признакам, что трудно было поверить в их авторскую идентичность.

Давайте вспомним.

«Магелланово облако» — социально-фантастический роман о судьбах человечества в далеком грядущем, который наряду с «Туманностью Андромеды» И. Ефремова относится к числу коммунистических утопий, хотя термин этот и не

вполне точен.

Цикл романов — «Эдем», «Солярис», «Возвращение со звезд», «Непобедимый». Их можно подвести под условные рубрики «Человек и природа», «Человек и техника».

Пародийно-сатирические «Дневники Йона Тихого» и «Сказки роботов».

Серия рассказов и повестей о космолетчике Пирксе, в которых всестороннему, скрупулезному исследованию подвергается характер человека, его физические и духовные возможности, раскрывающиеся в столкновениях с необычным.

«Диалоги» и «Сумма технологии» — серьезные философско-социологические исследования о влиянии науки и техники на человечество в настоящем и будущем.

Наконец, новый его роман-трактат «Голос неба» — некий гибрид; здесь ученый и художник то яростно спорят, то мирно сотрудничают друг с другом.

Если определять научную фантастику как синтез научного и художественного видения мира в его бесконечных временных изменениях, то книги Лема не только подтверждают такое определение, но и ярко иллюстрируют его.

Сфера интересов писателя необычайно широка.

В нее входят вопросы философии и социологии, физика и кибернетика, астрономия и биология, медицина и теория информации, психология и химия полимеров… Стал афоризмом ответ Лема на вопрос, заданный ему во время встречи со студентами Ленинградского университета, — следит ли он за научно-популярной литературой. С чуть смущенной улыбкой писатель сказал: «Мне некогда читать научно-популярные книги, так как все время уходит на ознакомление с первоисточниками». И это не было кокетством. Встречаясь с биологами, Лем и сам ощущал себя биологом, а с кибернетиками говорил как специалист, едва ли уступающий в знаниях адептам этой науки.

Два его романа, «Эдем» и «Солярис», составляющие настоящий сборник, суть два варианта гипотетической встречи людей с носителями инопланетного разума.

Но тут необходимо сделать небольшое отступление.

В мировой научно-фантастической литературе противоборствуют две точки зрения на «братьев по разуму», с которыми человечеству, быть может, предстоит встретиться на одном из островков жизни во Вселенной.

Одни утверждают, что высокоразумное суще-

ство будет непременно похоже на человека. Эту точку зрения наиболее убедительно обосновали известный советский писатель-фантаст и крупный палеонтолог Иван Ефремов и английский астрофизик Фред Хойл. Они полагают, что в процессе эволюции, длящемся сотни миллионов лет, из органической материи создалась наконец наиболее совершенная (целесообразная) форма для вместилища высокоорганизованного разума. И форма эта — человек. Следовательно, на планетах с условиями, приблизительно сходными с земными (с кислородом в атмосфере, не слишком отдаленным расстоянием до звезды одинакового с солнцем класса, определенной силой тяжести и т. п.), носители разума должны походить на людей. Правда, в одном из своих фантастических романов Хойл наделил высочайшим разумом… гигантское черное облако, которое, впрочем, довольно охотно вступает в контакт с учеными Земли. Отнесем это за счет пристрастия Хойла к парадоксам.

Другая точка зрения полемизирует с антропоцентризмом. Она допускает разумную жизнь и на планетных системах двойных звезд, и на планетах-гигантах типа Юпитера с чудовищной гравитацией, метановыми вихрями и замерз-

шими океанами аммиака. Разумную жизнь, возникшую не на кислородной, а на фторовой, гелиевой, а то и кремниевой основе, бесконечно многообразную, принявшую фантасмагорические, иногда просто невообразимые для нас формы. Разумные деревья, мыслящая плесень, вирусы, познающие окружающий мир и ощущающие себя частью этого мира, и т. д. и т. п.

Станислав Лем придерживается именно такой точки зрения. Он населяет планеты, на которые ступает нога землянина, исследующего дальний космос, правда не плесенью и размышляющими грибами, но созданиями в высшей степени необычными. В «Непобедимом», например, экипаж звездного корабля, прибывшего на планету Регис-III в созвездии Лиры, сталкивается с труднообъяснимым феноменом — неисчислимые рои неких металлических насекомых вступают в бой с вооруженными до зубов землянами. Но сражение лишено смысла, ибо на пути людей стоят не враждебно настроенные разумные существа, а металлические насекомые, всего лишь кибернетические устройства, конечный результат длительной эволюции самоорганизующихся и самовоспроизводящихся роботов, заброшенных на планету неизвестными пришельцами милли-

оны лет назад.

А на планете Солярис от горизонта и до горизонта медленно перекатывает тяжелые бурые волны океан. Он — единственный «обитатель» планеты, которая уже многие годы является объектом исследования земных ученых. Океан — высокоорганизованная плазма, способная не только стабилизировать орбиту Соляриса, вращающегося вокруг двух солнц — красного и голубого, — но и воспроизводить на своей поверхности различные земные образы, извлеченные из памяти людей, постоянно находящихся на станции.

Итак, на Регисе-III порождение мертвой машинной цивилизации — кибернетические насекомые, а на Солярисе — мыслящий океан.

И еще одна обитаемая планета моделируется неистощимым воображением писателя. Планета, издали напоминающая восхитительную опаловую каплю, — Эдем.

Каковы же они, разумные существа, населяющие этот мир, полный тайн и неожиданностей?

Вот каким увидел эдемца экипаж земного звездолета.

«Словно из гигантской веретенообразно вытянутой устрицы, из толстой складчатой мясистой

сумки высунулось маленькое — не больше детского — туловище с двумя ручками. От собственной тяжести оно наклонилось вниз и коснулось узловатыми пальчиками пола. Оно висело на растягивающихся перепонках бледно-желтых связок, качаясь все медленнее и медленнее, пока наконец не замерло. Доктор первым отважился подойти к нему, подхватил мягкую многосуставчатую конечность. Маленький торс, исчерченный бледными прожилками, выпрямился, и все увидели плоское безглазое личико с зияющими ноздрями и чем-то разодранным, словно перекушенный язык, там, где у людей находится рот».

Конечно, это не океан и не Черное облако. У эдемца, как выясняется потом, светло-рубиновая кровь с белыми и красными кровяными тельцами, пара голубых глаз, конечности, отдаленно напоминающие руки ребенка, голосовые связки, издающие нечто похожее на прерывистый кашель. Но физиологическая структура его абсолютно отлична от человеческой. Эдемец — двутел. Маленькое главное тельце заключено в колоссальную глыбу плоти, похожую на сахарную голову. Он бесспорно высокоразумное существо, но психика его столь же отлична от

человеческой, как и внешность.

Тут нельзя не отметить богатейшего воображения писателя и его удивительного умения писать реалистически достоверные детализированные картины придуманного им мира.

«Деревья-легкие», дышащие каждое в своем ритме; гибкие растения, густо увешанные большими, с человеческую голову, пушистыми шарами, которые при приближении людей взмывают в воздух и медленно уплывают; серо-зеленые мхи, покрывающие равнины; сплющенное красное солнце, ползущее к горизонту…

Еще более удивительной кажется цивилизация эдемцев. Вместо дорог — желоба, напоминающие лотки циклопического кегельбана. По ним с бешеной скоростью проносятся почти прозрачные, сверкающие на солнце клубки и двадцатиметровые голубые диски. На холмах вращаются купола. Прозрачные стены-пленки окружают сооружения, которые, по-видимому, сродни фабрикам и заводам Земли. Все это сверкает необычными красками, источает незнакомые запахи, тревожит слух землян странными свистящими шумами.

Атмосфера, насыщенная кислородом, отличная вода в кристально-прозрачных ручьях, уме-

ренное тепло — таков этот мир, породивший в конечном счете высокую цивилизацию... Следовательно, с жителями Эдема возможен контакт? И может статься, люди найдут здесь идеально организованное общество, всеобщее счастье и, таким образом, оправдается название, которое они дали этой прекрасной планете?!

Но что значат смрадные рвы, заваленные разлагающимися трупами двутелов? Почему водители дискообразных машин так агрессивны, что людям приходится применять оружие? И отчего первая непосредственная встреча землян с двутелами приводит к паническому стихийному бегству эдемцев?

Все попытки людей установить контакт с двутелами окончились неудачей. На пути контакта высится стена взаимонепонимания, еще более непроницаемая, нежели та, стеклянистая, которой эдемцы отгородили чужеземный звездолет от своего мира.

Только незадолго до старта возникает нечто похожее на взаимопонимание: эдемский астроном добровольно приходит к пришельцам. Им движет жажда познания неведомого. Он приходит, чтобы узнать и погибнуть. Да, погибнуть по каким-то не понятным людям законам, существу-

ющим на Эдеме. Это, пожалуй, самые блестящие страницы в романе. Напряженно бьется мысль земных ученых и эдемца, с двух сторон пытающихся преодолеть барьер несовместимости. Происходит что-то вроде диалога, ведущегося через машинного посредника — калькулятора. Дополнительное средство общения — рисунки. Скрипит и крошится мел. Калькулятор обменивается скребущими звуками с двутелом.

Машина подбирает эквиваленты терминов, употребляемых двутелом, работает на пределе. Трепещет ее зеленый глазок. А людям кажется, что на них обрушивается поток ребусов — один хитроумнее другого, но суть информации ускользает, остается нерасшифрованной.

Давайте сравним эту напряженную сцену с многочисленными вариантами контактов в современной научно-фантастической литературе. Как правило, контакт землян с «братьями по разуму», будь то гуманоидные обитатели планет ближайших звездных систем или жители иной галактики, осуществляется поразительно легко.

Машина-лингвист с равной степенью точности превращает в земные слова и язык мерцаний и цветовых переливов вегажителей, и свист каких-нибудь альтаирцев, и безмолвную передачу

мыслей и образов высоколобыми пришельцами из беспредельного Космоса. Строй их мыслей аналогичен человеческому, и вот уже завязалась оживленная беседа — контакт состоялся!

В ином положении находятся у Лема земные ученые, волею случая оказавшиеся на планете Эдем. Им предстоит понять, что чуждое не есть бессмыслица, но нечто принципиальное иное, не укладывающееся в привычные земные понятия, это плод разума, но чужого, опыт древней цивилизации, ничего общего не имеющей с человеческой. А когда такое понимание приходит, люди вынуждены сделать два печальных вывода.

Во-первых, планета, райски прекрасная издали, вблизи напоминает дантов ад, она насыщена ужасами. Но отчетливо представить себе эти ужасы, понять причины, их породившие, люди пока не в силах.

Во-вторых, поняв только то, что процессы, происходящие на Эдеме, для них непонятны, члены экипажа звездолета принимают нелегкое для себя решение: отказаться от всякого вмешательства в защиту того, что с точки зрения людей есть справедливость. И земной звездолет покидает Эдем.

В предисловии к русскому изданию «Соляриса» Станислав Лем писал:

«…встреча с Неизвестным должна породить целый ряд проблем познавательной природы, природы философской, психологической и моральной. Решение этих проблем силой, например какой-то бомбардировкой неизвестной планеты, естественно, ничего не дает. Это просто уничтожение явления, а не концентрация усилий для того, чтобы его понять. Люди, попавшие в это Неизвестное, должны будут постараться понять его, постичь. Может быть, это удастся не сразу, может быть, потребуется много труда, жертв, может быть, их ждет много недоразумений, даже поражений. Но это уже особый вопрос».

Этот тезис, положенный в основу «Эдема», развивает роман Ст. Лема «Солярис». В нем краски Неизвестного еще более сгущены. Если на Эдеме люди встречаются с особями разумными, пусть не похожими на человека, но хотя бы в чем-то родственными ему по биологической структуре (кровь, зрение, речь, слух и т. д.), то на Солярисе они имеют дело с океаном — мыслящей субстанцией. И вот уже десятки лет работает научная станция землян, пытающихся изучить природу, а затем и вступить в контакт с единственным,

но бесспорно разумным жителем этой загадочной планеты. Однако человечество все более тревожит вопрос: кто добился больших успехов в изучении друг друга — ученые Земли или океан? Он был отнесен к классу Метаморфа. «Его волнистая поверхность могла давать начало самым различным формам, ни на что земное не похожим, причем цель — приспособительная, познавательная или какая-либо иная — этих, иногда весьма бурных извержений плазматического „творчества“ оставалась полнейшей загадкой». Но в последние годы океан «перестроился». На гребнях его тяжелых волн все чаще возникают силуэты зданий, ландшафты, машины, гигантские отливки людей. Создается впечатление, что океану гораздо легче постичь природу человека, чем человеку — природу океана.

А к моменту прибытия на станцию Солярис психолога Кельвина, от лица которого ведется рассказ, океан подготовил людям еще один сюрприз… На станции появились «гости». У Гибаряна гостит огромная молодая негритянка. Из-за дверей лаборатории Сарториуса доносится детский голос и шлепанье босых ног. Кто-то посещает и Снаута. А к только что прилетевшему с Земли Кельвину приходит Хари — его возлюбленная,

покончившая с собой десять лет назад. И это не фантомы, не бесплотные призраки! «Гости» — во плоти и крови, они дышат, разговаривают, целуются. У них есть все, кроме памяти о прошлом.

Возникают трагические ситуации. Гибарян кончает жизнь самоубийством. Сарториус близок к помешательству. Снаут время от времени прикладывается к бутылке. Что же касается Кельвина, то им владеют противоположные чувства. Он и боится *новой* Хари, сознавая, что это всего лишь модель любимой им девушки, но и не может (а потом уже и не хочет) обуздать свои чувства. В нем зарождается любовь к новой Хари.

В самом значительном, самом выдающемся по художественному мастерству романе Лема — «Солярисе» — самые сильные и выразительные страницы посвящены «гостям» и их взаимоотношениям с тремя основными персонажами — Кельвином, Снаутом и Сарториусом.

Оказывается, океан способен не только стабилизировать орбиту Соляриса, вращающегося вокруг двух солнц. Теперь он, проникая в тайники подсознательной сферы человеческого мозга, облекая в материальную форму, «лепит» живые образы, врезавшиеся в память ученых. И он становится невольным «обличителем» темных

сторон человеческой души.

Но какой же он — добрый, злой или равнодушный? Ни то, ни другое, ни третье. Человек еще не может его постичь. Но как долго он останется непостижимым?

После того как аннигилятор, сконструированный Сарториусом, уничтожает всех «гостей» и в том числе Хари, добровольно пошедшую на гибель, Снаут и Сарториус мечтают лишь о том, чтобы поскорее покинуть Солярис.

А вот Кельвин, переживший трагедию возвращения и потери любимого человека, решает остаться на Солярисе.

«Я ни на секунду не верил, что этот жидкий гигант, который уготовил в себе гибель многим сотням людей, к которому десятки лет вся моя раса напрасно пыталась протянуть хотя бы ниточку понимания, что он, поднимающий меня, как пылинку, даже не замечая этого, будет тронут трагедией двух людей. Но ведь его действия были направлены к какой-то цели… Уйти — значило отказаться от этого исчезающе маленького, может быть только в воображении существующего, шанса, который скрывало будущее».

И он остается на Солярисе, чтобы *попытаться понять.* Трагедия непонимания — вот основная

мысль романа, осуществленная писателем с исключительным блеском, средствами тончайшего анализа чувств своих героев, емких психологических характеристик.

В упомянутом мною авторском предисловии Лем следующим образом определил «сверхзадачу» романа:

«„Солярис“ должен был быть (я воспользуюсь терминологией точных наук) моделью встречи человечества на его дороге к звездам с явлением неизвестным и непонятным. Я хотел сказать этой повестью, что в космосе нас наверняка подстерегают неожиданности, что невозможно всего предвидеть и запланировать заранее, что этого „звездного пирога“ нельзя попробовать иначе, чем откусив от него. И совершенно неизвестно, что из всего этого получится».

Скептики, пожалуй, воскликнут: «Дорога к звездам! Встреча с неизвестным! Опять похождения в космосе. Ох, уж эти фантасты! И когда только они спустятся на нашу грешную Землю?!»

А тем временем на Земле, в высокогорной Бюраканской радиообсерватории, крупнейшие астрономы, физики, биологи из многих стран мира собираются на симпозиум и всесторонне обсуждают вопрос о контактах с инопланетными

цивилизациями. Горячо спорят и приходят к единодушному решению: да, попытки установить такую связь необходимо продолжать, используя для этого весь арсенал технических средств, мощь которых усиливается с каждым годом.

От резолюции, принятой в сентябре 1971 года на Бюраканском симпозиуме, нетрудно протянуть нить к «Эдему» и «Солярису» Лема. И очень прочную нить, ибо человечество умеет не только мечтать, но и осуществлять свои мечты. В лабораториях исследуется грунт, доставленный с Луны, а на орбите Марса вращаются не только Фобос и Деймос, но и искусственные спутники — автоматические станции, стартовавшие с космодромов Земли.

Сегодня мы лишь на пороге космоса. Но завтра мы его переступим.

В. Дмитревский

Солярис

Предисловие автора к русскому изданию «Соляриса»

В принципе, по моему мнению, писатель не должен писать предисловий к своим собственным произведениям. Но принципы для того и существуют, чтобы их время от времени нарушать. Впрочем, могу добавить еще кое-что в свое оправдание. У каждого, кто прочтет «Солярис», сложится какое-то впечатление от этой повести. Но читателя может заинтересовать, зачем автор написал книгу, каков был его замысел. Часто художественная реализация замысла не удается или удается иначе, чем этого хотелось автору. Не знаю, насколько убедительно будет то, что я скажу. Однако я знаю, что я хотел, то есть что пытался выразить в этой повести, иначе говоря, что было в ней для меня наиболее важным.

Сейчас люди отправляются в космос. Мы не знаем, когда встретим разумных существ с иных планет, но когда-нибудь встретим. Обширная фантастическая литература, особенно американская, уже создала в качестве предположительной возможности контакта три стереотипа. Их можно

кратко определить так: «Либо сообща, либо мы — их, либо они — нас». Это значит, что либо мы установим мирное сотрудничество с разумными обитателями космоса, либо, что тоже возможно, дело дойдет до конфликта, может быть до межпланетной войны, и в результате или земляне победят тех, или те — землян. Я считаю это схематическим, механистическим перенесением земных условий, и, добавлю, условий нам, людям Земли, наиболее понятных, на всю бесконечность Вселенной.

Думаю, что дорога к звездам и их обитателям будет не только долгой и трудной, но и насыщенной многочисленными явлениями, которые не имеют никакой аналогии с нашей земной действительностью. Космос — это не «увеличенная до размеров Галактики Земля». Это новое качество. Установление взаимопонимания предполагает существование сходства. А если этого сходства не будет? Обычно считается, что разница земной и неземных цивилизаций должна быть только количественной (те опередили нас в науке, технике и т. п. либо, наоборот, мы их опередили). Но если та цивилизация шла дорогой, отличной от нашей?

Впрочем, я хотел эту проблему трактовать еще

шире. Это значит, что для меня важно было не столько показать какую-то конкретную цивилизацию, сколько показать Неизвестное, как определенное материальное явление, до такой степени организованное и таким способом проявляющееся, чтобы люди поняли, что перед ними нечто большее, чем неизвестная форма материи. Что они стоят перед чем-то, с некоторых точек зрения напоминающим явления биологического, а может быть, даже психического типа, но совершенно непохожим на наши, человеческие, ожидания, предположения, надежды, связанные с ним.

Эта встреча с Неизвестным должна породить целый ряд проблем познавательной природы, природы философской, психологической и моральной. Решение этих проблем силой, например какой-то бомбардировкой неизвестной планеты, естественно, ничего не дает. Это просто уничтожение явления, а не концентрация усилий для того, чтобы его понять. Люди, попавшие в это Неизвестное, должны будут постараться понять его, постичь. Может быть, это удастся не сразу, может быть, потребуется много труда, жертв, может быть, их ждет много недоразумений, даже поражений. Но это уже особый вопрос.

«Солярис» должен был быть (я воспользуюсь терминологией точных наук) моделью встречи человечества на его дороге к звездам с явлением неизвестным и непонятным. Я хотел сказать этой повестью, что в космосе нас наверняка подстерегают неожиданности, что невозможно всего предвидеть и запланировать заранее, что этого «звездного пирога» нельзя попробовать иначе, чем откусив от него. И совершенно неизвестно, что из всего этого получится.

Это не означает, как поймет, конечно, мыслящий читатель, будто я уверен, что нас должны ожидать явления именно такие, какие описаны в «Солярисе». Я не претендую на роль пророка. Но я не писал теоретически-абстрактного трактата и поэтому должен был рассказать совершенно конкретную историю, чтобы посредством ее, через нее выразить одну простую мысль: «Среди звезд нас ждет Неизвестное».

Конечно, можно спросить, почему эту историю я рассказал именно так, почему мир Соляриса именно такой, а не иной. Но это уже совсем другой вопрос, не познавательного, а художественного характера, и на эту тему я мог бы рассуждать долго. Впрочем, не знаю, сумел бы я, рассуждая даже очень долго, даже пустившись в длительные объ-

яснения, дать понять, почему эта фантастическая форма показалась мне наилучшей для осуществления моего замысла.

Мне хотелось бы воспользоваться случаем и сердечно поблагодарить всех тех читателей моих книг в СССР, которые мне часто пишут. Угрызением совести, которое преследует меня постоянно, является то, что я отвечаю на очень небольшую часть этих писем. Увы, здесь ничего сделать нельзя. Я утешаюсь только тем, что советские читатели поймут и оправдают меня, если я скажу, что их письма для меня — необыкновенно денная помощь в работе. Я не обхожу их молчанием, а в меру своих сил стараюсь ответить на них, создавая новые книги.

Ст. Лем

Прибытие

В девятнадцать ноль-ноль бортового времени я спустился по металлическим ступенькам в капсулу. В ней было ровно столько места, чтобы поднять локти. Я вставил наконечник шланга в штуцер, выступающий из стены, скафандр раздулся, и я уже не мог сделать ни малейшего движения. Я стоял, вернее висел, в воздушном ложе, составляя единое целое с металлической скорлупой.

Подняв глаза, я увидел сквозь выпуклое стекло стены колодца и выше — лицо склонившегося над ним Моддарда. Потом лицо исчезло и стало темно — это наверху закрыли тяжелый предохранительный конус. Послышался восьмикратно повторенный свист электромоторов, которые дотягивали болты, потом писк воздуха в амортизаторах. Глаза привыкали к темноте. Я уже различал зеленоватый контур универсального указателя.

— Готов, Кельвин? — раздалось в наушниках.

— Готов, Моддард, — ответил я.

— Не беспокойся ни о чем. Станция тебя примет, — сказал он. — Счастливого пути!

Ответить я не успел — что-то вверху заскрежетало, и капсула вздрогнула. Инстинктивно я напряг мышцы. Но больше ничего не случилось.

— Когда старт? — спросил я и услышал шум, будто зернышки мельчайшего песка сыпались в мембрану.

— Уже летишь, Кельвин! Будь здоров! — загудел прямо в ухо голос Моддарда.

Прежде чем я как следует это осознал, прямо против моего лица открылась широкая щель, и через нее я увидел звезды. Напрасно я пытался отыскать Альфу Водолея, к которой улетал «Прометей». Эта область Галактики была мне совершенно неизвестна. В узком окошке мелькала искрящаяся пыль. Я понял, что нахожусь в верхних слоях атмосферы. Неподвижный, обложенный пневматическими подушками, я мог смотреть только перед собой. Я летел и летел, совершенно этого не ощущая, только жар заливал меня неспешными коварными волнами. Смотровое окно наполнял красный свет. Я слышал тяжелые удары собственного пульса, лицо горело, шею щекотала прохладная струя воздуха из кондиционера. Я пожалел, что мне не удалось увидеть «Прометея», — когда автоматы открыли смотровое окно, он, наверное, был уже за преде-

лами видимости.

Капсулу тряхнуло раз, другой, потом ее корпус начал вибрировать. Эта нестерпимая дрожь пробила все изолирующие оболочки, воздушные подушки и проникла в глубину моего тела. Зеленоватый контур указателя размазался. Я не ощущал страха. Не для того же я летел в такую даль, чтобы погибнуть у самой цели.

— Станция Солярис! — произнес я. — Станция Солярис, станция Солярис! Сделайте что-нибудь. Кажется, я теряю стабилизацию. Станция Солярис, я Кельвин. Прием.

Я прозевал важный момент появления планеты. Она распростерлась, огромная, плоская; по размеру полос на ее поверхности я определил, что нахожусь еще далеко. А точнее, высоко, потому что миновал уже ту невидимую границу, после которой расстояние до небесного тела становится высотой. Я падал и чувствовал это теперь, даже закрыв глаза.

Подождав несколько секунд, я повторил вызов. И снова не получил ответа. В наушниках залпами повторялся треск атмосферных разрядов. Их сопровождал шум, глубокий и низкий. Казалось, это был голос самой планеты. Оранжевое небо в смотровом окне затянуло пеленой. Стекло

потемнело. Я инстинктивно сжался, насколько позволили пневматические бандажи, но в следующую секунду понял, что это тучи. Они лавиной неслись вверх. Я продолжал планировать. Меня то ослепляло солнце, то накрывала тень. Капсула вращалась вокруг вертикальной оси, и огромный, как будто распухший солнечный диск равномерно проплывал мимо моего лица, появляясь с левой и уходя в правую сторону. Внезапно сквозь шумы и треск прямо в ухо мне ворвался далекий голос:

— Станция Солярис — Кельвину, станция Солярис — Кельвину! Все в порядке. Вы под контролем станции. Станция Солярис — Кельвину. Приготовиться к посадке в момент нуль. Внимание, начинаю. Двести пятьдесят, двести сорок девять, двести сорок восемь…

Слова падали, как горошины, четко отделяясь друг от друга; похоже, что говорил автомат. Странно. Обычно, когда прибывает кто-нибудь новый, да еще прямо с Земли, все, кто может, бегут на посадочную площадку.

Однако времени для размышлений не было. Огромное кольцо, очерченное вокруг меня солнцем, вдруг встало на дыбы вместе с равниной, летящей мне навстречу. Потом капсула

накренилась в другую сторону. Я болтался, как груз огромного маятника. На встающей стеной поверхности планеты, иссеченной грязно-лиловыми и бурыми полосами, я увидел, борясь с головокружением, бело-зеленые шахматные квадратики — опознавательный знак станции. Тут же от верха капсулы с треском оторвался длинный ошейник кольцевого парашюта и громко зашелестел. В этом звуке было что-то невыразимо земное — первый после стольких месяцев шум настоящего ветра.

Дальнейшее происходило очень быстро. До сих пор я только знал, что падаю. Теперь я это увидел. Бело-зеленое шахматное поле стремительно росло. Уже было видно, что оно нарисовано на удлиненном китообразном серебристо-блестящем корпусе с выступающими по бокам иглами радарных антенн и с рядами темных оконных проемов, что этот металлический гигант не лежит на поверхности планеты, а висит над ней, волоча по чернильно-черному фону свою тень — эллиптическое пятно еще более глубокой черноты. Одновременно я заметил подернутые фиолетовой дымкой, лениво перекатывающиеся волны океана. Затем тучи ушли высоко вверх, охваченные по краям ослепительным пурпу-

ром, небо между ними было далекое и плоское, буро-оранжевое. В смотровом окне заискрился ртутным блеском волнующийся до самого дымного горизонта океан, тросы и кольца парашюта мгновенно отделились и полетели над волнами, уносимые ветром, а капсула начала мягко раскачиваться особыми свободными движениями, как это обычно бывает в искусственном силовом поле, и рухнула вниз. Последнее, что я увидел, были огромные решетчатые катапульты и два возносящихся, наверное, на высоту нескольких этажей ажурных зеркала радиотелескопов.

Что-то остановило капсулу, раздался пронзительный скрежет стали, упруго ударившейся о сталь, что-то открылось подо мной, и с протяжным пыхтящим вздохом металлическая скорлупа, в которой я торчал выпрямившись, закончила свое стовосьмидесятикилометровое путешествие.

— Станция Солярис. Ноль-ноль. Посадка окончена. Конец, — услышал я мертвый голос контрольного автомата.

Обеими руками (я чувствовал неопределенное давление на грудь, а внутренности ощущались как неприятный груз) я взялся за рукоятки и выключил контакты. Появилась зеленая надпись

— «Земля», стенки капсулы разошлись, пневматическое ложе легонько подтолкнуло меня в спину, и, чтобы не упасть, я вынужден был сделать шаг вперед.

С тихим шипением, похожим на разочарованный вздох, воздух покинул оболочку скафандра. Я был свободен.

Я стоял на дне огромной серебристой воронки. По стенам спускались пучки цветных труб и исчезали в круглых колодцах. Вентиляционные шахты урчали, втягивая остатки ядовитой атмосферы планеты, которая вторглась сюда во время посадки. Пустая, как лопнувший кокон, сигара капсулы стояла на дне врезанной в стальной холм чаши. Ее наружная обшивка обгорела и стала грязновато-коричневой. Я сделал несколько шагов по отлогому спуску. Дальше металл был покрыт слоем шероховатого пластика. В тех местах, где обычно проходили тележки подъемников ракет, пластик вытерся и сквозь него проступала голая сталь.

Компрессоры вентиляторов умолкли, стало совсем тихо. Я осмотрелся немного беспомощно, ожидая появления какого-нибудь человека, но никто не появлялся. Только неоновая стрелка показывала на бесшумно движущийся ленточный

транспортер. Я встал на него.

Свод зала изящной параболой падал вниз, переходя в трубу коридора. В его нишах громоздились груды баллонов для сжатых газов, контейнеров, кольцевых парашютов, ящиков — все было свалено в беспорядке, как попало. Это меня удивило. Транспортер кончился у округлого расширения коридора. Здесь господствовал еще больший беспорядок. Из-под груды жестяных банок растекалась лужа маслянистой жидкости. Неприятный резкий запах наполнял воздух. В разные стороны шли следы ботинок, четко отпечатавшиеся в этой жидкости. Между жестянками, как бы выметенные из комнат, валялись витки белой телеграфной ленты, обрывки бумаги и мусор. И снова загорелся зеленый указатель, направляя меня к средней двери. За ней был коридор, такой узкий, что в нем вряд ли смогли бы разойтись два человека. Свет падал из выходящих в небо окон с чечевицеобразными стеклами. Еще одна дверь, выкрашенная в белые и зеленые квадратики. Она была приоткрыта. Я вошел внутрь.

В полукруглой комнате было одно большое панорамное окно. В нем горело затянутое дымкой небо. Внизу безмолвно перекатывались бурые холмы волн. В стенах виднелось много открытых

шкафчиков. Их наполняли инструменты, книги, склянки с засохшим осадком, запыленные термосы. На грязном полу стояло пять или шесть механических подвижных столиков, между ними несколько сплюснутых надувных кресел, из них был выпущен воздух. Только одно было надуто. В нем сидел маленький изнуренный человек с лицом, обожженным солнцем. Кожа клочьями слезала у него с носа и щек. Я понял, кто это: Снаут, заместитель Гибаряна, кибернетик. В свое время он напечатал несколько совершенно оригинальных статей в соляристическом альманахе. Раньше мы не встречались. На нем была рубашка-сетка, сквозь ячейки которой торчали седые волоски, росшие на плоской груди, и когда-то белые, запачканные на коленях и сожженные реактивами полотняные штаны с многочисленными карманами. В руке он держал пластмассовую грушу, из каких пьют на космических кораблях, лишенных искусственной гравитации. Он смотрел на меня, словно парализованный ослепительным светом. Груша выпала из его ослабевших пальцев и запрыгала по полу, как мячик. Из нее вылилось немного прозрачной жидкости. Постепенно вся кровь отхлынула от его лица. Я был слишком поражен, чтобы что-ни-

будь сказать, и эта немая сцена продолжалась до тех пор, пока мне каким-то непонятным образом не передался его страх.

Я сделал шаг. Он скорчился в кресле.

— Снаут, — прошептал я.

Он вздрогнул, как будто его ударили. Глядя на меня с неописуемым отвращением, Снаут прохрипел в ответ:

— Не знаю тебя, не знаю тебя, чего ты хочешь?..

Разлитая жидкость быстро испарялась. Я почувствовал запах алкоголя. Он пил? Был пьян? Но почему он так боялся? Я все еще стоял посреди кабины. Ноги у меня обмякли, а уши были как будто заткнуты ватой. Пол под ногами я воспринимал как что-то не совсем надежное. За выгнутым стеклом окна мерно колыхался океан.

Снаут не спускал с меня налитых кровью глаз. Страх уходил с его лица, но с него не исчезало невыразимое отвращение.

— Что с тобой?.. — спросил я его вполголоса. — Ты болен?

— Заботишься… — сказал он тихо. — Ага. Будешь заботиться, да? Но почему обо мне? Я тебя не знаю.

— Где Гибарян? — спросил я.

На секунду у Снаута перехватило дыхание. Его глаза снова стали стеклянными. В них вспыхнула какая-то искра и тотчас угасла.

— Ги… гиба… — пролепетал он. — Нет!!! — Он затрясся в беззвучном идиотском смехе и затих. — Ты пришел к Гибаряну? — Это было сказано почти спокойно. — К Гибаряну? Что ты хочешь с ним сделать?

Он смотрел на меня так, как будто я перестал быть для него опасным. В его словах, а еще больше в тоне было что-то ненавидяще-оскорбительное.

— Что ты говоришь?.. — пробормотал я, ошарашенный. — Где он?

Он остолбенел:

— Ты не знаешь?..

«Он пьян, — подумал я, — ясно как день, пьян». Меня охватил растущий гнев. Мне, конечно, нужно было уйти, но мое терпение лопнуло.

— Приди в себя, — прикрикнул я. — Откуда я могу это знать, если только что прилетел! Что с тобой, Снаут?!

У него отвалилась челюсть. Он снова на мгновение задохнулся. Быстрый блеск появился в его глазах. Трясущимися руками он вцепился в ручки кресла и с трудом, так что затрещали суставы, встал.

— Что? — сказал он, трезвея на глазах. — Прилетел? Откуда прилетел?

— С Земли, — ответил я зло. — Может, ты слышал о ней? Похоже, что нет!

— С Зе… великое небо!.. Так ты — Кельвин?

— Да. Что ты так смотришь? Что в этом удивительного?

— Ничего, — ответил он, быстро моргая глазами. — Ничего. — Он потер лоб. — Извини меня, Кельвин. Это так, знаешь, просто от внезапности. Не ожидал…

— Как это не ожидал? Ведь вы получили сообщение несколько месяцев назад, а Моддард радировал еще раз сегодня, с борта «Прометея»…

— Да. Да… Конечно. Только, видишь ли, здесь у нас некоторый… беспорядок…

— Вижу, — сказал я сухо. — Трудно этого не видеть.

Снаут обошел вокруг меня, осматривая мой скафандр, самый обычный скафандр с упряжью проводов и кабелей на груди. Несколько раз откашлялся. Потрогал свой костистый нос.

— Может, хочешь принять ванну?.. Это тебя освежит. Голубые двери на противоположной стороне.

— Спасибо. Я знаю планировку станции.

— Может, ты голоден?..

— Нет. Где Гибарян?

Он подошел к окну, будто не слышал моего вопроса. Со спины он выглядел значительно старше. Коротко остриженные волосы были седыми, шея, сожженная солнцем, иссечена морщинами, глубокими, как шрамы. За окном поблескивали огромные хребты волн, поднимающихся и опадающих так медленно, как будто океан застывал. Если смотреть туда, создавалось впечатление, что станция движется немного боком, как бы соскальзывая с невидимого основания. Потом она возвращалась в нормальное положение и снова, лениво наклоняясь, шла в другую сторону. Но это, очевидно, был обман зрения. Хлопья слизистой пены цвета крови собирались в провалах между волнами. Через мгновение я почувствовал тошноту.

— Слушай… — неожиданно начал Снаут. — Пока только я… — Он обернулся. Нервно потер руки. — Тебе придется довольствоваться моим обществом. Пока. Называй меня Хорек. Я тебе знаком только по фото, но это неважно, меня все так называют. Боюсь, что тут ничего не поделаешь.

— Где Гибарян? — упрямо спросил я опять.

Он заморгал.

— Мне очень жаль, что я тебя так принял. Это… не только моя вина. Совсем забыл, тут столько произошло, знаешь…

— Да брось, все в порядке, — ответил я. — Оставь это. Так что же все-таки с Гибаряном? Его нет на станции? Он куда-нибудь улетел?

— Нет, — ответил Снаут, глядя в угол, заставленный катушками кабеля. — Он никуда не улетел. И не улетит. Потому что он…

— Что? — спросил я. У меня снова как будто заложило уши, и я стал хуже слышать. — Что ты хочешь сказать? Где он?

— Ты уже знаешь, — сказал Снаут совершенно другим тоном.

Он холодно смотрел мне в глаза. По коже у меня побежали мурашки. Может быть, Снаут и был пьян, но он знал, что говорит.

— Но ведь не произошло же?..

— Произошло.

— Несчастный случай?

Он кивнул. Он не только поддакивал, но одновременно изучал мою реакцию.

— Когда?

— Сегодня утром.

Удивительное дело, я не ощутил потрясения. Весь этот обмен односложными вопросами и

ответами успокоил меня, пожалуй, своей деловитостью. Мне казалось, что я уже понимаю поведение Снаута.

— Как это было?

— Устраивайся, разбери вещи и возвращайся сюда… Ну, скажем, через час…

Мгновение я колебался.

— Хорошо.

— Обожди, — сказал Снаут, когда я повернулся к дверям. Он смотрел на меня как-то по-особенному. Видно было, что он никак не может выдавить из себя то, что хочет сказать.

— Нас было трое, и теперь с тобой — снова трое. Ты знаешь Сарториуса?

— Так же, как тебя. По фотографии.

— Он в лаборатории, наверху, и не думаю, чтобы он вышел оттуда до ночи, но… во всяком случае, ты его узнаешь. Если увидишь кого-нибудь другого, понимаешь, не меня и не Сарториуса, понимаешь, то…

— То что?

Мне казалось, что все это происходит во сне. На фоне черных волн, кроваво поблескивающих под низким солнцем, он сидел в кресле с опущенной головой и смотрел в угол на катушку смотанного кабеля.

— То… Не делай ничего.

— Кого я могу увидеть? Привидение? — взорвался я.

— Понимаю. Думаешь, я сошел с ума. Еще нет. Не могу тебе сказать по-другому, пока… В конце концов, может, ничего и не случится. Во всяком случае, помни. Я тебя предостерегаю.

— От чего? О чем ты говоришь?

— Владей собой, — он упрямо твердил свое. — Поступай так, как будто… Будь готов ко всему. Это невозможно, я понимаю. Но ты попробуй. Это единственный выход. Другого я не знаю.

— Но что я увижу?! — Я, наверное, крикнул это. Мне хотелось схватить Снаута за плечи и встряхнуть его как следует, чтобы он не сидел вот так, уставившись в угол, с несчастным, обожженным солнцем лицом, мучительно выдавливая из себя по одному слову. Я едва сдержался.

— Не знаю. В некотором смысле это зависит от тебя.

— Галлюцинации?

Нет. Это реально. Не… нападай. Помни.

— Что ты говоришь?! — Я не узнавал своего голоса.

— Мы не на Земле.

— Политерия. Но ведь это совершенно непо-

хоже на людей! — Я не знал, как вырвать его из этого состояния отрешенности; он по-прежнему глядел куда-то в пустоту и, казалось, в ней вычитывал бессмыслицу, леденящую кровь.

— Именно оттого это так страшно, — сказал он тихо. — Помни: будь начеку!

— Что случилось с Гибаряном?

Он не отвечал.

— Что делает Сарториус?

— Приходи через час.

Я отвернулся и вышел. Отворяя двери, взглянул на Снаута еще раз. Он сидел, согнувшись, закрыв лицо руками. Только теперь я увидел, что костяшки пальцев у него покрыты засохшей кровью.

Соляристы

Коридор был пуст. Мгновение я постоял перед закрытой дверью, прислушиваясь. Стены, наверно, были тонкими, снаружи сквозь них проникал плач ветра. На двери, немного наискось, висел небрежно прикрепленный прямоугольный кусок пластыря с карандашной надписью «Человек». Неразборчиво нацарапанное слово вызвало у меня желание вернуться к Снауту, но я понял, что это невозможно.

Нелепое предостережение все еще звучало в ушах. Тихо, как будто бессознательно скрываясь от невидимого наблюдателя, я вернулся в круглую камеру с пятью дверьми. На трех из них висели таблички: «Д-р Гибарян», «Д-р Снаут», «Д-р Сарториус». На четвертой таблички не было. Поколебавшись, я нажал ручку. Пока дверь медленно открывалась, у меня появилось граничащее с уверенностью ощущение, что в комнате кто-то есть. Я вошел внутрь.

В комнате никого не было. Выпуклое окно глядело на океан, который жирно блестел под солнцем, как будто с волн стекало красное масло. Пурпурный отблеск заливал комнату, похожую

на корабельную каюту. С одной стороны ее находились полки с книгами и прикрепленная вертикально к стене кровать в карданной подвеске. С другой было очень много шкафчиков. Между ними в никелированных рамках висели фотоснимки планеты. В металлических захватах торчали колбы и пробирки, заткнутые ватой. Под окном в два ряда громоздились белые эмалированные ящики с инструментами. В углах комнаты — краны, вытяжной шкаф, холодильные установки, на полу стоял микроскоп, для него уже не было места на большом столе у окна.

Я обернулся и около входной двери увидел шкаф с открытыми дверцами до самого потолка. В нем висели комбинезоны, рабочие и защитные халаты, на полках — белье, между голенищами противорадиационных сапог поблескивали алюминиевые баллоны для переносных кислородных аппаратов. Два аппарата с масками болтались на поручне поднятой кровати. Везде был тот же кое-как упорядоченный хаос.

Я втянул воздух и почувствовал слабый запах химических реактивов. Машинально поискал глазами вентиляционные решетки. Прикрепленные к ним полоски бумаги легонько колебались, показывая, что компрессоры работают, поддер-

живая нормальный обмен воздуха. Я перенес книги, аппараты и инструменты с двух кресел в углы, распихал все это как попало, и вокруг постели, между шкафом и полками, образовалось относительно пустое пространство. Потом подтянул вешалку, чтобы повесить на нее скафандр, и уже взялся за замки-молнии, но тут же их отпустил. Я никак не мог решиться снять скафандр, как будто от этого стал бы беззащитным. Еще раз я окинул взглядом комнату. Дверь была плотно закрыта, но замка в ней не было, и после недолгого колебания я припер ее двумя самыми тяжелыми ящиками.

Забаррикадировавшись так, я освободился от своей скрипящей оболочки. Узкое зеркало на внутренней поверхности шкафа отражало часть комнаты. Углом глаза я заметил какое-то движение, вскочил, но тут же понял, что это мое собственное отражение. Комбинезон под скафандром пропотел. Я сбросил его и толкнул шкаф. Он отъехал в сторону, и в нише за ним заблестели стены миниатюрной ванной комнаты. На полу, под душем, лежал довольно большой плоский ящик, который я с трудом втащил в комнату. Когда я опускал его на пол, крышка отскочила как на пружине, и я увидел отделения, наби-

тые странными предметами. Ящик был полон страшно изуродованных инструментов из темного металла, немного похожих на те, которые лежали в шкафах. Все они никуда не годились, бесформенные, скрученные, оплавленные, словно вынесенные из пожара. Самым удивительным было то, что повреждения такого же характера были даже на керамитовых, то есть практически не плавящихся, рукоятках. Ни в одной лабораторной печи нельзя было получить температуру, при которой они бы плавились, разве что внутри атомного котла. Из кармана моего скафандра я достал портативный дозиметр, но черный цилиндрик молчал, когда я поднес его к обломкам.

На мне были только купальные трусы и рубашка-сетка. Я скинул их на пол и пошел под душ. Вода принесла облегчение. Я изгибался под потоком твердых горячих струй, массировал тело, фыркал и делал все это как-то преувеличенно, как будто хотел вытравить из себя эту жуткую, внушающую подозрения неуверенность, охватившую станцию.

В шкафу я нашел легкий тренировочный костюм, который можно было носить под скафандром, переложил в карман все свое скромное имущество. Между листами блокнота я нащу-

пал что-то твердое — это был каким-то чудом попавший сюда ключ от моего земного жилья. Я повертел его в руках, не зная, что с ним делать, потом положил на стол. Мне пришло в голову, что неплохо бы иметь какое-нибудь оружие. Универсальный перочинный нож тут явно не годился, но ничего другого у меня не было, а я еще не дошел до такого состояния, чтобы искать ядерный излучатель или что-нибудь в этом роде. Я уселся на металлический стульчик, который стоял посредине пустого пространства, в отдалении от всех вещей. Мне хотелось побыть одному. С удовольствием я отметил, что у меня есть еще полчаса времени. Стрелки на двадцатичетырехчасовом циферблате показывали семь. Солнце заходило. Семь часов местного времени — значит двадцать часов на борту «Прометея». На экранах Моддарда Солярис, наверно, уже уменьшился до размеров искорки и ничем не отличался от звезд. Но какое я имею отношение к «Прометею»? Я закрыл глаза. Царила полная тишина, только в ванной капли воды глухо стучали по кафелю.

Гибарян мертв. Если я правильно понял Снаута, с момента его смерти прошло всего несколько часов.

Что сделали с его телом? Похоронили? Правда,

здесь, на Солярисе, этого сделать нельзя. Некоторое время я обдумывал это, будто судьба мертвого была так уж важна. Поняв бессмысленность подобных размышлений, я встал и начал ходить по комнате, поддавая носком беспорядочно разбросанные книги. Потом поднял с пола фляжку из темного стекла, такую легкую, как будто она была сделана из бумаги. Посмотрел сквозь нее в окно, в мрачно пламенеющие, затянутые грязным туманом последние лучи заката. Что со мной? Почему я занимаюсь какими-то глупостями, какой-то ненужной ерундой?

Я вздрогнул — зажегся свет. Очевидно, фотоэлементы среагировали на наступающие сумерки. Я был полон ожидания, напряжение нарастало до такой степени, что мне уже действовало на нервы пустое пространство за спиной. С этим пора было кончать.

Я придвинул кресло к полкам, взял хорошо известный мне второй том старой монографии Хьюджеса и Эгла «История Соляриса» и начал его перелистывать, подперев толстый жесткий переплет коленом.

Солярис был открыт почти за сто лет до того, как я родился. Планета обращается вокруг двух солнц — красного и голубого. В течение сорока

с лишним лет к ней не приближался ни один космический корабль. В то время теория Гамова — Шепли о невозможности зарождения жизни на планетах двойных звезд не вызывала сомнений. Орбиты таких планет непрерывно изменяются из-за непостоянства сил притяжения, вызванного взаимным обращением двух солнц.

Возникающие изменения гравитационного поля сокращают или растягивают орбиту планеты, и зародыши жизни, если они возникнут, будут уничтожены испепеляющим жаром или космическим холодом. Эти изменения происходят регулярно через каждые несколько миллионов лет, то есть в астрономическом или биологическом масштабе за очень короткий промежуток времени, так как эволюция требует сотен миллионов, если не миллиардов лет.

Солярис, по предварительным подсчетам, должен был за пятьсот тысяч лет приблизиться на расстояние половины астрономической единицы к своему красному солнцу, а еще через миллион лет упасть в его раскаленную бездну. Но уже через несколько лет выяснилось, что орбита планеты не подвергается ожидаемым изменениям, вроде бы она постоянная, такая же постоянная, как орбиты планет нашей солнечной системы.

Повторенные — на этот раз с максимальной точностью — наблюдения и вычисления лишь подтвердили то, что уже было известно: Солярис имеет постоянную орбиту. И если до этого Солярис был всего-навсего одной из нескольких сотен ежегодно открываемых планет, которым в статистических сборниках уделяют десяток строчек, где описываются элементы их движения, то теперь он немедленно перешел в ранг небесного тела, достойного самого пристального внимания.

Через четыре года после этого открытия планету облетела экспедиция Оттеншельда, который изучал Солярис с «Лаокоона» и двух вспомогательных космолетов. Эта экспедиция носила характер предварительной разведки, тем более что высадиться на планету она не могла. Ученые запустили на экваториальные и полярные орбиты большое количество автоматических спутников-наблюдателей. Спутники должны были главным образом измерять гравитационные потенциалы. Кроме того, изучался океан, почти целиком покрывающий планету, и немногочисленные возвышающиеся над его поверхностью плоскогорья. Их общая площадь оказалась меньше, чем территория Европы, хотя Солярис имел

диаметр на двадцать процентов больше земного. Эти лоскутки скалистой пустынной суши, разбросанные как попало, скопились главным образом в южном полушарии. Был также определен состав атмосферы, лишенной кислорода, и произведены чрезвычайно точные измерения плотности планеты, альбедо и других астрономических показателей. Как и ожидалось, ни на жалких клочках суши, ни в океане не удалось обнаружить никаких следов жизни.

В течение дальнейших десяти лет Солярис, теперь уже находящийся в центре внимания всех наблюдателей этого района, демонстрировал поразительную тенденцию к сохранению своей, вне всякого сомнения, гравитационно нестабильной орбиты. Запахло было скандалом, так как вину за такие результаты наблюдений пытались возложить (заботясь о благе науки) то на определенных людей, то на вычислительные машины, которыми они пользовались.

Отсутствие средств задержало отправку специальной соляристической экспедиции еще на три года, вплоть до того момента, когда Шеннон, укомплектовавший команду, получил от института три космических корабля тоннажа «С» космодромного класса. За полтора года до

прибытия экспедиции, которая вылетела с Альфы Водолея, другая исследовательская группа по поручению института вывела на околосоляристическую орбиту автоматический сателлоид — Луну-247. Этот сателлоид после трех последовательных реконструкций, отделенных друг от друга десятками лет, работает до сегодняшнего дня. Данные, которые он собрал, окончательно подтвердили выводы экспедиции Оттеншельда об активном характере движения океана.

Один корабль Шеннона остался на дальней орбите, два других после предварительных приготовлений сели у Южного полюса планеты на скалистом клочке суши, который занимает около тысячи квадратных километров. Работа экспедиции закончилась через восемнадцать месяцев и прошла очень успешно, за исключением одного несчастного случая, вызванного неисправностью аппаратуры. Однако ученые экспедиции раскололись на два враждующих лагеря. Предметом спора стал океан. На основании анализов он был признан органическим образованием (назвать его живым никто еще не решался). Но если биологи видели в нем организм весьма примитивный, что-то вроде одной чудовищно разросшейся жидкой клетки (они называли ее «добиологиче-

ская формация»), которая окружила всю планету студенистой оболочкой, местами глубиной в несколько километров, то астрономы и физики утверждали, что это должна быть чрезвычайно высокоорганизованная структура, сложностью своего строения превосходящая земные организмы, коль скоро она в состоянии активно влиять на форму планетной орбиты. Никакой иной причины, объясняющей стабилизацию Соляриса, открыто не было. Кроме того, планетофизики установили связь между определенными процессами, происходящими в плазменном океане, и локальными колебаниями гравитационного потенциала, которые зависели от океанического «обмена веществ».

Таким образом, физики, а не биологи выдвинули парадоксальную формулировку «плазматическая машина», имея в виду образование, в нашем понимании, возможно, и неодушевленное, но способное к целенаправленным действиям в астрономическом масштабе.

В этом споре, который за несколько недель втянул в свою орбиту все выдающиеся авторитеты, доктрина Гамова — Шепли пошатнулась впервые за восемьдесят лёт.

Некоторое время ее еще пытались защищать,

утверждая, что океан ничего общего с жизнью не имеет, что он является даже не образованием пара- или добиологическим, а всего лишь геологической формацией, по всей вероятности необычной, но способной лишь к стабилизации орбиты Соляриса посредством изменения силы тяжести; при этом ссылались на закон Ле Шателье.

Наперекор консервативным утверждениям появлялись другие гипотезы (например, одна из наиболее разработанных — гипотеза Чивита-Витты). Согласно этим гипотезам, океан является результатом диалектического развития: от своего первоначального состояния, от праокеана — раствора слабо реагирующих химических веществ — он сумел под влиянием внешних условий (то есть изменений орбиты, угрожающих его существованию), минуя все земные ступени развития, минуя образование одно- и многоклеточных организмов, эволюцию растений и животных, сделать резкий скачок и оказаться на стадии «гомеостатического океана». Иначе говоря, он не приспосабливался, как земные организмы, в течение сотен миллионов лет к условиям среды, чтобы только через такое длительное время дать начало разумной расе, но сразу же стал хозяином

среды.

Это было весьма оригинально, хотя никто по-прежнему не знал, как студенистый сироп может стабилизировать орбиту небесного тела. Уже давно были известны гравиторы — установки, создающие искусственные силовые и гравитационные поля. Но никто не представлял себе, каким образом аморфное желе может добиться результата, который в гравиторах достигался с помощью сложных ядерных реакций и гигантских температур. В газетах, которые, к удовольствию читателей и к негодованию ученых, распространяли нелепейшие вымыслы на тему «тайны Соляриса», например, писали, что планетарный океан является… дальним родственником земных электрических угрей.

Когда эту загадку удалось в какой-то мере разгадать, оказалось, как это потом не раз бывало с Солярисом, что ее заменила другая, возможно, еще более удивительная.

Как показали исследования, океан действовал совсем не по тому принципу, который использовался в наших гравиторах (впрочем, это было бы невозможно). Он непосредственно моделировал метрику пространства-времени, что приводило, скажем, к отклонениям при измерении времени

на одном и том же меридиане планеты. Следовательно, океан не только представлял себе, но и мог (чего нельзя сказать о нас) использовать выводы теории Эйнштейна — Бови.

Когда это стало известно, в научном мире разыгралась одна из сильнейших бурь нашего столетия. Самые почтенные, повсеместно признанные непоколебимыми теории обратились в прах, в научной литературе появлялись совершенно еретические статьи, альтернатива же «гениальный океан» или «гравитационное желе» распалила умы.

Все это происходило за много лет до моего рождения. Когда я ходил в школу, Солярис в связи с установленными позднее фактами был признан планетой, которая наделена жизнью, но имеет только одного жителя.

Второй том Хьюджеса и Эгла, который я перелистывал совершенно машинально, начинался с систематики, столь же оригинальной, сколь и забавной. Классификационная таблица представляла в порядке очереди: тип — Политерия, класс — Метаморфа, отряд — Синциталия. Будто мы знали бог весть сколько экземпляров этого вида, тогда как на самом деле существовал лишь один, правда весом в семнадцать миллионов тонн.

Под пальцами у меня шелестели цветные диаграммы, графики, анализы, спектрограммы. Чем больше углублялся я в потрепанный фолиант, тем больше математических формул мелькало на мелованных страницах. Можно было подумать, что наши сведения об этом представителе класса Метаморфа, который лежал, скрытый темнотой ночи, в нескольких метрах под стальным днищем станции, являются исчерпывающими.

Я с шумом поставил увесистый том на полку и взял следующий. Он делился на две части. Первая была посвящена изложению протоколов бесчисленных экспериментов, целью которых было установление контакта с океаном. Это установление контакта служило источником бесконечных анекдотов, насмешек и острот в мои студенческие годы. Средневековая схоластика казалась прозрачной, сверкающей истиной по сравнению с теми джунглями, которые породила эта проблема.

Первые попытки установления контакта были предприняты при помощи специальных электронных аппаратов, трансформирующих импульсы, посылаемые в обе стороны, причем океан принимал активное участие в конструировании этих аппаратов. Но все делалось в полной

темноте. Что значит — принимал участие? Океан модифицировал некоторые элементы погруженных в него установок, в результате чего записанные ритмы импульсов изменялись, регистрирующие приборы фиксировали множество сигналов, похожих на обрывки гигантских выкладок высшего анализа. Но что все это значило? Может, это были сведения о мгновенном состоянии возбуждения океана? Может быть, переложенные на неведомый электронный язык, выражения его вечных истин? Или произведения искусства? Или же импульсы, вызывающие проявление его гигантских образований где-нибудь в тысяче миль от исследователя? Кто мог знать это, коль скоро не удалось дважды получить одинаковую реакцию на одинаковые сигналы? Если один раз ответом был целый взрыв импульсов, чуть не уничтоживший аппараты, а другой — глухое молчание? Если ни одно исследование невозможно было повторить?

Все время казалось, что от расшифровки непрерывно увеличивавшегося моря записей нас отделяет только один шаг; специально для этого строились электронные мозги с такой способностью перерабатывать информацию, какой не требовала до сих пор ни одна проблема. Дей-

ствительно, были достигнуты определенные результаты. Океан — источник электрических, магнитных, гравитационных импульсов — говорил как бы языком математики; некоторые группы его электрических разрядов можно было классифицировать, пользуясь наиболее абстрактными методами земного анализа, теории множеств; удалось выделить гомологи структур, известных из того раздела физики, который занимается выяснением взаимосвязи энергии и материи, конечных и бесконечных величин, частиц и полей. Все это склоняло ученых к выводу, что перед ними — мыслящее чудовище, что-то вроде гигантски разросшегося, покрывшего целую планету протоплазменного моря-мозга, которое тратит время на необыкновенные по своему размаху теоретические исследования сути всего существующего, а то, что выхватывают наши аппараты, составляет лишь разрозненные, случайно подслушанные обрывки этого продолжающегося вечно в глубинах океана, перерастающего всякие границы нашего понимания гигантского монолога.

Одни расценивали такие гипотезы как выражение пренебрежения к человеческим возможностям, как преклонение перед чем-то, чего

мы еще не понимаем, но что можно понять, как воскрешение старой доктрины *ignoramus et ignorabimus*[1]. Другие считали, что это вредные и бесплодные небылицы, что в гипотезах математиков проявляется мифология нашего времени, видящая в гигантском мозге — безразлично, электронном или плазматическом — наивысшую цель существования — итог бытия.

Третьи же… Но исследователей и теорий были легионы. Впрочем, кроме «установления контакта», существовали и другие проблемы… Были отрасли соляристики, в которых специализация зашла так далеко, особенно на протяжении последней четверти столетия, что солярист-кибернетик почти не мог понять соляриста-симметриадолога. «Как можете вы понять океан, если не в состоянии понять друг друга?» — однажды шутливо спросил Вейбек, который в мои студенческие годы руководил институтом. В этой шутке было много правды.

Все же океан не случайно отнесли к классу Метаморфа. Его волнистая поверхность могла давать начало самым различным, ни на что земное не похожим формам, причем цель — приспосо-

[1] Примечания: 1

Не знаем и не узнаем *(лат.)*. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

бительная, познавательная или какая-либо иная — этих иногда весьма бурных взрывов плазматического «творчества» оставалось полнейшей загадкой.

Поставив тяжелый том на место, я подумал, что наши сведения о Солярисе, наполняющие библиотеки, являются бесполезным балластом и кладбищем фактов и что мы топчемся на том же самом месте, где начали их нагромождать семьдесят восемь лет назад. Точнее, ситуация была гораздо хуже, ибо труд всех этих лет оказался напрасным.

То, что мы знали наверняка, относилось только к области отрицания. Океан не пользовался механизмами и не строил их, хотя в определенных обстоятельствах, возможно, был способен к этому. Так, он размножал части некоторых погруженных в него аппаратов, но делал это только в первый и второй годы исследовательских работ, а затем игнорировал все наши настойчиво возобновляемые попытки, как будто утратил всякий интерес к нашим аппаратам и устройствам (а следовательно, и к нам самим). Океан не обладал — я продолжаю перечисление наших «негативных сведений» — никакой нервной системой, ни клетками, ни структурами, напоминающими

белок; не всегда реагировал на раздражения, даже наимощнейшие (так, например, он полностью игнорировал катастрофу, в которой погибла вспомогательная ракета второй экспедиции Гезе, рухнув с высоты трехсот километров на поверхность планеты и уничтожив взрывом своих атомных двигателей плазму в радиусе двух километров).

Постепенно в научных кругах «операция Солярис» начала восприниматься как синоним «операции проигранной», особенно среди научной администрации института, где в последние годы все чаще раздавались голоса, требующие прекращения дотаций на дальнейшие исследования. О полной ликвидации станции никто до сих пор говорить не осмеливался — это было бы слишком явным признанием поражения. Впрочем, некоторые в частных беседах говорили, что нам нужно только одно — наиболее «почетным» образом устраниться от «аферы Солярис».

Однако для многих, особенно для молодых, «афера» эта постепенно становилась чем-то вроде пробного камня собственной ценности. «В сущности, — говорили они, — речь идет о ставке гораздо большей, чем изучение соляристической цивилизации, речь идет о нас самих, о границах

человеческого познания».

В течение некоторого времени было популярно мнение (усердно распространяемое газетами), что мыслящий океан, который омывает весь Солярис, является гигантским мозгом, обогнавшим нашу цивилизацию в своем развитии на миллионы лет, что это какой-то «космической йог», мудрец, олицетворение всеведения, который уже давно понял бесполезность всякой деятельности и поэтому категорически отказывается от общения с нами.

Это была явная неправда, потому что живой океан действовал, и еще как, только в соответствии с иными, чем людские, представлениями, не строя ни городов, ни мостов, ни летательных машин, не пробуя также победить пространство или перешагнуть его (в чем некоторые защитники превосходства человека усматривали бесценный для нас козырь), но занимаясь зато тысячекратными преобразованиями — «онтологической автометаморфозой», — чего-чего, а ученых терминов хватало на страницах соляристических трудов.

С другой стороны, у человека, упорно вчитывающегося во всевозможные солярианы, создавалось впечатление, что перед ним обломки

интеллектуальных конструкций, возможно гениальных, перемешанные без всякой системы с плодами полного, граничащего с сумасшествием маразма. Отсюда как антитеза концепции об «океане-йоге» возникла мысль об «океане-дебиле».

Эти гипотезы подняли из гроба и оживили одну из старейших философских проблем — взаимоотношения материи и духа, сознания. Необходима была большая смелость, чтобы первому — как это сделал дю Хаарт — приписать океану сознание. Эта проблема, поспешно признанная метафизической, тлела на дне всех дискуссий и споров. Возможно ли мышление без сознания? Можно ли возникающие в океане процессы назвать мышлением? Гору — очень большим камнем? Планету — огромной горой? Можно пользоваться этими названиями, но новая величина выводит на сцену новые закономерности и новые явления.

Проблема Соляриса стала квадратурой круга нашего времени. Каждый самостоятельный мыслитель старался внести в сокровищницу соляристики вклад: множились теории, гласящие, что перед нами продукт дегенерации, регресса, который наступил после минувшей фазы «интеллектуального великолепия» океана, что океан в самом деле новообразование — глиома, кото-

рая, зародившись в телах древних обитателей планеты, уничтожила и поглотила их, сплавляя остатки в структуру вечно живущей, самоомолаживающейся сверхклеточной стихии.

В белом, похожем на земной, свете ламп я снял со стола аппараты и книги и разложил на пластмассовой крышке карту Соляриса. Живой океан имел свои отмели и глубочайшие впадины, а его острова были покрыты налетом выветрившихся пород, свидетельствующих о том, что когда-то они были дном океана. Возможно, океан регулировал появление и исчезновение скальных формаций, погруженных в его лоно. Опять полный туман. Я смотрел на огромное, окрашенное в разные оттенки фиолетового и голубого полушарие на карте, испытывая, не знаю уж который раз в жизни, изумление, такое же потрясающее, как то, первое, которое я ощутил, когда еще мальчишкой впервые услышал в школе о существовании Соляриса.

Не знаю почему, но все, что меня окружало — тайна смерти Гибаряна, даже неведомое будущее, — все казалось сейчас незначительным, и я не думал об этом, погруженный в удивительную карту. Отдельные области живой планеты носили имена исследовавших их ученых. Я рассматривал

омывающее экваториальные архипелаги море Тексалла, когда почувствовал чей-то взгляд.

Я еще стоял над картой, парализованный страхом, но уже не видел ее. Дверь находилась прямо против меня; она была приперта ящиками и придвинутым к ним шкафчиком. «Это какой-нибудь автомат», — подумал я, хотя ни одного автомата перед этим в комнате не было и он не мог войти незаметно для меня. Кожа на шее и спине стала горячей, ощущение тяжелого, неподвижного взгляда было невыносимым. Не отдавая себя в этом отчета, инстинктивно втянув голову в плечи, я все сильнее опирался на стол, который начал медленно ползти по полу. От этого движения я пришел в себя и стремительно обернулся.

Позади никого не было. Только зияло чернотой большое полукруглое окно. Но странное ощущение не исчезало. Это темнота смотрела на меня, бесформенная, огромная, безглазая, не имеющая границ. Ее не освещала ни одна звезда. Я задернул шторы. Я не пробыл на станции и часа, но уже начинал понимать, почему у ее обитателей появилась мания преследования. Инстинктивно я связывал это со смертью Гибаряна. Я знал его и до сих пор считал, что ничто не может помутить его разум. Теперь эта уверенность исчезла.

Я стоял посреди комнаты у стола. Дыхание успокоилось, и я почувствовал, что у меня на лбу выступил пот. О чем это я сейчас думал? Ах да, об автоматах. Странно, что ни один из них не встретился мне ни в коридоре, ни в комнатах. Куда они все подевались? Единственный, с которым я столкнулся, да и то на расстоянии, принадлежал к системе обслуживания ракетодрома. А другие?..

Я посмотрел на часы. Пора идти к Снауту.

Коридор был освещен слабо. Я прошел две двери и остановился у той, на которой виднелось имя Гибаряна. Я нажал ручку. У меня не было намерения заходить туда, но ручка подалась, дверь приоткрылась, щель мгновение была черной, потом в комнате вспыхнул яркий свет. Теперь меня мог увидеть каждый, кто шел по коридору. Я быстро юркнул в комнату, бесшумно, но с силой захлопнул за собой дверь и сразу же обернулся.

Я стоял, привалившись к двери. Комната была больше моей. Панорамное окно на три четверти закрывала, несомненно привезенная с Земли, не относящаяся к снаряжению станции красивая занавеска в мелкие розовые цветочки. Вдоль стен тянулись библиотечные полки и шкафчики, покрытые серебристо-зеленой эмалью. Содержимое их, беспорядочно вываленное на пол,

громоздилось между креслами. Прямо передо мной, загораживая проход, валялись два столика, заваленные журналами, высыпавшимися из разорванных папок. Растерзанные книги были залиты жидкостями из разбитых колб и бутылок с такими толстыми стенками, что я не мог понять, каким образом они разбились, даже если упали на пол с большой высоты. Под окном лежал перевернутый стол с разбитой рабочей лампой на выдвижном кронштейне; рядом валялась табуретка, две ножки которой были всажены в наполовину выдвинутые ящики стола. Толстый слой карточек, исписанных листков и других бумаг покрывал пол. Я узнал почерк Гибаряна и наклонился. Поднимая листки, я увидел, что моя рука отбрасывает две тени.

Я обернулся. Розовая занавеска пылала, будто подожженная сверху, четкая полоса голубого огня стремительно расширялась. Я отдернул занавеску, и в глаза ударило пламя гигантского пожара, который занимал треть горизонта. Волны длинных густых теней стремительно неслись к станции. Это был рассвет. Станция находилась в зоне, где после ночи, длившейся час, всходило второе, голубое солнце планеты.

Автоматический выключатель погасил лампы,

и я вернулся к разбросанным бумагам. Перебирая их, я наткнулся на краткий план опыта, который должен был состояться три недели назад. Гибарян собирался подвергнуть плазму действию очень жесткого рентгеновского излучения. Прочитав все, я понял, что план предназначался для Сарториуса, который должен был провести эксперимент, — у меня в руках была копия.

Свет, отраженный от белых листов бумаги, начал резать мне глаза. Наступивший день был не таким, как прежний. Под оранжевым небом остывающего солнца чернильный океан с кровавыми отблесками почти всегда покрывала грязно-розовая мгла, которая объединяла в одно целое тучи и волны. Теперь все это исчезло. Даже профильтрованный розовой тканью занавески, восход пылал, как горелка мощной кварцевой лампы. Мои загорелые руки казались в его свете почти серыми. Вся комната изменилась, все, что имело красный оттенок, стало бронзовым и поблекло, все белые, зеленые, желтые предметы, наоборот, налились и, казалось, излучали собственный свет. Я закрыл глаза и на ощупь прошел в ванную. Там на полочке нашарил темные очки и только теперь, надев их, мог продолжить чтение.

Это были протоколы проведенных исследо-

ваний. Из них я узнал, что океан четыре дня подвергался облучению в пункте, находящемся в двух тысячах километров к северо-востоку от теперешнего положения станции. А использование рентгеновского излучения запрещалось конвенцией ООН в связи с его вредным действием. И я был совершенно уверен, что никто не обращался на Землю с просьбой разрешить подобные эксперименты.

Становилось жарко. Комната, пылающая белым и голубым, выглядела неестественно. Но вот послышался скрежет, и снаружи на окно наползли герметические заслонки. Наступила темнота, затем зажегся электрический свет, показавшийся мне удивительно тусклым.

Однако жарко было по-прежнему. Пожалуй, жара даже усилилась, хотя холодильники станции, судя по гудению кондиционеров, работали на полную мощность.

Вдруг я услышал звук шагов. Кто-то шел по коридору. В два прыжка я оказался у двери. Шаги замедлились. Тот, кто шел, остановился у дверей. Ручка тихонько повернулась. Не раздумывая, инстинктивно я схватил ее и задержал. Нажим не усиливался, но и не ослабевал. Тот, с другой стороны, старался делать все так же бесшумно,

как и я. Некоторое время мы оба держали ручку. Потом я почувствовал, что ее отпустили, и услышал легкий шелест — тот уходил. Я постоял еще, прислушиваясь, но было тихо.

Гости

Я поспешно сложил вчетверо и спрятал в карман записи Гибаряна. Осторожно подошел к шкафу и заглянул внутрь. Одежда была скомкана и втиснута в один угол, как будто в шкафу кто-то прятался. Из кучи бумаг, сваленных внизу, выглядывал уголок конверта. Я взял его. Письмо было адресовано мне. У меня вдруг пересохло горло.

С большим трудом я заставил себя разорвать конверт и достать из него маленький листок бумаги.

Своим четким и очень мелким почерком Гибарян написал:

Ann. Solar. Vol. 1. Anex, также *Vot. Separat* [2] Мессенджера по делу F; «Малый Апокриф» Равинтцера. И все. Ни одного слова больше. Записка носила следы спешки. Было ли это какое-нибудь важное сообщение? Когда он ее написал? Надо как можно скорее идти в библиотеку. Приложение к первому Соляристическому ежегоднику было мне известно, точнее я знал о его существо-

---

[2] Примечания: 2

Соляристический ежегодник. Т. 1. Приложение, также Особое мнение… *(лат.).*

вании, но никогда не видел; оно представляло чисто исторический интерес. Однако ни о Равинтцере, ни о его «Малом Апокрифе» я никогда не слышал.

Что делать?

Я уже опаздывал на четверть часа. Подойдя к двери, еще раз оглядел комнату и только теперь заметил прикрепленную к стене складную кровать, которую заслоняла развернутая карта Соляриса. За картой что-то висело. Это был карманный магнитофон в футляре. Я вынул аппарат, футляр повесил на место, а магнитофон сунул в карман, предварительно взглянув на счетчик и убедившись, что лента использована почти до конца.

Еще секунду постоял у двери с закрытыми глазами, напряженно вслушиваясь в тишину. Ни звука. Я осторожно отворил дверь. Коридор показался мне черной бездной. Я снял темные очки и увидел слабый свет потолочных ламп. Закрыв за собой дверь, я пошел налево, к радиостанции.

Круглая камера, от которой, как спицы колеса, расходились во все стороны коридоры, была уже совсем близко, когда, минуя какой-то узкий боковой проход, ведущий, как мне показалось, к ванным, я увидел большую, неясную, почти

сливающуюся с полумраком фигуру.

Я замер. Из глубины коридора не спеша, по-утиному покачиваясь, шла огромная негритянка. Я увидел блеск ее белков и почти одновременно услышал мягкое шлепанье босых ног. На ней не было ничего, кроме желтой, блестящей, как будто сплетенной из соломы, юбки. Она прошла мимо меня на расстоянии метра, даже не посмотрев в мою сторону, покачивая слоновьими бедрами, похожая на гигантские скульптуры каменного века, которые можно увидеть в антропологических музеях. Там, где коридор поворачивал, негритянка остановилась и открыла дверь комнаты Гибаряна. На мгновение она очутилась в полосе яркого света, падавшего из комнаты, потом дверь закрылась, и я остался один. Правой рукой я вцепился в кисть левой и стиснул ее так, что хрустнули кости; потом бессмысленно огляделся вокруг. Что случилось? Что это было? Внезапно, как будто меня ударили, я вспомнил предостережение Снаута. Что все это могло значить? Кто была эта черная Афродита? Откуда она взялась?

Я сделал шаг, только один шаг в сторону комнаты Гибаряна и остановился. Я слишком хорошо знал, что не войду туда.

Не знаю, долго ли я простоял так, опершись о

холодный металл стены. Станцию наполняла тишина, и лишь монотонно шумели компрессоры кондиционеров.

Я похлопал себя по щеке и медленно пошел на радиостанцию. Взявшись за ручку двери, услышал резкий голос:

— Кто там?

— Это я, Кельвин.

Снаут сидел за столом между кучей алюминиевых коробок и пультом передатчика и прямо из банки ел мясные консервы. Не знаю, почему он выбрал для жилья радиостанцию. Я тупо стоял у двери, глядя на его мерно жующие челюсти, и вдруг почувствовал, что очень голоден. Подойдя к полке, я взял из стопки тарелок наименее пыльную и уселся напротив него. Некоторое время мы ели молча, потом Снаут встал, вынул из стенного шкафа термос и налил в чашки горячий бульон. Ставя термос на пол — на столе уже не было места, — он спросил:

— Видел Сарториуса?

— Нет. А где он?

— Наверху.

Наверху была лаборатория. Мы продолжали есть молча, только слышалось, как вилки скребут по стенкам банок. На радиостанции царила ночь.

Окно было тщательно завешено изнутри, под потолком горели четыре круглых светильника. Их отражения переливались в пластмассовом корпусе передатчика.

Я посмотрел на Снаута. На нем был черный, просторный, довольно потрепанный свитер. Натянувшаяся на скулах кожа — вся в красных прожилках.

— С тобой что-нибудь случилось? — спросил Снаут.

— Нет. А что со мной могло случиться?

— Ты весь мокрый.

Я вытер рукой лоб и почувствовал, что буквально обливаюсь потом. Это была реакция. Снаут посмотрел на меня изучающе. Сказать ему? Хотелось бы, чтобы он мне больше доверял. Кто с кем здесь играет и в какую игру?

— Жарко, — сказал я. — Мне казалось, что кондиционеры работают у вас лучше.

— Скоро все придет в норму. Ты уверен, что это только от жары? — Он поднял на меня глаза.

Я сделал вид, будто не замечаю этого.

— Что собираешься делать? — прямо спросил Снаут, когда мы кончили есть.

Он свалил всю посуду и пустые банки в умывальник и вернулся в свое кресло.

— Присоединюсь к вам. У вас же есть какой-то план исследований? Какой-то новый раздражитель, рентген или что-то в этом роде. А?

— Рентген? — брови Снаута поднялись. — Где ты об этом слышал?

— Не помню… Мне кто-то говорил. Может быть, на «Прометее». А что? Уже применяете?

— Детали мне не известны. Это была идея Гибаряна. Он начал с Сарториусом… Но откуда ты можешь об этом знать?

Я пожал плечами:

— Не известны детали? Ты ведь должен был в этом участвовать, это входит в твои… — Я не кончил и замолчал.

Шум кондиционеров утих, температура держалась на сносном уровне. Снаут встал, подошел к пульту управления и начал для чего-то щелкать тумблерами. Это было бессмысленно, главный выключатель находился в нулевом положении. Немного погодя он, даже не повернувшись ко мне, заметил:

— Нужно будет выполнить все формальности в связи… с этим…

— Да?

Он обернулся и с бешенством взглянул на меня. Не могу сказать, что я умышленно старался вы-

вести его из равновесия, но, ничего не понимая в игре, которая здесь велась, я предпочитал вести себя сдержанно. Его острый кадык ходил над черным воротником свитера.

— Ты был у Гибаряна, — сказал вдруг Снаут.

Это не был вопрос. Подняв брови, я спокойно смотрел ему в лицо.

— Был в его комнате, — повторил он.

Я сделал движение головой, как бы говоря: «Предположим. Ну и что?» Пусть он говорит дальше.

— Кто там еще был?

Он знал о ней!!!

— Никто. А кто там мог быть? — спросил я.

— Почему же ты меня не впустил?

Я усмехнулся.

— Испугался. Ты сам меня предостерегал, и когда ручка повернулась, я инстинктивно задержал ее. Почему ты не сказал, что это ты? Я бы тебя впустил.

— Я думал, это Сарториус, — сказал он неуверенно.

— Ну и что?

— Как ты относишься к этому… к тому, что произошло? — ответил он вопросом на вопрос.

Я заколебался.

— Ты должен знать больше, чем я. Где он?

— В холодильнике, — ответил Снаут тотчас же. — Мы перенесли его сразу же… утром… жара…

— Где ты его нашел?

— В шкафу.

— В шкафу? Уже мертвого?

— Сердце еще билось, но дыхания не было. Он агонизировал.

— Ты пробовал его спасти?

— Нет.

— Почему?

Снаут помедлил.

— Не успел. Он умер прежде, чем я его уложил.

— Он стоял в шкафу? Между комбинезонами?

— Да.

Снаут подошел к маленькому столику в углу, взял лежавший на нем лист бумаги и положил его передо мной.

— Я написал предварительный протокол. Это даже хорошо, что ты осмотрел его комнату. Причина смерти — инъекция смертельной дозы перностала. Здесь написано…

Я пробежал глазами короткий текст.

— Самоубийство… — повторил я тихо. — А причина?..

— Нервное расстройство… депрессия… или как это еще называется. Ты знаешь об этом лучше, чем я.

— Я знаю только то, что вижу сам, — ответил я и посмотрел на него.

— Что ты хочешь сказать? — спросил он спокойно.

— Гибарян сделал себе укол перностала и спрятался в шкаф. Так? Если так, то это не депрессия, не расстройство, а острый психоз. Паранойя… Ему, наверное, казалось, что он что-нибудь видит… — говорил я все медленнее, глядя ему в глаза.

Он отошел от меня к пульту передатчика и снова начал щелкать тумблерами.

— Тут твоя подпись, — после недолгого молчания заметил я. — А Сарториус?

— Он в лаборатории. Я уже говорил. Не появляется. Думаю…

— Что?

— Что он заперся.

— Заперся? О, заперся! Вот как! Может быть, забаррикадировался?

— Возможно.

— Снаут… На станции кто-то есть.

— Ты видел?

Он смотрел на меня, слегка наклонившись.

— Ты предостерегал меня. От чего? Это галлюцинация?

— Что ты видел?

— Это человек, да?

Снаут молчал. Он отвернулся к стене, как будто не хотел, чтобы я видел его лицо, и барабанил пальцами по металлической перегородке. Я посмотрел на его руки. На них уже не было следов крови. Вдруг меня осенило.

— Эта особа реальна, — сказал я тихо, почти шепотом, как бы открывая тайну, которую могли подслушать. — Да? До нее можно дотронуться. Можно ее ранить… Последний раз ты видел ее сегодня.

— Откуда ты знаешь?

Он не повернулся. Стоял у самой стены, касаясь ее грудью.

— Перед тем как я прилетел? Совсем незадолго?..

Снаут сжался как от удара. Я увидел его безумные глаза.

— Ты! — выкрикнул он. — Кто ТЫ такой?!

Казалось, он сейчас бросится на меня. Этого я не ожидал. Все шло кувырком. Он не верил, что я тот, за кого себя выдаю. Что это могло значить?

Снаут смотрел на меня с ужасом. Что это, психоз? Отравление? Все было возможно. Но ведь я видел ее, это страшилище… Может быть, я и сам… тоже?..

— Кто это был? — спросил я.

Мой вопрос успокоил его. Некоторое время он смотрел на меня испытующе, как будто еще не доверяя мне. Прежде чем он открыл рот, я понял, что попытка неудачна и что он не ответит.

Снаут медленно сел в кресло и стиснул голову руками.

— Что здесь происходит?.. — сказал он тихо. — Бред…

— Кто это был? — снова спросил я.

— Если ты не знаешь… — буркнул он.

— То что?

— Ничего.

— Снаут, — сказал я, — мы достаточно далеко от дома. Давай в открытую. И так все запутано…

— Чего ты хочешь?

— Чтобы ты сказал, кого видел.

— А ты? — спросил он подозрительно.

— Хитришь? Сказать тебе, и ты скажешь мне. Можешь не беспокоиться. Я тебя не буду считать помешанным, знаю…

— Помешанным! О господи! — Он попытался

засмеяться. — Но ведь ты же ничего, совсем ничего… Это было бы спасением… Если бы он хоть на секунду поверил, что это помешательство, он бы не сделал этого, он бы жил…

— Значит, то, что написано в протоколе о нервном расстройстве — ложь?

— Конечно.

— Почему же ты не написал правду?

— Почему?.. — повторил он.

Снова я был в тупике и ничего не понимал. А мне уже казалось, что я убедил его и мы вместе атакуем эту тайну. Почему, почему он не хотел говорить?!

— Где автоматы? — спросил я.

— На складах. Мы закрыли их все, кроме тех, которые обслуживают полеты.

— Почему?

Он снова не ответил.

— Не скажешь?

— Не могу.

В этом было что-то, чего я никак не мог ухватить. Может быть, пойти наверх, к Сарториусу? Вдруг я вспомнил записку и подумал, что это сейчас самое главное.

— Как ты себе представляешь дальнейшую работу в таких условиях?

Снаут пожал плечами.

— Какое это имеет значение?

— Ах, так? И что ты намерен делать?

Он молчал. В тишине было слышно шлепанье босых ног. Среди никелированных и пластмассовых аппаратов, высоких шкафов с электронной аппаратурой, точнейших приборов эта шлепающая, разболтанная походка казалась дикой шуткой какого-то ненормального. Шаги приближались. Я встал, напряженно всматриваясь в Снаута. Он прислушивался, зажмурившись, но совсем не выглядел испуганным. Значит, он боялся не ее?!

— Откуда она взялась? — спросил я.

Снаут медлил.

— Не хочешь сказать?

— Не знаю.

— Ладно.

Шаги удалились и затихли.

— Ты мне не веришь? — спросил Снаут. — Даю слово, что не знаю.

Я молча открыл шкаф со скафандрами и начал раздвигать их тяжелые пустые оболочки. Как я и ожидал, в глубине на крюках висели газовые пистолеты, которыми пользуются для передвижения в состоянии невесомости. В качестве оружия

они стоили немного, но выбора не было. Лучше такое, чем ничего. Я проверил зарядное устройство и перекинул через плечо ремень футляра.

Снаут внимательно следил за мной. Когда я регулировал длину ремня, он язвительно усмехнулся, показав желтые зубы.

— Счастливой охоты!

— Спасибо за все, — ответил я, идя к двери.

Он вскочил со стула.

— Кельвин!

Я посмотрел на него. Усмешки уже не было. Не знаю, видел ли я когда-нибудь такое измученное лицо.

— Кельвин, это не… Я… правда не могу, — с трудом проговорил он.

Я ждал, что он скажет еще что-нибудь, но он только шевелил губами, как будто старался выдавить из себя слова.

Я молча повернулся и вышел.

Сарториус

Коридор был пуст. Сначала он шел прямо, потом поворачивал направо. Я никогда не был на станции, но во время предварительной тренировки шесть недель жил в точной ее копии, находящейся в институте на Земле, куда ведет лесенка с алюминиевыми ступеньками.

В библиотеке было темно. На ощупь я нашел выключатель. Когда я отыскал в картотеке первый том Соляристического ежегодника вместе с приложением и нажал кнопку, загорелась красная лампочка. Проверил в регистратуре — книга находилась у Гибаряна, так же как и другая — «Малый Апокриф». Я погасил свет и пошел вниз. Я боялся войти в его комнату: она могла туда вернуться. Некоторое время я стоял у двери, потом, стиснув зубы, превозмог страх и вошел.

В освещенной комнате никого не было. Я методично перекладывал книгу за книгой и наконец, добравшись до последней пачки, лежавшей между кроватью и шкафом, обнаружил нужный том.

Я надеялся найти в нем какую-нибудь пометку, и действительно, в именном указателе лежала закладка. Красным карандашом на ней было

написано имя, которое мне ничего не говорило: Андре Бертон. В книге оно встречалось дважды. Сначала я отыскал первое упоминание о нем и узнал, что Бертон был резервным пилотом на корабле Шеннона. Следующее упоминание было через сто с лишним страниц.

После высадки на Солярис экспедиция действовала чрезвычайно осторожно, однако, когда через шестнадцать дней выяснилось, что плазменный океан не только не проявляет никаких признаков агрессивности, но отступает перед каждым предметом, приближающимся к его поверхности, и всячески избегает непосредственного контакта с какими-либо аппаратами и людьми, Шеннон и его заместитель Тимолис отменили некоторые правила безопасности, так как они страшно затрудняли и замедляли проведение работ.

Экспедиция была разбита на маленькие группы по два-три человека, которые проводили полеты над океаном, удаляясь от базы иногда на далекое расстояние. Использовавшиеся раньше в качестве защиты излучатели, окружавшие территорию работ, были водворены на базу. Первые четыре дня после этих изменений прошли без всяких происшествий, если не считать случавшихся время от времени поломок кислородной

аппаратуры скафандров, так как выходные клапаны оказались очень чувствительными к корродирующему действию ядовитой атмосферы. В связи с этим их приходилось заменять почти ежедневно.

На пятый день — или на двадцать первый, если считать с момента высадки, — двое ученых, Каруччи и Фехнер (один был радиобиологом, а второй — физиком), проводили исследовательский полет над океаном в небольшом двухместном аэромобиле. Это был не летательный аппарат, а глиссер, передвигающийся на подушке сжатого воздуха.

Когда через шесть часов они не вернулись, Тимолис, который руководил базой в отсутствие Шеннона, объявил тревогу и выслал всех свободных людей на поиски.

По несчастному стечению обстоятельств в этот день примерно через час после вылета исследовательских групп нарушилась радиосвязь. Причиной тому было большое пятно на красном солнце. Оно излучало мощные корпускулярные потоки, достигавшие верхних слоев атмосферы. Действовали только ультракоротковолновые аппараты, которые позволяли поддерживать связь на расстоянии около двухсот километров. В до-

вершение всего перед заходом солнца сгустился туман, и поиски пришлось прекратить.

И только когда спасательные группы уже возвращались на базу, одна из них на расстоянии ста тридцати километров от берега наткнулась на аэромобиль. Двигатель работал, и совершенно исправная машина висела над волнами. В прозрачной кабине находился только Каруччи. Он был без сознания.

Аэромобиль доставили на базу, и Каруччи поручили заботам медиков. В тот же вечер он пришел в себя. О судьбе Фехнера Каруччи ничего не мог сказать. Помнил только, что, когда они уже решили возвращаться, он почувствовал удушье. Дыхательный клапан заклинился, и внутрь скафандра при каждом вдохе проникала небольшая порция ядовитых газов.

Фехнер, пытаясь исправить его аппарат, вынужден был отстегнуть ремни и встать. Это было последнее, что помнил Каруччи. Возможный ход событий, по мнению специалистов, был таким. Исправляя аппарат Каруччи, Фехнер открыл фонарь кабины, вероятно потому, что под низким куполом он не мог свободно двигаться. Это было допустимо, так как кабины таких машин не были герметичными и только защищали от непосред-

ственного воздействия атмосферы и ветра. Во время этих манипуляций мог испортиться аппарат Фехнера, и ученый, потеряв ориентацию, выбрался через открытый купол из машины и свалился вниз.

Такова история первой жертвы океана. Поиски тела — в скафандре оно должно было плавать на поверхности океана — не дали результатов. Впрочем, возможно, оно и плавало. Тщательно прочесать тысячу квадратных километров почти постоянно покрытой лохмотьями тумана волнистой пустыни было просто невозможно.

До сумерек — я возвращаюсь к предшествующим событиям — вернулись все спасательные аппараты, за исключением большого грузового вертолета, на котором вылетел Бертон.

Он показался над базой примерно через час после наступления темноты, когда о нем уже начали серьезно беспокоиться. Бертон находился в состоянии нервного шока. Он выбрался из вертолета только для того, чтобы кинуться бежать. Когда его поймали, он кричал и плакал. Для мужчины, у которого за плечами насчитывалось семнадцать лет, космических полетов, иногда в тяжелейших условиях, это было поразительно. Врачи решили, что он тоже отравился.

Через два дня Бертон, который, даже вернувшись к кажущемуся равновесию, не хотел ни выйти хоть на минуту из главной ракеты экспедиции, ни даже подойти к окну, из которого открывался вид на океан, заявил, что желает подать рапорт о своем полете. Он настаивал на этом, утверждая, что речь идет о деле чрезвычайной важности.

Его рапорт был рассмотрен советом экспедиции, признан плодом больного воображения человека, отравленного газами атмосферы, и как таковой помещен не в историю экспедиции, а в историю болезни Бертона. На этом все и кончилось.

Существо дела составлял, очевидно, сам рапорт Бертона — то, что привело этого пилота к нервному потрясению. Я снова начал перекладывать книги, но «Малого Апокрифа» обнаружить не удалось. Я очень устал и поэтому, отложив дальнейшие поиски до утра, вышел из комнаты.

На ступеньках алюминиевой лесенки лежали пятна света, падающего сверху. Значит, Сарториус все еще работал. Так поздно! Я подумал, что должен с ним встретиться.

Наверху было тепло. В широком низком коридоре дул легкий ветерок. Над вентиляционными

отверстиями шелестели полоски бумаги. Двери главной лаборатории представляли собой толстую плиту шероховатого стекла, вставленного в металлическую раму. Изнутри стекло было заслонено чем-то темным. Свет пробивался только сквозь узкие окна под самым потолком. Я нажал ручку, но, как и ожидал, дверь не подалась. Внутри было тихо, и лишь время от времени слышался какой-то слабый писк. Я постучал — никакого ответа.

— Сарториус! — крикнул я. — Доктор Сарториус! Это я, новичок, Кельвин! Мне нужно с вами увидеться, прошу вас, откройте!

Негромкий шорох, словно кто-то ступал по мятой бумаге, — и снова тишина.

— Это я — Кельвин! Вы ведь обо мне слышали?! Я прилетел два часа назад на «Прометее»! — кричал я, приблизив губы к щели между наличником и дверью. — Доктор Сарториус! Тут никого нет, только я! Откройте!

Молчание. Потом едва уловимый шум. Несколько раз что-то лязгнуло, словно кто-то укладывал металлические инструменты на металлический поднос. И вдруг… Я остолбенел. Раздался звук мелких шажков, будто бегал ребенок. Частый, поспешный топот маленьких ножек. Может…

может быть, кто-нибудь имитировал его, очень ловко ударяя пальцами по пустой, хорошо резонирующей коробке?

— Доктор Сарториус! — заревел я. — Вы откроете или нет?!

Никакого ответа, только снова детская трусца и одновременно несколько быстрых, плохо слышных размашистых шагов. Похоже было, что человек шел на цыпочках. Но если он шел, то не мог одновременно имитировать детские шаги? «А впрочем, какое мне до этого дело!» — подумал я и, уже не сдерживая бешенства, которое начинало меня охватывать, заорал:

— Доктор Сарториус!!! Я не для того летел сюда шестнадцать месяцев, чтобы посмотреть, как вы разыгрываете комедию! Считаю до десяти! Потом высажу дверь!!!

Я очень сомневался, что мне это удастся.

Струя газового пистолета не слишком сильна, но я был полон решимости выполнить свою угрозу тем или иным способом. Хотя бы мне пришлось отправиться на поиски взрывчатки, которая наверняка имелась на складе в достаточном количестве. Я сказал себе, что не должен уступать, что не могу играть этими меченными безумием картами, которые вкладывала мне в

руки ситуация.

Послышался странный звук, словно кто-то с кем-то боролся или что-то толкал, занавеска внутри отодвинулась примерно на полметра, гибкая тень упала на матовую, как бы покрытую инеем плиту двери, и хрипловатый дискант сказал:

— Я открою, но вы должны обещать, что не войдете внутрь.

— Тогда зачем вы хотите открыть? — крикнул я.

— Я выйду к вам.

— Хорошо. Обещаю.

Легкий щелчок поворачиваемого в замке ключа, потом темная фигура, заслонившая половину двери, старательно задернула занавеску и проделала целую серию каких-то непонятных движений. Мне показалось, что я услышал треск передвигаемого деревянного столика, наконец дверь немного приоткрылась, и Сарториус протиснулся в коридор.

Он стоял передо мной, заслоняя собой дверь, очень высокий, худой; казалось, его тело под кремовым трикотажным комбинезоном состоит из одних только костей. Шея была повязана черным платком, на плече висел сложенный вдвое, прожженный реактивами лабораторный фартук.

Чрезвычайно узкую голову он держал немного набок. Почти половину лица закрывали изогнутые черные очки, так что глаз не было видно. У него была длинная нижняя челюсть, синеватые губы и огромные, как будто отмороженные, тоже синеватые уши. Он был небрит. С запястьев на шнурах свисали перчатки из красной резины. Так мы стояли некоторое время, глядя друг на друга с явной неприязнью. Остатки его волос (он выглядел так, будто остригся под ежик) были свинцового цвета, щетина на лице — совсем седая. Лоб такой же загорелый, как и у Снаута, но загар кончался примерно на середине лба четкой горизонтальной линией. Очевидно, на солнце он постоянно носил какую-то шапочку.

— Слушаю, — произнес он наконец.

Мне показалось, что он не столько ждет, когда я заговорю, сколько напряженно вслушивается в пространство за собой, все сильнее прижимаясь спиной к стеклянной плите. Некоторое время я не находил, что сказать, боялся брякнуть глупость.

— Меня зовут Кельвин… вы должны были обо мне слышать, — начал я. — Я работаю, то есть… работал с Гибаряном.

Его худое лицо, все изрезанное вертикальными морщинами, — так, наверное, выглядел дон

Кихот, — ничего не выражало. Черная изогнутая пластина нацеленных на меня очков страшно мешала мне говорить.

— Я узнал, что Гибарян… что его нет. — У меня перехватило дыхание.

— Да. Слушаю!..

Это прозвучало нетерпеливо.

— Он покончил с собой?.. Кто нашел тело, вы или доктор Снаут?

— Почему вы обращаетесь с этим ко мне? Разве доктор Снаут вам не рассказал?..

— Я хотел услышать, что вы можете рассказать об этом…

— Вы психолог, доктор Кельвин?

— Да. А что?

— Ученый?

— Ну да. Но какая связь…

— А я думал, что вы сыщик или полицейский. Сейчас без двадцати три, а вы, вместо того чтобы постараться включиться в ход работ, ведущихся на станции, что было бы по крайней мере понятно, кроме наглой попытки ворваться в лабораторию, еще и допрашиваете меня, как будто я на подозрении.

Я сдержался, и от этого усилия пот выступил у меня на лбу.

— Вы на подозрении, Сарториус! — произнес я сдавленным голосом. Я хотел досадить ему любой ценой и поэтому с остервенением добавил: — И вы об этом прекрасно знаете!

— Если вы, Кельвин, не возьмете свои слова обратно и не извинитесь передо мной, я подам на вас жалобу в радиосводке!

— За что я должен извиниться? За что? Вместо того чтобы меня встретить, вместо того чтобы честно посвятить меня в то, что здесь происходит, вы запираетесь в лаборатории!!! Вы что, окончательно сошли с ума?! Кто вы такой — ученый или жалкий трус?! Что? Может быть, вы ответите?!

Не помню, что я еще кричал. Его лицо даже не дрогнуло. Только по бледной пористой коже скатывались крупные капли пота. Вдруг я понял: он вовсе не слушает меня! Обеими руками, спрятанными за спиной, он изо всех сил держал дверь, которая еле заметно дрожала, словно кто-то напирал на нее с другой стороны.

— Уходите… — простонал он странным плаксивым голосом. — Уходите… умоляю! Идите, идите вниз, я приду, приду, сделаю все, что хотите, только уходите!!!

В его голосе была такая мука, что я, совершенно растерявшись, машинально поднял руки,

желая помочь ему держать дверь, которая уже подавалась, но он издал ужасный крик, как будто я замахнулся на него ножом. Я начал пятиться назад, а он все кричал фальцетом:

— Иду! Иду! — И снова: — Иду! Уже иду! Уже иду!!! Нет!!! Нет!!!

Он приоткрыл дверь и бросился внутрь. Мне показалось, что на высоте его груди мелькнуло что-то золотистое какой-то сверкающий диск. Из лаборатории теперь доносился глухой шум, занавеска отлетела в сторону, огромная высокая тень мелькнула на стеклянном экране, занавеска вернулась на место, и больше ничего не было видно. Что там происходило? Я услышал топот, шальная гонка оборвалась пронзительным скрежетом бьющегося стекла, а потом раздался заходящийся детский смех.

У меня дрожали ноги, я растерянно осматривался. Стало тихо. Я сел на низкий пластмассовый подоконник и сидел, наверное, с четверть часа, сам не знаю, то ли ожидая чего-то, то ли просто вымотанный до предела, так что мне даже не хотелось встать.

Где-то высоко послышался резкий скрип и одновременно вокруг стало светлее.

С моего места была видна только часть ко-

ридора, который опоясывал лабораторию. Это помещение находилось на самом верху станции, непосредственно под верхней плитой панциря. Наружные стены здесь были вогнутые и наклонные, с похожими на бойницы окнами, расположенными через каждые несколько метров. Внешние заслонки уползли вверх. Голубой день кончался. Сквозь толстые стекла ворвался ослепляющий блеск. Каждая никелированная планка, каждая дверная ручка запылала, как маленькое солнце. Дверь в лабораторию — эта большая плита шершавого стекла — засверкала, как жерло топки. Я смотрел на свои посеревшие в этом призрачном свете, сложенные на коленях руки. В правой был газовый пистолет. Понятия не имею, когда выхватил его из футляра. Я положил его обратно. Я уже знал, что мне не поможет даже атомная пушка — что ею можно сделать? Разнести дверь? Ворваться в лабораторию?

Я встал. Погружающийся в океан, похожий на водородный взрыв диск послал мне вдогонку горизонтальный пучок почти материальных лучей. Когда они тронули мою щеку (я уже спускался по лестнице вниз), я почувствовал прикосновение раскаленного клейма.

Спустившись до половины лестницы, я переду-

мал, вернулся наверх и обошел лабораторию. Как я уже говорил, коридор окружал ее. Пройдя шагов сто, я очутился на другой стороне у совершенно такой же стеклянной двери, но даже не пробовал ее открыть.

Я искал какого-нибудь окошка в пластиковой стене, какой-нибудь щели. Мысль о том, чтобы подсмотреть за Сарториусом, не казалась мне низкой. Я хотел покончить со всеми домыслами и узнать правду, хотя совершенно не представлял себе, как удастся ее понять.

Мне пришло в голову, что лабораторные помещения освещаются через верхние окна, прорезанные в обшивке, и что если я выберусь наружу, то, возможно, сумею заглянуть сквозь них в лабораторию. Для этого я должен был спуститься вниз за скафандром и кислородным аппаратом. Я стоял у лестницы, раздумывая, стоит ли игра свеч. Вероятнее всего, стекла в окнах матовые. Но что мне оставалось делать? Я спустился на средний этаж. Пришлось пройти мимо радиостанции. Ее дверь была распахнута настежь. Снаут сидел в кресле в том же положении, в каком я его оставил. Он спал, но, услышав звук моих шагов, вздрогнул и открыл глаза.

— Алло, Кельвин! — хрипло окликнул он меня.

Я молчал.

— Ну что? Узнал что-нибудь? — спросил он.

— Да, — ответил я, помедлив. — Он не один.

Снаут скривил губы:

— Скажите, пожалуйста! Это уже что-то. Так, говоришь, у него гости?

— Не понимаю, почему вы не хотите мне сказать, что это такое, — нехотя проговорил я. — Ведь, оставаясь тут, я все равно рано или поздно все узнаю. Зачем же эти тайны?

— Поймешь, когда к тебе самому придут гости, — ответил Снаут.

Казалось, он ждет чего-то и не очень хочет продолжать беседу.

— Куда идешь? — бросил он, когда я повернулся.

Я не ответил.

На ракетодроме ничего не изменилось. На возвышении стояла моя обожженная капсула. Я подошел к стойкам со скафандрами, и вдруг у меня пропало всякое желание выбираться наружу. Я повернулся и по крутой лесенке спустился вниз, туда, где были склады.

Узкий коридор был загроможден баллонами и поставленными друг на друга ящиками. Стены его отливали синевой ничем не покрытого

металла. Еще несколько десятков шагов — и под потолком показались подернутые белым инеем трубы холодильной аппаратуры. Я пошел дальше, ориентируясь по ним. Сквозь прикрытую толстым пластмассовым щитком муфту они проникали в герметически закрытое помещение. Когда я открыл тяжелую, толщиной в две ладони дверь с резиновой кромкой, меня охватил пронизывающий до костей холод. Я задрожал. Из чащи заснеженных змеевиков свисали ледяные сосульки. Здесь тоже стояли покрытые слоем снега ящики, коробки, полки у стен были завалены банками и упакованными в прозрачный пластик желтоватыми глыбами какого-то жира.

В глубине бочкообразный свод понижался. Там висела толстая, искрящаяся от ледяных игл занавеска. Я отодвинул ее край. На возвышении из алюминиевых решеток покоился покрытый серой тканью большой продолговатый предмет. Я поднял край полотнища и увидел искаженное лицо Гибаряна. Черные волосы с седой прядью надо лбом гладко прилегали к черепу. Кадык торчал высоко, переламывая линию шеи. Высохшие глаза смотрели прямо в потолок, в углу одного глаза собралась мутная капля замерзшей воды. Холод пронизывал меня, я с трудом заставлял

себя не стучать зубами. Не выпуская савана, я другой рукой прикоснулся к его щеке. Ощущение было такое, будто я дотронулся до мерзлого полена. Кожа была шершавой из-за щетины, которая покрывала ее черными точками. Выражение неизмеримого, презрительного терпения застыло в изгибе губ. Опуская край ткани, я заметил, что по другую сторону тела из складок высовывается несколько черных продолговатых бусинок или зерен фасоли. Я замер.

Это были пальцы голых ступней, которые я видел со стороны подошвы, яйцеобразные подушечки пальцев были слегка раздвинуты. Под мятым пологом савана лежала негритянка.

Она лежала лицом вниз, как бы погруженная в глубокий сон. Дюйм за дюймом стягивал я толстую ткань. Голова, покрытая волосами, собранными в маленькие синеватые пучки, покоилась на сгибе черной массивной руки. Лоснящаяся кожа спины натянулась на бугорках позвонков. Ни малейшее движение не оживляло огромное тело. Еще раз я посмотрел на босые подошвы ее ног, и вдруг меня поразила одна удивительная деталь: они не были ни сплющены, ни сбиты той тяжестью, которую должны были носить, на них даже не ороговела кожа от хожде-

ния босиком, она была такой же тонкой, как на руках или плечах.

Я проверил это впечатление прикосновением, которое далось мне гораздо труднее, чем прикосновение к мертвому телу. И тут произошло невероятное: лежащее на двадцатиградусном морозе тело было живым, оно пошевелилось. Негритянка подтянула ногу, словно собака, которую взяли за лапу.

«Она здесь замерзнет», — подумал я. Но ее тело было спокойно и не слишком холодно, я еще чувствовал кончиками пальцев мягкое прикосновение. Я попятился за занавеску, опустил ее и вернулся в коридор. Мне показалось, что в нем дьявольски жарко. Лестница снова привела меня в зал ракетодрома. Я уселся на свернутый парашют и обхватил голову руками. Я не знал, что со мной происходит, я был совершенно разбит, мысли сползали в какую-то пропасть — потеря сознания, смерть казались мне невыразимой, недоступной милостью.

Мне незачем было идти к Снауту или к Сарториусу, я не представлял себе, чтобы кто-нибудь мог сложить в единое целое то, что я до сих пор пережил, видел, до чего дотронулся собственными руками. Единственным спасением, бегством,

объяснением был диагноз — сумасшествие. Да, я, должно быть, сошел с ума сразу же после посадки. Океан подействовал на мой мозг — я переживал галлюцинацию за галлюцинацией, а если это так, то незачем растрачивать силы на бесполезные попытки разгадать не существующие в действительности загадки, нужно прибегнуть к медицинской помощи, вызвать по радио «Прометея» или какой-нибудь другой корабль, дать сигнал SOS…

Тут случилось то, чего я никак не ожидал: мысль, что я сошел с ума, успокоила меня.

Я даже слишком хорошо понимал теперь слова Снаута — если допустить, что вообще существовал какой-то Снаут и что я с ним когда-либо разговаривал. Ведь галлюцинации могли начаться гораздо раньше. Кто знает, не нахожусь ли я еще на борту «Прометея», пораженный внезапным приступом мозгового заболевания; возможно, все, что я пережил, было лишь созданием моего разгоряченного воображения. Однако если я был болен, то мог выздороветь, а это давало мне по крайней мере надежду на спасение, которой я никак не мог узреть в длящихся всего несколько часов запутанных кошмарах Соляриса.

Необходимо было, следовательно, прове-

сти прежде всего какой-нибудь логично продуманный эксперимент над самим собой — *experimentum crucis*[3], который показал бы мне, действительно ли я свихнулся и стал жертвой бредовых видений или же, несмотря на их полную абсурдность и неправдоподобность, мои переживания реальны.

Так я размышлял, присматриваясь к металлическому кронштейну, который поддерживал несущую конструкцию ракетодрома. Это была выступающая из стены, выложенная выпуклыми плитами стальная мачта, окрашенная в салатный цвет; в нескольких местах, на высоте примерно метра, краска облупилась — наверное, ее ободрали проезжающие здесь тележки. Я дотронулся до стали, погрел ее немножко ладонью, постучал по кромке предохранительной плиты: может ли бред достигать такой степени реальности? Может — ответил я сам себе; как-никак это была моя специальность, в этом я разбирался.

А можно ли придумать этот ключевой эксперимент? Сначала мне казалось, что нет, ибо мой больной мозг (если, конечно, он больной) будет создавать любые иллюзии, каких я от него потре-

---

[3] Примечания: 3

Ключевой эксперимент. Буквально — проба крестом *(лат.)*.

бую. Ведь не только при болезни, но и в самом обычном сне случается, что мы разговариваем с неизвестными нам наяву людьми, задаем этим снящимся образам вопросы и слышим их ответы; причем, хотя эти люди в действительности лишь плод нашей собственной психики, выделенные временно ее псевдосамостоятельными частями, мы не знаем, какие слова они произнесут, до тех пор, пока они (во сне) не обратятся к нам. А ведь на самом деле эти слова созданы той же обособленной частью нашего собственного разума, и поэтому мы должны были бы их знать уже в тот момент, когда сами их придумали, чтобы вложить в уста фиктивного собеседника. Таким образом, что бы я ни задумал, ни осуществил, я всегда мог себе сказать, что поступил так, как поступают во сне. И Снаут, и Сарториус могли вовсе не существовать в действительности, поэтому задавать им какие бы то ни было вопросы было бессмысленно.

Я подумал, что мог бы принять какое-нибудь лекарство, какое-нибудь сильно действующее средство, например пеотил или другой препарат, который вызывает галлюцинации или цветовые видения. Появление этих феноменов доказало бы, что принятое мной вещество существует на

самом деле и является частью материальной, окружающей меня действительности. Но и это — продолжал я свою мысль — не было бы нужным ключевым экспериментом, поскольку я знал, как должно действовать средство (которое я сам бы выбрал), а значит, могло случиться, что как прием этого лекарства, так и вызванный им эффект будут одинаково созданием моего воображения.

Мне уже казалось, что, попав в этот замкнутый круг, я не сумею из него вырваться, ведь нельзя мыслить иначе, чем мозгом, нельзя выбраться из самого себя, чтобы проверить нормальность проходящих в организме процессов, — как вдруг меня осенила мысль, столь же простая, сколь удачная.

Я вскочил и помчался прямо на радиостанцию. Там никого не было. Мимоходом я бросил взгляд на стенные электрические часы. Было около четырех часов ночи, условной ночи станции, снаружи царил красный рассвет. Я быстро включил аппаратуру дальней радиосвязи и, ожидая, когда нагреются лампы, еще раз мысленно повторил каждый этап эксперимента.

Я не помнил, каким сигналом вызывается автоматическая станция Обращавшегося вокруг Соляриса сателлоида, но нашел его на таблице,

висящей над главным пультом. Послал вызов и через восемь секунд получил ответ. Сателлоид, а точнее его электронный мозг, отозвался ритмично повторяющимися импульсами. Тогда я потребовал, чтобы он с точностью до пятого десятичного знака сообщил, какие меридианы звездного купола Галактики он пересекает в интервалах в двадцать две секунды, обращаясь вокруг Соляриса. Потом я сел и стал ждать ответа. Он пришел через десять минут. Я оторвал бумажную ленту с отпечатанным на ней результатом и, Спрятав ее в ящик (я старался не бросить на нее ни одного взгляда), принес из библиотеки большие карты неба, логарифмические таблицы, справочник суточного движения спутника и еще несколько книг, после чего начал искать ответ на тот же самый вопрос. Почти час ушел у меня на составление уравнений. Не помню, когда последний раз мне пришлось столько считать. Наверное, еще в студенческие годы на экзамене по практической астрономии.

Вычисление я проводил на большом калькуляторе станции. Мои рассуждения были примерно такими. По картам неба я получу цифры, не точно совпадающие с данными, сообщенными сателлоидом. Не точно, потому что сателлоид подвержен

очень сложным пертурбациям, вызванным влиянием гравитационных сил Соляриса, его обоих, кружащихся друг около друга солнц, а также локальных изменений притяжения, создаваемых океаном. Когда у меня будет два ряда цифр — полученных от сателлоида и вычисленных теоретически, — я внесу в мои вычисления поправки. Тогда обе группы результатов должны совпасть до четвертого знака после запятой. Расхождения будут только в пятом знаке, они отразят неучтенное воздействие океана.

Ведь если цифры, сообщенные сателлоидом, не существуют в действительности, а являются плодом моего воображения, то они никак не смогут совпасть с другим рядом — вычисленных данных. Мозг мой может быть больным, но ни при каких условиях он не в состоянии произвести вычисления, выполненные большим калькулятором станции, так как на это потребовалось бы много месяцев. А следовательно, если цифры совпадут, значит большой калькулятор станции на самом деле существует и я пользовался им в действительности, а не в бреду.

У меня дрожали руки, когда я вынимал из ящика бумажную телеграфную ленту и, расправляя, клал ее рядом с другой, более широкой, из каль-

кулятора. Оба ряда цифр, как я и предполагал, совпадали до четвертого знака. Расхождение появилось только в пятом. Я спрятал все бумаги в ящик. Итак, калькулятор существовал независимо от меня. А это значит, станция и все, что на ней есть, реально существует.

Я уже хотел закрыть ящик, когда заметил в нем целую пачку листков, покрытых нетерпеливыми подсчетами. Я вынул пачку и с первого взгляда понял, что кто-то уже проводил эксперимент, похожий на мой, с той только разницей, что вместо данных, касающихся звездной сферы, потребовал от сателлоида измерений альбедо Соляриса в сорокасекундных интервалах.

Я не был сумасшедшим. Последний лучик надежды угас. Я выключил передатчик, выпил остатки бульона из термоса и пошел спать.

Хари

Все расчеты я делал с каким-то молчаливым остервенением, и только оно удерживало меня на ногах. Я настолько отупел от усталости, что даже не сумел разложить кровать, и вместо того, чтобы освободить верхние зажимы, потянул за поручень, и постель свалилась прямо на меня. Наконец я опустил кровать, сбросил одежду и белье прямо на пол и полуживой упал на подушку, даже не надув ее как следует. Я заснул при свете, не помню когда. Открыв глаза, я решил, что спал всего несколько минут. Комнату заливало угрюмое красное сияние. Мне было холодно и хорошо. Напротив кровати, под окном, кто-то сидел в кресле, освещенный красным солнцем. Это была Хари. В белом платье, босая, темные волосы зачесаны назад, тонкий материал натянулся на груди, загорелые до локтей руки опущены. Хари неподвижно смотрела на меня из-под своих черных ресниц. Я разглядывал ее долго и в общем спокойно. Моей первой мыслью было: «Как хорошо, что это такой сон, когда знаешь, что тебе все снится». И все-таки мне хотелось, чтобы она исчезла. Я закрыл глаза и заставил себя хотеть этого

очень сильно, но, когда открыл их снова, она по-прежнему сидела передо мной. Губы она сложила по-своему, будто собиралась свистнуть, но в глазах не было улыбки. Я припомнил все, что думал о снах накануне вечером, перед тем как лечь спать. Хари выглядела точно так же, как тогда, когда я видел ее последний раз живой, а ведь тогда ей было девятнадцать. Сейчас ей было бы двадцать девять, но, естественно, ничего не изменилось — мертвые остаются молодыми. Она глядела на меня все теми же всему удивляющимися глазами. «Кинуть в нее чем-нибудь», — подумал я, но, хотя это был только сон, не решился.

— Бедная девочка. Пришла меня навестить, да? — сказал я и немного испугался, потому что мой голос прозвучал так правдиво, а комната и Хари — все выглядело так реально, как только можно себе представить.

Какой пластичный сон, мало того, что он цветной, я вдобавок увидел тут на полу многие вещи, которых вчера, ложась спать, даже не заметил. «Когда проснусь, — решил я, — нужно будет проверить, действительно ли они здесь лежат или это только во сне, как Хари…»

— И долго ты намерена так сидеть? — спросил я и заметил, что говорю очень тихо, словно боюсь,

что меня услышат. Как будто можно подслушать, что происходит во сне.

В это время солнце уже немного поднялось. «Ну вот, — подумал я, — отлично. Я ложился, когда был красный день, затем должен наступить голубой и только потом второй красный. Поскольку я не мог без перерыва проспать пятнадцать часов, это наверняка сон».

Успокоенный, я внимательно присмотрелся к Хари. Свет падал на нее сзади. Луч, проходящий сквозь щель в занавеске, золотил бархатный пушок на ее левой щеке, а от ресниц на лицо падала длинная тень. Она была прелестна. «Скажите, пожалуйста, — пришла мне в голову мысль, — какой я скрупулезный, даже по ту сторону реальности. И движение солнца отмечаю, и то, что у нее ямочка там, где ни у кого нет, под уголком удивленных губ». И все же мне хотелось, чтобы это поскорее кончилось.

Пора заняться работой. Я изо всех сил зажмурился, стараясь проснуться, но вдруг услышал скрип и тотчас открыл глаза.

Хари сидела рядом со мной на кровати и внимательно смотрела на меня. Я улыбнулся ей, и она тоже улыбнулась и наклонилась надо мной. Первый поцелуй был легким, как будто мы были

детьми. Я целовал ее долго. «Разве можно так воспользоваться сном?» — подумал я, Но ведь это даже не измена ее памяти, ведь мне снится она. Она сама. Никогда со мной такого не случалось…

Мы лежали навзничь и по-прежнему ничего не говорили. Когда она поднимала лицо, мне становились видны маленькие ноздри, которые всегда были барометром ее настроения. Кончиками пальцев я потрогал ее уши — мочки порозовели от поцелуев. Не знаю, от этого ли мне стало так неспокойно; я все еще говорил себе, что это сон, но сердце у меня сжималось.

Я напрягся, чтобы вскочить с постели, но приготовился к неудаче — во сне мы очень часто не можем управлять собственным телом, — скорее я рассчитывал проснуться от этого усилия, но не проснулся, а просто сел на кровати, спустив ноги на пол. «Ничего не поделаешь, пусть снится до конца», — сдался я, но хорошее настроение исчезло окончательно. Я боялся.

— Чего ты хочешь? — Голос звучал хрипло, и мне пришлось откашляться.

Машинально я начал искать ногами ночные туфли, но прежде чем вспомнил, что здесь нет никаких туфель, сильно ушиб палец; я даже зашипел от боли. «Ну, теперь это кончится», — с

удовлетворением решил я.

Но ничего не произошло. Когда я сел, Хари отодвинулась. Плечами она оперлась о спинку кровати. Платье ее чуть-чуть подрагивало под левой грудью в такт биению сердца. Она смотрела на меня со спокойным интересом. Я подумал, что лучше всего принять душ, но сразу же сообразил, что душ, который снится, не может разбудить.

— Откуда ты взялась?

Она подняла мою руку и стала подбрасывать ее знакомым движением.

— Не знаю. Это плохо?

И голос был тот же, низкий… и рассеянный тон. Она всегда говорила так, будто мысли ее заняты чем-то другим.

— Тебя… кто-нибудь видел?

— Не знаю. Я просто пришла. Разве это важно, Крис?

Хари все еще играла моей рукой, но ее лицо больше в этом не участвовало. Она нахмурилась.

— Хари?..

— Что, милый?

— Откуда ты узнала, где я?

Это ее озадачило.

— Понятия не имею. Смешно, да? Ты спал, когда я вошла, и не проснулся. Мне не хотелось тебя

будить, потому что ты злюка. Злюка и зануда. — В такт своим словам она энергично подбрасывала мою руку.

— Ты была внизу?

— Была. Я убежала оттуда. Там холодно.

Она отпустила мою руку. Укладываясь на бок, тряхнула головой, чтобы все волосы были на одной стороне, и посмотрела на меня с той полуулыбкой, которая много лет назад перестала меня дразнить только тогда, когда я понял, что люблю ее.

— Но ведь… Хари… ведь… — больше мне ничего не удалось из себя выдавить.

Я наклонился над ней и приподнял короткий рукав платья. Над похожей на цветок меткой от прививки оспы краснел маленький след укола. Хотя я ожидал этого (так как все еще инстинктивно пытался найти обрывки логики в невозможном), мне стало не по себе. Я дотронулся пальцем до ранки, которая снилась мне годами, так что я просыпался со стоном на растерзанной постели, всегда в одной и той же позе — скорчившись так, как лежала она, когда я нашел ее уже холодной. Наверное, во сне я пытался сделать то же, что она, словно хотел вымолить прощение или быть вместе с ней в те последние минуты,

когда она уже почувствовала действие укола и должна была испугаться. Она боялась даже обычной царапины, совершенно не выносила ни боли, ни вида крови и вот теперь сделала такую страшную вещь, оставив пять слов на открытке, адресованной мне. Открытка была у меня в бумагах, я носил ее при себе постоянно, замусоленную, порванную на сгибах, и не имел мужества с ней расстаться, тысячу раз возвращаясь к моменту, когда она ее писала, и к тому, что она тогда должна была чувствовать. Я уговаривал себя, что она хотела сделать это в шутку и напугать меня, и только доза случайно оказалась слишком большой. Друзья убеждали меня, что все было именно так или что это было мгновенное решение, вызванное депрессией, внезапной депрессией. Но они ведь не знали…

За пять дней до того я сказал ей все и, чтобы задеть ее еще больше, стал собирать вещи. А она, когда я упаковывался, спросила очень спокойно: «Ты понимаешь, что это значит?..» Я сделал вид, что не понимаю, хотя отлично понимал. Я считал ее трусихой и сказал ей об этом, а теперь она лежала поперек кровати и смотрела на меня внимательно, как будто не знала, что я ее убил.

Комната была красной от солнца, волосы Хари

блестели, она смотрела на свое плечо, а когда я опустил руку, прижалась холодной гладкой щекой к моей ладони.

— Хари, — прохрипел я. — Это невозможно.

— Перестань!

Ее глаза были закрыты, я видел, как дрожали веки, черные ресницы касались щек.

— Где мы, Хари?

— У нас.

— Где это?

Один глаз на миг открылся и закрылся снова. Она пощекотала ресницами мою ладонь.

— Крис!

— Что?

— Мне хорошо.

Я сидел над ней не шевелясь. Потом поднял голову и увидел в зеркале над умывальником часть кровати, растрепанные волосы Хари и свои голые колени. Я подтянул ногой один из тех наполовину расплавленных инструментов, которые валялись на полу, взял его свободной рукой, приставил к коже над тем местом, где розовел полукруглый симметричный шрам, и воткнул в тело. Боль была резкой. Я смотрел на большие капли крови, которые скатывались по бедру и тихо падали на пол.

И это не помогло. Ужасные мысли, которые бродили у меня в голове, становились все отчетливее. Я больше не говорил себе: «Это сон», теперь я думал: «Нужно защищаться». Я посмотрел на ее босые ноги, потом потянулся к ним, осторожно дотронулся до розовой пятки и провел пальцем по подошве. Она была нежной, как у новорожденного.

Я уже наверняка знал, что это не Хари, и почти не сомневался, что сама она об этом не знает.

Босая нога шевелилась в моей ладони, темные губы Хари набухли от беззвучного смеха.

— Перестань… — шепнула она.

Я мягко отвел руку и встал. Поспешно одеваясь, увидел, как она села на кровати и стала глядеть на меня.

— Где твои вещи? — спросил я и тотчас пожалел об этом.

— Мои вещи?

— Что, у тебя только одно платье?

Теперь это была уже игра. Я умышленно старался говорить небрежно, обыденно, как будто мы вообще никогда не расставались. Она встала и знакомым мне легким и сильным движением провела рукой по платью, чтобы разгладить его. Мои слова ее заинтересовали, но она ничего не

сказала, только обвела комнату сосредоточенным, ищущим взглядом и повернулась ко мне с удивлением.

— Не знаю, — сказала беспомощно Хари. — Может быть, в шкафу? — добавила она, приоткрыв дверцы.

— Нет, там только комбинезоны, — ответил я, подошел к умывальнику, взял электробритву и начал бриться, стараясь при этом не становиться спиной к девушке, кем бы она ни была.

Она ходила по комнате, заглядывала во все углы, посмотрела в окно, наконец подошла ко мне.

— Крис, у меня такое ощущение, как будто что-то случилось.

Она остановилась. Я выключил бритву и ждал, что будет дальше.

— Как будто я что-то забыла… очень многое забыла. Знаю… помню только себя… и… и ничего больше.

Я слушал ее, стараясь владеть своим лицом.

— Я была… больна?

— Ну, можно это назвать и так. Да, некоторое время ты была немного больна.

— Ага. Это, наверное, оттого.

Она слегка повеселела. Не могу передать, что я чувствовал. Когда она молчала, ходила, сидела,

улыбалась, впечатление, что я вижу перед собой Хари, было сильнее, чем сосущая меня тревога. Но моментами мне казалось, что это какая-то упрощенная Хари, сведенная к нескольким характерным обращениям, жестам, движениям. Она подошла совсем близко, уперла сжатые кулаки мне в грудь и спросила:

— Как у нас с тобой? Хорошо или плохо?

— Как нельзя лучше!

Она слегка улыбнулась.

— Когда ты так говоришь, скорее плохо.

— С чего ты это взяла… Хари… дорогая… я должен сейчас уйти, — проговорил я поспешно. — Подожди меня, хорошо? А может быть, ты голодна? — добавил я, потому что сам чувствовал все усиливающийся голод.

— Голодна? Нет.

Она тряхнула головой.

— Я должна ждать тебя? Долго?

— Часик, — начал я, но она прервала:

— Пойду с тобой.

Это была уже совсем другая Хари: та не навязывалась. Никогда.

— Детка, это невозможно.

Она смотрела на меня снизу, потом неожиданно взяла меня за руку. Я погладил ее упругое,

теплое плечо. Внезапно я понял, что ласкаю Хари. Мое тело узнавало, хотело ее, меня тянуло к ней, несмотря на разум, логику и страх.

Стараясь любой ценой сохранить спокойствие, я повторил:

— Хари, это невозможно. Ты должна остаться здесь.

— Нет.

Как это прозвучало!

— Почему?

— Н-не знаю.

Она осмотрелась и снова подняла на меня глаза.

— Не могу… — сказала она совсем тихо.

— Но почему?!

— Не знаю. Не могу. Мне кажется… Мне кажется…

Она настойчиво искала в себе ответ, а когда нашла, то он был для нее откровением.

— Мне кажется, что я должна тебя все время видеть.

В интонации этих слов было что-то, встревожившее меня. И, наверное, поэтому я сделал то, чего совсем не собирался делать. Глядя ей в глаза, я начал выгибать ее руки за спину. Это движение, сначала не совсем решительное, становилось

осмысленным, у меня появилась цель. Я уже искал глазами что-нибудь, чем можно ее связать.

Ее локти, вывернутые назад, слегка стукнулись друг о друга и одновременно напряглись с силой, которая сделала мою попытку бессмысленной. Я боролся, может быть, секунду. Даже атлет, перегнувшись назад, как Хари, едва касаясь ногами пола, не сумел бы освободиться. Но она, с лицом, не принимавшим во всем этом никакого участия, со слабой, неуверенной улыбкой, разорвала мой захват, выпрямилась и опустила руки.

Ее глаза смотрели на меня с тем же спокойным интересом, что и в самом начале, когда я проснулся. Как будто она не обратила внимания на мое отчаянное усилие, вызванное приступом паники. Она стояла неподвижно и словно чего-то ждала — одновременно равнодушная, сосредоточенная и чуточку всем этим удивленная.

Я отпустил ее, оставил на середине комнаты и пошел к полке возле умывальника. Я чувствовал, что попал в кошмарную западню, и искал выхода, перебирая все более беспощадные способы борьбы. Если бы меня кто-нибудь спросил, что со мной происходит и что все это значит, я не смог бы выдавить из себя ни слова. Но я уже уяснил — то, что делается на станции со всеми нами,

составляет единое целое, страшное и непонятное. Однако в тот момент я думал о другом, я силился отыскать какой-нибудь трюк, какой-нибудь фокус, который позволил бы мне убежать. Не оборачиваясь, я чувствовал на себе взгляд Хари. Над полкой в стене находилась маленькая аптечка. Я бегло просмотрел ее содержимое, отыскал банку со снотворным и бросил в стакан четыре таблетки — максимальную дозу. Я даже не очень скрывал свои манипуляции от Хари. Трудно сказать, почему. Просто не задумывался над этим. Налил в стакан горячей воды, подождал, когда таблетки растворятся, и подошел к Хари, все еще стоявшей посреди комнаты.

— Сердишься? — спросила она тихо.

— Нет. Выпей это.

Не знаю, почему я решил, что она меня послушается. Действительно, она молча взяла стакан из моих рук и залпом выпила снотворное. Я поставил пустой стакан на столик и уселся в углу между шкафом и книжной полкой. Хари медленно подошла ко мне и устроилась на полу возле кресла, подобрав под себя ноги так, как она делала не один раз, и не менее хорошо знакомым мне движением отбросила назад волосы. Хотя я уже совершенно не верил в то, что это она, каж-

дый раз, когда я узнавал эти ее привычки, у меня перехватывало дыхание. Все это было непонятно и страшно, а страшнее всего было то, что мне и самому приходилось фальшивить, делая вид, что я принимаю ее за Хари.

Но ведь она-то считала себя Хари, и с этой точки зрения в ее поведении не было никакого коварства. Не знаю, как я дошел до подобной мысли, но в этом я был уверен, если я вообще мог быть хоть в чем-нибудь уверен!

Я сидел, а девушка оперлась плечом о мои колени, ее волосы щекотали мою руку, мы оба почти не двигались. Раза два я незаметно смотрел на часы. Прошло полчаса — снотворное должно было подействовать. Хари что-то тихонько пробормотала.

— Что ты говоришь? — спросил я, но она не ответила.

Я принял это за признак нарастающей сонливости, хотя, честно говоря, в глубине души сомневался, что лекарство подействует. Почему? И на этот вопрос не было ответа. Скорее всего потому, что моя хитрость была слишком примитивна.

Понемногу голова Хари склонилась на мое колено, темные волосы закрыли ее лицо. Она

дышала мерно, как спящий человек. Я наклонился, чтобы перенести ее на кровать. Вдруг она, не открывая глаз, схватила меня за волосы и разразилась громким смехом.

Я остолбенел, а Хари просто зашлась от смеха. Сощурив глаза, она следила за мной с наивной и хитрой миной. Я сидел неестественно, неподвижно, ошалевший и беспомощный. Хари, вдоволь насмеявшись, прижалась лицом к моей руке и затихла.

— Почему ты смеешься? — спросил я деревянным голосом.

То же выражение немного тревожного раздумья появилось на ее лице. Я видел, что она хочет быть честной. Она потрогала пальцем свой маленький нос и сказала наконец, вздохнув:

— Сама не знаю.

В ее ответе прозвучало непритворное удивление.

— Я веду себя как идиотка, да? — начала она. — Мне ни с того ни с сего как-то… Но ты тоже хорош: сидишь надутый, как… как Пелвис…

— Как кто? — переспросил я; мне показалось, что я ослышался.

— Как Пелвис, ну ты ведь знаешь, тот, толстый.

Уж Хари-то, вне всякого сомнения, не могла знать Пелвиса и даже слышать о нем от меня по той простой причине, что он вернулся из своей экспедиции только через три года после ее смерти. Я тоже не был с ним знаком до этого и не знал, что, председательствуя на собраниях института, он имел обычай затягивать заседание до бесконечности. Собственно говоря, его имя было Пелле Виллис, из этого и образовалось сокращенное прозвище, также неизвестное до его возвращения.

Хари оперлась локтями о мои колени и смотрела мне в глаза. Я взял ее за кисти и медленно провел руками вверх по плечам, так что мои пальцы почти сомкнулись вокруг ее пульсирующей шеи. В конце концов это могла быть и ласка, и, судя по ее взгляду, она так к этому и отнеслась. В действительности я просто хотел убедиться в том, что у нее обыкновенное, теплое человеческое тело и что под мышцами находятся кости. Глядя в ее спокойные глаза, я почувствовал острое желание быстро стиснуть пальцы.

Я уже почти сделал это, когда вдруг вспомнил окровавленные руки Снаута, и отпустил ее.

— Как ты смотришь… — сказала Хари спокойно.

У меня так колотилось сердце, что я был не в состоянии отвечать. На мгновение я закрыл глаза.

И вдруг у меня родился план действий, от начала до конца, со всеми деталями. Не теряя ни минуты, я встал с кресла.

— Мне пора идти, Хари, — сказал я, — и если уж ты так хочешь, то пойдем со мной.

— Хорошо.

Она вскочила.

— Почему ты босая? — спросил я, подходя к шкафу и выбирая среди разноцветных комбинезонов два — для себя и для нее.

— Не знаю... наверное, куда-нибудь закинула туфли, — сказала она неуверенно.

Я пропустил это мимо ушей.

— В платье ты не сможешь этого надеть, придется тебе его снять.

— Комбинезон? А зачем? — поинтересовалась она и сразу же начала стягивать с себя платье. Но тут выяснилась удивительная вещь. Платье нельзя было снять, у него не было никакой застежки, ни молнии, ни крючков, ничего. Красные пуговки посредине были только украшением. Хари смущенно улыбнулась. Сделав вид, что это самая обычная вещь на свете, я поднял с пола похожий на скальпель инструмент и разрезал

платье на спине, в том месте, где кончалось декольте. Теперь она могла снять платье через голову. Комбинезон был немного великоват.

— Полетим?.. И ты тоже? — допытывалась она, когда мы оба уже одетыми покидали комнату. Я только кивнул головой. Я ужасно боялся, что мы встретим Снаута, но коридор, ведущий на взлетную площадку, был пуст, а двери радиостанции, мимо которой нам пришлось пройти, — закрыты.

Хари следила за тем, как я на небольшой электрической тележке выкатил из среднего бокса на свободный путь ракету. Я поочередно проверил исправность микрореактора, дистанционное управление рулей и дюз, потом вместе со стартовой тележкой перекатил ракету на круглую плоскость стартового диска под центральной воронкой купола, предварительно убрав оттуда мою пустую капсулу.

Это была небольшая ракета для поддержания связи между станцией и сателлоидом, которая использовалась для перевозки грузов, а не людей. Люди летали в ней только в исключительных случаях, так как ее нельзя было открыть изнутри. Именно это и составляло часть моего плана. В действительности я не собирался запускать ра-

кету, но делал все так, как будто по-настоящему готовил ее к старту. Хари, которая столько раз бывала моей спутницей в путешествиях, немного разбиралась в этом. Я еще раз проверил внутри состояние кислородной аппаратуры и кондиционера, привел все в действие, а когда после включения главной цепи загорелись сигнальные лампочки, вылез из тесной кабины и указал на нее Хари, которая стояла у лесенки:

— Забирайся.

— А ты?

— Я за тобой. Мне нужно будет закрыть за нами люк.

Я был уверен, что она не заметит моей хитрости. Когда она забралась по лесенке в кабину, я сразу же всунул голову внутрь, спросил, удобно ли она расположилась, и услышав глухое сдавленное «да», откачнулся назад и с размаху захлопнул люк. Двумя движениями я вбил обе задвижки до упора и приготовленным ключом начал доворачивать пять болтов, закрепленных в углублениях обшивки.

Заостренная сигара стояла вертикально, как будто действительно должна была через мгновение уйти в пространство. Я знал, что с той, которая заперта внутри, не случится ничего

плохого. В ракете было достаточно кислорода и даже немножко продовольствия. В конце концов я вовсе не собирался держать ее там до бесконечности.

Я стремился любой ценой добыть хотя бы пару часов свободы, чтобы составить планы на будущее и наладить контакт со Снаутом. Теперь уже на равных правах.

Затянув предпоследний болт, я почувствовал, что металлические стойки, в которых торчала ракета, подвешенная только за три небольшие выступа, слегка дрожат, но подумал, что это я сам, изо всех сил орудуя большим ключом, нечаянно раскачал стальную глыбу.

Однако когда я отошел на несколько шагов, то увидел такое, чего не хотел бы увидеть еще раз.

Ракета ходила ходуном, подбрасываемая сериями падающих изнутри ударов, но каких ударов! Если бы место черноволосой стройной девушки занял стальной автомат, наверное, даже он не сумел бы ввергнуть восьмитонную массу в эту конвульсивную тряску.

Отражения ламп в полированной поверхности ракеты переливались и плясали. Звука ударов я, правда, не слышал, внутри ракеты было совершенно тихо. Только широко расставленные

опоры конструкции, в которой висела ракета, утратили четкость рисунка, они вибрировали, как струны. Частота колебаний была такой, что я испугался за целость обшивки. Трясущимися руками я затянул последний болт, отшвырнул ключ и соскочил с лесенки. Медленно пятясь задом, я видел, как шпильки амортизаторов, рассчитанных только на постоянное давление, подпрыгивают в своих гнездах. Мне показалось, что бронированная оболочка теряет свой однородный монолитный блеск. Как сумасшедший, подскочил я к пульту дистанционного управления, обеими руками толкнул вверх рычаги запуска реактора и связи. И тогда из репродуктора, подключенного к кабине ракеты, вырвался пронзительный не то визг, не то свист, совершенно непохожий на человеческий голос, но, несмотря на это, я разобрал в нем повторяющееся, воющее: «Крис! Крис!!!»

Не могу сказать, что я слышал это отчетливо. Кровь лилась с моих ободранных рук, я хаотично, в бешеном темпе стремился запустить ракету. Желтоватый отсвет упал на стены. Со стартовой площадки под воронкой клубами взлетела пыль, ее сменил сноп искр, и все звуки покрыл высокий протяжный гул. Ракета поднялась на

трех языках пламени, которые сразу же слились в одну огненную колонну, и рванулась сквозь стартовую шахту. Заслонки тотчас же закрылись, автоматически включившиеся компрессоры начали продувать свежим воздухом помещение, в котором клубился едкий дым.

Всего этого я не замечал. Опершись руками о пульт, еще чувствуя на лице огонь, с обгоревшими волосами, я судорожно хватал ртом воздух, пропитанный гарью и характерным запахом ионизации. Хотя в момент старта я инстинктивно закрыл глаза, пламя все же ослепило меня. Некоторое время я видел только черные, красные и золотые круги. Понемногу это прошло. Дым и пыль уходили, втягивались в протяжно стонущие вентиляционные трубы.

Первое, что я увидел, был зеленый экран локатора. Я начал искать ракету. Когда я ее наконец поймал, она уже проскочила атмосферу. Еще никогда в жизни я не запускал ракет таким сумасшедшим, вслепую, способом, не имея понятия, ни какое ей дать ускорение, ни вообще куда ее направить. Я подумал, что проще всего вывести ее на круговую орбиту вокруг Соляриса, на высоту порядка тысячи километров. Тогда я смогу выключить двигатели: они работали слишком

долго, и я не был уверен, что в результате не произойдет катастрофы. Тысячекилометровая орбита была, как я убедился, проверив по таблице, стационарной. Правда, она тоже ничего не гарантировала, просто это был единственный выход из положения, который я видел.

У меня не хватило смелости включить репродуктор, который я выключил сразу же после старта. Я сделал бы все что угодно, лишь бы не услышать снова этот ужасный голос, в котором уже не осталось ничего человеческого. Все сомнения — это я мог себе сказать — были уничтожены, и сквозь мнимое лицо Хари начало проглядывать другое, настоящее, перед которым альтернатива помешательства действительно казалась освобождением.

Было около часа, когда я покинул ракетодром.

«Малый Апокриф»

Кожа на лице и руках у меня была обожжена. Я вспомнил, что когда искал снотворное для Хари (сейчас я бы посмеялся над своей наивностью, если бы только мог), то заметил в аптечке баночку мази от ожогов, и отправился к себе. Я открыл дверь и в красном свете заката увидел, что в кресле, где перед этим располагалась Хари, кто-то сидит. Страх парализовал меня, я рванулся назад, чтобы спастись бегством. Это продолжалось какую-то долю секунды. Сидящий поднял голову. Я узнал Снаута. Положив ногу на ногу, повернувшись ко мне спиной, он листал какие-то бумаги. Большая пачка их лежала рядом на столике. Заметив мое присутствие, Снаут отложил все бумаги и некоторое время хмуро рассматривал меня поверх спущенных на кончик носа очков.

Я молча подошел к умывальнику, вынул из аптечки полужидкую мазь и начал смазывать ею наиболее обожженные места на лбу и щеках. К счастью, лицо не очень опухло. Несколько больших пузырей на виске и щеке я проткнул стерильной иглой для уколов и выдавил из них жидкость. Потом прилепил два куска влажной

марли. Все это время Снаут внимательно следил за мной. Я не обращал на него внимания. Наконец я завершил эту процедуру — лицо у меня горело все сильней — и уселся в другое кресло. Сначала мне пришлось снять с него платье Хари. Это было совсем обычное платье, если не считать отсутствующей застежки.

Снаут, сложив руки на остром колене, критически следил за моими действиями.

— Ну что, поговорим? — спросил он, подождав, пока я не сяду. Я молчал, придерживая кусок марли, который начал сползать со щеки.

— Были гости, а?

— Да, — ответил я тихо. У меня не было ни малейшего желания поддерживать такой тон.

— И тебе удалось от них избавиться? Ну-ну, здорово ты за это взялся.

Он дотронулся до своего шелушащегося лба, на котором уже показались розовые пятна молодой кожи. Я одурело смотрел на них. Почему до сих пор этот так называемый загар Снаута и Сарториуса не заставил меня задуматься? Я считал, что он от солнца, — а ведь на Солярисе никто не загорает.

— Но начал ты, конечно, скромно? — сказал Снаут, не обращая внимания на то, что я весь

вспыхнул от осенившей меня догадки. — Разные наркотики, яды, приемы вольной борьбы, а?

— Чего ты хочешь? Мы можем разговаривать на равных. Если ты собираешься паясничать, лучше уходи.

— Иногда приходится паясничать и не желая этого, — сказал он и поднял на меня прищуренные глаза. — Не будешь же ты меня убеждать, что не попробовал веревки или молотка? А чернильницей, случайно, не бросался, как Лютер? Нет? Э, — поморщился он, — да ты парень что надо. Даже умывальник цел. Голову разбить вообще не пробовал, в комнате полный порядок. Значит, раз-два — засадил, выстрелил, и готово? — Снаут взглянул на часы и подвел итог: — Каких-нибудь два, а может, и три часа у нас теперь есть.

Он посмотрел на меня с неприятной усмешкой и вдруг спросил:

— Так, по-твоему, я свинья?

— Законченная свинья, — подтвердил я резко.

— Да? А ты поверил бы мне, если бы я сказал? Поверил бы хоть одному слову?

Я молчал.

— С Гибаряном это случилось с первым, — продолжал он, все так же искусственно улыбаясь. — Он заперся в своей комнате и разговаривал

только через дверь. А мы… догадываешься, что мы решили?

Я догадывался, но предпочел промолчать.

— Ну ясно. Решили, что он помешался. Кое-что он нам рассказал, но не все. Может быть, ты даже догадываешься, почему он скрывал, кто у него был? Ведь ты уже знаешь: *suum cuique* [4]. Но это был настоящий ученый. Он требовал, чтобы мы дали ему шанс.

— Какой шанс?

— Ну, я думаю, он пробовал это как-то классифицировать, как-то договориться, что-то решить. Известно тебе, что он делал? Наверное, известно?

— Расчеты, — сказал я. — В ящике. На радиостанции. Это он?

— Да. Но тогда я еще ничего не знал.

— Как долго это продолжалось?

— С неделю. Разговаривали через дверь. Но что там делалось… Мы думали, у него галлюцинации, моторное возбуждение. Я давал ему скополамин.

— Как… ему?!

— Ну да. Он брал, но не для себя. Экспериментировал. Так все и шло.

---

[4] Примечания: 4
Каждому свое *(лат.).*

— А вы?..

— Мы? На третий день решили добраться до него, выломать дверь, если иначе не удастся. Мы благородно решили его лечить.

— Ах… значит, поэтому! — вырвалось у меня.

— Да.

— И там… в том шкафу…

— Да, мой милый. Да. Он не знал, что в то время нас тоже навестили гости. Мы уже не могли им заниматься. Но он не знал об этом. Теперь… теперь это уже в определенном смысле норма…

Он произнес это так тихо, что последнее слово я скорее угадал, чем услышал.

— Погоди, я не понимаю, — сказал я. — Как же так? Ведь вы должны были слышать. Ты сам сказал, что вы подслушивали. Вы должны были слышать два голоса, и, следовательно…

— Нет. Только его голос, а если там даже и были непонятные звуки, то сам понимаешь, что их мы тоже приписывали ему…

— Только его? Но… почему же?

— Не знаю. Правда, у меня на этот счет есть одна теория. Но, думаю, не следует с ней торопиться, тем более что всего она не объясняет. Вот так. Но ты должен был что-то увидеть еще вчера, иначе принял бы нас обоих за сумасшедших.

— Я думал, что сам свихнулся.

— Ах так? И никого не видел?

— Видел.

— Кого?

Его гримаса уже не походила на улыбку. Я долго смотрел на него, прежде чем ответить.

— Ту… черную…

Он ничего не сказал, но вся его скорчившаяся, подавшаяся вперед фигура немного обмякла.

— Мог все-таки меня предупредить, — начал я уже менее уверенно.

— Я ведь тебя предупредил.

— Но каким образом!

— Единственным возможным. Пойми, я не знал, кто это будет. Этого никто не знал, этого нельзя знать…

— Слушай, Снаут, я хочу тебя спросить. У тебя уже есть… некоторый опыт. Та… то… что с ней будет?

— Тебя интересует, вернется ли она?

— Да.

— Вернется и не вернется.

— Что это значит?

— Вернется такая же, как в начале… первого визита. Попросту не будет ничего знать, точнее, поведет себя так, будто всего, что ты сделал, что-

бы от нее избавиться, никогда не было. Если ее не вынудит к этому ситуация, не будет агрессивной.

— Какая ситуация?

— Это зависит от обстоятельств…

— Снаут!

— Что тебя интересует?

— Мы не можем позволить роскошь таиться друг от друга.

— Это не роскошь, — прервал он сухо. — Кельвин, мне кажется, что ты все еще не понимаешь или… постой! — У него заблестели глаза. — Ты можешь рассказать, кто это был?

Я проглотил слюну и опустил голову. Мне не хотелось смотреть на него. Лучше бы это был кто-нибудь другой, не он. Но выбора не было. Кусок марли отклеился и упал мне на руку. Я вздрогнул от скользкого прикосновения.

— Женщина, которая… — Я не кончил. — Она убила себя. Сделала себе укол…

Снаут ждал.

— Самоубийство? — спросил он, видя, что я молчу.

— Да.

— Это все?

Я молчал.

— Не может быть, чтобы все…

Я быстро поднял голову. Он на меня не смотрел.

— Откуда ты знаешь?

Он не ответил.

— Хорошо, — сказал я, облизнув губы. — Мы поссорились. Собственно… Я ей сказал, знаешь, как говорят со зла… Забрал вещи и ушел. Она дала мне понять… не сказала прямо… но если с кем-нибудь прожил годы, то это и не нужно… Я был уверен, что это только слова… что она испугается и не сделает этого… так ей и сказал. На другой день я вспомнил, что оставил в шкафу… яды. Она знала о них. Они были мне нужны, я принес их из лаборатории и объяснил ей тогда, как они действуют. Я испугался и хотел пойти к ней, но потом подумал, что это будет выглядеть так, будто я принял ее слова всерьез, и… оставил все как было. На третий день я все-таки пошел, это не давало мне покоя. Но… когда пришел, она была уже мертвой.

— Ах ты, святая невинность…

Это меня взорвало. Но, посмотрев на Снаута, я понял, что он вовсе не издевается. Я как будто в первый раз увидел его. У него было серое лицо, в глубоких морщинах которого пряталась невыразимая усталость. Он выглядел как тяжело

больной человек.

— Зачем ты так говоришь? — спросил я удивительно несмело.

— Потому что эта история трагична. Нет, нет, — добавил он быстро, уловив мое движение, — ты все еще не понимаешь. Конечно, ты можешь это очень тяжело переживать, даже считать себя убийцей, но… это не самое страшное.

— Что ты говоришь?! — заметил я язвительно.

— Утешаешься тем, что мне не веришь. То, что случилось, наверно, страшно, но еще страшнее то, что… не случилось. Никогда.

— Не понимаю, — проговорил я неуверенно. — Правда, ничего не понимаю.

Снаут кивнул.

— Нормальный человек… Что это такое — нормальный человек? Тот, кто никогда не сделал ничего мерзкого. Но наверняка ли он об этом никогда не думал? А может быть, даже не он подумал, а в нем что-то подумало, появилось десять или тридцать лет назад, может, защитился от этого и забыл, и не боялся, так как знал, что никогда этого не осуществит. Ну, а теперь вообрази себе, что неожиданно, среди бела дня, в окружении других людей встречаешь это, воплощенное в плоть и кровь, прикованное к тебе, неистреби-

мое, что тогда? Что будет тогда?

Я молчал.

— Станция, — сказал он тихо. — Тогда будет станция Солярис.

— Но… что же это может быть? — спросил я нерешительно. — Ведь ни ты, ни Сарториус не убийцы…

— Но ты же психолог, Кельвин! — прервал он нетерпеливо. — У кого не было когда-нибудь такого сна? Бреда? Подумай о… о фетишисте, который влюбился, ну, скажем, в грязный лоскут; который, рискуя шкурой, добывает мольбами и угрозами этот свой драгоценный омерзительный лоскут… Это, должно быть, забавно, а? Который одновременно стыдится предмета своего вожделения и сходит по нему с ума, и готов отдать за него жизнь, поднявшись, быть может, до чувств Ромео к Джульетте. Такое бывает. Известно ведь, что существуют поступки… ситуации… такие, что никто не отважится их реализовать вне своего воображения… в какой-то один момент ошеломления, упадка, сумасшествия, называй это как хочешь. После чего слово становится делом. Это все.

— Это… все, — повторил я бессмысленно, деревянным голосом. В голове у меня шумело. — Но

станция? При чем здесь станция?

— Ты что, притворяешься? — буркнул Снаут. Он смотрел на меня испытующе. — Ведь я все время говорю о Солярисе, только о Солярисе и ни о чем ином. Не моя вина, если это так сильно отличается от того, чего ты ожидал. Впрочем, ты пережил достаточно, чтобы по крайней мере выслушать меня до конца. Мы отправляемся в космос, приготовленные ко всему, то есть к одиночеству, борьбе, страданиям и смерти. Из скромности мы не говорим этого вслух, но думаем про себя, что мы великолепны. А на самом деле, на самом деле это не все и наша готовность оказывается недостаточной. Мы вовсе не хотим завоевывать космос, хотим только расширить Землю до его границ. Одни планеты пустынны, как Сахара, другие покрыты льдом, как полюс, или жарки, как бразильские джунгли. Мы гуманны, благородны, мы не желаем покорять другие расы, стремимся только передать им наши ценности и взамен принять их наследие. Мы считаем себя рыцарями святого Контакта. Это вторая ложь. Не ищем никого, кроме людей. Не нужно нам других миров. Нам нужно зеркало. Мы не знаем, что делать с иными мирами. Хватит с нас одного этого, и он нас угнетает. Мы хотим

найти собственный, идеализированный образ, это должны быть миры с цивилизацией, более совершенной, чем наша. В других мы надеемся найти изображение нашего примитивного прошлого. Между тем по ту сторону есть что-то, чего мы не принимаем, от чего защищаемся. А ведь мы принесли с Земли не только дистиллят добродетели, не только героический монумент Человека! Прилетели сюда такими, какие мы есть в действительности, и когда другая сторона показывает нам эту действительность — ту ее часть, которую мы замалчиваем, — не можем с этим примириться.

— Но что же это? — спросил я, терпеливо его выслушав.

— То, чего мы хотели: контакт с иной цивилизацией. Мы добились его, этого контакта. Увеличенная, как под микроскопом, наша собственная чудовищная безобразность. Наше шутовство и позор!!! — Его голос дрожал от ярости.

— Значит, ты считаешь, что это… океан? Что это он? Но зачем? Сейчас совсем неважен механизм, но для чего? Ты серьезно думаешь, что он хочет над нами позабавиться? Или наказать нас? Это ведь всего-навсего примитивная демонология. Планета, захваченная очень большим дьяволом,

который для удовлетворения своего дьявольского чувства юмора подсовывает членам научной экспедиции любовниц. Ты ведь сам не веришь в этот законченный идиотизм.

— Этот дьявол вовсе не так глуп, — пробурчал он сквозь зубы.

Я изумленно посмотрел на него. Мне пришло в голову, что в конце концов его нервы могли не выдержать, даже если всего, что происходило на станции, нельзя было объяснить сумасшествием. «Реактивный психоз?..» — мелькнула у меня мысль, когда он начал почти беззвучно смеяться.

— Ставишь мне диагноз? Не торопись. По сути дела, у тебя это было в такой безобидной форме, что ты просто еще ничего не знаешь!

— Ага. Дьявол сжалился надо мной, — бросил я. Разговор начал мне надоедать.

— Чего ты, собственно, хочешь? Чтобы я рассказал тебе, какие планы строят против нас икс биллионов частиц метаморфной плазмы? Может быть, никаких.

— Как это никаких? — спросил я, ошеломленный.

Снаут опять усмехнулся.

— Ты должен знать, что наука занимается толь-

ко тем, как что-то делается, а не тем, почему это делается. Как? Ну, началось это через восемь или девять дней после того эксперимента с рентгеном. Может быть, океан ответил на излучение каким-либо другим излучением, может быть, прозондировал наши мозги и извлек из них какие-то изолированные островки психики.

— Островки психики?

Это меня заинтересовало.

— Ну да, процессы, оторванные от всех остальных, замкнутые на себя, подавленные, приглушенные, какие-то воспаленные очажки памяти. Он воспринял их как рецепт, как план какой-то конструкции… Ты ведь знаешь, насколько похожи друг на друга асимметричные кристаллы хромосом и тех нуклеиновых соединений цереброцидов, которые составляют основу процессов запоминания… Ведь наследственная плазма — плазма «запоминающая». Таким образом, океан извлек это из нас, зафиксировал, а потом… ты знаешь, что было потом. Но для чего это было сделано? Ба! Во всяком случае, не для того, чтобы нас уничтожить. Это он мог сделать гораздо проще. Вообще — при такой технологической свободе — он может, собственно говоря, все. Например, засылать к нам двойников.

— А! — воскликнул я. — Вот почему ты так испугался в первый вечер, когда я пришел!

— Да. Возможно. А откуда ты знаешь, что я и вправду тот добрый старый Хорек, который прилетел сюда два года назад?..

Снаут начал тихо смеяться, как будто мое состояние доставило ему бог знает какое удовольствие, но сразу же перестал.

— Нет, нет, — буркнул он. — И без того достаточно… Может, различий и больше, но я знаю только одно: нас с тобой можно убить.

— А их нет?

— Не советую тебе пробовать. Жуткое зрелище!

— Ничем?

— Не знаю. Во всяком случае, ни ядом, ни ножом, ни веревкой…

— Атомной пушкой?

— Ты бы попробовал?

— Не знаю. Если есть уверенность, что это не люди…

— А если в некотором смысле да? Субъективно они люди. Они совершенно не отдают себе отчета в своем… происхождении. Ты, очевидно, это заметил?

— Да. Ну и… как это происходит?

— Регенерируют с необыкновенной скоростью. С невозможной скоростью, прямо на глазах, говорю тебе, и снова начинают поступать так… так…

— Как что?

— Как наше представление о них, те записи в памяти, по которым…

— Да. Это правда, — подтвердил я, не обращая внимания на то, что мазь стекает С моих обожженных щек и капает на руки.

— А Гибарян знал?.. — спросил я быстро.

Он посмотрел на меня внимательно.

— Знал ли он то, что и мы?

— Да.

— Почти наверняка.

— Откуда ты знаешь, он что-нибудь говорил?

— Нет. Но я нашел у него одну книжку…

— «Малый Апокриф»?! — воскликнул я, вскакивая.

— Да. А откуда ты об этом можешь знать? — удивился он, с беспокойством впиваясь взглядом в мое лицо.

Я остановил его жестом.

— Спокойно. Видишь ведь, что я обожжен и совсем не регенерирую. Он оставил письмо для меня.

— Что ты говоришь? Письмо? Что в нем было?

— Немного. Собственно, не письмо, а записка. Библиографическая ссылка на соляристическое приложение и на этот «Апокриф». Что это такое?

— Старое дело. Может, оно и имеет со всем этим что-то общее. Держи.

Он вынул из кармана переплетенный в кожу, вытертый на углах тонкий томик и подал мне.

— А Сарториус?.. — бросил я, пряча книжку.

— Что Сарториус? В подобной ситуации каждый держится как может. Он старается быть нормальным — у него это означает официальным.

— Ну, знаешь!

— Это так. Я был с ним однажды в переплете… Не буду вдаваться в подробности, достаточно того, что на восьмерых у нас осталось пятьсот килограммов кислорода. И вот мы стали бросать повседневные дела, под конец все ходили бородатые, а он один брился, чистил ботинки., такой уж он человек. Естественно, то, что он сделает сейчас, будет притворством, комедией или преступлением.

— Преступлением?

— Хорошо, пусть не преступлением. Нужно придумать для этого какое-нибудь новое определение. Например, «реактивный развод». Лучше звучит?

— Ты чрезвычайно остроумен.

— А ты бы предпочел, чтобы я плакал? Предложи что-нибудь.

— А, оставь меня в покое.

— Нет, я говорю серьезно. Ты знаешь теперь примерно столько же, сколько и я. У тебя есть какой-то план?

— Да ты что?! Я представления не имею, как быть, когда… она снова появится. Должна явиться?

— Скорее всего, да.

— Но как же они попадают внутрь? Ведь станция герметична. Может быть, панцирь…

— Панцирь в порядке. Понятия не имею, как. Чаще всего мы видим гостей, когда просыпаемся, но спать-то хотя бы изредка надо.

Он встал. Я тоже.

— Послушай-ка, Снаут… Речь идет о ликвидации станции. И ты хочешь, чтобы инициатива исходила от меня?

Он покачал головой.

— Это не так просто. Конечно, мы всегда можем сбежать хотя бы на сателлоид и оттуда послать SOS. Решат, разумеется, что мы сошли с ума, — какой-нибудь санаторий на Земле, пока мы все хорошенько не забудем, — бывают же случаи

коллективного помешательства на таких изолированных базах… Может быть, это было бы не самым плохим выходом… Сад, тишина, белые палаты, прогулки с санитарами…

Снаут говорил совершенно серьезно, держа руки в карманах, уставившись невидящим взглядом в угол комнаты. Красное солнце уже исчезло за горизонтом, и гривастые волны расплавились в черной пустыне. Небо пылало. Над этим двухцветным, необыкновенно унылым пейзажем плыли тучи с лиловыми кромками.

— Значит, хочешь сбежать? Или нет? Еще нет?

Он усмехнулся:

— Непреклонный покоритель… ты еще не испробовал этого, а то не был бы таким требовательным. Речь идет не о том, чего хочется, а о том, что возможно.

— Что?

— Вот этого-то я и не знаю.

— Значит, остаемся тут? Думаешь, найдется средство?..

Снаут посмотрел на меня, на его изнуренном, изрытом морщинами лице шелушилась кожа.

— Кто знает. Может, это окупится, — сказал он наконец. — О нем не узнаем, пожалуй, ничего, но, может быть, о себе…

Он отвернулся, взял свои бумаги и вышел. Делать мне было нечего, я мог только ждать. Я подошел к окну и смотрел на кроваво-черный океан, почти не видя его. Мне пришло в голову, что я мог бы закрыться в какой-нибудь из ракет, но я не думал об этом серьезно, это было чересчур глупо — раньше или позже мне пришлось бы выйти. Я сел у окна и вынул книжку, которую дал мне Снаут. Света было еще достаточно, страница порозовела, комната пылала багрянцем.

Это были собранные неким Оттоном Равинтцером, магистром философии, статьи и работы неоспоримой ценности. Каждой науке всегда сопутствует какая-нибудь псевдонаука, ее дикое преломление в умах определенного типа; астрономия карикатурным образом отражается в астрологии, как химия — когда-то в алхимии; понятно, что рождение соляристики сопровождалось настоящим взрывом мыслей-монстров. Книга Равинтцера содержала духовную пищу именно этого рода; впрочем, нужно указать честно, что в предисловии он отмежевывался от этого паноптикума. Просто он не без оснований считал, что такой сборник может быть ценным документом эпохи как для историка, так и для психолога науки.

Рапорт Бертона занимал в книге почетное место. Он состоял из нескольких частей. Первую составляла копия его бортового журнала, весьма лаконичного.

От четырнадцати до шестнадцати часов сорока минут условного времени экспедиции записи были короткими и негативными.

«Высота 1000, 1200 или 800 метров, ничего не замечено, океан пуст». Это повторялось несколько раз.

Потом в 16.40: «Поднимается красный туман. Видимость 700 метров. Океан пуст».

В 17.00: «Туман становится гуще, штиль, видимость 400 метров. Спускаюсь на 200».

В 17.20: «Я в тумане. Высота 200. Видимость 20–40 метров. Штиль. Поднимаюсь на 400».

В 17.45: «Высота 500. Лавина тумана до горизонта. В тумане воронкообразные отверстия, сквозь которые проглядывает поверхность океана. Пытаюсь войти в одну из этих воронок».

В 17.52: «Вижу что-то вроде водоворота — выбрасывает желтую пену. Окружен стеной тумана. Высота 100. Спускаюсь на 20».

На этом кончались записи в бортовом журнале Бертона. Дальнейшие страницы так называемого рапорта составляла выдержка из его истории

болезни; точнее говоря, это был текст показаний, продиктованных Бертоном, и прерывавшихся вопросами членов комиссии.

Бертон. Когда я спустился до тридцати метров, стало трудно удерживать высоту, так как в этом круглом, свободном от тумана пространстве дул порывистый ветер. Я вынужден был все внимание сосредоточить на управлении и поэтому некоторое время, минут 10–15, не выглядывал из кабины. Из-за этого я против своего желания забрался в туман, меня бросил туда сильный порыв ветра. Это был не обычный туман, а как бы взвесь, по-моему, коллоидная, она затянула все стекла, Очистить их было очень трудно. Взвесь оказалась страшно липкой. Тем временем у меня процентов на тридцать упали обороты из-за сопротивления, которое оказывал винту этот туман, и я начал терять высоту. Я спустился очень низко и, боясь зацепиться за волны, дал полный газ. Машина держала высоту, но вверх не шла. У меня было еще четыре патрона ракетных ускорителей. Я не использовал их, решив, что положение может ухудшиться и тогда они мне понадобятся. При полных оборотах началась очень сильная вибрация; я понял, что винт облеплен этой странной взвесью; указатели

подъемной силы по-прежнему были на нуле, и я ничего не мог с этим поделать. Солнца я не видел с того момента, когда вошел в туман, но в его направлении туман светился красным. Я все еще кружил, надеясь, что в конце концов сумею найти одно из свободных от тумана мест, и действительно, через каких-нибудь полчаса мне это удалось. Я выскочил в открытое пространство, нечто вроде цилиндра диаметром несколько сот метров. Его границы образовывал стремительно клубящийся туман, как бы поднимаемый мощными конвекционными потоками. Поэтому я старался держаться как можно ближе к середине «дыры» — там воздух был наиболее спокойным. В это время я заметил перемену в состоянии поверхности океана. Волны почти полностью исчезли, а поверхностный слой этой жидкости — того, из чего состоит океан, — стал полупрозрачным с замутнениями, которые постепенно исчезали, так что через некоторое время все полностью очистилось, и я мог сквозь слой толщиной, наверно, в несколько метров смотреть вглубь. Там громоздился желтый ил, который тонкими полосами поднимался вверх и, всплывая на поверхность, стеклянно блестел, начинал бурлить и пениться, а потом застывал;

тогда он был похож на очень густой пригоревший сахарный сироп. Этот ил, или слизь, собирался в большие комки, вздымался над поверхностью, образовывал бугры, похожие на цветную капусту, и постепенно формировал разнообразные фигуры. Меня начало затягивать к стене тумана, и поэтому мне пришлось несколько минут рулями и оборотами винта бороться С этим движением, а когда я снова смог смотреть вниз, под собой увидел нечто напоминавшее сад. Да, сад. Я видел карликовые деревья, и живые изгороди, и дорожки, не настоящие — все это было из той же самой субстанции, которая уже целиком затвердела, как желтоватый гипс. Поверхность сильно блестела. Я опустился низко как только смог, чтобы все тщательно рассмотреть.

Вопрос. У этих деревьев и других растений, которые ты видел, были листья?

Ответ Бертона. Нет. Просто это имело такой вид — как бы модель сада. Ну да. Модель. Так это выглядело. Модель, но, пожалуй, в натуральную величину. Потом все начало трескаться и ломаться, из расщелин, которые были совершенно черными, волнами выдавливался на поверхность густой ил и застывал, часть стекала, а часть оставалась, и все забурлило еще сильнее, покрылось

пеной, и ничего, кроме нее, я уже не видел. Одновременно туман начал стискивать меня со всех сторон, поэтому я увеличил обороты и поднялся на триста метров.

Вопрос. Ты совершенно уверен, что картина, которую ты наблюдал, напоминала сад, а не что другое?

Ответ Бертона. Да. Ведь я заметил там различные детали. Помню, например, такое: в одном месте стояли в ряд какие-то квадратные коробки. Позднее мне пришло в голову, что это могла быть пасека.

Вопрос. Это пришло тебе в голову потом? Но не в тот же момент?

Ответ Бертона. Нет, потому что все это было как бы из гипса. Я видел и другие вещи.

Вопрос. Какие вещи?

Ответ Бертона. Не могу сказать точно, я не успел их хорошенько рассмотреть. У меня было впечатление, что под некоторыми кустами лежали какие-то орудия. Они были продолговатой формы, с выступающими зубьями, как бы гипсовые отливки небольших садовых машин. Но в этом я полностью не уверен. А в остальном — да.

Вопрос. Ты не подумал, что это галлюцинация?

Ответ Бертона. Нет. Я решил, что это была фата-моргана. О галлюцинации я не думал, так как чувствовал себя совсем хорошо, а также потому, что никогда в жизни ничего подобного не видел. Когда я поднялся до трехсот метров, туман подо мной был испещрен дырками, совсем как сыр. Одни из этих дырок были пусты, и я видел в них, как волнуется океан, в других что-то клубилось. Я спустился в одно из таких отверстий и с высоты сорок метров увидел, что под поверхностью океана — но совсем неглубоко — лежит стена, как бы стена огромного здания: она четко просвечивала сквозь волны, и в ней были ряды регулярно расположенных прямоугольных отверстий, похожих на окна. Мне даже показалось, что в некоторых окнах что-то движется. Но в этом я не совсем уверен. Затем стена начала медленно подниматься и выступать из океана. По ней целыми водопадами стекал ил и какие-то слизистые образования, сгущения с прожилками. Вдруг она развалилась на две части и ушла в глубину так быстро, что мгновенно исчезла. Я снова поднял машину и летел над самым туманом, почти касаясь его своими шасси. Потом увидел следующую воронку. Она была, наверно, в несколько раз больше первой. Уже издалека я заметил плавающий предмет. Он

был светлым, почти белым, и мне показалось, что это скафандр Фехнера, тем более что по форме он напоминал человека. Я очень резко развернул машину — боялся, что могу проскочить это место и уже не найду его. В это время фигура слегка приподнялась, словно она плавала или же стояла по пояс в волне. Я спешил и спустился так низко, что почувствовал удар шасси обо что-то мягкое, возможно, о гребень волны — здесь она была порядочной. Человек, да, да, человек был без скафандра. Несмотря на это, он двигался.

Вопрос. Видел ли ты его лицо?

Ответ Бертона. Да.

Вопрос. Кто это был?

Ответ Бертона. Это был ребенок.

Вопрос. Какой ребенок? Ты раньше когда-нибудь видел его?

Ответ Бертона. Нет. Никогда. Во всяком случае, не помню этого. Как только я приблизился — меня отделяло от него метров сорок, может немного больше, — я заметил, что с ним что-то не так.

Вопрос. Что ты под этим понимаешь?

Ответ Бертона. Сейчас скажу. Сначала я не знал, что это. Только немного погодя понял: он был необыкновенно большим. Гигантским — это еще слабо сказано. Он был, пожалуй, высотой

метра четыре. Точно помню, что, когда я ударился шасси о волну, его лицо оказалось немного выше моего, хотя я сидел в кабине, то есть находился на высоте трех метров от поверхности океана.

Вопрос. Если он был таким большим, почему ты решил, что это ребенок?

Ответ Бертона. Потому что это был очень маленький ребенок.

Вопрос. Твой ответ не кажется тебе нелогичным, Бертон?

Ответ Бертона. Нет. Совсем нет. Потому что я видел его лицо. Ну и, наконец, пропорции тела были детскими. Он показался мне… совсем младенцем. Нет, это преувеличение. Наверное, ему было два или три года, У него были черные волосы и голубые глаза, огромные! И он был голый. Совершенно голый, как новорожденный. Он был мокрый, вернее скользкий, кожа у него блестела. Это зрелище подействовало на меня ужасно. Я уже не верил ни в какую фата-моргану. Я видел его слишком четко. Он поднимался и опускался на волне, но независимо от этого еще и двигался. Это было омерзительно!

Вопрос. Почему? Что он делал?

Ответ Бертона. Он выглядел… ну, как в каком-то музее, как кукла, но живая кукла. Открывал

и закрывал рот и совершал разные движения. Омерзительно! Это были не его движения.

Вопрос. Как это понять?

Ответ Бертона. Я не очень-то приближался к нему. Пожалуй, двадцать метров — это наиболее точная оценка. Но я сказал уже, каким он был громадным, и благодаря этому я видел его чрезвычайно четко. Глаза у него блестели, и вообще он производил впечатление живого ребенка, только вот эти движения, как если бы кто-то пробовал… как будто кто-то его изучал…

Вопрос. Постарайся объяснить точнее, что это значит.

Ответ Бертона. Не знаю, удастся ли мне. У меня было такое впечатление. Это было интуитивно. Я не задумывался над этим. Его движения были неестественны.

Вопрос. Хочешь ли ты сказать, что, допустим, руки двигались так, как не могут двигаться человеческие руки из-за ограниченной подвижности в суставах?!

Ответ Бертона. Нет. Совсем не то… Но… его движения не имели никакого смысла. Каждое движение в общем что-то значит, для чего-то служит…

Вопрос. Ты так считаешь? Движения младенца

не должны что-либо значить.

Ответ Бертона. Это я знаю. Но движения младенца беспорядочные, не скоординированные. Обобщенные. А те были… есть, понял! Они были методичны. Они проделывались по очереди, группами, сериями. Как будто кто-то хотел выяснить, что этот ребенок в состоянии сделать руками, а что — торсом и ртом. Хуже всего было с лицом, наверно потому, что лицо наиболее выразительно, а это было… Нет, не могу этого определить. Оно было живым, да, но не человеческим. Я хочу сказать, черты лица были в полном порядке, и глаза, и цвет, и все, но выражение, мимика — нет.

Вопрос. Были ли это гримасы? Ты знаешь, как выглядит лицо человека при эпилептическом припадке?

Ответ Бертона. Да. Я видел такой припадок. Понимаю. Нет, это было что-то другое. При эпилепсии бывают конвульсии, судороги, а это были движения совершенно плавные и непрерывные, ловкие, если так можно сказать, мелодичные. У меня нет другого определения. Ну и лицо. С лицом было то же самое. Лицо не может выглядеть так, чтобы одна половина была веселой, а другая — грустной, чтобы одна часть грозила или

боялась, а другая — торжествовала или делала что-то в этом роде. Но с ребенком было именно так. Кроме того, все эти движения и мимическая игра происходили с необычайной быстротой. Я там был очень недолго. Может быть, десять секунд, а может и меньше.

Вопрос. И ты утверждаешь, что все это успел заметить за такой короткий промежуток времени? Впрочем, откуда ты знаешь, как это долго продолжалось? Ты смотрел на часы?

Ответ Бертона. Нет. На часы я не смотрел. Но летаю уже шестнадцать лет. В моей профессии нужно уметь оценивать время с точностью до секунды. Это рефлекс. Пилот, который не может в любых условиях определить, длилось ли какое-то событие пять секунд или десять, никогда не будет многого стоить. То же самое и с наблюдением. Человек с годами начинает схватывать все в самые короткие промежутки времени.

Вопрос. Больше ты ничего не видел?

Ответ Бертона. Видел. Но остальное я не помню так ясно. Возможно, доза оказалась для меня слишком большой. Мой мозг как бы закупорился. Туман начал затягивать дыру, и я вынужден был пойти вверх. Вынужден был, но не помню, как и когда это сделал. Первый раз в жизни я чуть не

разбился. У меня так дрожали руки, что я не мог как следует удержать штурвал. Кажется, я что-то кричал и вызывал базу, хотя знал, что связи нет.

Вопрос. Пробовал ли ты тогда вернуться?

Ответ Бертона. Нет. Набрав высоту, я подумал, что, может быть, в какой-нибудь из этих дыр находится Фехнер. Я знаю, это звучит бессмысленно. Но я так думал. Раз уж происходят такие вещи, подумал я, то, может быть, и Фехнера удастся найти. Поэтому я решил влезать во все дыры, какие только замечу. Но на третий раз я увидел такое, что с трудом увел машину вверх и понял, что все это мне не по силам. Я больше не мог. Я почувствовал слабость, и меня вырвало. Раньше я не знал, что это такое. Меня никогда не тошнило.

Вопрос. Это был признак отравления, Бертон.

Ответ Бертона. Возможно. Не знаю. Но того, что я увидел в третий раз, я не выдумал, этого не объяснить отравлением.

Вопрос. Откуда ты можешь об этом знать?

Ответ Бертона. Это не было галлюцинацией. Галлюцинация — это ведь то, что создает мой собственный мозг, так?

Вопрос. Так.

Ответ Бертона. Ну вот. А ничего подобного мой мозг создать не мог. Никогда в это не поверю. Он

на такое не способен.

Вопрос. Расскажи поточнее, что это было, хорошо?

Ответ Бертона. Сначала я должен узнать, как будет расценено то, что я уже рассказал.

Вопрос. Какое это имеет значение?

Ответ Бертона. Для меня — принципиальное. Я сказал, что увидел такое, чего никогда не забуду. Если комиссия решит, что рассказанное мной хотя бы на один процент правдоподобно и, следовательно, нужно начать соответствующее изучение этого океана, то скажу все. Но если комиссия сочтет, что это галлюцинации, не скажу ничего.

Вопрос. Почему?

Ответ Бертона. Потому что содержание моих галлюцинаций, каким бы оно ни было, — мое личное дело. Содержание же моих исследований на Солярисе — нет.

Вопрос. Значит ли это, что ты отказываешься от всяких дальнейших ответов до принятия решения компетентными органами экспедиции? Ты ведь должен понимать, что комиссия не уполномочена немедленно принимать решение.

Ответ Бертона. Да.

На этом кончался первый протокол. Был еще

фрагмент другого, составленного на одиннадцать дней позднее.

«**Председательствующий**: …принимая все это во внимание, комиссия, состоящая из трех врачей, трех биологов, одного физика, одного инженера-механика и заместителя начальника экспедиции, пришла к убеждению, что сообщенные Бертоном сведения представляют собой содержание галлюцинаторного комплекса, вызванного влиянием отравления атмосферой планеты, с симптомами помрачения сознания, которым сопутствовало возбуждение ассоциативных зон коры головного мозга, и что этим сведениям в действительности ничего или почти ничего не соответствует.

Бертон. Простите. Что значит „ничего или почти ничего“? Что это — „почти ничего“? Насколько оно велико?

Председательствующий. Я еще не кончил. Отдельно запротоколировано *votum separatum* [5] доктора физики Арчибальда Мессенджера, который заявил, что рассказанное Бертоном могло, по его мнению, происходить в действительности и нуждается в добросовестном изучении. Это все.

---

[5] Примечания: 5
Особое мнение *(лат.)*.

Бертон. Я повторяю свой вопрос.

Председательствующий. Это очень просто. „Почти ничего“ означает, что какие-то реальные явления могли вызвать твои галлюцинации, Бертон. Самый нормальный человек может во время ветреной погоды принять качающийся куст за какое-то существо. Что же говорить о чужой планете, да еще когда мозг наблюдателя находится под действием яда! В этом нет для тебя ничего оскорбительного. Каково же твое решение в связи с вышеуказанным?

Бертон. Мне бы хотелось сначала узнать, какие последствия будет иметь *votum separatum* доктора Мессенджера.

Председательствующий. Практически никаких. Это значит, что исследования в этом направлении проводиться не будут.

Бертон. Вносится ли в протокол то, что мы говорим?

Председательствующий. Да.

Бертон. В связи с этим я хотел бы сказать, что, по моему убеждению, комиссия проявила неуважение не ко мне, я здесь не в счет, а к самому духу экспедиции. В соответствии с моим первым заявлением на дальнейшие вопросы отвечать отказываюсь.

Председательствующий. Это все?

Бертон. Да. Но я хотел бы увидеться с доктором Мессенджером. Это возможно?

Председательствующий. Конечно».

На этом кончался второй протокол. Внизу страницы было помещено напечатанное мелким шрифтом примечание, сообщающее, что д-р Мессенджер на следующий день провел трехчасовую конфиденциальную беседу с Бертоном, после чего обратился в Совет экспедиции, снова настаивая на изучении показаний пилота.

Он утверждал, что за такое решение говорят новые, дополнительные данные, которые представил ему Бертон, но которые он сможет предъявить только после принятия советом положительного решения. Совет, в который входили Шеннон, Тимолис и Трахье, отнесся к этому предложению отрицательно, на том дело и кончилось.

В книге была еще фотокопия одной страницы письма, найденного в посмертных бумагах Мессенджера, вероятно черновика; Равинтцеру не удалось выяснить, было ли послано это письмо и имело ли оно какие-нибудь последствия.

«...ее невероятная тупость, — начинался текст. — Заботясь о своем авторитете, совет, а

говоря конкретно, Шеннон и Тимолис (так как голос Трахье ничего не значит) отвергли мое требование. Сейчас я обращаюсь непосредственно в институт, но, сам понимаешь, это лишь протест бессильного. Связанный словом, я не могу, к сожалению, сообщить тебе того, что рассказал мне Бертон. На решение совета, очевидно, повлияло то, что с открытием к ним пришел человек без всякой ученой степени, хотя не один исследователь мог бы позавидовать этому пилоту, его присутствию духа и таланту наблюдателя. Очень прошу тебя, пошли мне с обратной почтой след. данные:

1) биографию Фехнера, начиная с детства;

2) все, что тебе известно о его родственниках и родственных отношениях; по-видимому, он оставил сиротой маленького ребенка;

3) фотографию местности, где он воспитывался.

Мне хотелось бы еще рассказать тебе, что я обо всем этом думаю. Как ты знаешь, через некоторое время после вылета Фехнера и Каруччи в центре красного солнца образовалось пятно, которое своим корпускулярным излучением нарушило радиосвязь, главным образом, по данным сателлоида, в южном полушарии, то есть там,

где находилась наша база. Фехнер и Каруччи отдалились от базы больше всех остальных исследовательских групп.

Такого густого и упорно держащегося тумана при полном штиле мы не наблюдали до дня катастрофы за все время пребывания на планете.

По моему мнению, то, что видел Бертон, было частью операции „Человек“, проводившейся этим липким чудовищем. Истинным источником всех образований, замеченных Бертоном, был Фехнер — его мозг в ходе какого-то непонятного для нас „психического вскрытия“; речь шла об экспериментальном воспроизведении, о реконструкции некоторых (вероятно, наиболее устойчивых) следов его памяти.

Я знаю, что это звучит фантастично, знаю, что могу ошибиться. Прошу тебя мне помочь: я сейчас нахожусь на Аларике и здесь буду ожидать твоего ответа.

Твой А.»

Я читал с трудом, уже совсем стемнело, и книжка в моей руке стала серой. Наконец буквы начали сливаться, но пустая часть страницы свидетельствовала о том, что я дошел до конца этой истории, которая в свете моих собственных переживаний казалась весьма правдоподобной.

Я повернулся к окну. Пространство за ним было темно-фиолетовым, над горизонтом еще тлели облака, похожие на угасающий уголь. Океан, окутанный тьмой, не был виден. Я слышал слабый шелест бумажных полосок над вентиляторами.

Нагретый воздух с легким запахом озона, казалось, загустел. Абсолютная тишина царила на станции. Я подумал, что в нашем решении остаться нет ничего героического. Эпоха героической борьбы, смелых экспедиций, ужасных смертей, таких хотя бы, как гибель первой жертвы океана, Фехнера, осталась далеко позади. Меня уже почти не интересовало, кто «гости» Снаута или Сарториуса. «Через некоторое время, — подумал я, — мы перестанем стыдиться друг друга и замыкаться в себе. Если мы не сможем избавиться от „гостей“, то привыкнем к ним и будем жить с ними, а если их создатель изменит правила игры, мы приспособимся и к новым, хотя некоторое время будем мучиться, метаться, может быть, даже тот или другой покончит с собой, но в конце концов все снова придет в равновесие».

Комнату поглотила темнота, сейчас очень похожая на земную. Только контуры умывальника и зеркала белели во мраке. Я встал, на ощупь нашел клочок ваты на полке, обтер влажным

тампоном лицо и лег навзничь на кровать. Где-то надо мной, похожий на трепетанье бабочки, слышался и пропадал шелест у вентилятора. Я не видел даже окна, все скрыл мрак, полоска неведомо откуда идущего тусклого света висела передо мной, я не знаю даже, на стене или в глубине пустыни, там, за окном. Я вспомнил, как ужаснул меня в прошлый раз пустой взор соляристического пространства, и почти улыбнулся. Я не боялся его. Ничего не боялся. Я поднес к глазам руку. Фосфоресцирующим веночком цифр светился циферблат часов. Через час должно было взойти голубое солнце. Я наслаждался темнотой и глубоко дышал, пустой, свободный от всяких мыслей.

Пошевелившись, я почувствовал прижатую к бедру плоскую коробку магнитофона. Да. Гибарян. Его голос, сохранившийся на пленке. Мне даже в голову не пришло воскресить его, послушать. Это было все, что я мог для него сделать.

Я взял магнитофон, чтобы спрятать его под кровать, и услышал шелест и слабый скрип открывающейся двери.

Крис?.. — донесся до меня тихий голос, почти шепот. — Ты здесь, Крис? Так темно.

— Это ничего, — сказал я. — Не бойся. Иди сюда.

Совещание

Я лежал на спине, без единой мысли. Темнота, наполняющая комнату, сгущалась. Я слышал шаги. Стены пропадали. Что-то возносилось надо мной все выше, безгранично высоко. Я застыл, пронизанный тьмой, объятый ею. Я чувствовал ее упругую прозрачность. Где-то очень далеко билось сердце. Я сосредоточил все внимание, остатки сил на ожидание агонии. Она не приходила. Я только становился все меньше, а невидимое небо, невидимые горизонты, пространство, лишенное форм, туч, звезд, отступая и увеличиваясь, делало меня своим центром. Я силился втиснуться в то, на чем лежал, но подо мной уже не было ничего, и мрак ничего уже не скрывал. Я стиснул руки, закрыл ими лицо. Оно исчезло. Руки прошли насквозь. Хотелось кричать, выть…

Комната была серо-голубой. Мебель, полки, углы стен — все как бы нарисованное широкими матовыми мазками, все бесцветно — одни только контуры. Прозрачная жемчужная белизна за окном. Я был совершенно мокрый от пота. Я взглянул в ее сторону — она смотрела на меня.

— У тебя затекла рука?

— Что?

Она подняла голову. Ее глаза были того же цвета, что и комната, серые, сияющие, окаймленные черными ресницами. Я почувствовал тепло ее шепота, прежде чем понял слова.

— Нет. А, да.

Я обнял ее за плечо. От этого прикосновения по руке побежали мурашки. Я медленно обнял ее другой рукой.

— Ты видел плохой сон?

— Сон? Да, сон. А ты не спала?

— Не знаю. Может, и нет. Мне не хочется спать. Но ты спи. Почему ты так смотришь?

Я прикрыл глаза. Ее сердце билось рядом с моим, четко и ритмично. «Бутафория», — подумал я. Но меня ничто не удивляло, даже собственное безразличие. Страх и отчаяние были уже позади. Я дотронулся губами до ее шеи, потом поцеловал маленькое, гладкое, как внутренность ракушки, углубление у горла. И тут бился пульс.

Я поднялся на локте. Никакой зари, никакой мягкости рассвета, горизонт обнимало голубое электрическое зарево, первый луч пронзил комнату, как стрела, все заиграло отблесками, радужные огни изламывались в зеркале, в дверных ручках, в никелированных трубках; казалось,

что свет ударяет в каждый встреченный предмет, как будто хочет освободиться, взорвать тесное помещение. Уже невозможно было смотреть. Я отвернулся. Зрачки Хари стали совсем маленькими.

— Разве уже день? — спросила она приглушенным голосом.

Это был полусон, полуявь.

— Здесь всегда так, дорогая.

— А мы?

— Что мы?

— Долго здесь будем?

Мне хотелось смеяться. Но когда глухой звук вырвался из моей груди, он не был похож на смех.

— Думаю, достаточно долго. Ты против?

Ее веки дрожали. Хари внимательно смотрела на меня. Кажется, она подмигнула, а может быть, мне это только показалось. Потом подтянула одеяло: на ее плече розовела маленькая треугольная родинка.

— Почему ты так смотришь?

— Ты очень красивая.

Она улыбнулась. Но это была только вежливость, благодарность за комплимент.

— Правда? Ты смотришь, как будто… как буд-

то…

— Что?

— Как будто что-то ищешь.

— Не выдумывай.

— Нет, как будто думаешь, что со мной что-то случилось или я не рассказала тебе чего-то.

— Откуда ты это взяла?

— Раз уж ты отпираешься, значит, наверняка. Ладно, как хочешь.

За пламенеющими окнами родился мертвый голубой зной. Заслонив рукой глаза, я поискал очки. Они лежали на столе. Я присел на постели, надел их и увидел ее отражение в зеркале. Хари чего-то ждала. Когда я снова улегся рядом с ней, она усмехнулась.

— А мне?

Я вдруг сообразил!

— Очки?

Я встал и начал рыться в ящиках, на столе, под окном. Нашел две пары, правда, обе слишком большие, и подал ей. Она примерила те и другие. Они сползали у нее на кончик носа.

В этот момент заскрежетали заслонки. Мгновение, и внутри станции, которая, как черепаха, спряталась в своей скорлупе, наступила ночь. На ощупь я снял с нее очки и вместе со своими

положил под кровать.

— Что будем делать? — спросила она.

— То, что полагается, — спать.

— Крис.

— Что?

— Может, поставить тебе новый компресс?

— Нет, не нужно. Не нужно… дорогая.

Сказав это, сам не понимаю почему, я вдруг обнял в темноте ее тонкие плечи и, чувствуя их дрожь, поверил в нее. Хотя… не знаю. Мне вдруг показалось, что это я обманываю ее, а не она меня, что она настоящая.

Я засыпал потом еще несколько раз, и все время меня вырывали из дремы судороги, бешено колотящееся сердце медленно успокаивалось, я прижимал ее к себе, смертельно усталый, она заботливо дотрагивалась до моего лица, лба, очень осторожно проверяя, нет ли у меня жара. Это была Хари. Самая настоящая. Другой быть не могло.

От этой мысли что-то во мне изменилось. Я перестал бороться и почти сразу же заснул.

Разбудило меня легкое прикосновение. Лоб был охвачен приятным холодом. На лице тоже лежало что-то влажное и мягкое. Потом это медленно поднялось, и я увидел склонившуюся надо мной Хари. Обеими руками она выжимала марлю над

фарфоровой мисочкой. Сбоку стояла бутылка с жидкостью от ожогов. Она улыбнулась мне.

— Ну и спишь же ты, — сказала она, снова положив марлю мне на лоб. — Болит?

— Нет.

Я пошевелил кожей лба. Действительно, ожоги сейчас совершенно не чувствовались.

Хари сидела на краю постели, закутавшись в мужской купальный халат, белый в оранжевые полосы, ее черные волосы рассыпались по воротнику. Рукава она подвернула до локтей, чтобы они не мешали.

Я был дьявольски голоден, прошло уже часов двадцать, как у меня ничего не было во рту. Когда Хари сняла компресс, я встал. Вдруг мой взгляд упал на два лежащих рядом одинаковых белых платья с красными пуговицами — первое, которое я помог ей снять, разрезав ворот, и второе, в котором она пришла вчера. На этот раз она сама распорола шов ножницами. Сказала, что, наверное, замок заело.

Эти два одинаковых платьица были самым страшным из всего, что я до сих пор пережил. Хари возилась у шкафчика с лекарствами, наводя в нем порядок. Я украдкой отвернулся от нее и до крови укусил себе руку. Все еще глядя на эти

два платьица, вернее, на одно и то же, повторенное два раза, я начал пятиться к двери. Вода по-прежнему с шумом текла из крана. Я отворил дверь, тихо выскользнул в коридор и осторожно ее закрыл.

Из комнаты доносился слабый шум воды, звяканье бутылок. Вдруг эти звуки прекратились. В коридоре горели длинные потолочные лампы, неясное пятно отраженного света лежало на поверхности двери. Я стиснул зубы и ждал, вцепившись в ручку, хотя не надеялся, что сумею ее удержать. Резкий рывок чуть не выдернул ее у меня из рук, но дверь не отворилась, только задрожала и начала ужасно трещать. Ошеломленный, я выпустил ручку и отступил. С дверью происходило что-то невероятное: ее гладкая пластмассовая поверхность изогнулась, как будто вдавленная с моей стороны внутрь, в комнату. Покрытие откалывалось мелкими кусочками, обнажая сталь косяка, который напрягался все сильнее. Вдруг я понял: вместо того чтобы толкнуть дверь, которая открывалась в коридор, она силилась отворить ее на себя. Отблеск света искривился на белой поверхности, как в вогнутом зеркале, раздался громкий хруст, и монолитная, до предела выгнутая плита треснула. Одновре-

менно ручка, вырванная из гнезда, влетела в комнату. Сразу в отверстии показались окровавленные руки и, оставляя красные следы на пластике, продолжали тянуть, дверь сломалась пополам, косо повисла на петлях, и оранжево-белое существо с посиневшим мертвым лицом бросилось мне на грудь, заходясь от слез.

Если бы это зрелище не парализовало меня, я бы попытался убежать. Хари судорожно хватала воздух и билась головой о мое плечо, а потом стала медленно оседать на пол. Я подхватил ее, отнес в комнату, протиснувшись мимо расколотой дверной створки, и положил на кровать. Из-под ее сломанных ногтей сочилась кровь. Когда она повернула руку, я увидел содранную до мяса ладонь. Я взглянул ей в лицо: открытые глаза смотрели сквозь меня без всякого выражения.

— Хари!

Она ответила невнятным бормотанием.

Я приблизил палец к ее глазу. Веко опустилось. Я подошел к шкафу с лекарствами. Кровать скрипнула. Я обернулся. Она сидела выпрямившись, со страхом глядя на свои окровавленные руки.

— Крис, — простонала она, — я… я… что со мной?

— Поранилась, выламывая дверь, — сказал я

сухо.

У меня что-то случилось с губами, особенно с нижней, по ней словно мурашки бегали. Пришлось ее прикусить.

Хари с минуту разглядывала свисающие с косяка зазубренные куски пластмассы, затем посмотрела на меня. Подбородок у нее задрожал, я видел, каким усилием она пыталась побороть страх.

Я отрезал кусок марли, вынул из шкафа присыпку на рану и возвратился к кровати. Все, что я нес, вывалилось из моих внезапно ослабевших рук, стеклянная баночка с коллодием разбилась, но я даже не наклонился. Лекарства были уже не нужны.

Я поднял ее руку, Засохшая кровь еще окружала ногти тонкой каемкой, но все раны уже исчезли, а ладони затягивала молодая розовая кожа. Шрамы бледнели просто на глазах.

Я сел, погладил ее по лицу и попытался ей улыбнуться. Не могу сказать, что мне это удалось.

— Зачем ты это сделала, Хари?

— Нет, Это… я?

Она показала глазами на дверь.

— Да. Не помнишь?

— Нет. Я увидела, что тебя нет, страшно пере-

пугалась и…

— И что?

— Начала тебя искать, подумала, что ты, может быть, в ванной…

Только теперь я увидел, что шкаф сдвинут в сторону и открывает вход в ванную.

— А потом?

— Побежала к двери.

— Ну и?..

— Не помню. Что-нибудь должно было случиться?

— Что?

— Не знаю.

— А что ты помнишь? Что было потом?

— Сидела здесь, на кровати.

— А как я тебя принес, не помнишь?

Она колебалась. Уголки губ опустились вниз, лицо напряглось.

— Мне кажется… Может быть… Сама не знаю.

Она опустила ноги на пол и встала. Подошла к разбитым дверям.

— Крис!

Я взял ее сзади за плечи. Она дрожала. Вдруг она быстро обернулась и заглянула в мои глаза.

— Крис, — шептала она. — Крис.

— Успокойся.

— Крис, а если… Крис, может быть, у меня эпилепсия?

Эпилепсия, боже милостивый! Мне хотелось смеяться.

— Ну что ты, дорогая. Просто двери, понимаешь, тут такие, ну, такие двери…

Мы покинули комнату, когда с протяжным скрежетом открылись наружные заслонки, показав проваливающийся в океан солнечный диск, и направились в небольшую кухоньку в противоположном конце коридора. Мы хозяйничали вместе с Хари, перетряхивая содержимое шкафчиков и холодильников. Я быстро заметил, что она не слишком утруждала себя стряпней и умела немногим больше, чем открывать консервные банки, то есть столько же, сколько я. Я проглотил содержимое двух таких банок и выпил бесчисленное количество чашек кофе. Хари тоже ела, но так, как иногда едят дети, не желая делать неприятное взрослым, даже без принуждения, но механически и безразлично.

Потом мы пошли в маленькую операционную рядом с радиостанцией. У меня был один план. Я сказал Хари, что хочу на всякий случай ее осмотреть, уселся на раскладное кресло и достал из стерилизатора шприц и иглу. Я знал где что

находится почти на память, так нас вымуштровали на Земле. Я взял каплю крови из ее пальца, сделал мазок, высушил в испарителе и в высоком вакууме распылил на нем ионы серебра.

Вещественность этой работы действовала успокаивающе. Хари, отдыхая на подушках разложенного кресла, оглядывала заставленную приборами операционную.

Тишину нарушил прерывистый зуммер внутреннего телефона. Я поднял трубку.

— Кельвин, — сказал я, не спуская глаз с Хари, которая с какого-то момента впала в апатию, как будто изнуренная переживаниями последних часов.

— Ты в операционной? Наконец-то! — услышал я вздох облегчения.

Говорил Снаут. Я ждал, прижав трубку к уху.

— У тебя гость, а?

— Да.

— И ты занят?

— Да.

— Небольшое исследование, гм?

— А что? Хочешь сыграть партию в шахматы?

— Перестань, Кельвин. Сарториус хочет с тобой увидеться. Я имею в виду — с нами.

— Вот это новость! — Я был поражен. — А что

с… — я остановился и закончил: — Ты один?

— Нет. Я неточно выразился. Он хочет поговорить с нами. Мы соединимся втроем по видеофону, только заслони экран.

— Ах так! Почему же он просто мне не позвонил? Стесняется?

— Что-то в этом роде, — невнятно буркнул Снаут. — Ну так как?

— Как договоримся? Скажем, через час. Хорошо?

— Хорошо.

Я видел на экране только его лицо, не больше ладони. Некоторое время он внимательно смотрел мне в глаза. Наконец сказал с некоторым колебанием:

— Ну, как ты?

— Сносно. А ты как?

— Думаю, немного хуже, чем ты. Ты не мог бы…

— Хочешь прийти ко мне? — догадался я. Посмотрел через плечо на Хари. Она склонила голову на подушку и лежала, закинув ногу на ногу, с безотчетной скукой подбрасывая серебристый шарик, которым оканчивалась цепочка у ручки кресла.

— Оставь это, слышишь? Оставь, ты! — донесся

до меня громкий голос Снаута.

Я увидел на экране его профиль. Остального я не слышал — он закрыл рукой микрофон, — но видел его шевелящиеся губы.

— Нет, не могу прийти. Может, потом. Итак, через час, — быстро проговорил он, и экран погас.

Я повесил трубку.

— Кто это был? — равнодушно спросила Хари.

— Да тут один… Снаут. Кибернетик. Ты его не знаешь.

— Долго еще?

— А что, тебе скучно? — спросил я.

Я вложил первый из серии препаратов в кассету нейтринного микроскопа и по очереди нажал цветные кнопки выключателей. Глухо загудели силовые поля.

— Развлечений тут не слишком много, и, если моего скромного общества тебе окажется недостаточно, будет плохо, — говорил я рассеянно, делая большие паузы между словами, одновременно стискивая обеими руками большую черную головку, в которой блестел окуляр микроскопа, и вдавливая глаза в мягкую резиновую раковину. Хари сказала что-то, что до меня не дошло. Я видел как будто с большой высоты огромную пустыню, залитую Серебряным блеском. На ней лежали по-

крытые легкой дымкой, словно потрескавшиеся и выветрившиеся плоские скалистые холмики. Это были красные тельца. Я сделал изображение резким и, не отрывая глаз от окуляров, все глубже погружался в пылающее серебро. Одновременно левой рукой я вращал регулировочную ручку столика и, когда лежащий одиноко, как валун, шарик оказался в перекрестье черных нитей, прибавил увеличение. Объектив как бы наезжал на деформированный, с провалившейся серединой, эритроцит, который казался уже кружочком скального кратера с черными резкими тенями в провалах кольцевой кромки. Потом кромка, ощетинившаяся кристаллическим налетом ионов серебра, ушла за границу поля микроскопа. Появились мутные, словно просвечивающие сквозь опалесцирующую воду контуры наполовину расплавленных, покоробленных цепочек белка. Поймав в черное перекрестье одно из уплотнений белковых обломков, я слегка подтолкнул рычаг увеличения, потом еще; вот-вот должен был показаться конец этой дороги вглубь, приплюснутая тень одной молекулы заполнила весь окуляр, изображение прояснилось — сейчас!

Но ничего не произошло. Я должен был увидеть дрожащие пятнышки атомов, похожие на колы-

шущийся студень, но их не было. Экран пылал девственным серебром. Я толкнул рычаг до упора. Гудение усилилось, стало гневным, но я ничего не видел. Повторяющийся звонкий сигнал давал мне знать, что аппаратура перегружена. Я еще раз взглянул в серебряную пустоту и выключил ток. Взглянул на Хари. Она как раз открыла рот, чтоб зевнуть, но ловко заменила зевок улыбкой.

— Ну, как там со мной? — спросила она.

— Очень хорошо, — ответил я. — Думаю, что… лучше быть не может.

Я все смотрел на нее, снова чувствуя эти проклятые мурашки в нижней губе. Что же произошло? Что это значило? Это тело, с виду такое слабое и хрупкое — а в сущности неистребимое, — в основе своей оказалось состоящим из… ничего? Я ударил кулаком по цилиндрическому корпусу микроскопа. Может быть, какая-нибудь неисправность? Может быть, не фокусируются поля?.. Нет, я знал, что аппаратура в порядке. Я спустился по всем ступенькам: клетки, белковый конгломерат, молекулы — все выглядело точно так же, как в тысячах препаратов, которые я видел. Но последний шаг вниз вел никуда.

Я взял у нее кровь из вены, перелил в мерный цилиндр, разделил на порции и приступил к

анализу. Он занял у меня больше времени, чем я предполагал, я немного утратил навык. Реакции были в норме. Все. Хотя, пожалуй…

Я выпустил каплю концентрированной кислоты на красную бусинку. Капля задымилась, посерела, покрылась налетом грязной пены. Разложение. Денатурация. Дальше, дальше! Я потянулся за пробиркой. Когда я снова взглянул на каплю, тонкое стекло чуть не выпало у меня из рук.

Под слоем грязной накипи, на самом дне пробирки снова нарастала темно-красная масса. Кровь, сожженная кислотой, восстанавливалась! Это была бессмыслица. Это было невозможно!

— Крис! — услышал я откуда-то очень издалека. — Телефон, Крис!

— Что? Ах да, спасибо.

Телефон звонил уже давно, но я только теперь его услышал. Я поднял трубку.

— Кельвин.

— Снаут. Я включил линию так, что мы можем говорить все трое одновременно.

— Приветствую вас, доктор Кельвин, — раздался высокий гнусавый голос Сарториуса.

Он звучал так, как будто его владелец вступал на опасно прогибающиеся подмостки — подозри-

тельный, бдительный и внешне спокойный.

— Мое почтение, доктор, — ответил я.

Мне хотелось смеяться, но я не был уверен, что причины этой веселости достаточно ясны для меня, чтобы я мог себе ее позволить. В конце концов, над чем было смеяться? Я что-то держал в руке: пробирку с кровью. Я встряхнул ее. Кровь уже свернулась. Может быть, все, что было перед этим, только галлюцинация? Может быть, мне только показалось?

— Мне хотелось сообщить коллегам некоторые соображения, связанные с… э… фантомами, — я одновременно слышал и не слышал Сарториуса. Он как бы ломился в мое сознание. Я защищался от этого голоса, все еще уставившись на пробирку с загустевшей кровью.

— Назовем их существами F, — быстро подсказал Снаут.

— А, превосходно.

Посредине экрана темнела вертикальная линия, показывающая, что я одновременно принимаю два канала, по обе стороны от нее должны были находиться лица моих собеседников. Стекло было темным, и только узкий ободок света вдоль рамки свидетельствовал о том, что аппаратура действует, но экраны чем-то заслонены.

— Каждый из нас проводил разнообразные исследования… — Снова та же осторожность в гнусавом голосе говорящего. Минута тишины. — Предлагаю сначала обменяться сведениями, а затем я мог бы сообщить то, что установил лично… Может быть, вы начнете, доктор Кельвин?..

— Я?

Вдруг я почувствовал взгляд Хари. Я небрежно положил пробирку на стол, так что она тут же закатилась под штатив со стеклом, и уселся на высокий треножник, рывком пододвинув его к себе ногой. В первый момент я хотел было отказаться, но неожиданно для самого себя ответил:

— Хорошо. Небольшое собеседование? Отлично! Я сделал совсем мало, но могу сказать. Один гистологический препарат и парочка реакций. Микрореакций. У меня сложилось впечатление, что…

До этого момента я понятия не имел, что говорить. Внезапно меня прорвало:

— Все в норме, но это камуфляж. Маска. Это в некотором смысле суперкопия: воспроизведение более тщательное, чем оригинал. Это значит, что там, где у человека мы находим конец зернистости, конец структурной делимости, здесь дорога ведет дальше благодаря применению субатомной

структуры.

— Сейчас. Сейчас. Как вы это понимаете? — спросил Сарториус.

Снаут не подавал голоса. А может быть, это его учащенное дыхание раздавалось в трубке? Хари посмотрела в мою сторону. Я понял, что в возбуждении последние слова почти выкрикнул. Придя в себя, я сгорбился на своем неудобном табурете и закрыл глаза. Как лучше объяснить?

— Последним элементом конструкции наших тел являются атомы. Предполагаю, что существа F построены из частиц меньших, чем обычные атомы. Гораздо меньших.

— Из мезонов? — подсказал Сарториус. Он вовсе не удивился.

— Нет, не из мезонов… Мезоны удалось бы обнаружить. Разрешающая способность этой аппаратуры здесь у меня, внизу, достигает десяти в минус двадцатой ангстрем. Верно? Но ничего не видно даже при максимальном усилении. Следовательно, это не мезоны. Пожалуй, скорее нейтрино.

— Как вы себе это представляете? Ведь нейтринные системы нестабильны…

— Не знаю. Я не физик. Возможно, их стабилизирует какое-то силовое поле. Я в этом не

разбираюсь. Во всяком случае, если все так, как я говорю, то структуру составляют частицы примерно в десять тысяч раз меньшие, чем атомы. Но это не все! Если бы молекулы белка и клетки были построены непосредственно из этих «микроатомов», тогда бы они должны были быть соответственно меньше. И кровяные тельца тоже, и ферменты, но ничего подобного нет. Из этого следует, что все белки, ядра клеток только маска! Действительная структура, ответственная за функционирование «гостя», кроется гораздо глубже.

— Кельвин! — почти крикнул Снаут.

Я в ужасе остановился. Сказал «гостя»? Да, но Хари не слышала этого. Впрочем, она все равно бы не поняла. Она смотрела в окно, подперев голову рукой, ее тонкий чистый профиль вырисовывался на фоне пурпурной зари. Трубка молчала. Я слышал только далекое дыхание.

— Что-то в этом есть, — буркнул Снаут.

— Да, возможно, — добавил Сарториус. — Только здесь возникает одно препятствие — океан не состоит из этих гипотетических частиц Кельвина. Он состоит из обычных.

— Но, может быть, он в состоянии их синтезировать, — заметил я.

Я почувствовал неожиданную апатию. Этот разговор не был даже смешон. Он был ненужен.

— Но это объяснило бы необыкновенную сопротивляемость, — пробурчал Снаут. — И темп регенерации. Может быть, даже источник энергии находится там, в глубине, им ведь есть не нужно…

— Прошу слова, — отозвался Сарториус.

Он был невыносим! Если бы он по крайней мере не выходил из своей выдуманной роли!

— Я хочу поговорить о мотивировке. Мотивировке появления существ F. Я задался бы вопросом: чем являются существа F? Это не человек и не копия определенного человека, а лишь материализованная проекция того, что относительно данного человека содержит наш мозг.

Четкость его определения поразила меня. Этот Сарториус, несмотря на мою к нему антипатию, не был, однако, глуп.

— Это верно, — вставил я. — Это объясняет даже, почему появились лю… существа такие, а не иные. Были выбраны самые прочные следы памяти, наиболее изолированные от всех других, хотя, естественно, ни один такой след не может быть полностью обособлен, и в ходе его «копирования» были или могли быть захвачены остатки других

следов, случайно находящихся рядом, вследствие чего пришелец выказывает большие познания, чем могла обладать особа, повторением которой должен быть…

— Кельвин! — снова воскликнул Снаут.

Меня поразило, что только он реагировал на мои неосторожные слова. Сарториус, казалось, не опасался их. Значило ли это, что его «гость» от природы менее сообразителен, чем «гость» Снаута? На секунду родился образ какого-то кретина-карлика, который живет рядом с ученым доктором Сарториусом.

— Да, да. Мы тоже заметили, — заговорил он в этот момент. — Теперь, что касается мотивировки появления существ… Первой как-то сама собой появилась мысль о проводимом на нас эксперименте. Однако это был бы эксперимент, пожалуй… скверный. Если мы проводим исследование, то учимся на результатах, прежде всего на ошибках, так что, повторяя его, вводим поправки. Здесь же об этом нет и речи. Те же существа появляются снова… не скорректированные… не защищенные дополнительно против наших… попыток избавиться от них…

— Одним словом, здесь нет функциональной петли с корректирующей обратной связью, как

определил бы это доктор Снаут, — заметил я. — И что отсюда следует?

— Только то, что для эксперимента это был бы… брак, в любом другом отношении неправдоподобный. Океан… очень точен. Это проявляется хотя бы в двухслойной конструкции существ F. До определенной границы они ведут себя так, как действительно вели бы себя… поступали бы…

Он не мог выкарабкаться.

— Оригиналы, — быстро подсказал Снаут.

— Да, оригиналы. Но когда ситуация становится слишком сложной для возможностей среднего… э… оригинала, наступает как бы «выключение сознания» существа F и оно начинает действовать иначе, не по-человечески…

— Все верно, — сказал я, — но таким путем мы только перечисляем разновидности поведения этих… этих существ и ничего больше. Это совершенно бесплодно.

— Я в этом не уверен, — запротестовал Сарториус.

Внезапно я понял, чем он меня так раздражал: он не разговаривал, а выступал, совершенно так же, как на заседаниях в институте. Видно, иначе он не умел.

— Тут включается в игру вопрос индивидуаль-

ности. Океан полностью лишен такого понятия. Так должно быть. Мне кажется, прошу прощения, коллеги, что эта для нас… э… наиболее шокирующая сторона эксперимента целиком ускользает от него, как находящаяся за границей его понимания.

— Вы считаете, что это не преднамеренно?.. — спросил я.

Это утверждение немного ошеломило меня, но, поразмыслив, я признал, что исключить его невозможно.

— Да. Я не верю ни в какое вероломство, злорадство, желание уязвить наиболее чувствительным образом… как это делает коллега Снаут.

— Я вовсе не приписываю ему человеческих ощущений, чувств, — первый раз взял слово Снаут. — Но, может, ты скажешь, как объяснить эти постоянные возвращения.

— Возможно, включена какая-нибудь установка, которая повторяет один и тот же цикл, как граммофонная пластинка, — сказал я, не без скрытого желания досадить Сарториусу.

— Прошу вас, коллеги, не разбрасываться, — объявил гнусавым голосом доктор. — Это еще не все, что я хотел сообщить. В нормальных условиях я считал бы, что выступать даже с предвари-

тельным сообщением о состоянии моих работ преждевременно, но, принимая во внимание специфичную ситуацию, я сделаю исключение. У меня сложилось впечатление, что в предположении доктора Кельвина кроется истина. Я имею в виду его гипотезу о нейтринной конструкции… Такие системы мы знаем только теоретически и не предполагали, что их можно стабилизировать. Здесь появляется определенный шанс, ибо уничтожение того силового поля, которое придает системе устойчивость…

Немного раньше я заметил, что темный предмет, который заслонял экран на стороне Сарториуса, отодвигается: у самого верха образовалась щель, в которой шевелилось что-то розовое. Теперь темная пластина внезапно упала.

— Прочь! Прочь! — раздался в трубке душераздирающий крик Сарториуса. На неожиданно осветившемся экране, между борющимися с чем-то руками доктора, заблестел большой, золотистый, похожий на диск предмет, и все погасло, прежде чем я успел понять, что этот золотой диск не что иное, как соломенная шляпа…

— Снаут? — позвал я, глубоко вздохнув.

— Да, Кельвин, — ответил мне усталый голос кибернетика.

В этот момент я понял, что он мне симпатичен. И мне совсем не хотелось знать, кто у него.

— Пока хватит с нас, а?

— Думаю, — ответил я. — Слушай, если сможешь, спустись вниз или в мою комнату, ладно? — добавил я поспешно, чтобы он не успел повесить трубку.

— Договорились, — сказал Снаут. — Но не знаю, когда.

На этом кончилась наша проблемная дискуссия.

Чудовища

Посреди ночи меня разбудил свет. Я приподнялся на локте, заслонив другой рукой глаза. Хари, завернувшись в простыню, сидела в ногах кровати, съежившись, с лицом, закрытым волосами. Плечи ее тряслись. Она беззвучно плакала.

— Хари!

Она съежилась еще сильней.

— Что с тобой?.. Хари…

Я сел на постели, еще не совсем проснувшись, постепенно освобождаясь от кошмара, который только что давил на меня. Девушка дрожала. Я обнял ее. Она оттолкнула меня локтем.

— Любимая.

— Не говори так.

— Ну, Хари, что случилось?

Я увидел ее мокрое распухшее лицо. Большие детские слезы катились по щекам, блестели в ямочке на подбородке, капали на простыню.

— Ты не любишь меня.

— Что тебе пришло в голову!

— Я слышала.

Я почувствовал, что мое лицо застывает.

— Что слышала? Ты не поняла, это был толь-

ко…

— Нет, нет. Ты говорил, что это не я. Чтобы уходила. Уходила. Ушла бы, но не могу. Я не знаю, что это. Хотела и не могу. Я такая… такая… мерзкая!

— Детка!!!

Я схватил ее, прижал к себе изо всех сил, целовал руки, мокрые соленые пальцы, повторял какие-то клятвы, заклинания, просил прощения, говорил, что это был только глупый, отвратительный сон. Понемногу она успокоилась, перестала плакать, повернула ко мне голову:

— Нет, не говори этого, не нужно. Ты для меня не такой…

— Я не такой!

Это вырвалось у меня, как стон.

— Да. Ты не любишь меня. Я все время чувствую это. Только притворялась, что не замечаю. Думала, может, мне кажется… Нет. Ты ведешь себя… по-другому. Не принимаешь меня всерьез. Это был сон, правда, но снилась-то тебе я. Ты называл меня по имени. Я тебе противна. Почему? Почему?!

Я упал перед ней на колени, обнял ее ноги.

— Детка…

— Не хочу, чтобы ты так говорил. Не хочу, слышишь? Никакая я не детка. Я…

Она разразилась рыданиями и упала лицом в постель. Я встал. От вентиляционных отверстий с тихим шорохом тянуло холодным воздухом. Меня начало знобить. Я накинул купальный халат, сел на кровать и дотронулся до ее плеча.

— Хари, послушай. Я что-то тебе скажу. Скажу тебе правду…

Она медленно приподнялась на руках и села. Я видел, как у нее на шее под тонкой кожей бьется жилка. Мое лицо снова одеревенело, и мне стало так холодно, как будто я стоял на морозе. В голове было совершенно пусто.

— Правду? — переспросила она.

Я не сразу ответил, судорогой сжало горло. Это была наша старая клятва. Когда она произносилась, никто из нас не смел не только лгать, но и умолчать о чем-нибудь. Было время, когда мы мучились чрезмерной честностью, наивно считая, что это нас спасет.

— Святое слово, — сказал я серьезно. — Хари…

Она ждала.

— Ты тоже изменилась. Мы все меняемся. Но я не это хотел сказать. Действительно, похоже… что по причине, которой мы оба точно не знаем… ты не можешь меня покинуть. Но это очень хорошо, потому что я тоже не могу тебя…

— Крис!

Я поднял Хари, завернутую в простыню, и начал ходить по комнате, укачивая ее. Она погладила меня по лицу.

— Нет. Ты не изменился. Это я, — шепнула она. — Что со мной? Может быть, то?..

Она смотрела в черный пустой прямоугольник разбитой двери, обломки которой я вынес вечером на склад. «Надо будет навесить новую», — подумал я и посадил ее на кровать.

— Ты когда-нибудь спишь? — спросил я, стоя над ней с опущенными руками.

— Не знаю.

— Как не знаешь? Подумай, дорогая.

— Это, пожалуй, не настоящий сон. Может, я больна? Лежу так и думаю, и вот…

Она опять задрожала.

— Что? — спросил я шепотом, у меня срывался голос.

— Это очень странные мысли. Не знаю, откуда они берутся.

— Например?

«Нужно быть спокойным, что бы я ни услышал», — подумал я и приготовился к ее словам, как к сильному удару.

Она беспомощно покачала головой.

— Это как-то… так… вокруг…

— Не понимаю…

— Так, как будто не только во мне, но гораздо дальше, как-то… я не могу сказать. Для этого нет слов…

— Это, наверное, сны, — бросил я как бы нехотя и вздохнул с облегчением. — А теперь погаси свет, и до утра у нас не будет никаких огорчений, а утром, если нам захочется, мы позаботимся о новых. Хорошо?

Она протянула руку к выключателю, в комнате стало темно, я лег в остывшую постель и, почувствовав тепло ее приближающегося дыхания, обнял Хари.

— Сильнее, — шепнула она. И после долгого молчания: — Крис!

— Что?

— Люблю тебя.

Мне хотелось кричать.

Утро было красным. Огромный солнечный диск стоял низко над горизонтом. У порога комнаты лежало письмо. Я разорвал конверт. Хари была в ванной, я слышал, как она напевала. Время от времени она выглядывала оттуда, облепленная мокрыми волосами. Я подошел к окну и прочитал:

«Кельвин, мы завязли. Сарториус за энергичные действия. Он верит, что ему удастся дестабилизировать нейтринные системы. Ему нужно для опытов некоторое количество плазмы как исходного материала. Он предлагает, чтобы ты отправился на разведку и взял немного плазмы в контейнер. Поступай как считаешь нужным, но поставь меня в известность о своем решении. У меня нет никакого мнения. Мне кажется, что у меня вообще ничего нет. Я хотел бы, чтобы ты сделал это только потому, что все-таки это будет движение вперед, хотя бы и мнимое. Иначе останется только позавидовать Г.

Хорек

P. S. Не заходи на радиостанцию. Это ты можешь для меня сделать? Лучше позвони».

У меня сжалось сердце, когда я читал это письмо. Я внимательно просмотрел его еще раз, разорвал и обрывки бросил в раковину. Потом начал искать комбинезон для Хари. Это было ужасно. Совсем как в прошлый раз. Но она ничего не знала, иначе не могла бы так обрадоваться, когда я сказал ей, что должен отправиться в небольшую разведку наружу и прошу ее меня сопровождать. Мы позавтракали в маленькой кухне (причем Хари снова с трудом проглотила

несколько кусочков) и пошли в библиотеку.

Я хотел просмотреть литературу, касающуюся проблем поля и нейтринных систем, прежде чем сделаю то, чего хочет Сарториус. Я еще не знал, как за это взяться, но твердо решил контролировать его работу. Мне пришло в голову, что этот пока не существующий нейтринный аннигилятор мог бы освободить Снаута и Сарториуса, а я переждал бы «операцию» вместе с Хари где-нибудь снаружи, например в ракете. Некоторое время я работал у большого электронного каталога, задавая ему вопросы, на которые он либо отвечал, выбрасывая карточки с лаконичной надписью «отсутствует в библиографии», либо предлагал мне углубиться в такие джунгли специальных физических работ, что я не представлял, с какого бока к ним подступиться. Мне как-то не хотелось покидать это большое круглое помещение с гладкими стенами, уставленное шкафами с множеством микрофильмов и электронных записей. Расположенная в самом центре станции, библиотека без окон была самым изолированным местом внутри стальной скорлупы. Кто знает, не потому ли мне было здесь так хорошо, несмотря на явный провал моих поисков. Я бродил по большому залу, пока не очутился перед

огромным, достигающим потолка стеллажом, полным книг. Ценность этого собрания была весьма сомнительна. Скорее его держали здесь как дань памяти и уважения пионерам соляристических исследований. На полках стояло около шестисот томов — классика предмета, начиная от монументальной, хотя в значительной мере уже устаревшей девятитомной монографии Гезе. Я снимал тома, от тяжести которых отвисала рука, и нехотя перелистывал, присев на ручку кресла. Хари тоже нашла себе какую-то книжку, через ее плечо я прочитал несколько строчек. Это была одна из немногих книг, принадлежавших первой экспедиции, чуть ли не собственность самого Гезе — «Межпланетный повар». Я ничего не сказал, видя, с каким вниманием Хари изучает кулинарные рецепты, приспособленные к жестким условиям космонавтики, и вернулся к тому, который лежал у меня на коленях. Работа Гезе «Десять лет изучения Соляриса» вышла в серии «Соляриана» выпусками от четвертого до двенадцатого, в то время как сейчас они имеют четырехзначные номера.

Гезе не обладал слишком большой фантазией; впрочем, эта черта может только повредить исследователю Соляриса. Нигде, пожалуй, вооб-

ражение и умение быстро создавать гипотезы не представляют такой опасности. В конце концов на этой планете все возможно. Неправдоподобно звучащие описания форм, которые создает плазма, все-таки абсолютно точны, хотя и не поддаются проверке, так как океан очень редко повторяет свои эволюции. Того, кто наблюдает их впервые, они поражают главным образом загадочностью и гигантскими размерами. Если бы они проявлялись в более мелких масштабах, в какой-нибудь луже, их бы, наверное, признали за еще одну «выходку природы», проявление случайности и слепой игры сил. То, что посредственность и гениальность одинаково беспомощны перед неисчерпаемым разнообразием соляристических форм, также не облегчает общения с феноменами живого океана. Гезе не был ни тем, ни другим. Он был попросту классификатором-педантом из тех, у кого за наружным спокойствием скрывается поглощающая всю их жизнь неиссякаемая страсть к работе. До тех пор пока мог, он пользовался чисто описательным языком, а когда ему не хватало слов, помогал себе, создавая новые, часто неудачные, не соответствующие явлениям, которые описывал. Впрочем, никакие термины не воспроизводят того, что

делается на Солярисе. Его «древогоры», «длиннуши», «грибища», «мимоиды», «симметриады» и «асимметриады», «позвоночники» и «быстренники» звучат страшно искусственно, но дают некоторое представление о Солярисе даже тем, кто, кроме неясных фотографий и чрезвычайно несовершенных фильмов, ничего не видел. Разумеется, и этот добросовестный классификатор грешил многими нелепостями. Человек создает гипотезы всегда, даже если он очень осторожен, даже если совсем об этом не догадывается. Гезе считал, что «длиннуши» являются основной формой, и сопоставлял их с многократно увеличенными и нагроможденными приливными волнами земных морей. Впрочем, те, кто рылся в первом издании его произведения, знают, что первоначально он так и назвал их «приливами», вдохновленный геоцентризмом, который был бы смешон, если бы не был так беспомощен.

Ведь это — если уж искать аналогии на Земле — формации, своими размерами превосходящие Большой колорадский каньон, смоделированные в массе, которая вверху имеет студенисто-пенистую консистенцию (причем эта пена застывает в гигантские легко ломающиеся фестоны, в кружева с огромными ячейками, некоторым

исследователям они даже представляются «скелетистыми наростами»), а под поверхностью переходит в субстанцию все более упругую, как напряженный мускул, но мускул, вскоре, на глубине полутора десятков метров, приобретающий твердость скалы, хотя и сохраняющий эластичность. Между натянутыми на хребте чудовища перепонками, за которые цепляются «скелетики», тянется на расстояние многих километров собственно «длиннуш» — образование, с виду совершенно самостоятельное, похожее на какого-то колоссального питона, который проглотил целые горы и теперь молча их переваривает, время от времени сообщая своему сжатому по-рыбьи телу медленные колебательные движения. Но так «длиннуш» выглядит только сверху, с борта летательного аппарата. Если же приблизиться к нему настолько, что обе «стены ущелья» вознесутся на сотни метров, «туловище питона» окажется простирающимся до горизонта пространством, заполненным головокружительным движением. Понемногу становится понятным, что здесь, под тобой, находится центр действия сил, которые поддерживают возносящиеся к небу склоны медленно кристаллизующегося сиропа. Но того, что очевидно для глаза, недостаточно для науки.

Сколько лет длились отчаянные дискуссии о том, что именно происходит в недрах «длиннушей», миллионы которых бороздят безбрежные просторы океана. Считалось, что это какие-то органы океана, что в них происходит обмен веществ, дыхательные процессы, транспортировка питательных субстанций, и только запыленные библиотеки знают, что еще. Каждую гипотезу в конце концов удавалось ниспровергнуть тысячами кропотливых, а иногда и связанных с риском исследований. И все это касается только «длиннушей», формы, по сути дела, самой простой, самой устойчивой (их существование продолжается недели — явление здесь совершенно исключительное).

Наиболее непонятной формой — причудливой и вызывающей у наблюдателя, пожалуй, самый резкий протест (конечно, инстинктивный) — были «мимоиды». Можно без преувеличения сказать, что Гезе в них влюбился и их изучению, описанию, выяснению их сущности посвятил себя целиком. В названии он пытался отразить то, что было в них наиболее примечательно для человека: стремление к повторению окружающих форм, все равно, близких или далеких.

В один прекрасный день глубоко под поверхно-

стью океана возникает темный плоский широкий круг с рваными краями и как бы залитый смолой. Через несколько часов он начинает делиться на части, все более расчленяется и одновременно пробивается к поверхности. Наблюдатель мог бы поклясться, что под ним происходит страшная борьба, потому что со всех сторон сюда мчатся похожие на искривленные губы, затягивающиеся кратеры, бесконечные ряды кольцевых волн громоздятся над разлившимся в глубине черным колеблющимся призраком и, вставая на дыбы, обрушиваются вниз. Каждому такому броску сотен тысяч тонн плазмы сопутствует растянутый на секунды, липкий, хочется сказать чавкающий, гром. Тут все происходит с гигантским размахом. Темное чудовище оказывается загнанным в глубину, каждый следующий удар словно расплющивает его и расщепляет, от отдельных хлопьев, которые свисают, как намокшие крылья, отходят продолговатые гроздья, сужающиеся в длинные ожерелья, сплавляются друг с другом и плывут вверх, таща за собой как бы приросший к ним раздробленный материнский диск. А в это время сверху неустанно низвергаются во все более углубляющуюся впадину новые кольца волн. Такая игра продолжается иногда день,

иногда меньше. Порой на этом все и кончается. Добросовестный Гезе назвал такой вариант «недоношенным мимоидом», как будто у него были точные сведения, что конечной целью каждого такого катаклизма является «зрелый мимоид», то есть колония полипообразных светлых наростов (обычно превышающая размеры земного города), назначение которой — передразнивать окружающие формы. Разумеется, сразу же появился другой солярист — Ивенс, который признал эту последнюю фазу дегенерацией, извращением, угасанием, а все многообразие созданных форм — очевидным проявлением освобождения отпочковавшихся частей из-под «материнской» власти.

Однако Гезе, который в описаниях других соляристических образований осторожен, как муравей, ползущий по замерзшему водопаду, в этом случае был так уверен в себе, что даже систематизировал отдельные фазы формирования мимоида по степени возрастающего совершенства.

Наблюдаемый с высоты, мимоид кажется похожим на город, но это просто заблуждение, вызванное поисками аналогии среди уже известных явлений. Когда небо чисто, все многоэтажные

отростки и их вершины окружены слоями нагретого воздуха, что создает мнимые колебания и изменения форм, которые и без того трудно определить. Первая же туча вызывает немедленную реакцию. Начинается стремительное расслоение. Вверх выбрасывается почти совсем отделенная от основания тягучая оболочка, похожая на цветную капусту, которая сразу же бледнеет и через несколько минут в точности имитирует клубящуюся тучу. Это гигантское образование отбрасывает красноватую тень, вместо одних вершин мимоида возникают другие, причем движение всегда направлено в сторону, противоположную движению настоящей тучи. Думаю, что Гезе дал бы отсечь себе руку, чтобы узнать, почему так происходит. Но такие «одиночные изделия» ничто по сравнению со стихийной деятельностью мимоида, «раздразненного» присутствием предметов и конструкций, которые появляются над ним по воле земных пришельцев. Воспроизводится все, что находится на расстоянии, не превышающем двенадцати-пятнадцати километров. Чаще всего мимоид создает увеличенные изображения, иногда деформируя их и преобразуя в карикатуры или гротескные упрощения; в особенности это относится к машинам.

Разумеется, материалом всегда является та же самая быстро светлеющая масса, изверженная океаном. Вместо того чтобы упасть, она повисает в воздухе, соединенная легко рвущимися пуповинами с основанием, по которому она медленно передвигается и, одновременно корчась, сокращаясь или увеличиваясь в объеме, пластично формируется в сложные конструкции. Ферма или мачта воспроизводятся с одинаковой быстротой. Мимоид не реагирует только на самих людей, точнее говоря, ни на какие живые существа, а также на растения, которые тоже доставляли на Солярис в экспериментальных целях неутомимые исследователи. Однако манекен, кукла, изображение собаки или дерева, выполненные из любого материала, копируются немедленно.

Здесь, увы, нужно заметить кстати, что «повиновение» мимоида желаниям экспериментаторов, такое редкое на Солярисе, время от времени пропадает. У зрелого мимоида есть свои, если можно так выразиться, «выходные дни», во время которых он только очень медленно пульсирует. Эта пульсация, впрочем, совершенно незаметна для глаза. Ее ритм, одна фаза «пульса», продолжается больше двух часов, и потребовались специальные киносъемки, чтобы это устано-

вить.

В такие периоды мимоид, особенно старый, очень удобно исследовать, так как и погруженный в океан поддерживающий диск, и возносящиеся над ним формы представляют собой вполне надежную опору для ног.

Можно, конечно, побывать в недрах мимоида и в его «рабочие» дни, но в это время видимость близка к нулю вследствие того, что из специальных отростков копирующей массы непрерывно выделяется медленно оседающая, пушистая, похожая на снег коллоидная взвесь. Нужно сказать, что эти формы не следует рассматривать с небольшого расстояния, так как их величина близка к величине земных гор. Кроме того, основание «работающего» мимоида становится вязким от коллоидного снега, который только через несколько часов превращается в твердую корку, гораздо более легкую, чем пемза.

Наконец, без специального снаряжения легко заблудиться в лабиринте огромных конструкций, напоминающих не то искореженные колонны, не то полужидкие гейзеры, и это даже при ярком солнечном свете, который не может пробить облака взвеси, непрерывно выбрасываемой в атмосферу «псевдовзрывами».

Наблюдение мимоида в его счастливые дни (точнее говоря, это счастливые дни для исследователя, который над ним находится) может стать источником незабываемых впечатлений. Мимоид переживает свои «творческие взлеты», когда начинается какая-то противоестественная гиперпродукция. Тогда он создает либо собственные варианты окружающих форм, либо их усложненное изображение или даже «формальное продолжение», и так может забавляться часами на радость художнику-абстракционисту и к отчаянию ученого, который напрасно старается что-нибудь понять в происходящих процессах. Временами в деятельности мимоида проявляются черты откровенно детского упрощения, иногда он впадает в «барочные отклонения»: тогда все, что он строит, отмечено разбухшей слоновостью. Старые мимоиды особенно часто создают фигуры, способные вызвать искренний смех.

Само собой разумеется, что в первые годы исследований ученые набросились на мимоиды, приняв их за центры соляристического океана, где наступит желанный контакт двух цивилизаций. Однако очень быстро выяснилось, что ни о каком контакте нет и речи, так как все начиналось и кончалось имитацией форм, которая

никуда не вела. Вновь и вновь исследователи в отчаянных поисках обращались к антропо- или к зооморфизму, который усматривал в самых разных творениях живого океана «мыслительные органы» или даже «конечности», — такие ученые, как Маартенс, Экконаи, принимали за них «позвоночники» и «быстренники» Гезе. Но считать эти протуберанцы живого океана, иногда выбрасываемые в атмосферу на высоту до трех километров, «конечностями» было столько же оснований, сколько считать землетрясения «гимнастикой» земной коры.

Каталог форм, повторяющихся более или менее постоянно, рождаемых живым океаном так часто, что в течение суток можно открыть на его поверхности несколько десятков их или даже сотен, охватывает примерно триста названий. Наиболее нечеловеческими в смысле абсолютного отсутствия подобия всему, что когда-либо исследовано человеком на Земле, являются, согласно школе Гезе, симметриады. Постепенно стало ясно, что океан не проявляет агрессивных намерений, и погибнуть в его плазменных пучинах может только тот, кто этого специально добивается (естественно, я не говорю о несчастных случаях, вызванных, например, поломкой

кислородного аппарата или кондиционера). Даже цилиндрические реки «длиннушей» и чудовищные столбы «позвоночников», неуверенно блуждающих среди туч, можно навылет пробить самолетом или другим летательным аппаратом без малейшей опасности; плазма освобождает дорогу, расступаясь перед инородным телом со скоростью, равной скорости звука в атмосфере Соляриса, образуя, если ее к этому вынуждают, глубокие тоннели даже под поверхностью океана (причем энергия, которая в этих целях приводится в действие, огромна — Скрябин оценил ее примерно в 10^{19} эргов!!!). Однако к исследованию симметриад приступили с чрезвычайной осторожностью, постоянно отступая, соблюдая все правила безопасности, часто, правда, фиктивные, а имена тех, которые первыми проникли в их бездны, известны на Земле каждому ребенку.

Ужас, который внушают эти исполины, объясняется не их внешним видом, хотя он действительно может навеять кошмарные сны. Скорее он вызван тем, что в их пределах нет ничего постоянного, ничего несомненного, в них нарушаются даже физические законы. Именно это давало ученым основание все настойчивее повторять, что живой океан разумен.

Симметриады появляются внезапно. Их образование напоминает извержения. Океан вдруг начинает блестеть, как будто несколько десятков квадратных километров его поверхности покрыты стеклом. При этом ни его густота, ни ритм волнения не меняются. Иногда симметриада возникает там, где образовалась воронка, засосавшая «быстренник», но это происходит далеко не всегда. Через некоторое время стеклянистая оболочка выбрасывается вверх в виде чудовищного пузыря, в котором, искажаясь и преломляясь, отражается весь небосклон, солнце, тучи, горизонт. Молниеносная игра цветов, вызванная отчасти поглощением, отчасти преломлением света, не имеет себе подобной.

Особенно резкие световые эффекты свойственны симметриадам, возникающим во время голубого дня, а также перед заходом солнца. В этот период создается впечатление, что планета рождает другую, с каждым мгновением удваивающую свой объем. Сверкающий огнями глобус, с трудом выдавленный из глубины, растрескивается у вершины на вертикальные секторы. Но это не распад. Эта стадия, не очень удачно названная «фазой цветочной чашечки», длится секунды. Направленные в небо перепончатые

арки переворачиваются, соединяются в невидимой внутренней части и начинают моментально формировать что-то вроде коренастого торса, внутри которого происходят одновременно сотни явлений.

Через некоторое время симметриада начинает проявлять свою самую удивительную особенность — моделирование, или, точнее, нарушение физических законов. Предварительно нужно сказать, что не бывает двух одинаковых симметриад и геометрия каждой из них является как бы новым изобретением океана. Далее симметриада создает внутри себя то, что часто называют «моментальными машинами», хотя эти конструкции совсем не похожи на машины, сделанные людьми. Здесь речь идет об относительно узкой и поэтому как бы «механической» цели действия.

Бьющие из бездны гейзеры формируют толстостенные галереи или коридоры, расходящиеся во всех направлениях, а перепонки создают систему пересекающихся плоскостей, свисающих канатов, сводов. Симметриады оправдывают свое название тем, что каждому образованию в районе одного ее полюса соответствует совпадающее даже в мелочах образование на противоположном полюсе.

Через какие-нибудь двадцать-тридцать минут гигант начинает медленно погружаться в океан, наклонив сначала свою вертикальную ось на восемь-двенадцать градусов.

Симметриады бывают побольше и поменьше, но даже карликовые после погружения возносятся на добрые восемьсот метров над уровнем океана и видны на расстоянии десятков километров.

Попасть внутрь симметриады безопаснее всего сразу же после восстановления равновесия, когда вся система перестает погружаться и возвращается в вертикальное положение. Наиболее интересной для изучения является вершина симметриады. Относительно гладкую «шапку» полюса окружает пространство, продырявленное, как решето, отверстиями внутренних камер и тоннелей. В целом эта формация является трехмерной моделью какого-то уравнения высшего порядка.

Как известно, каждое уравнение можно выразить языком высшей геометрии и построить эквивалентное ему геометрическое тело. В таком понимании симметриада — родственница конусов Лобаческого и отрицательных кривых Римана, но родственница очень дальняя вслед-

ствие своей невообразимой сложности. Скорее это охватывающая несколько кубических километров модель целой математической системы, причем модель четырехмерная, ибо сомножители уравнения выражаются также и во времени, в происходящих с его течением изменениях.

Самой простой была, естественно, мысль, что перед нами какая-то «математическая машина» живого океана, созданная в соответствующих масштабах модель расчетов, необходимых ему для не известных нам целей. Но эту гипотезу Фермонта сегодня уже никто не поддерживает. Не было недостатка и в попытках создания какой-нибудь более доступной, более наглядной модели симметриады. Но все это ничего не дало.

Симметриады неповторимы, как неповторимы любые происходящие в них явления. Иногда воздух перестает проводить звук. Иногда увеличивается или уменьшается коэффициент рефракции. Локально появляются пульсирующие ритмичные изменения тяготения, словно у симметриады есть бьющееся гравитационное сердце. Время от времени гирокомпасы исследователя начинают вести себя как сумасшедшие, возникают и исчезают слои повышенной ионизации… Это перечисление можно было бы продолжить.

Впрочем, если когда-нибудь тайна симметриад будет разгадана, останутся еще асимметриады…

Экспедиции отмерили сотни километров в глубинах симметриад, расставили регистрирующие аппараты, автоматические кинокамеры; телевизионные глаза искусственных спутников регистрировали возникновение мимоидов и длиннушей, их созревание и гибель. Библиотеки наполнялись, разрастались архивы; цена, которую за это приходилось платить, порой была очень высокой. Семьсот восемнадцать человек погибло во время катаклизмов, не успев выбраться из уже приговоренных к гибели колоссов, из них сто шесть только в одной катастрофе, известной потому, что в ней нашел смерть и сам Гезе, в то время семидесятилетний старик. Семьдесят девять человек, одетых в панцирные скафандры, вместе с машинами и приборами поглотил в несколько секунд взрыв грязной жижи, сбивший своими брызгами остальных двадцать семь, которые пилотировали самолеты и вертолеты, кружившиеся над местом исследований. Эта точка на пересечении сорок второй параллели с восемьдесят девятым меридианом обозначена на картах как «Кладбище ста шести». Но она существует лишь на картах, поверхность океа-

на ничем не отличается там от любого другого пункта.

Тогда впервые в истории соляристических исследований раздались голоса, требующие нанесения термоядерных ударов. Это было хуже, чем месть, речь шла об уничтожении того, чего мы не можем понять. В тот момент, когда обсуждалось это предложение, Тсанкен, случайно уцелевший начальник резервной группы Гезе, пригрозил, что взорвет станцию вместе с собой и восемнадцатью оставшимися людьми. И хотя официально никогда не признавалось, что его самоубийственный ультиматум повлиял на результат голосования, можно допустить, что это было именно так.

Но времена, когда многолюдные экспедиции посещали планету, прошли. Сама станция — инженерное сооружение такого масштаба, что Земля могла бы им гордиться, если бы не способность океана в течение секунды создавать конструкции в миллионы раз большие, — была сделана в виде диска диаметром двести метров с четырьмя ярусами в центре и с двумя по краю. Она висела на высоте от пятисот до полутора тысяч метров над океаном благодаря гравиторам, приводившимся в движение энергией анниги-

ляции, и, кроме обычной аппаратуры, которой оборудуются все станции и спутники других планет, имела специальные радарные установки, готовые при малейших изменениях состояния поверхности океана включить дополнительную мощность, — как только появлялись первые признаки рождения нового чудовища, стальной диск поднимался в стратосферу.

Теперь станция совершенно обезлюдела. С тех пор как автоматы были заперты — по не известной мне до сих пор причине — в нижних складах, можно было бродить по коридорам, не встречая никого, как на бесцельно дрейфующем судне, машины которого пережили гибель команды.

Когда я поставил на полку девятый том монографии Гезе, мне показалось, что сталь, скрытая слоем пушистого пенопласта, задрожала у меня под ногами. Я замер, но дрожь не повторилась. Библиотека была тщательно изолирована от корпуса, и вибрация могла возникнуть только по одной причине: стартовала какая-то ракета. Эта мысль вернула меня к действительности. Я еще не решил окончательно, выполнить ли мне желание Сарториуса. Если я буду вести себя так, будто полностью одобряю его планы, то в лучшем случае смогу лишь оттянуть кризис; я был почти

уверен, что дело дойдет до столкновения, так как решил сделать все возможное, чтобы спасти Хари. Весь вопрос в том, имел ли Сарториус шансы на успех. Его преимущество передо мной было огромным — как физик он знал проблему в десять раз лучше меня, и я мог рассчитывать, как это ни парадоксально, только на сложность задач, которые ставил перед нами океан. В течение следующего часа я корпел над микрофильмами, пытаясь выловить хоть что-нибудь доступное моему пониманию из моря сумасшедшей математики, языком которой разговаривала физика нейтринных процессов. Сначала мне это показалось безнадежным, тем более что дьявольски сложных теорий нейтринного поля было целых пять — верный признак того, что ни одна из них не верна. Однако в конце концов мне удалось найти нечто обнадеживающее. Я переписал некоторые формулы и в этот момент услышал стук.

Я быстро подошел к двери и открыл ее, загородив собой щель. В ней показалось блестящее от пота лицо Снаута. Коридор за ним был пуст.

— А, это ты, — сказал я, приоткрывая дверь. — Заходи.

— Да, это я.

Голос его звучал хрипло, под воспаленными

глазами висели мешки. На нем был блестящий резиновый антирадиационный фартук на эластичных помочах, из-под фартука выглядывали все те же перепачканные брюки. Его глаза обежали круглый, равномерно освещенный зал и остановились, когда он заметил стоящую около кресла Хари. Мы обменялись быстрым взглядом, я опустил веки; тогда он слегка поклонился, а я, впадая в светский тон, сказал:

— Это доктор Снаут, Хари. Снаут, это… моя жена.

— Я… малозаметный член экипажа и поэтому… — пауза становилась опасной, — не имел случая познакомиться…

Хари усмехнулась и подала ему руку, которую он пожал, как мне показалось, немного обалдело, несколько раз моргнул и застыл, глядя на нее, пока я не взял его за плечи.

— Извините, — произнес он тогда, обращаясь к ней. — Я хотел поговорить с тобой, Кельвин…

— Разумеется, — ответил я с какой-то великосветской непринужденностью. Все это звучало как низкопробная комедия. Выхода, однако, не было. — Хари, дорогая, не обращай на нас внимания. Мы с доктором должны поговорить о наших скучных делах.

Я взял Снаута за локоть и провел его к маленьким креслицам в противоположной стороне зала. Хари уселась в кресло, в котором до этого сидел я, но подвинула его так, чтобы, поднимая голову от книжки, видеть нас.

— Ну что? — спросил я тихо.

— Развелся, — ответил он свистящим шепотом.

Возможно, я бы рассмеялся, если бы мне когда-нибудь передали эту историю и такое начало разговора, но на станции чувство юмора у меня было ампутировано.

— Со вчерашнего дня я прожил пару лет, Кельвин, — добавил он. — Пару неплохих лет. А ты?

— Ничего… — ответил я через мгновение, так как не знал, что говорить. Я любил его, но чувствовал, что сейчас должен его опасаться, вернее того, с чем он ко мне пришел.

— Ничего… — повторил Снаут тем же тоном, что и я. — Даже так?..

— О чем ты? — Я сделал вид, что не понимаю.

Он прищурил налитые кровью глаза и, наклонившись ко мне так, что я почувствовал на лице тепло его дыхания, зашептал:

— Мы увязаем, Кельвин. С Сарториусом я уже не могу связаться, знаю только то, что написал тебе. Он сказал мне это после нашей маленькой

конференции…

— Он выключил видеофон?

— Нет. У него там короткое замыкание. Кажется, он сделал это нарочно или… — Снаут резко опустил кулак, будто разбивал что-то.

Я смотрел на него молча.

— Кельвин, я пришел, потому что… — он не закончил фразу. — Что ты собираешься делать?

— Ты об этом письме? — ответил я медленно. — Я могу это сделать, не вижу повода для отказа, собственно, для того здесь и сижу, хотел разобраться…

— Нет, — прервал он. — Не об этом…

— Нет? — переспросил я, изображая удивление. — Слушаю.

— Сарториус, — буркнул он после недолгого молчания. — Ему кажется, что он нашел путь… вот…

Он не спускал с меня глаз. Я сидел спокойно, стараясь придать лицу безразличное выражение.

— Во-первых, та история с рентгеном. То, что делал с ним Гибарян, помнишь? Возможна некоторая модификация.

— Какая?

— Мы посылали просто пучок лучей в океан и модулировали только их напряжение по разным

законам.

— Да, я знаю об этом. Нилин уже ставил подобные опыты. И огромное количество других.

— Верно. Но они применяли мягкое излучение. А у нас было жесткое, мы всаживали в океан все, что имели, всю мощность.

— Это может привести к неприятным последствиям, — заметил я. — Нарушение Конвенции Четырех и ООН.

— Кельвин… не прикидывайся. Ведь теперь это не имеет никакого значения. Гибаряна нет в живых.

— Ага, Сарториус все хочет свалить на него?

— Не знаю. Я не говорил с ним об этом. Это неважно. Сарториус считает, что коль скоро «гость» появляется всегда лишь в момент пробуждения, то, очевидно, океан извлекает из нас рецепт производства во время сна — видимо, полагает, что самое важное наше состояние — именно сон. Поэтому так поступает. А Сарториус хочет передать ему нашу явь — мысли во время бодрствования, понимаешь?

— Каким способом? Почтой?

— Шутить будешь потом. Этот пучок излучения мы промодулируем токами мозга кого-нибудь из нас.

У меня вдруг прояснилось в голове:

— Ага. И этот кто-то — я. Так?

— Да. Он думал о тебе.

— Сердечно благодарю.

— Что ты на это скажешь?

Я молчал. Ничего не говоря, он медленно посмотрел на погруженную в чтение Хари и опять перевел взгляд на мое лицо. Я почувствовал, что бледнею, и не мог с этим справиться.

— Ну как?.. — спросил он.

Я пожал плечами.

— Эти рентгеновские проповеди о великолепии человека я считаю шутовством. И ты тоже. Может быть, нет?

— Да?

— Да.

— Это очень хорошо, — сказал он и улыбнулся, как будто я исполнил его желание. — Значит, ты против всей этой истории?

Я не понимал еще, как это произошло, но в его взгляде прочитал, что он загнал меня туда, куда хотел. Я молчал. Что теперь было говорить?

— Отлично, — произнес он. — Потому что есть еще один проект. Перемонтировать аппарат Роше.

— Аннигилятор?..

— Да. Сарториус уже сделал предварительные расчеты. Это реально. И даже не потребует большой мощности. Аппарат будет действовать неограниченное время, создавая антиполе.

— По… подожди! Как ты себе это представляешь?

— Очень просто. Это будет нейтринное антиполе. Обычная материя остается без изменений. Уничтожению подвергаются только… нейтринные системы. Понимаешь?

Он удовлетворенно улыбнулся. Я сидел приоткрыв рот. Постепенно он перестал улыбаться, испытующе посмотрел на меня, нахмурился и, подождав немного, продолжал:

— Итак, первый проект «Мысль» отбрасываем. А второй? Сарториус уже сидит над этим. Назовем его «Свобода».

Я на мгновение закрыл глаза. Стал быстро соображать: Снаут не физик. Сарториус выключил или уничтожил видеофон. Очень хорошо.

— Я бы назвал его точнее — «Бойня»… — сказал я медленно.

— Ты сам был мясником. Может, нет? А теперь это будет что-то совершенно иное. Никаких «гостей», никаких существ F — ничего. Уже в момент начала материализации начнется распад.

— Это недоразумение, — ответил я, с сомнением покачал головой и усмехнулся. Я надеялся, что выгляжу достаточно естественно. — Это не щепетильность, а инстинкт самосохранения. Я не хочу умирать, Снаут.

— Что?..

Он был удивлен и смотрел на меня подозрительно. Я вытянул из кармана измятый лист с формулами.

— Я тоже думал об этом. Тебя это удивляет? А ведь я первый выдвинул нейтринную гипотезу. Не правда ли? Смотри. Антиполе можно возбудить. Для обычной материи оно безопасно. Это верно. Но в момент дестабилизации, когда нейтринная структура распадается, высвобождается излишек энергии. Принимая на один килограмм массы покоя десять в восьмой эргов, получаем для одного существа F пять — семь на десять в девятой. Знаешь, что это означает? Это эквивалентно небольшому заряду урана, который взорвется внутри станции.

— Что ты говоришь? Но… ведь Сарториус должен был принять во внимание…

— Не обязательно, — ответил я со злой усмешкой. — Дело в том, что Сарториус принадлежит к школе Фрезера и Кайоли. По их мнению, вся

энергия в момент распада освобождается в виде светового излучения. Это была бы попросту сильная вспышка, не совсем, возможно, безопасная, но не уничтожающая. Существуют, однако, другие гипотезы, другие теории нейтринного поля. По Кайе, по Авалову, по Сиону спектр излучения значительно шире, а максимум падает на жесткое гамма-излучение. Хорошо, что Сарториус верит своим учителям и их теории, но есть и другие. И знаешь, что я тебе скажу? — протянул я, видя, что мои слова произвели на него впечатление. — Нужно принять во внимание и океан. Если уж он сделал то, что сделал, то наверняка применил оптимальный метод. Другими словами: его действия кажутся мне аргументом в пользу той, другой школы — противников Сарториуса.

— Покажи мне эту бумагу, Кельвин…

Я подал ему лист. Он наклонил голову, пытаясь разобраться в моих каракулях.

— Что это? — ткнул он пальцем.

Я взял у него расчеты.

— Это? Тензор трансмутации поля.

— Дай мне все…

— Зачем тебе? — Я знал, что он ответит.

— Нужно показать Сарториусу.

— Как хочешь, — ответил я равнодушно. — Мо-

жешь взять. Только, видишь ли, этого никто не исследовал экспериментально, такие структуры нам еще не известны. Он верит во Фрезера, я считал по Сиону. Он скажет, что я не физик и Сион тоже. По крайней мере в его понимании. Но это тема для дискуссии. Меня не устраивает дискуссия, в результате которой я могу испариться, к вящей славе Сарториуса. Тебя я могу убедить, его — нет. И пробовать не стану.

— Он работает над этим. И что же ты хочешь сделать?.. — бесцветным голосом спросил Снаут. Он сгорбился, все его оживление пропало. Я не знал, верит ли он мне, но мне было уже все равно.

— То, что делает человек, которого хотят убить, — ответил я тихо.

— Попробую с ним связаться. Может быть, он думает о каких-нибудь мерах предосторожности, — буркнул Снаут и поднял на меня глаза. — Слушай, а если бы все-таки?.. Тот, первый проект. А? Сарториус согласится. Наверняка. Это… во всяком случае… какой-то шанс.

— Ты в это веришь?

— Нет, — ответил он тотчас. — Но… чему это повредит?

Я не хотел соглашаться слишком быстро, мне

ведь это и было нужно. Он становился моим союзником в игре на проволочку.

— Подумаю, — проговорил я.

— Ну, я пошел, — сказал Снаут, вставая. Когда он поднимался, у него затрещали все кости. — Хоть энцефалограмму-то дашь себе сделать? — спросил он, потирая пальцами фартук, будто пытаясь стереть с него невидимые пятна.

— Хорошо.

Не обращая внимания на Хари (она сидела с книгой на коленях и молча смотрела на эту сцену), он пошел к двери. Когда она закрылась за ним, я встал. Расправил лист, который держал в руке. Формулы были подлинные. Я не подделал их. Не знаю, правда, согласился ли бы Сион с тем, как я их развил. Пожалуй, нет. Я вздрогнул. Хари подошла сзади и прикоснулась к моей руке.

— Крис!

— Что, дорогая?

— Кто это был?

— Я говорил тебе. Доктор Снаут.

— Что это за человек?

— Я мало его знаю. Почему ты спрашиваешь?

— Он так на меня смотрел…

— Наверное, ты ему понравилась…

— Нет, — она покачала головой. — Это был не

такой взгляд. Смотрел на меня так… как будто…

Она поежилась, подняла глаза и сразу же их опустила.

— Пойдем отсюда…

Жидкий кислород

Не знаю, как долго я лежал в темной комнате, апатично уставившись на светящийся циферблат часов. Слушал собственное дыхание и чему-то удивлялся, оставаясь при этом совершенно равнодушным. Наверное, я просто страшно устал. Я повернулся на бок, кровать была странно широкой, мне чего-то недоставало. Я задержал дыхание и замер. Стало совершенно тихо. Не доносилось ни малейшего звука. Хари? Почему не слышно ее дыхания? Начал шарить руками по постели: я был один.

«Хари»! — хотел я ее позвать, но услышал шаги. Шел кто-то большой и тяжелый, как…

— Гибарян? — сказал я спокойно.

— Да, это я. Не зажигай свет.

— Но…

— Не нужно. Так будет лучше для нас обоих.

— Но ты умер!

— Это ничего. Ты ведь узнаешь мой голос?

— Да. Зачем ты это сделал?

— Пришлось. Ты опоздал на четыре дня. Если бы ты прилетел раньше, может быть, это и не понадобилось бы. Но не упрекай себя. Мне не так

уж плохо.

— Ты правда здесь?

— Ах, считаешь, что я снюсь тебе, как ты думал о Хари?

— Где она?

— Почему ты думаешь, что я знаю?

— Догадался.

— Держи это при себе. Предположим, я здесь вместо нее.

— Но я хочу, чтобы она тоже была.

— Это невозможно.

— Почему? Слушай, ты ведь знаешь, что в действительности это не ты, это только я.

— Нет. Это действительно я. Если бы ты хотел быть педантичным, мог бы сказать — это еще один я. Но не будем тратить слов.

— Ты уйдешь?

— Да.

— И тогда она вернется?

— Тебе этого хочется? Кто она для тебя?

— Это мое дело.

— Ты ведь ее боишься?

— Нет.

— И тебе противно…

— Чего ты от меня хочешь?..

— Ты должен жалеть себя, а не ее. Ей всегда

будет двадцать лет. Не притворяйся, что не знаешь этого!

Вдруг, совершенно не известно почему, я успокоился. И слушал его совсем хладнокровно. Мне показалось, что теперь он стоит ближе, в ногах кровати, но я по-прежнему ничего не видел в этом мраке.

— Чего ты хочешь? — спросил я тихо.

Мой тон как будто удивил его. С минуту он молчал.

— Сарториус убедил Снаута, что ты его обманул. Теперь они тебя обманут. Под видом монтажа рентгеновской аппаратуры они собирают аннигилятор поля.

— Где она? — спросил я.

— Разве ты не слышал, что я тебе сказал? Я предупредил тебя!

— Где она?

— Не знаю. Запомни: тебе понадобится оружие. Ты ни на кого не можешь рассчитывать.

— Могу рассчитывать на Хари.

Послышался слабый короткий звук. Он смеялся.

— Конечно, можешь. До какого-то предела. В конце концов ты всегда можешь сделать то же, что и я.

— Ты не Гибарян.

— Да? А кто? Может быть, твой сон?

— Нет. Ты их кукла. Но сам об этом не знаешь.

— А откуда ты знаешь, кто ты?

Это меня озадачило. Я хотел встать, но не мог. Гибарян что-то говорил. Я не понимал слов, слышал только звук его голоса, отчаянно боролся со слабостью, еще раз рванулся с огромным усилием… и проснулся. Я хватал воздух, как полузадушенная рыба. Было совсем тепло. Это сон. Кошмар. Сейчас… «дилемма, которую не могу разрешить. Мы преследуем самих себя. Политерия использует какой-то способ селективного усиления наших мыслей. Поиски мотивировки этого явления — и есть антропоморфизм!! Там, где нет людей, нет также доступных человеку мотивов. Чтобы продолжать выполнение плана исследований, нужно либо уничтожить собственные мысли, либо их материальную реализацию. Первое не в наших силах. Второе слишком похоже на убийство…»

Я вслушивался в темноте в этот мерный далекий голос, который узнал сразу же: говорил Гибарян. Я вытянул руки перед собой. Постель была пуста.

«Проснулся для следующего сна», — пришла

мне в голову мысль.

— Гибарян?.. — окликнул я. Голос оборвался сразу же на полуслове. Что-то тихонько щелкнуло, и я почувствовал легкое дуновение.

— Ну что же ты, Гибарян? — проворчал я, зевая. — Так преследовать из одного сна в другой, знаешь…

Около меня что-то зашелестело.

— Гибарян! — повторил я громче.

Пружины кровати заскрипели.

— Крис… это я… — послышался рядом со мной шепот.

— Это ты, Хари… а Гибарян?

— Крис… Крис… но ведь он не… ты сам говорил, что он умер…

— Во сне может жить, — протянул я. Но у меня уже не было полной уверенности, что это сон. — Он приходил сюда. Что-то говорил.

Я был страшно сонный. «Раз я сонный — значит, сплю», — пришла мне в голову идиотская мысль. Я дотронулся губами до холодного плеча Хари и улегся поудобнее. Она мне что-то ответила, но я уже провалился в забытье.

Утром, в освещенной красным солнцем комнате, я восстановил в памяти происшествия этой ночи. Разговор с Гибаряном мне приснился, но

потом? Я слышал его голос, мог бы в этом поклясться, но не помнил толком, что он говорил.

Это был не разговор, а скорее доклад. Доклад!

Хари мылась. Из ванной слышался плеск воды. Я заглянул под кровать, где недавно стоял магнитофон. Его там не было.

— Хари, — позвал я.

Ее мокрое лицо высунулось из-за шкафа.

— Ты случайно не видела под кроватью магнитофона? Маленький, карманный…

— Там лежали разные вещи. Я все положила туда, — она показала на полку около шкафчика с лекарствами и исчезла в ванной.

Я вскочил с кровати, но поиски не дали результатов.

— Ты должна была его видеть, — сказал я, когда Хари вернулась в комнату.

Она ничего не ответила и стала причесываться перед зеркалом. Только теперь я заметил, что она бледна, а в ее глазах, которые встретились с моими в зеркале, была какая-то настороженность.

— Хари, — начал я, как осел, еще раз, — магнитофона нет на полке.

— Ничего более важного ты не хочешь мне сказать?..

— Извини, — пробормотал я. — Ты права, это

глупость.

Не хватает еще, чтобы мы начали ссориться.

Потом мы пошли завтракать. Хари сегодня вела себя иначе, не так как обычно, но я не мог определить, в чем разница. Она все время осматривалась, не слышала, что я ей говорил, как бы впадая в задумчивость. А один раз, когда она подняла голову, я заметил, что ее глаза блестят.

— Что с тобой? — я понизил голос до шепота. — Ты плачешь?

— Ох, оставь меня. Это не настоящие слезы, — пролепетала она.

Возможно, я не должен был удовольствоваться этим, но я ничего так не боялся, как «откровенных разговоров». Впрочем, в голове у меня было совсем другое. Хотя интриги Снаута и Сарториуса мне только приснились, я начал соображать, есть ли вообще на станции какое-нибудь подходящее оружие. О том, что с ним делать, я не думал, просто хотел его иметь. Я сказал Хари, что должен заглянуть на склады. Она молча пошла за мной. Я рылся в коробках, искал в ящиках, а когда спустился в самый низ, не мог устоять перед желанием заглянуть в холодильник. Мне, однако, не хотелось, чтобы Хари входила туда, поэтому я только приоткрыл двери и оглядел все

помещение. Темный саван возвышался, прикрывая удлиненный предмет, но с того места, где я стоял, нельзя было увидеть, лежит ли еще там та, черная. Мне показалось, что место, которое она занимала, теперь свободно.

Я не нашел ничего подходящего и был в очень плохом настроении, как вдруг сообразил, что не вижу Хари. Впрочем, она сразу же пришла — отстала в коридоре, — но ее попытки отойти от меня даже на секунду должны были привлечь мое внимание. А я все еще вел себя как кретин или попросту так, будто обиделся неизвестно на кого. У меня разболелась голова, я не мог найти порошков и злой, как сто чертей, перевернул вверх ногами все содержимое аптечки. Снова идти в операционную мне не хотелось. Я редко вел себя так нелепо, как в этот день. Хари тенью сновала по кабине, иногда на секунду исчезая. После полудня, когда мы уже пообедали (собственно, она вообще не ела, а я пожевал без аппетита и оттого, что голова у меня трещала от боли, даже не пробовал уговорить ее поесть), Хари уселась около меня и потянула за рукав.

— Ну, в чем дело? — буркнул я машинально.

Мне казалось, что по трубам доносится слабый стук. Вероятно, Сарториус копался в аппаратуре

высокого напряжения. Мне захотелось пойти наверх. Но тут я сообразил, что придется идти с Хари. И если ее присутствие в библиотеке было еще как-то объяснимо, там, среди машин, оно могло вызвать какое-нибудь неуместное замечание Снаута.

— Крис, — шепнула Хари, — как у нас?

Я невольно вздохнул. Нельзя сказать, чтобы этот день был для меня счастливым.

— Как нельзя лучше. О чем ты снова?

— Я хотела бы с тобой поговорить.

— Слушаю.

— Но не так.

— А как? Ну, я же сказал тебе, у меня болит голова, масса работы…

— Немного желания, Крис.

Я выдавил из себя улыбку. Наверно, она была жалкой.

— Да, дорогая. Говори.

— А ты скажешь мне правду?

Я поднял брови. Такое начало мне не понравилось.

— Для чего же мне врать?

— Может, у тебя есть основания. Серьезные. Но если хочешь, чтобы… ну, в общем… то не обманывай меня.

Я молчал.

— Я тебе что-то скажу, и ты мне скажешь. Ладно? Это будет правда. Несмотря ни на что.

Я не смотрел ей в глаза. Она искала мой взгляд, но я притворялся, что не замечаю этого.

— Я тебе уже говорила, что не знаю, откуда здесь взялась. Но, может, ты знаешь. Погоди, я еще не кончила. Возможно, ты и не знаешь. А если знаешь, но не можешь этого мне сказать сейчас, то, может, поздней когда-нибудь? Это не самое плохое. Во всяком случае, даешь мне шанс.

На меня словно обрушился холодный поток.

— Детка, что ты говоришь?.. Какой шанс? — запинался я.

— Крис, кто бы я ни была, я наверняка не ребенок. Ты обещал. Скажи.

От этого «кто бы я ни была» у меня так перехватило горло, что я мог только смотреть на нее, глуповато тряся головой, как будто защищался от ее слов.

— Я ведь объяснила — ты не обязан говорить. Достаточно будет, если скажешь, что ты не можешь.

— Я ничего не скрываю, — ответил я хрипло.

— Это хорошо. — Она встала.

Я хотел что-то сказать. Чувствовал, что не мо-

гу оставить ее так, но слова застряли у меня в горле.

— Хари…

Она стояла у окна отвернувшись. Темно-синий океан лежал под голым небом.

— Хари, если ты думаешь… Хари, ведь ты знаешь, что я люблю тебя…

— Меня?

Я подошел к ней. Хотел ее обнять. Она высвободилась, оттолкнув мою руку.

— Ты такой добрый… Любишь меня? Я бы предпочла, чтобы ты меня бил!

— Хари, дорогая!

— Нет. Нет. Молчи уж лучше.

Она подошла к столу и начала собирать тарелки. Я смотрел на синюю пустыню. Солнце садилось, и огромная тень станции мерно колебалась на волнах. Тарелка выскользнула из рук Хари и упала на пол. Вода булькнула в моечном аппарате. Рыжий цвет по краям небосклона переходил в грязно-красное золото. Если бы я знал, что делать! Если б знал! Вдруг стало тихо. Хари стояла рядом со мной, сзади.

— Нет. Не оборачивайся, — сказала она шепотом. — Ты ни в чем не виноват, Крис. Я знаю. Не мучайся.

Я протянул к ней руки. Она отскочила и, подняв целую стопку тарелок, сказала:

— Жаль. Если бы они могли разбиться, разбила бы, все разбила бы!

Какое-то мгновение я думал, что она и вправду швырнет их на пол, но она внимательно посмотрела на меня и усмехнулась:

— Не бойся, не буду устраивать тебе сцен.

Я проснулся среди ночи как от толчка, напряженный и собранный. Сел на кровати. В комнате было темно, только через приоткрытую дверь из коридора падала тонкая полоска света. Откуда-то доносилось ядовитое шипение и приглушенные тупые удары, как будто что-то большое билось за стеной. «Метеор, — мелькнула мысль. — Пробил панцирь. Там кто-то есть!»

Протяжный хрип.

От этого я сразу же пришел в себя. Я на станции, не в ракете, а этот ужасный звук…

Я выскочил в коридор. Дверь маленькой лаборатории была открыта настежь, там горел свет. Я вбежал внутрь. На меня хлынул поток ледяного холода. В кабине клубился пар, превращающий дыхание в хлопья снега. Туча белых хлопьев кружилась над завернутым в купальный халат телом, которое едва шевелилось на полу. Это бы-

ла Хари. Я с трудом разглядел ее в этом ледяном тумане, бросился к ней, схватил, халат обжег мне руки, она хрипела. Я выбежал в коридор, миновал вереницу дверей. Я уже не чувствовал холода, только ее дыхание, вырывающееся изо рта облачками пара, как огнем жгло мне плечо.

Я уложил ее на стол, разорвал халат на груди, секунду смотрел в ее перекошенное, дрожащее лицо: кровь замерзла вокруг открытого рта, покрыла губы черным налетом, на языке блестели кристаллики льда…

Жидкий кислород. В лаборатории был жидкий кислород в сосудах Дьюара; поднимая ее, я чувствовал, что давлю хрустящее стекло. Сколько она могла выпить? Все равно. Сожжены трахеи, горло, легкие, жидкий кислород разъедает сильнее, чем концентрированные кислоты. Ее дыхание, скрежещущее, сухое, как звук разрываемой бумаги, пропадало. Глаза были закрыты. Агония.

Я взглянул на большие застекленные шкафы с инструментами и лекарствами. Трахеотомия? Интубация? Но у нее уже нет легких! Сгорели. Лекарства? Сколько лекарств! Полки были заставлены рядами цветных бутылей и коробок. Хрип наполнял всю комнату, из ее открытого рта все еще шел пар.

Термофоры…

Я начал искать их, но, прежде чем нашел, рванул дверцу другого шкафа, разбросал коробки с ампулами… Теперь шприц… Где он?.. В стерилизаторах… Я не мог собрать его занемевшими руками, пальцы были твердыми и не хотели сгибаться. Начал бешено колотить рукой о крышку стерилизатора, но даже не чувствовал этого. Я ощущал только слабое покалывание.

Лежащая захрипела сильнее. Я подскочил к ней. Ее глаза были открыты.

— Хари!

Это был даже не шепот. Я не мог издать ни звука. Лицо у меня было чужое, словно сделанное из гипса. Ребра у Хари ходили ходуном, волосы, мокрые от растаявшего снега, рассыпались по изголовью. Она смотрела на меня.

— Хари!

Я ничего больше не мог сказать. Стоял, как бревно, с этими чужими деревянными руками. Ступни, губы, веки начинали гореть все сильнее, но я этого почти не чувствовал. Капля растаявшей в тепле крови стекла у нее по щеке, прочертив косую черточку. Язык задрожал и исчез, она все еще хрипела.

Я взял ее запястье — пульса не было, откинул

полы халата и приложил ухо к пугающе холодному телу. Сквозь треск, похожий на шум пожара, услышал частые удары, бешеные тона, слишком быстрые, чтобы их можно было сосчитать. Я стоял, низко наклонившись, с закрытыми глазами, когда что-то коснулось моей головы. Ее пальцы перебирали мои волосы. Я посмотрел ей в глаза.

— Крис, — прохрипела она.

Я схватил ее руку, она ответила пожатием, которое чуть не раздавило мою ладонь, между веками блеснули белки, в горле захрипело, и все тело сотрясла рвота. Она свесилась со стола, билась головой о край фарфоровой воронки. Я придерживал ее и прижимал к столу, с каждым новым спазмом она вырывалась, я мгновенно покрылся потом, и ноги сделались ватными. Когда рвота ослабла, я попытался ее уложить. Она со стоном хватала воздух. Вдруг на этом страшном окровавленном лице засветились глаза.

— Крис, — захрипела она, — как… как долго, Крис?

Она начала давиться, на губах выступила пена, снова ее раздирала рвота. Я держал Хари из последних сил. Потом она упала навзничь, так что лязгнули зубы, и часто задышала.

— Нет, нет, нет, — выталкивала она быстро с

каждым вздохом, и каждый казался последним. Но рвота вернулась еще раз, и снова она билась в моих объятиях, втягивая в коротких перерывах воздух с усилием, от которого выступали все ребра. Наконец веки полуприкрыли ее ослепшие глаза. Она застыла. Я думал, что это конец. Не пытался даже стереть розовую пену с ее рта, стоял над ней наклонившись, слыша где-то далекий большой колокол, и ждал последнего вздоха, чтобы затем упасть на пол, но она все еще дышала, почти без хрипа, все тише, холмик груди, который казался почти совсем уже недвижимым, вдруг стал вздрагивать в ритме работающего сердца. Я стоял сгорбившись. Ее лицо начало розоветь. Я еще ничего не понимал. Только обе ладони у меня вспотели, и мне казалось, что я глохну, — что-то мягкое, эластичное наполнило уши, я все еще слышал тот звенящий колокол, теперь глухой, словно он треснул.

Она подняла веки, и наши глаза встретились.

«Хари», — хотел сказать я, но у меня как будто не было рта, лицо было мертвой тяжелой маской, и я мог только смотреть.

Ее глаза обежали комнату, голова пошевелилась. Было совсем тихо. За мной, в каком-то другом далеком мире, из неплотно закрытого

крана мерно капала вода. Хари приподнялась на локте. Села. Я попятился. Хари наблюдала за мной.

— Что, — спросила она, — что?.. Не… удалось? Почему?.. Почему ты так смотришь?..

И неожиданно страшный крик:

— Почему ты так смотришь?!!

Снова стало тихо. Она посмотрела на свои руки. Пошевелила пальцами.

— Это… я?

— Хари, — произнес я беззвучно, одними губами.

— Хари?.. — повторила она, подняв голову, медленно сползла на пол и встала.

Пошатнулась, потом выпрямилась, прошла несколько шагов. Все это она делала в каком-то трансе, смотрела на меня и словно не видела.

— Хари? — медленно повторила она еще раз. — Но… я… не Хари. А кто — я? Хари? А ты, ты?!

Вдруг ее глаза расширились, заблестели, и тень улыбки и радостного недоумения осветила ее лицо.

— Может быть, ты тоже? Крис! Может, ты тоже?!

Я молчал, прижавшись спиной к шкафу, там, куда загнал меня страх.

У нее упали руки.

— Нет. Нет, ты боишься. Слушай, я больше не могу. Так нельзя. Я ничего не знала. Я сейчас… я же ничего не понимаю. Ведь это невозможно? Я, — она прижала ослабевшие руки к груди, — ничего не знаю, кроме… кроме Хари! Может, ты думаешь, что я притворяюсь? Я не притворяюсь, да, да, не притворяюсь.

Последние слова перешли в стон. Она упала на пол и разрыдалась. Ее крик словно что-то во мне разбил, одним прыжком я оказался около нее, схватил за плечи; она защищалась, отталкивала меня, рыдая без слез, кричала:

— Пусти! Пусти! Тебе противно! Знаю! Не хочу так! Не хочу! Ты сам видишь, сам видишь, что это не я, не я, не я…

— Молчи! — кричал я, тряся ее.

Мы оба кричали, не сознавая этого, стоя друг перед другом на коленях. Голова Хари моталась, ударяясь о мои плечи, я прижимал ее к себе изо всех сил. Тяжело дыша, мы замерли. Вода мерно капала из крана.

— Крис…. — с трудом проговорила она, прижимаясь лицом к моей груди. — Скажи, что мне сделать, чтобы меня не было, Крис…

— Перестань, — заорал я.

Она подняла лицо, всматриваясь в меня.

— Как?.. Ты тоже не знаешь? Ничего нельзя придумать? Ничего?

— Хари… сжалься…

— Я хотела… я знала. Нет. Нет. Пусти. Не хочу, чтобы ты ко мне прикасался. Тебе противно.

— Неправда!

— Лжешь! Тебе должно быть противно. Мне… мне самой… тоже. Если бы я могла. Если бы только могла…

— Убила бы себя?

— Да.

— А я не хочу, понимаешь? Не хочу этого. Хочу, чтобы ты была здесь, со мной, и ничего другого мне не нужно!

Огромные серые глаза поглотили меня.

— Как ты лжешь, — сказала она совсем тихо.

Я отпустил ее и встал с колен. Она уселась на полу.

— Скажи, как мне сделать, чтобы ты поверила, что я говорю то, что думаю? Что это правда. Что другой нет.

— Ты не можешь говорить правду. Я не Хари.

— А кто же ты?

Она долго молчала. У нее задрожал подбородок и, опустив голову, она прошептала:

— Хари… но… но я знаю, что это неправда. Ты не меня любил там… раньше…

— Да. Того, что было, нет. Это умерло. Но здесь я люблю тебя. Понимаешь?

Она покачала головой.

— Ты добрый. Не думай, пожалуйста, что я не могу оценить всего, что ты делал. Ты делал хорошо, как мог. Но здесь ничем не поможешь. Когда три дня назад я сидела утром у твоей постели и ждала, пока ты не проснешься, я не знала ничего. У меня такое чувство, словно это было очень, очень давно. Я вела себя так, будто сошла с ума. В голове у меня все перемешалось. Я не понимала, что было раньше, а что позднее, и ничему не удивлялась, как после наркоза или долгой болезни. И даже думала, что, может, я болела, только ты не хочешь этого говорить. Но потом все больше мелочей заставило меня задуматься. Какие-то проблески появились после твоего разговора в библиотеке с этим, как его, со Снаутом. Но ты не хотел мне ничего говорить, тогда я ночью встала и включила магнитофон. Соврала тебе только один-единственный раз, я его спрятала потом, Крис. Тот, кто говорил, как его звали?

— Гибарян.

— Да, Гибарян. Тогда я узнала все, хотя, честно

говоря, так ничего и не понимаю. Я не знала одного, что не могу… я не… это так и будет… без конца. Об этом он ничего не говорил. Впрочем, может, и говорил, но ты проснулся, и я выключила магнитофон. Но и так услышала достаточно, чтобы понять, что я не человек, а только инструмент.

— Что ты говоришь?

— Да. Для изучения твоих реакций или что-то в этом роде. У каждого из вас есть такое… такая, как я. Это основано на воспоминаниях или фантазии… подавленной. Что-то в этом роде. Впрочем, ты все это знаешь лучше меня. Он говорил страшные, неправдоподобные вещи, и, если бы все это так не совпадало, я бы пожалуй, не поверила!

— Что не совпадало?

— Ну, что мне не нужен сон и что я все время должна быть около тебя. Еще вчера утром я думала, что ты меня ненавидишь, и от этого была несчастна. Какая же я была глупая! Но скажи, сам скажи, разве я могла представить? Ведь он совсем не ненавидел ту, свою, но как он о ней говорил! Только тогда я поняла, что, как бы я ни поступала, это ничего не меняет, потому что, хочу я или нет, для тебя это все равно будет пыткой. И даже еще хуже, потому что орудия пытки мертвые и безвинные, как камень, который может упасть

и убить. А чтобы орудие могло желать добра и любить, такого я не могла себе представить. Мне хотелось бы рассказать тебе хотя бы то, что во мне происходило тогда, потом, когда я все поняла, когда я слушала эту пленку. Может быть, это принесет тебе какую-нибудь пользу. Я даже пробовала записать…

— Поэтому ты и зажгла свет? — спросил я, с трудом издавая звуки сдавленным горлом.

— Да. Но из этого ничего не вышло. Потому что я искала в себе… *их* — этого другого, я словно сошла с ума. Некоторое время мне казалось, что у меня под кожей нет тела, что во мне что-то иное, что я только… только снаружи… Чтобы тебя обмануть. Понимаешь?

— Понимаю.

— Если так вот лежать часами в ночи, то мыслями можно уйти очень далеко, в очень странном направлении, знаешь…

— Знаю…

— Но я ощущала свое сердце и еще помнила, что ты брал у меня кровь. Какая у меня кровь? Скажи мне, скажи правду! Теперь ведь можно.

— Такая же, как моя.

— Правда?

— Клянусь тебе!

— Что это значит? Знаешь, я думала, что то спрятано где-то во мне, если оно… ведь оно может быть очень маленьким. Но я не знала, где. Теперь я думаю, что это были просто увертки с моей стороны, я очень боялась того, что хотела сделать, и искала какой-то другой выход. Но, Крис, если у меня такая же кровь… если все так, как ты говоришь, то… Нет, это невозможно. Ведь я бы уже умерла, правда? Значит, что-то все-таки есть, но где? Может, в голове? Но я ведь мыслю совершенно обычно… и ничего не знаю… Если бы я мыслила *тем*, то должна была бы сразу все знать и не любить тебя, а только притворяться и понимать, что притворяюсь… Крис, прошу тебя, скажи мне все, что тебе известно, может, все-таки удастся что-нибудь сделать?

— Что должно удасться?

Она молчала.

— Хочешь умереть?

— Пожалуй, да.

Снова стало тихо. Я стоял над съежившейся Хари, глядя на пустой зал, на белые эмалированные плиты оборудования, на блестящие рассыпанные инструменты, как будто отыскивал что-то очень нужное и не мог этого найти.

— Хари, можно мне что-то тебе сказать?

Она ждала.

— Это правда, ты не точно такая же, как я. Но это не значит, что ты хуже. Наоборот. Впрочем, можешь думать об этом что хочешь, но благодаря этому… ты не умерла.

Какая-то детская, жалобная улыбка появилась на ее лице.

— Значит ли это, что я… бессмертна?

— Не знаю. Во всяком случае, гораздо менее смертна, чем я.

— Это страшно, — шепнула она.

— Может быть, не так, как кажется.

— Но ты не завидуешь мне…

— Хари, это, пожалуй, вопрос твоего… предназначения, так бы я это назвал. Понимаешь, здесь, на станции, твое предназначение в сущности так же туманно, как и мое и каждого из нас. Те двое будут продолжать эксперимент Гибаряна, и может случиться все…

— Или ничего…

— Или ничего. И скажу тебе, я хотел бы, чтобы ничего не случилось, даже не из страха (хотя он тоже играет какую-то роль), а потому, что это ничего не даст. Только в этом я совершенно уверен.

— Ничего не даст. А почему? Речь идет об этом… океане?

Она вздрогнула.

— Да. О контакте. Они думают, что это очень просто. Контакт означает обмен какими-то сведениями, понятиями, результатами… Но если нечем обмениваться? Если слон не является очень большой бактерией, то океан не может быть очень большим мозгом. С обеих сторон могут, конечно, производиться какие-то действия. В результате одного из них я смотрю сейчас на тебя и пытаюсь тебе объяснить, что ты мне дороже, чем те двенадцать лет жизни, которые я посвятил Солярису, и что я хочу быть с тобой. Может, твое появление мыслилось пыткой для меня, может, услугой, может, микроскопическим исследованием. Выражением дружбы, коварным ударом или издевательством? Может быть, всем вместе или — что кажется мне самым правдоподобным — чем-то совершенно иным. Но в конце концов разве нас должны занимать намерения наших родителей, как бы они друг от друга ни отличались? Ты можешь сказать, что от этих намерений зависит наше будущее, и с этим я соглашусь. Я не могу предвидеть того, что будет. Так же, как ты. Не могу даже обещать тебе, что буду любить тебя всегда. После того, что случилось, я ничему не удивлюсь. Может, завтра ты станешь зеленой

медузой? Это от нас не зависит. Но в том, что зависит от нас, будем вместе. Разве этого мало?

— Слушай, — сказала она, — есть кое-что еще… Я… на нее… очень похожа?

— Была очень похожа, но теперь я уже не знаю.

— Кто это?..

Она смотрела на меня большими глазами.

— Ты ее уже заслонила.

— И ты уверен, что не ее, а меня?.. Меня?..

— Да. Тебя. Не знаю. Боюсь, что, если бы ты и вправду была ею, я не мог бы тебя любить.

— Почему?

— Потому что сделал ужасную вещь.

— Ей?

— Да. Когда мы были…

— Не говори.

— Почему?

— Потому что хочу, чтобы ты знал: я — не она.

Разговор

На следующий день, вернувшись с обеда, я нашел на столе под окном записку от Снаута. Он сообщал, что Сарториус пока прекратил работу над аннигилятором и попытается в последний раз воздействовать на океан пучком жесткого излучения.

— Дорогая, — сказал я Хари, — мне нужно сходить к Снауту.

Красный восход горел над океаном и делил комнату на две части. Мы стояли в тени. За ее пределами все казалось сделанным из меди, можно было подумать, что любая книжка, упав с полки, зазвенит.

— Речь идет о том эксперименте. Только не знаю, как это сделать. Я предпочел бы, понимаешь…

— Не объясняй, Крис. Мне и самой так хочется… Если бы это не длилось долго…

— Ну, немного поговорить, положим, придется. Слушай, может, ты пойдешь со мной, но подождешь в коридоре?

— Хорошо. А вдруг я не выдержу?

— Как это происходит? — спросил я и быстро

добавил: — Я спрашиваю не из любопытства, понимаешь? Но, возможно, разобравшись, ты сама могла бы с этим справиться.

— Я боюсь… — ответила она, немного побледнев. — Я даже не могу сказать, чего боюсь, потому что, собственно, не боюсь, а только… как бы исчезаю. В последний момент чувствую такой стыд, не могу объяснить. А потом уже ничего нет. Потому я и думала, что это такая болезнь… — кончила она тихо и вздрогнула.

— Может быть, так только здесь, на этой проклятой станции, — заметил я. — Что касается меня, то я сделаю все, чтобы мы ее как можно скорее покинули.

— Думаешь, это возможно?

— Почему бы нет? В конце концов я не прикован к ней… Впрочем, это будет зависеть также от того, что мы решим со Снаутом. Как ты думаешь, ты долго сможешь пробыть одна?

— Это зависит… — проговорила она медленно и опустила голову. — Если буду слышать твой голос, то, пожалуй, справлюсь с собой.

— Лучше тебе не слушать наш разговор. Не то чтобы я хотел от тебя что-нибудь скрыть, просто не знаю, что скажет Снаут…

— Не надо. Я понимаю. Хорошо. Я встану так,

чтобы слышать только звук твоего голоса. Этого мне достаточно.

— Тогда я позвоню ему сейчас из лаборатории. Двери я оставлю открытыми.

Она кивнула. Сквозь стену красного света я вышел в коридор — он мне показался почти черным, хотя там горели лампы. Дверь маленькой лаборатории была открыта. Блестящие осколки сосуда Дьюара, которые лежали на полу под большими резервуарами жидкого кислорода, были последним следом ночного происшествия. Когда я снял трубку и набрал номер радиостанции, маленький экран засветился. Потом синеватая пленка света, как бы покрывающая матовое стекло, лопнула, и Снаут, перегнувшись боком через ручку высокого кресла, заглянул мне прямо в глаза.

— Приветствую, — услышал я.

— Я прочитал записку. Мне хотелось бы поговорить с тобой. Могу я прийти?

— Можешь. Сейчас?

— Да.

— Прошу. Будешь с… не один?

— Один.

Его бронзовое от ожога худое лицо с резкими поперечными морщинами на лбу, наклоненное набок в выпуклом стекле (он был похож на какую-

то удивительную рыбу, живущую в аквариуме), приобрело многозначительное выражение:

— Ну, ну. Итак, жду.

— Пойдем, дорогая, — искусственно бодрым голосом произнес я, входя в комнату сквозь красные полосы света, за которыми видел только силуэт Хари.

Голос у меня оборвался. Она сидела, забившись в кресло, вцепившись в него руками. Либо она слишком поздно услышала мои шаги, либо не могла сразу ослабить эту страшную хватку и принять нормальное положение. Мне было достаточно и того, что я секунду видел, как она боролась с непонятной силой, которая в ней крылась, и меня захлестнула волна слепого сумасшедшего гнева, перемешанного с жалостью. Мы молча пошли по длинному коридору, минуя его секции, покрытые разноцветной эмалью, которая должна была — по замыслу архитекторов — разнообразить пребывание в этой бронированной скорлупе. Уже издалека я увидел приоткрытую дверь радиостанции. Из нее в коридор падала тонкая длинная красная полоса света: солнце добралось и сюда. Я посмотрел на Хари, которая даже не пыталась улыбаться. Я видел, как она всю дорогу сосредоточенно готовилась к борьбе с

собой. Напряжение уже сейчас изменило ее лицо, которое побледнело и словно стало меньше. Не дойдя до двери несколько шагов, она остановилась. Я обернулся, но она легонько подтолкнула меня кончиками пальцев. В этот момент мои планы, Снаут, эксперимент, станция — все показалось мне ничтожным по сравнению с той мукой, которую ей предстояло перенести.

Я почувствовал себя палачом и уже хотел вернуться, когда широкую полосу солнечного диска заслонила тень человека. Ускорив шаги, я вошел в комнату. Снаут стоял у самого порога, как будто шел мне навстречу. Красное солнце пылало прямо за его спиной, и от его седых волос, казалось, исходило пурпурное сияние. Некоторое время мы молча смотрели друг на друга. Он словно изучал мое лицо. Его лица я не видел, ослепленный блеском. Я обошел Снаута и остановился у высокого пульта, из которого торчали гибкие стебли микрофонов. Он медленно повернулся, спокойно следя за мной, и по обыкновению слегка кривил рот в гримасе, которая иногда казалась улыбкой, а иногда выражением усталости. Не спуская с меня глаз, он подошел к металлическому шкафу во всю стену, по обеим сторонам которого громоздились сваленные кое-как груды запасных

деталей радиоаппаратуры, термоаккумуляторы и инструменты, подтащил туда кресло и сел, опершись на эмалированную дверцу.

Молчание, которое мы по-прежнему хранили, становилось по меньшей мере странным. Я сосредоточенно вслушивался в тишину коридора, где осталась Хари, но оттуда не доносилось ни звука.

— Когда вы будете готовы? — спросил я.

— Можно бы начать даже сегодня, но запись займет еще немного времени.

— Запись? Ты имеешь в виду энцефалограмму?

— Ну да, ты ведь согласился. А что?

— Нет, ничего.

— Я слушаю, — проговорил Снаут, когда молчание стало угнетающим.

— Она уже знает… о себе. — Я понизил голос до шепота.

Он поднял брови:

— Да?

У меня создалось впечатление, что он не был удивлен по-настоящему. Зачем он притворялся? Мне сразу же расхотелось говорить, но я превозмог себя. «Пусть это будет лояльность, — подумал я, — если уж нет ничего больше».

— Начала догадываться после нашей беседы в библиотеке, наблюдала за мной, сопоставляла од-

но с другим, потом нашла магнитофон Гибаряна и прослушала пленку…

Он не изменил позы, по-прежнему опирался о шкаф, но в его глазах зажглись огоньки. Стоя у пульта, я видел открытую дверь в коридор. Я заговорил еще тише.

— Этой ночью, когда я спал, она пыталась себя убить. Жидкий кислород…

Что-то зашелестело, словно бумага на сквозняке. Я застыл, прислушиваясь к тому, что происходило в коридоре, но источник звука находился ближе. Что-то заскреблось, как мышь. Мышь! Чепуха! Не было тут никаких мышей. Я исподлобья посмотрел на Снаута.

— Слушаю, — сказал он спокойно.

— Разумеется, ей это не удалось… во всяком случае, она знает, кто она.

— Зачем ты мне это говоришь? — спросил он быстро.

Я не сразу сообразил, что ответить.

— Хочу, чтобы ты ориентировался… чтобы понимал положение…

— Я тебя предостерегал.

— Ты хочешь сказать, что знал… — Я невольно повысил голос.

— Нет. Конечно, нет. Но я объяснял тебе, как это

происходит. Каждый «гость» в момент появления действительно только фантом и вне хаотичной мешанины воспоминаний и образов, почерпнутых у своего… Адама… совершенно пуст. Чем дольше он с тобой, тем больше очеловечивается. Приобретает самостоятельность, до определенных границ, конечно. И поэтому чем дольше это продолжается, тем труднее…

Он не договорил. Посмотрел на меня исподлобья и нехотя бросил:

— Она все знает?

— Да, я же сказал.

— Все? И то, что один раз уже была здесь, и что ты…

— Нет!

Он усмехнулся.

— Кельвин, слушай, если до такой степени… что ты собираешься делать? Покинуть станцию?

— Да.

— С ней?

— Да.

Он молчал, как бы задумавшись над моим ответом, но в его молчании было еще что-то… Что? Снова этот неуловимый шелест тут, прямо за тонкой стенкой. Он пошевелился в кресле.

— Отлично. Что ты так смотришь? Думаешь, я

встану у тебя на пути? Сделаешь, как захочешь, мой милый. Хорошо бы мы выглядели, если бы вдобавок ко всему начали еще применять принуждение! Я не собираюсь тебе мешать, только скажу: ты пытаешься в нечеловеческой ситуации поступать как человек. Может, это красиво, но бесполезно. Впрочем, в красоте я тоже не уверен. Разве глупость может быть красивой? Но не в этом дело. Ты отказываешься от дальнейших экспериментов, хочешь уйти и забрать ее. Так?

— Так.

— Но это тоже эксперимент. Ты подумал об этом?

— Что ты имеешь в виду? Разве она… сможет?.. Если вместе со мной, то не вижу…

Я говорил все медленней, потом остановился. Снаут легко вздохнул.

— Мы все проводим здесь страусову политику, Кельвин, но по крайней мере знаем об этом и не демонстрируем своего благородства.

— Я ничего не демонстрирую.

— Ладно. Я не хотел тебя обидеть. Беру назад то, что сказал о благородстве, но страусова политика остается в силе. Ты проводишь эту политику в особенно опасной форме. Обманываешь себя, и ее, и снова себя. Ты знаешь условия стабилизации

системы, построенной из нейтринной материи?

— Нет. И ты не знаешь. Этого никто не знает.

— Разумеется. Но известно одно: такая система неустойчива и может существовать только благодаря непрекращающемуся притоку энергии. Мне объяснил Сарториус. Эта энергия создает вихревое стабилизирующее поле. Так вот: является ли это поле внешним по отношению к «гостю»? Или же источник поля находится в его теле? Понимаешь разницу?

— Да. Если оно внешнее, то… она, то… такая…

— То, удалившись от Соляриса, такая система распадется, — докончил он за меня. — Утверждать это мы не можем, но ты ведь уже проделал эксперимент. Та ракета, которую ты запустил… она все еще на орбите. Я улучил минуту и определил элементы ее движения. Можешь полететь, выйти на орбиту, приблизиться и проверить, что стало с… пассажиркой.

— Ты спятил! — крикнул я.

— Думаешь? Ну… а если бы… стащить сюда эту ракету? Это можно сделать. Есть дистанционное управление. Сними ее с орбиты…

— Перестань!

— Тоже нет? Что ж, есть еще один способ, очень простой. Не нужно даже сажать ее на станции.

Зачем? Пусть себе кружится. Мы только свяжемся с ней по радио; если она жива, то ответит…

— Но… но там давно кончился кислород! — выдавил я из себя.

— Она может обходиться без кислорода. Ну, попробуем?

— Снаут… Снаут…

— Кельвин… Кельвин… — передразнил он меня сердито. — Подумай, что ты за человек. Кого хочешь осчастливить? Спасти? Себя? Ее? Которую? Эту или ту? На обеих смелости уже не хватает? Сам видишь, к чему это приводит! Говорю тебе последний раз: здесь ситуация вне моральных норм.

Вдруг я снова услышал тот же звук, будто кто-то царапал ногтями по стене. Меня охватило какое-то пассивное безразличие. Я чувствовал себя так, будто всю эту ситуацию, нас обоих, все я сам рассматривал с огромного расстояния в перевернутый бинокль: маленькое, немного смешное, несущественное.

— Ну хорошо, — сказал я. — И что, по-твоему, я должен сделать? Устранить ее? Завтра явится такая же самая, правда? И еще раз? И так будет каждый день? Как долго? Зачем? Какая мне от этого польза? А тебе? Сарториусу? Станции?

— Нет, сначала ты мне ответь. Улетишь с ней и, скажем, будешь свидетелем наступающей перемены. Через пару минут увидишь перед собой…

— Ну что? — спросил я кисло. — Чудовище? Черта? Что?

— Нет. Самую обыкновенную агонию. Ты действительно поверил в ее бессмертие? Уверяю тебя, они умирают… Что сделаешь тогда? Вернешься за… резервной?

— Перестань!!! — Я стиснул кулаки.

Он смотрел на меня со снисходительной усмешкой в прищуренных глазах.

— А, это я должен перестать? Знаешь, на твоем месте я бы прекратил этот разговор. Лучше уж делай что-нибудь другое, можешь, например, из мести высечь океан розгами. Что тебя мучает? Если… — он сделал рукой утрированный прощальный жест и одновременно поднял голову к потолку, как будто следил за каким-то улетающим предметом, — то будешь подлецом? А так — нет. Если улыбаешься, когда хочется выть, изображаешь радость и спокойствие, когда хочется колотиться головой о стену, тогда не подлец? А если здесь нельзя не быть им? Что тогда? Бросаться на Снаута, который во всем виноват, да? Ну, так вдобавок ты еще и идиот, мои милый…

— Ты говоришь о себе, — пробурчал я, опустив голову. — Я… люблю ее.

— Кого? Свое воспоминание?

— Нет. Ее. Я сказал тебе, что она хотела сделать. Так не поступили бы многие… настоящие люди.

— Сам признаешь…

— Не лови меня на слове.

— Хорошо. Итак, она тебя любит. А ты хочешь ее любить. Это не одно и то же.

— Ошибаешься.

— Кельвин, мне очень неприятно, но ты сам заговорил о своих интимных делах. Не любишь. Любишь. Она готова отдать жизнь. Ты тоже. Очень трогательно, очень красиво, возвышенно, все, что хочешь. Но всему этому здесь нет места. Нет. Понимаешь? Нет, ты этого не хочешь понять. Силами, над которыми мы не властны, ты вовлечен в замкнутый кольцевой процесс, где она частица. Фаза. Повторяющийся ритм. Если бы она была, если бы тебя преследовало готовое сделать для тебя все страшилище, ты бы ни секунды не колебался, чтобы устранить его. Правда?

— Правда.

— А может… может, именно потому она и не выглядит таким страшилищем?! Это связывает тебе руки? Да ведь о том-то и идет речь, чтобы

они оставались связанными!

— Это еще одна гипотеза в дополнение к миллиону тех, в библиотеке. Снаут, оставь это, она… Нет. Не хочу об этом с тобой говорить.

— Хорошо. Сам начал. Но подумай только, что в сущности она зеркало, в котором отражается часть твоего мозга. Если она прекрасна, то только потому, что прекрасно было твое воспоминание. Ты дал рецепт. Кольцевой процесс, не забывай.

— Ну и чего же ты хочешь от меня? Чтобы я… чтобы я ее… устранил? Я уже спрашивал тебя: зачем? Ты не ответил.

— Сейчас отвечу. Я не напрашивался на этот разговор. Не лез в твои дела. Ничего тебе не приказывал и не запрещал, и не сделал бы этого, даже если бы мог. Ты сам пришел сюда и выложил мне все, а знаешь зачем? Нет? Затем, чтобы снять это с себя. Свалить. Я знаю эту тяжесть, мой дорогой! Да, да, не прерывай меня! Я тебе не мешаю ни в чем, но ты хочешь, чтобы я помешал. Если бы я стоял у тебя на пути, может, ты бы мне голову разбил. Тогда имел бы дело со мной, с кем-то, слепленным из той же крови и плоти, что и ты, и сам бы чувствовал себя как человек. А так… не можешь с этим справиться и поэтому споришь со мной… а по сути дела с самим собой! Скажи мне

еще, что ты бы ужасно страдал, если бы она вдруг исчезла… нет, ничего не говори.

— Ну вот! Я пришел сообщить просто из чувства лояльности, что собираюсь покинуть с ней станцию, — отбивал я его атаку, но для меня самого это прозвучало неубедительно.

Снаут пожал плечами.

— Очень может быть, что ты останешься при своем мнении. Если я и высказался по этому поводу, то лишь потому, что ты лезешь все выше, а падать с высоты — сам понимаешь… Приходи завтра утром около девяти наверх, к Сарториусу… Придешь?

— К Сарториусу? — удивился я. — Но ведь он никого не впускает. Ты говорил, что даже позвонить нельзя.

— Теперь у него все как-то утряслось. Мы с ним об этом не говорим. Ты… совсем другое дело. Ну, это неважно. Придешь завтра?

— Приду.

Я смотрел на Снаута. Его левая рука будто случайно скрылась за дверцей шкафа. Когда приоткрылась дверца? Пожалуй, это произошло уже давно, но в пылу неприятного для меня разговора я не обратил внимания. Как неестественно это выглядело… Словно… он что-то там прятал. Или

кто-то держал его за руку. Я облизал губы.

— Снаут, что ты?..

— Выйди, — сказал он тихо и очень спокойно. — Выйди.

Я вышел и закрыл за собой дверь, освещенную догорающим красным заревом. Хари сидела на полу, в каких-нибудь десяти шагах от двери, у самой стены. Увидев меня, вскочила.

— Видишь? — сказала она, глядя на меня блестящими глазами. — Удалось, Крис… Я так рада. Может… может, все обойдется…

— О, наверняка, — ответил я рассеянно.

Мы возвращались к себе, а я ломал голову над загадкой этого идиотского шкафа. Значит, прятал там?.. И весь этот разговор… Щеки у меня начали гореть так, что я невольно потер их. Что за сумасшествие! И до чего мы договорились? Ни до чего. Правда, завтра утром…

И вдруг меня охватил страх, почти такой же, как в последнюю ночь. Моя энцефалограмма… Полная запись всех мозговых процессов, переведенная в колебания пучка лучей, будет послана вниз. В глубины этого необъятного безбрежного чудища. Как он сказал: «Если бы она исчезла, ты бы ужасно страдал, а?..» Энцефалограмма — это полная запись. Подсознательных процессов то-

же. А если я хочу, чтобы *она* исчезла, умерла? Разве иначе я бы удивился, что она осталась жива после этой ужасной попытки покончить с собой? Можно ли отвечать за собственное подсознание? Но если я не отвечаю за него, то кто?.. Что за идиотизм? За каким чертом я согласился, чтобы именно мою… мою… Конечно, я могу эту запись предварительно просмотреть, но прочитать не сумею. Этого никто не сможет. Специалисты в состоянии лишь определить, о чем думал подопытный, но только в самых общих чертах: например, решал математическую задачу, но сказать, какую, они уже не в состоянии. Утверждают, что это невозможно, так как энцефалограмма — случайная смесь огромного множества одновременно протекающих процессов, и только часть их имеет психическую «подкладку». А подсознание?.. О нем вообще не хотят говорить, а где уж им прочесть чьи-то воспоминания, подавленные или неподавленные… Но почему я так боюсь? Сам ведь говорил утром Хари, что этот эксперимент ничего не даст. Уж если наши нейрофизиологи не умеют читать записи, то как же этот страшно чужой, черный, жидкий гигант…

Но он вошел в меня неизвестно как, чтобы из-

мерить всю мою память и найти самое уязвимое место. Как же в этом можно усомниться? И если без всякой помощи, без какой-либо «лучевой передачи», вторгся сквозь дважды герметизированный панцирь, сквозь тяжелую броню станции, он нашел в ней меня и ушел с добычей…

— Крис?.. — тихо позвала Хари.

Я стоял у окна, уставившись невидящими глазами в сгущающуюся тьму.

Если она потом исчезнет, это будет означать, что я хотел… Что я убил ее. Не ходить туда? Они не могут меня заставить. Но что я скажу им? Это — нет. Не могу. Значит, нужно притворяться, нужно врать, снова и всегда. И это потому, что, может быть, во мне есть мысли, намерения, надежды, страшные, преступные, а я ничего о них не знаю. Человек отправился познавать иные миры, иные цивилизации, не познав до конца собственных тайников, закоулков, колодцев, забаррикадированных темных дверей. Выдать им ее… от стыда? Выдать только потому, что у меня недостает отваги?

— Крис… — еще тише шепнула Хари.

Я скорее почувствовал, чем услышал, как она бесшумно подошла ко мне, и притворился, что ничего не заметил. В этот момент я хотел быть

один. Мне нужно было побыть одному. Я еще ни на что не решился, ни к чему не пришел. Глядя в темнеющее небо, в звезды, которые были только призрачной тенью земных звезд, я стоял без движения, а в пустоте, пришедшей на смену бешеной гонке мыслей, росла без слов мертвая, равнодушная уверенность, что там, в недостижимых для меня глубинах сознания, там я уже выбрал и, притворяясь, что ничего не случилось, не имел даже силы, чтобы презирать себя.

Эксперимент

— Крис, это из-за того эксперимента?

От звука ее голоса я вздрогнул. Я уже несколько часов лежал без сна, уставившись в темноту, совсем один. Я не слышал даже ее дыхания, и в запутанном лабиринте ночных мыслей, призрачных, наполовину бессмысленных и приобретающих от этого новое значение, забыл о ней.

— Что… откуда ты знаешь, что я не сплю?.. — Мой голос звучал испуганно.

— По тому, как ты дышишь… — ответила она тихо и как-то виновато. — Я не хотела тебе мешать… Если не можешь, не говори…

— Нет, почему же. Да, это тот эксперимент. Ты угадала.

— Чего они от него ждут?

— Сами не знают. Чего-то. Чего-нибудь. Эта операция называется не «Мысль», а «Отчаяние». Теперь нужно только одно: человек, у которого хватило бы смелости взять на себя ответственность за решение, но этот вид смелости большинство считает обычной трусостью, потому что это отступление, понимаешь, примирение, бегство, не достойное человека. Как будто достойно чело-

века вязнуть, захлебываться и тонуть в чем-то, чего он не понимает и никогда не поймет.

Я остановился, но, прежде чем мое учащенное дыхание стало ровным, новая волна гнева захлестнула меня:

— Разумеется, никогда нет недостатка в людях с практическим взглядом. Они говорили, что даже если контакт не удастся, то, изучая эту плазму — все эти шальные живые образования, которые выскакивают из нее на сутки, чтобы снова исчезнуть, — мы познаем тайну материи, будто не понимали, что это ложь, что это равносильно посещению библиотеки, где книги написаны на неизвестном языке, так что можно только рассматривать разноцветные переплеты… А как же!

— А есть еще такие планеты?

— Неизвестно. Может, и есть, но мы знаем только одну. Во всяком случае, это что-то очень редкое, не такое, как Земля. Мы… мы обычны, мы трава Вселенной и гордимся этой нашей обыкновенностью, которая так всеобща, и думаем, что в ней все можно уместить. Это была такая схема, с которой отправлялись смело и радостно вдаль, в иные миры! Но что же это такое, иные миры? Мы их покорим или они нас — ни о чем другом и не думали… А, ладно. Не стоит.

Я встал и на ощупь нашел в аптечке плоскую коробочку со снотворным.

— Буду спать, дорогая, — сказал я, отворачиваясь в темноту, в которой где-то высоко шумел вентилятор. — Должен заснуть.

Утром, когда я проснулся свежим и отдохнувшим, эксперимент показался мне чем-то совсем незначительным. Я не понимал, как мог придавать ему такое значение. То, что Хари должна пойти со мной в лабораторию, тоже мало меня волновало. Все ее усилия становились напрасными после того, как я на несколько минут уходил из комнаты. Я отказался от дальнейших попыток, на которых она настаивала (она соглашалась даже, чтоб я ее запер), и посоветовал ей взять с собой какую-нибудь книжку.

Больше самой процедуры меня интересовало, что я увижу в лаборатории. Кроме больших дыр в стеллажах и шкафах (в некоторых шкафах недоставало стенок, а плита одной двери была в звездообразных трещинах, словно здесь недавно происходила борьба и ее следы были поспешно, но ловко ликвидированы), в этом светло-голубом зале не было ничего примечательного.

Снаут, хлопотавший возле аппаратуры, вел себя весьма сдержанно, приняв появление Хари

за нечто совершенно обыкновенное, и слегка поклонился ей издали. Когда он смачивал мне виски и лоб физиологическим раствором, появился Сарториус. Он вошел в маленькую дверь, ведущую куда-то в темноту. На нем был белый халат и черный защитный фартук, достававший до щиколоток. Он поздоровался со мной так, будто мы были сотрудниками большого земного института и расстались только вчера. Лишь теперь я заметил, что мертвое выражение его лицу придают контактные стекла, которые он носил под веками вместо очков.

Скрестив на груди руки, Сарториус смотрел, как Снаут обматывает бинтом приложенные к моей голове электроды. Он несколько раз оглядел зал, как бы вообще не замечая Хари, которая сидела на маленькой скамеечке у стены, съежившаяся, несчастная, и притворялась, что читает книгу. Снаут отошел от моего кресла. Я пошевелил тяжелой от металла и проводов головой, чтобы видеть, как он включает аппаратуру, но Сарториус неожиданно поднял руки и заговорил с воодушевлением:

— Доктор Кельвин, прошу вас быть внимательным. Я не намерен ничего вам приказывать, так как это не дало бы результата, но прошу пере-

стать думать о себе, обо мне, о коллеге Снауте, о каких-либо других лицах, чтобы исключить все случайности и сосредоточиться на деле, для которого мы здесь находимся. Земля и Солярис, поколения исследователей, составляющих единое целое, хотя жизнь отдельных людей имеет начало и конец, наша настойчивость в стремлении установить интеллектуальный контакт, длина исторического пути, пройденного человечеством, уверенность в том, что он будет продолжен, готовность к любым жертвам и трудностям, к подчинению всех личных чувств этой нашей миссии — вот темы, которые должны заполнить ваше сознание. Правда, течение мыслей не зависит целиком от вашего желания, но то, что вы здесь находитесь, подтверждает истинность указанной мной последовательности. Если вы не будете уверены, что справились с задачей, прошу сообщить об этом, коллега Снаут повторит запись. Времени у нас достаточно…

Последние слова он проговорил с бледной сухой улыбкой, глядя на меня все тем же пронзительным взглядом.

У меня внутри все переворачивалось от потока этих, так серьезно, с такой значительностью провозглашенных фраз. К счастью, Снаут прервал

продолжительную паузу.

— Можно, Крис? — спросил он, опершись локтем о высокий пульт электроэнцефалографа небрежно и фамильярно, словно опирался на спинку кресла. Я был благодарен ему за то, что он назвал меня по имени.

— Можно, — ответил я, закрывая глаза.

Волнение, которое опустошало мой мозг, исчезло, как только Снаут положил пальцы на кнопки. Сквозь ресницы я увидел розоватый свет контрольных лампочек на черной панели прибора. Постепенно пропадало неприятное ощущение от прикосновения влажных, холодных электродов. Я был как серая неосвещенная арена. Эту пустоту наблюдала толпа невидимых зрителей, возвышавшаяся амфитеатром вокруг молчания, в котором нарастало ироническое презрение к Сарториусу и Миссии. Напряжение внутренних наблюдателей ослабевало. «Хари?» — я подумал о ней осторожно, с неясной тревогой, готовый сразу же отступить. Но моя бдительная, слепая аудитория не протестовала. Некоторое время я был сплошной чувствительностью, искренней жалостью, готовый к бесконечным жертвам. Хари наполняла меня без форм, без силуэта, без лица, и вдруг сквозь ее безличный, отчаянно

сентиментальный образ во всем великолепии своего профессорского обличья из серой тьмы выступил Гезе, отец соляристики и соляристов. Но не о грязевом извержении, не о зловонной пучине, поглотившей его золотые очки и аккуратно расчесанные седые усы, думал я. Я видел только гравюру на титульном листе монографии, густо заштрихованный фон, которым художник окружил его голову, так что она оказалась в ореоле. Его лицо не чертами, а добросовестной старомодной рассудительностью было так похоже на лицо моего отца, что в конце концов я уже не знал, кто из них смотрит на меня. У них обоих не было могилы — ситуация, в наше время настолько обычная и частая, что она не вызывала никаких особенных переживаний.

Образ уже пропадал, а я на одно — не знаю, насколько долгое — мгновение забыл о станции, об эксперименте, о Хари, о черном океане, обо всем, и меня пронизала быстрая как молния уверенность, что те двое, уже не существующие, страшно маленькие, превращенные в горстку праха люди справились со всем, что их встретило, и исходящее от этого открытия ощущение покоя развеяло бесформенную толпу, которая окружала серую арену в немом ожидании моего

поражения.

Я услышал двойной щелчок, аппаратура выключилась и по глазам ударил свет. Сарториус стоял все в той же позе и изучающе смотрел на меня. Снаут, повернувшись к нему спиной, возился с приборами, будто умышленно шлепая спадающими с ног сандалиями.

— Как вы считаете, доктор Кельвин, удалось? — прозвучал гнусавый отталкивающий голос Сарториуса.

— Да, — ответил я.

— Вы в этом уверены? — с оттенком удивления и даже подозрительности спросил Сарториус.

— Да.

Моя убежденность и резкий тон на мгновение сбили с него холодную важность.

— Это… хорошо, — пробурчал он и осмотрелся, как бы не зная, что теперь со мной делать.

Снаут подошел ко мне и начал снимать повязку.

Я встал и прошелся по залу, а в это время Сарториус, который исчез в темноте, вернулся с уже проявленной и высохшей пленкой. На полутора десятках метров записи тянулись дрожащие линии со светлыми зубцами, какая-то плесень или паутина, растянутая на черной скользкой

целлулоидной ленте.

Мне больше нечего было делать, но я не ушел. Мои коллеги вставили в оксидированную кассету модулятора запись, конец которой Сарториус просмотрел еще раз, недоверчиво насупившись, словно пытался расшифровать заключенный в этих трепещущих линиях смысл.

Потом Снаут и Сарториус подошли к пультам управления и привели аппаратуру в действие. В обмотках катушек под стальным полом со слабым басовитым мурлыканьем проснулся ток, потом огоньки на вертикальных остекленных трубках указателей побежали вниз, показывая, что большой тубус рентгеновского аппарата опускается в вертикальный колодец, чтобы остановиться в его открытой горловине. Огоньки застыли на самых нижних делениях шкалы, и Сарториус начал увеличивать напряжение, пока стрелки, точнее белые просветы, которые их заменяли, не сделали, покачнувшись, пол-оборота вправо. Гудение стало едва слышным, ничего больше не происходило, бобины с пленкой вращались под кожухом, так что этого даже нельзя было увидеть, счетчик метража постукивал, как часовой механизм.

Хари смотрела поверх книги то на меня, то на них. Я подошел к ней. Она взглянула испытующе.

Эксперимент уже кончился. Сарториус не спеша подошел к большой конусной головке аппарата.

— Идем?.. — одними губами спросила Хари.

Я кивнул головой. Она встала. Не прощаясь ни с кем — это выглядело бы слишком бессмысленно, — я прошел мимо Сарториуса.

За высокими окнами верхнего коридора пылал закат исключительной красоты. Это был не обычный, унылый, распухший багрянец, а все оттенки затуманенного, как бы обсыпанного мельчайшим серебром розового цвета. Тяжелая, неподвижно всхолмленная чернь бесконечной равнины океана, казалось, отвечая на это теплое сияние, искрилась мягким буро-фиолетовым отблеском. Только у самого горизонта небо упорно оставалось рыжим.

Внезапно я остановился посреди коридора. Я просто и подумать не мог о том, что снова, как в тюремной камере, мы закроемся в комнате, из которой виден только океан.

— Хари, — сказал я, — знаешь... я заглянул бы в библиотеку... Ты ничего не имеешь против?

— О, с удовольствием, я поищу себе там что-нибудь почитать, — ответила она с немного искусственным оживлением.

Я чувствовал, что со вчерашнего дня между

нами образовалась трещина и что я должен быть с ней добрее, но меня охватила полная апатия. Не знаю, что могло бы меня из нее вывести.

Мы вернулись обратно и вошли в маленький тамбур. Здесь было три двери, а между ними, словно в каких-то витринах, цветы за большими стеклами.

Средняя дверь, ведущая в библиотеку, была с обеих сторон покрыта выпуклой искусственной кожей, до которой я почему-то всегда старался не дотрагиваться. В большом круглом зале с потолком, разрисованным стилизованными солнцами, было прохладно.

Я провел рукой по корешкам томов соляриан-ской классики и уже хотел было взять Гезе, когда неожиданно обнаружил незамеченный в прошлый раз потрепанный томик Гравинского.

Я уселся в мягкое кресло. Было совсем тихо. За моей спиной Хари перелистывала какую-то книжку, я слышал легкий шелест страниц под ее пальцами. Справочник Гравинского был сборником расположенных в алфавитном порядке соляристических гипотез. Компилятор, который ни разу даже не видел Соляриса, перерыл все монографии, протоколы экспедиций, отдельные статьи и предварительные сообщения, тщатель-

но изучил работы планетологов, исследовавших другие планеты, и создал каталог, несколько пугающий лапидарностью формулировок, которые становились тривиальными, убивая утонченную сложность породивших эти гипотезы мыслей. Впрочем, в смысле энциклопедичности это произведение теперь представляло скорее ценность курьеза; оно было издано двадцать лет назад, а за это время выросла гора новых гипотез, которые не вместились бы ни в одну книгу. Из авторов, представленных в справочнике, в живых остались немногие, и, пожалуй, никто из них уже не занимался соляристикой активно. Все это, охватывающее самые разнообразные направления интеллектуальное богатство создавало впечатление, что какая-нибудь из гипотез просто обязана быть истинной; казалось невозможным, чтобы действительность была совершенно от них отличной, иной, чем мириады выдвинутых предположений. В предисловии к справочнику Гравинский поделил известные ему шестьдесят лет соляристики на периоды. Во время первого, начавшегося с момента открытия Соляриса, никто не предлагал гипотез сознательно. Тогда как-то интуитивно, в соответствии со «здравым смыслом» решили, что океан является мертвым

химическим конгломератом, который благодаря своей «квазивулканической» деятельности обладает способностью создавать удивительные формы, а в результате своеобразного автоматизма процессов стабилизирует неустойчивую орбиту, подобно тому как маятник удерживается в однажды заданной плоскости колебаний. Правда, уже через три года Мажино высказался за живую природу «студенистой машины», но период биологических гипотез Гравинский датировал лишь на девять лет позднее, когда предположение Мажино, находившегося до этого в полном одиночестве, стало завоевывать многочисленных сторонников. В последующие годы в изобилии создавались очень сложные, подкрепленные биоматематическим анализом, подробные модели живого океана.

Третий период был отмечен распадом почти монолитного единства соляристики и появлением большого количества яростно соперничающих школ. Это было время деятельности Панмаллера, Штробла, Фрейхауза, Легрейе, Осиповича. Все наследство Гезе было подвергнуто тогда уничтожающей критике. Были созданы первые атласы, каталоги, стереофотографии симметриад, которые до тех пор считались формами, не поддаю-

щимися изучению; перелом наступил благодаря новым, дистанционно управляемым аппаратам, которые посылались в бурлящие бездны ежесекундно угрожающих взрывом колоссов. Тогда же появились гипотезы минималистов, гласящие, что даже если пресловутого «контакта» с «разумным чудовищем» установить не удастся, то и в этом случае изучение мимоидов и шарообразных гор, которые океан выбрасывает, чтобы затем вновь поглотить, принесет весьма ценные химические и физико-химические знания, новые сведения о структуре гигантских молекул и т. д. Но со сторонниками подобных идей никто даже не вступал в полемику. Это был период, когда появились до сих пор не потерявшие своего значения каталоги типовых метаморфоз и биоплазматическая теория мимоидов Франка, которая хоть и была отвергнута как ложная, все же осталась великолепным примером интеллектуального размаха и логики.

Эти «периоды Гравинского» были наивной молодостью, стихийным оптимистическим романтизмом, наконец, — отмеченной первыми скептическими голосами — зрелостью соляристики. Уже к концу двадцатипятилетия вновь возродились коллоидно-механические гипотезы

об апсихичности соляристического океана. Всяческие поиски проявления сознательной воли, целесообразности процессов, действий, мотивированных внутренними потребностями океана, были почти всеми признаны каким-то вывихом целого поколения ученых. Яростное стремление опровергнуть их утверждения подготовило почву для трезвых, разработанных аналитически, базирующихся на огромном количестве старательно подобранных фактов исследований группы Холдена, Эонидеса, Столивы. Это было время стремительного разбухания и разрастания архивов, картотек микрофильмов. Одна за другой отправлялись экспедиции, оснащенные всевозможной техникой — самопишущими регистраторами, отметчиками, зондами, — какую только могла дать Земля. Иногда в исследованиях одновременно участвовало больше тысячи человек. Однако уже в то время, когда темп неустанного накопления материалов все еще возрастал, идея, некогда воодушевившая ученых, становилась все более бесплодной. Начинался период (который трудно точно определить по времени) упадка соляристики.

История изучения Соляриса была отмечена прежде всего большими, яркими индивидуаль-

ностями, сильными характерами — Гезе, Штробл, Севада, который был последним из великих соляристов. Он погиб при загадочных обстоятельствах в районе Южного полюса планеты, так глупо, как не мог бы погибнуть даже новичок. На глазах у сотни наблюдателей он направил свою летящую над самым океаном машину в глубь «быстренника», который — это было отчетливо видно — пытался уступить ему дорогу. Говорили о какой-то внезапной слабости, обмороке, неисправности управления… В действительности же это, по моему мнению, было первое самоубийство, первый внезапный взрыв отчаяния. Первый, но не последний.

Постепенно в соляристике оставалось все меньше великих индивидуальностей. Люди больших способностей и большой силы характера рождаются с более или менее постоянной частотой, но выбор ими сферы деятельности неодинаков. Их присутствие или нехватку в определенной области науки можно, пожалуй, объяснить перспективами, какие она открывает. Различно оценивая классиков соляристики, нельзя отказать им в таланте, может быть даже в гениальности. Лучших математиков, физиков, известнейших специалистов в области биофизики, теории ин-

формации, электрофизиологии молчащий гигант притягивал к себе в течение десятилетий. Потом год от года армия исследователей теряла своих вождей. Осталась серая безымянная толпа терпеливых собирателей фактов, создателей многих оригинальных экспериментов, но не было уже массовых экспедиций в масштабе целой планеты, смелых, объединяющих разнообразные факты и явления гипотез.

Соляристика начинала разваливаться, и как бы аккомпанементом, параллелью к ее снижающемуся полету были вовсю расплодившиеся, разнящиеся друг от друга лишь второстепенными деталями гипотезы о дегенерации, инволюции, умирании соляристических морей. Время от времени появлялись более дерзкие, более интересные мысли, но в общем океан был признан конечным продуктом развития, который давно, тысячелетия назад, пережил период наивысшей организации, а теперь, цельный только физически, уже распадался на многочисленные, ненужные, бессмысленные агонизирующие создания.

Я был знаком с оригинальными работами нескольких европейских психологов, которые на протяжении длительного времени изучали

реакцию общественного мнения, собирая самые заурядные высказывания, голоса неспециалистов, и показали таким способом удивительно тесную связь между изменениями этого мнения и процессами, происходившими одновременно в научной среде.

Так, в кругах координационной группы Планетологического института, там, где решался вопрос о материальной поддержке тех или иных исследований, происходили перемены, выражавшиеся в непрерывном, хотя и ступенчатом уменьшении бюджета соляристических институтов и баз, а также дотаций для экспедиций, отправляющихся на планету.

Голоса, настаивавшие на необходимости свертывания исследований, перемешивались с выступлениями тех, кто требовал применения сильнодействующих средств. Но, пожалуй, никто не зашел дальше административного директора Всемирного космологического института, который упорно говорил, что живой океан вовсе не игнорирует людей, а просто их не замечает, как слон — муравья, гуляющего по его спине, и, для того чтобы привлечь внимание океана и сконцентрировать его на людях, необходимо воздействовать на него более мощными им-

пульсами и использовать машины-гиганты в масштабе всей планеты. Пикантной деталью было здесь то, как подчеркивала пресса, что таких дорогостоящих начинаний требовал директор космологического, а не планетологического института, который финансировал исследования Соляриса. Это была щедрость за чужой счет.

И снова коловорот новых гипотез, возрождение старых, введение в них несущественных изменений… В результате соляристика оказалась загнанной во все более разветвляющийся, полный тупиков лабиринт. В атмосфере всеобщего равнодушия, застоя и обескураженности другой, бесплодный, никому не нужный бумажный океан сопутствовал океану Соляриса.

«Возможно, мы дошли до поворотного пункта», — думал я. Мнение об отказе, об отступлении сейчас или в недалеком будущем могло взять верх. Даже ликвидацию станции я не считал невозможной или маловероятной. Но я не верил, чтобы таким способом удалось спасти что-нибудь. Само существование мыслящего колосса никогда уже не даст людям покоя. Пусть мы вдоль и поперек исходим галактики, пусть свяжемся с иными цивилизациями похожих на нас существ, Солярис будет вечным вызовом, брошенным

человеку.

Сны

Отсутствие каких-либо реакций заставило нас через шесть дней повторить эксперимент, причем станция, которая до сих пор висела неподвижно на пересечении сорок третьей параллели со сто шестнадцатым меридианом, начала двигаться, удерживая высоту четыреста метров над океаном, в южном направлении, где, как показывали радарные датчики и радиограммы сателлоида, активность плазмы значительно увеличилась.

В течение двух суток модулированный моей энцефалограммой пучок рентгеновских лучей каждые несколько часов ударял в почти совершенно гладкую поверхность океана.

К концу вторых суток мы находились уже так близко от полюса, что, когда почти весь диск голубого солнца прятался за горизонтом, пурпурный ореол вокруг туч на его противоположной стороне возвещал о восходе красного.

Сразу же после захода голубого солнца в северо-западном направлении показалась симметриада, немедленно отмеченная сигнализаторами. Она почти сливалась с залитой багрянцем мглой и

выделялась на ее фоне только отдельными зеркальными отблесками, как вырастающий там, на стыке неба и плазмы, гигантский стеклянный цветок. Станция, однако, не изменила курса, и через четверть часа гигант, светящийся дрожащим красным светом, словно угасающая рубиновая лампа, скрылся за горизонтом.

И снова минуло двое суток, эксперимент был повторен в последний раз, рентгеновские уколы охватили уже довольно большой кусок океана, на юге показались отчетливо видные, несмотря на то что они были на расстоянии трехсот километров, Арреииды — скалистый клочок суши с шестью как бы покрытыми снегом вершинами. На самом деле это был налет органического происхождения, свидетельствовавший, что эта формация была когда-то дном океана.

Мы сменили курс на юго-восточный и некоторое время двигались параллельно горной цепи, покрытой тучами, характерными для красного дня. Затем горы исчезли. Со времени первого эксперимента прошло десять дней.

За весь этот период на станции ничего не произошло. Сарториус один раз составил программу эксперимента, а теперь ее повторяла автоматическая аппаратура, я не был уверен даже, что

кто-нибудь контролировал ее работу. Но одновременно на станции происходило гораздо больше событий, чем можно было желать. Правда, люди были здесь ни при чем. Я опасался, что Сарториус будет добиваться возобновления работы над аннигилятором. Кроме того, я ждал реакции Снаута, когда он узнает от Сарториуса, что я его обманул, преувеличив опасность, которую могло вызвать уничтожение нейтринной материи. Однако ничего такого не случилось по причинам, сначала для меня совершенно загадочным. Естественно, я принимал во внимание возможность какого-нибудь подвоха с их стороны. Думал, что они тайно занимаются какими-то приготовлениями. Ежедневно заглядывал в помещение без окон, которое было расположено под главной лабораторией и где находился аннигилятор. Я ни разу их там не заставал, а тонкий слой пыли, покрывающий аппаратуру, говорил, что к ней много недель никто даже не притрагивался.

Снаут в это время стал таким же невидимым, как и Сарториус, и еще более, чем тот, неуловимым — видеофон радиостанции не отвечал. Движением станции кто-то, безусловно, управлял, но я не могу сказать, кто, меня это просто не интересовало, хотя, возможно, это и звучит стран-

но. Отсутствие реакций со стороны океана также оставляло меня равнодушным до такой степени, что через два или три дня я почти перестал на них рассчитывать или бояться их и полностью забыл и об океане, и об эксперименте. Целыми днями я просиживал либо в библиотеке, либо в комнате с Хари, которая как тень сновала вокруг меня. Я видел, что у нас все нехорошо и что это состояние апатичной и бессмысленной неустойчивости не может тянуться бесконечно. Я должен был как-то его поломать, что-то изменить в наших отношениях, но даже мысль о какой-нибудь перемене я отбрасывал, неспособный принять определенное решение.

Я не могу объяснить точнее, но мне казалось, что все на станции, а особенно то, что существует между Хари и мной, находится в состоянии страшно неустойчивого равновесия и стоит его только нарушить, как все рухнет. Почему? Не знаю. Самым странным было то, что и она чувствовала нечто похожее, во всяком случае, в какой-то мере. Когда я думаю об этом сейчас, мне кажется, что впечатление неуверенности, временности всего происходящего, надвигающихся потрясений создавала не проявляющаяся никаким другим способом, наполняющая все

помещения станции реальность. Хотя, возможно, была еще одна разгадка: сны. Поскольку у меня никогда до этого не было таких видений, я решил записывать их содержание, и только потому могу о них хоть что-нибудь сказать. Но это тоже только обрывки снов, лишенные их ужасающего разнообразия.

При каких-то непонятных обстоятельствах, в пространстве, лишенном неба, земли, потолков, полов, стен, я, скорчившись, увязал в субстанции, внешне мне чужой, словно мое тело вросло в полумертвую, неповоротливую, бесформенную глыбу или, точнее, словно я сам стал ею. Меня окружали неясные сначала пятна бледно-розового цвета, висящие в пространстве с иными оптическими свойствами, чем у воздуха, так что только на очень близком расстоянии предметы становились четкими и даже чрезмерно, неестественно четкими, — в этих снах мое непосредственное окружение конкретностью и материальностью превосходило впечатления яви. Я просыпался с парадоксальным ощущением, что явью, настоящей явью был именно сон, а то, что я вижу, открыв глаза, — это лишь высохшие тени.

Таким был первый образ, начало, из которого

рождался сон. И только о самых простых снах я мог бы что-нибудь рассказать. То, что было в остальных, не имело уже никаких аналогий в реальности.

Были сны, когда в мертвой, застывшей тьме я чувствовал себя предметом деловитых, неторопливых исследований, но при этом не ощущал инструментов, с помощью которых меня исследовали. Это было проникновение, дробление, уничтожение до полной пустоты. Пределом этих молчаливых истребительных пыток был страх, одно воспоминание о котором через много дней заставляло сердце биться сильнее.

А дни, одинаковые, как бы поблекшие, полные скучного отвращения ко всему, вяло ползли в беспредельном равнодушии. Только ночей я боялся и не знал, как от них спастись. Бодрствовал вместе с Хари, которой сон был вообще не нужен, целовал ее, ласкал, но знал, что мне безразлична сейчас и она, и я сам, что я поступаю так из страха перед сном, а она, хоть я и не говорил ей об этих потрясающих кошмарах ни слова, должно быть, о чем-то догадывалась, я чувствовал в ее покорности непрекращающееся унижение и ничего не мог с этим поделать.

Я уже говорил, что все это время не виделся ни

со Снаутом, ни с Сарториусом. Правда, Снаут каждые несколько дней давал о себе знать, иногда запиской, чаще телефонным звонком. Интересовался, не заметил ли я какого-нибудь нового явления, чего-нибудь, что можно расценивать как реакцию, вызванную столько раз повторенным экспериментом. Я отвечал, что не заметил, и сам задавал тот же вопрос. Снаут только отрицательно покачивал головой в глубине экрана.

На пятнадцатый день после прекращения экспериментов я проснулся раньше, чем обычно, настолько измученный кошмаром, словно очнулся от обморока, вызванного глубоким наркозом. Заслонок на окне не было, и в первых лучах красного солнца я увидел, как мертвая равнина незаметно начала волноваться. Ее густой черный цвет сразу же поблек, как бы покрылся тонкой пеленой тумана, но этот туман имел весьма материальную консистенцию. Кое-где в нем образовались центры волнения, и постепенно неопределенное движение охватило все видимое пространство. Черный цвет исчез совсем, его заслонили светло-розовые на возвышениях и жемчужно-бурые во впадинах пленки. Сначала краски чередовались, превращая это удивительное покрывало океана в ряды застывших волн, потом все смешалось и

уже весь океан был покрыт пузырящейся пеной, взлетающей огромными лоскутами вверх и под самой станцией, и вокруг нее. Со всех сторон одновременно взметались в пустое красное небо перепончатокрылые глыбы пены, распростертые горизонтально, совершенно не похожие на тучи, с шарообразными наростами по краям. Те, которые заслоняли низкий солнечный диск, были по контрасту с его сиянием черными, как уголь, другие, недалеко от солнца, в зависимости от угла, под которым их освещал свет восхода, рыжели, загорались вишневым цветом, красно-фиолетовым, и весь этот процесс продолжался, будто океан шелушился кровянистыми слоями, то обнажая черную поверхность, то скрывая ее новым налетом пены. Некоторые из этих образований взлетали совсем рядом, сразу же за окнами, на расстоянии каких-нибудь метров, а одно даже скользнуло своей шелковистой поверхностью по стеклу. Глыбы, поднявшиеся раньше, уже едва виднелись далеко в небе, как разлетевшиеся птицы, и прозрачной пеленой таяли в зените.

Станция застыла в неподвижности и висела так около трех часов, но ничто не изменилось. Солнце уже провалилось за горизонт, океан под нами окутала тьма, а рои тонких розоватых силуэтов

поднимались все выше и выше, возносясь как на невидимых струнах, неподвижные, невесомые, и это величественное вознесение продолжалось, пока не стало совсем темно.

Поражающий своим спокойным размахом феномен потряс Хари, но я ничего не мог о нем сказать. Для меня, соляриста, он был таким же новым и непонятным, как и для нее. Впрочем, не зарегистрированные ни в каких каталогах формы можно наблюдать на Солярисе два-три раза в год, а если повезет, то даже чаще.

Следующей ночью, примерно за час до восхода голубого солнца, мы были свидетелями другого феномена — океан фосфоресцировал. Это явление было уже описано. Как правило, оно наблюдалось перед возникновением асимметриад, вообще же говоря, это был типичный признак локального усиления активности плазмы. Однако в течение последующих двух недель вокруг станции ничего не произошло. Только однажды глубокой ночью я услышал доносящийся словно ниоткуда и отовсюду сразу далекий крик, необыкновенно высокий, пронзительный и протяжный, какие-то нечеловечески мощные рыдания. Вырванный из кошмара, я долго лежал, вслушиваясь, не совсем уверенный, что и этот крик не есть сон. Накануне

из лаборатории, частично расположенной над нашей комнатой, доносились приглушенные звуки, словно там передвигали что-то тяжелое. Мне показалось, что крик тоже доносится сверху, впрочем, совершенно непонятным образом, так как оба этажа разделялись звуконепроницаемым перекрытием. Этот агонизирующий голос слышался почти полчаса. Мокрый от пота, обезумев, я хотел уже бежать наверх, крик раздирал мне нервы. Но понемногу голос затих, и снова был слышен только звук передвигаемых тяжестей.

Через два дня, вечером, когда мы с Хари сидели в маленькой кухне, неожиданно вошел Снаут. Он был в костюме, настоящем земном костюме, который его совершенно изменил. Снаут как будто постарел и стал выше. Почти не глядя на нас, он подошел к столу, наклонился над ним и, даже не садясь, начал есть холодное мясо прямо из банки, заедая его хлебом. Рукав его пиджака несколько раз попал в банку и был весь перепачкан жиром.

— Пачкаешься? — сказал я.

— Гм? — пробурчал он с полным ртом.

Он ел, как будто несколько дней у него ничего во рту не было, налил себе полстакана вина, одним духом выпил, вытер губы и, отдышавшись, огляделся налитыми кровью глазами. Потом

посмотрел на меня и буркнул:

— Отпустил бороду?.. Ну-ну…

Хари с грохотом бросала посуду в раковину. Снаут начал слегка покачиваться на каблуках, морщился и громко чмокал. Мне казалось, что он делает это нарочно.

— Не хочется бриться, да? — спросил он, назойливо глядя на меня.

Я не ответил.

— Смотри! — бросил он помедлив. — Не советую. Он тоже первым делом перестал бриться.

— Иди спать, — буркнул я.

— Что? Дураков нет. Почему бы нам не поговорить? Слушай, Кельвин, а может, он нам желает добра? Может, хочет нас осчастливить, только еще не знает как? Он читает желания в наших мозгах, а ведь только два процента нервных процессов находится под контролем сознания. Следовательно, он знает нас лучше, чем мы сами. Значит, нужно его слушать. Соглашаться с ним. Слышишь? Не хочешь? Почему, — его голос дрогнул, — почему ты не бреешься?

— Перестань, — проворчал я. — Ты пьян.

— Что? Пьян? Я? Ну и что? Разве человек, который таскает свое дерьмо с одного конца Галактики на другой, чтобы узнать, чего он стоит,

не может напиться? Почему? Ты веришь в миссию? А, Кельвин? Гибарян рассказывал мне о тебе до того, как отпустил бороду… Ты точно такой, как он говорил… Не ходи только в лабораторию, утратишь еще кое-какие иллюзии. Там творит Сарториус, наш Фауст *au rebours* [6], ищет средства против бессмертия. Это последний рыцарь святого Контакта… его предыдущий замысел тоже был неплох — продленная агония. Неплохо, а? *Agonia perpetua*… соломка… соломенные шляпы… как ты можешь не пить, Кельвин?

Его почти невидящие глаза с опухшими веками остановились на Хари, которая неподвижно стояла у стены.

— О Афродита белая, океаном рожденная, — начал он декламировать и захлебнулся смехом. — Почти… точно… а, Кельвин? — прохрипел он, кашляя.

Я все еще был спокоен, но это спокойствие начинало переходить в холодную ярость.

— Перестань! — шикнул я на него. — Перестань и уходи!

— Выгоняешь меня? Ты тоже? Отпускаешь бороду и выгоняешь меня? Уже не хочешь, чтобы

---

[6] Примечания: 6
Наоборот *(франц.)*.

я тебя предостерегал, чтобы советовал тебе как один настоящий звездный товарищ другому? Кельвин, давай откроем донные люки и будем кричать ему туда, вниз, может, услышит? Но как его называть? Подумай, мы назвали все звезды и планеты, а может, у них уже были свои имена? Что за узурпация? Слушай, пошли туда. Будем кричать… Расскажем ему, что он из нас сделал, пока он не ужаснется… выстроит нам серебряные симметриады и помолится за нас своей математикой, и окружит нас своими окровавленными ангелами, и его мука будет нашей мукой, и его страх — нашим страхом, и он будет нас молить о конце. Почему ты не смеешься? Я ведь только шучу. Может быть, если б у нашей породы было более развито чувство юмора, до этого бы не дошло. Знаешь, что он хочет сделать? Он хочет его покарать, этот океан, хочет довести его до того, чтоб тот кричал всеми своими горами сразу… Думаешь, он не осмелится предложить свой план на утверждение этому склеротическому ареопагу, который нас послал сюда искупать не свою вину? Ты прав, струсит… но только из-за шапочки. Шапочку не покажет никому, он не настолько смел, наш Фауст…

Я молчал. Снаут шатался все сильнее. Слезы

текли по его лицу и капали на костюм.

— Кто это сделал? Кто это сделал с нами? Гибарян? Гезе? Эйнштейн? Платон? Знаешь, все это были убийцы. Подумай, в ракете человек может лопнуть как пузырь, или застыть, или изжариться, или так быстро истечь кровью, что даже не вскрикнет, а потом только косточки будут стучать о металл, кружась по ньютоновским орбитам с поправкой Эйнштейна, эти наши погремушки прогресса! А мы охотно… потому что это прекрасная дорога… мы дошли… и в этих клетушках, над этими тарелками, среди бессмертных судомоек, со свитой верных шкафов, преданных клозетов, мы осуществили… посмотри, Кельвин. Если бы я не был пьян, не болтал бы так, но в конце концов должен это кто-нибудь сказать. Кто в этом виноват? Сидишь тут как на бойне, и волосы у тебя растут… по чьей вине? Сам себе ответь…

Он медленно повернулся и вышел, на пороге схватился за косяк, чтобы не упасть, и еще долго эхо его шагов доносилось до нас из коридора.

Я избегал взгляда Хари, но вдруг наши глаза встретились. Я хотел подойти к ней, обнять, погладить ее по волосам, но не мог. Не мог.

Успех

Следующие три недели были как будто один и тот же день, который повторялся, каждый раз точно такой же, как вчерашний. Заслонки на окне задвигались и поднимались, по ночам меня швыряло из одного кошмара в другой, утром мы вставали, и начиналась игра. Я изображал спокойствие, Хари тоже. Эта молчаливая договоренность, сознание взаимной лжи стало нашим последним убежищем. Мы много говорили о том, как будем жить на Земле, как поселимся где-нибудь у большого города и никогда уже не покинем голубого неба и зеленых деревьев, вместе придумывали обстановку нашего будущего дома, планировали сад и даже спорили о мелочах… о живой изгороди… о скамейке… Верил ли я в это хотя бы секунду? Нет. Я знал, что это невозможно. Я знал об этом. Потому что даже если бы она могла покинуть станцию — живая, — то на Землю может прилететь только человек, а человек — это его документы. Наше путешествие закончится на первом же контрольном пункте. Станут выяснять ее личность и нас разлучат. Станция была единственным пунктом, где мы могли быть вместе.

Знала ли об этом Хари? Наверно. Сказал ли ей кто-нибудь об этом? После всего случившегося думаю, что да.

Однажды ночью я услышал сквозь сон, что Хари тихонько встает. Я хотел обнять ее. Теперь только молча, только в темноте мы могли еще на мгновение стать свободными, в забытьи, которое окружающая нас безысходность делала только коротенькой отсрочкой новой пытки. Она не заметила, что я проснулся, и, прежде чем я протянул руку, слезла с кровати. Я — все еще полусонный — услышал шлепанье босых ног. Меня охватил неясный страх.

— Хари? — шепнул я. Хотел крикнуть, но не решился и сел на кровати. Дверь, ведущая в коридор, была прикрыта не до конца. Тонкая игла света наискось пронизала комнату. Мне показалось, что я слышу приглушенные голоса. Она с кем-то разговаривала? С кем?

Я вскочил с кровати, но на меня нахлынул такой чудовищный ужас, что ноги отказались повиноваться. Мгновение я стоял, прислушиваясь, — было тихо, — потом медленно вернулся в постель. В голове бешено пульсировала кровь. Я начал считать. Когда дошел до тысячи, дверь бесшумно открылась. Хари скользнула внутрь и

застыла, словно вслушиваясь в мое дыхание. Я старался дышать мерно.

— Крис?.. — шепнула она тихонько.

Я не ответил. Она быстро юркнула в постель. Я чувствовал, как она застыла, выпрямившись, и неподвижно лежал рядом с ней. Пробовал придумать, что бы у нее спросить, но чем больше проходило времени, тем лучше я понимал, что не заговорю первый. Через некоторое время, может через час, я заснул.

Утро было таким же, как всегда. Я подозрительно приглядывался к ней, но только тогда, когда она не могла этого заметить. После обеда мы сидели рядом против изогнутого окна, за которым парили низкие багровые тучи. Станция плыла среди них, словно корабль. Хари читала какую-то книжку, а я находился в том состоянии созерцания, которое теперь так часто было для меня единственной передышкой. Я заметил, что, наклонив голову определенным образом, могу увидеть в стекле наше отражение, прозрачное, но четкое. Я переменил позу и снял руку с подлокотника. Хари — я видел это в стекле — бросила быстрый взгляд, удостоверилась, что я разглядываю океан, нагнулась над ручкой кресла и коснулась губами того места, до которого я только

что дотрагивался. Я продолжал сидеть, неестественно неподвижный, а она склонила голову над книгой.

— Хари, — сказал я тихо, — куда ты выходила сегодня ночью?

— Ночью?

— Да.

— Тебе… что-нибудь приснилось. Я никуда не выходила.

— Может быть, — сказал я. — Может быть, мне это и приснилось…

Вечером, когда мы ложились, я снова заговорил о нашем путешествии, о возвращении на Землю.

— Ах, не хочу об этом слышать, — прервала она. — Не надо, Крис. Ты ведь знаешь…

— Что?

— Нет, ничего.

Когда мы уже легли, она сказала, что ей хочется пить.

— Там на столе стоит стакан сока, дай мне, пожалуйста.

Она выпила полстакана и подала мне. У меня не было желания пить.

— За мое здоровье, — усмехнулась она.

Я выпил сок. Он показался мне немного соленым, но я не обратил на это особого внимания.

— Если ты не хочешь говорить о Земле, то о чем? — спросил я, когда она погасила свет.

— Если бы меня не было, ты бы женился?

— Нет.

— Никогда?

— Никогда.

— Почему?

— Не знаю. Я был один десять лет и не женился. Не будем об этом говорить, дорогая…

У меня шумело в голове, будто я выпил по крайней мере бутылку вина.

— Нет, будем, обязательно будем. А если бы я тебя попросила?

— Чтобы я женился? Чушь, Хари. Мне не нужен никто, кроме тебя.

Она наклонилась надо мной. Я чувствовал ее дыхание на губах, потом она обняла меня так сильно, что охватившая меня неодолимая сонливость на мгновение отступила.

— Скажи это по-другому.

— Я люблю тебя.

Хари уткнулась лицом в мою грудь, и я почувствовал, что она плачет.

— Хари, что с тобой?

— Ничего. Ничего. Ничего, — повторяла она все тише. Я пытался открыть глаза, но они снова

закрывались. Не помню, как я заснул.

Меня разбудил красный свет. Голова была свинцовая, а шея неподвижная, словно все позвонки срослись. Я не мог пошевелить шершавым, омерзительным языком. «Может быть, я чем-нибудь отравился», — подумал я, с усилием поднимая голову. Я протянул руку в сторону Хари, нащупал холодную простыню и вскочил.

Кровать была пуста, в комнате — никого. Красными дисками повторялись в стеклах отражения солнца. Я прыгнул на пол. Должно быть, я выглядел комично, меня шатало как пьяного. Хватаясь за мебель, добрался до шкафа — в ванной никого не было. В коридоре и лаборатории — тоже.

— Хари!! — заорал я, стоя посреди коридора и беспорядочно размахивая руками. — Хари… — прохрипел я еще раз, уже поняв.

Не помню точно, что было дальше. Наверное, я бегал полуголый по всей станции. Припоминаю, что бросился даже в холодильник, а потом на самый последний склад и молотил кулаками в запертую дверь. Может быть, я был там даже несколько раз. Лестницы грохотали, я падал, вскакивал, снова куда-то мчался, пока не очутился у прозрачного щита, за которым находился выход наружу: двойная бронированная дверь. Я

колотил в него изо всех сил и кричал, требовал, чтобы это оказалось сном. Кто-то уже некоторое время находился рядом со мной, удерживал меня, куда-то тянул. Потом я оказался в маленькой лаборатории, в рубашке, мокрой от ледяной воды, со слипшимися волосами, ноздри и язык мне обжигал спирт, я полулежал, задыхаясь, на чем-то холодном, металлическом, а Снаут в перепачканных штанах возился у шкафчика с лекарствами, что-то доставал, инструменты и стекла ужасно гремели.

Вдруг я увидел его перед собой. Он смотрел мне в глаза, внимательный, сгорбившийся.

— Где она?

— Ее нет.

— Но, но Хари…

— Нет больше Хари, — сказал он медленно, выразительно, приблизив ко мне лицо, как будто нанес мне удар и теперь изучает результат.

— Она вернется… — прошептал я, закрывая глаза. В первый раз я этого на самом деле не боялся. Не боялся ее призрачного возвращения. Я не понимал, как мог его когда-то бояться.

— Выпей это.

Он подал мне стакан с теплой жидкостью. Я посмотрел на стакан и внезапно выплеснул все

содержимое ему в лицо. Он отступил, протирая глаза, а когда открыл их, я уже стоял над ним. Он был такой маленький…

— Это ты?

— О чем ты говоришь?

— Не ври, знаешь о чем. Это ты говорил с ней тогда, ночью. И приказал ей дать мне снотворное… Что ты с ней сделал?! Говори!!!

Он что-то искал у себя на груди, потом достал измятый конверт. Я схватил его. Конверт был заклеен. Снаружи никакой надписи. Я рванул бумагу, изнутри выпал сложенный вчетверо листок. Крупные, немного детские буквы, неровные строчки. Я узнал почерк.

«Любимый, я сама попросила его об этом. Он добрый. Ужасно, что пришлось тебя обмануть, но иначе было нельзя. Слушайся его и не делай себе ничего плохого — это для меня. Ты был очень хороший».

Внизу было одно зачеркнутое слово, мне удалось его прочитать: «Хари». Она его написала, потом зачеркнула. Была еще одна буква, не то Х, не то К, тоже зачеркнутая. Я уже слишком успокоился, чтобы устраивать истерику, но не мог издать ни одного звука, даже застонать.

— Как? — прошептал я. — Как?

— Потом, Кельвин. Успокойся.

— Я спокоен. Говори. Как?

— Аннигиляция.

— Как же это? Ведь аппарат?! — меня словно подбросило.

— Аппарат Роше не годился. Сарториус собрал другой, специальный дестабилизатор. Маленький. Он действует только в радиусе нескольких метров.

— Что с ней?..

— Исчезла. Блеск и порыв ветра. Слабый порыв. Ничего больше.

— В небольшом радиусе, говоришь?

— Да. На большой не хватило материалов.

На меня начали падать стены. Я закрыл глаза.

— Боже… она… вернется, вернется ведь…

— Нет.

— Как это нет?

— Нет, Кельвин. Помнишь ту возносившуюся вверх пену? Начиная с этого времени уже не возвращаются.

— Ее больше нет?

— Нет.

— Ты убил ее, — сказал я тихо.

— Да. А ты бы не сделал этого? На моем месте? Отвечай!

Я вскочил и начал ходить все быстрее. От стены в угол и обратно. Девять шагов. Поворот. Девять шагов. Поворот.

Потом остановился перед ним:

— Слушай, подадим рапорт. Потребуем связать нас непосредственно с Советом. Это можно сделать. Они согласятся. Должны. Планета будет исключена из Конвенции Четырех. Все средства дозволены. Доставим генераторы антиматерии. Думаешь, есть что-нибудь, что устоит против антиматерии? Ничего нет! Ничего! Ничего! Абсолютно ничего! — кричал я с триумфом, ослепнув от слез.

— Хочешь его уничтожить? — спросил он. — Зачем?

— Уйди. Оставь меня!

— Не уйду.

— Снаут!

Я смотрел ему в глаза. «Нет», — ответил он движением головы.

— Чего ты хочешь? Чего ты хочешь от меня?

Он подошел к столу.

— Хорошо. Напишем рапорт.

Я отвернулся и опять принялся ходить.

— Садись.

— Оставь меня в покое.

— Существует две стороны вопроса. Первая — это факты. Вторая — наши требования.

— И обязательно говорить об этом сейчас?

— Да, сейчас.

— Не хочу. Понимаешь? Меня это не касается.

— Последний раз мы посылали сообщение перед смертью Гибаряна. Это было больше двух месяцев назад. Мы должны уяснить точные закономерности появления…

— Ты перестанешь наконец? — Я схватил его за грудь.

— Можешь меня бить, — сказал он, — но я все равно буду говорить.

Я отпустил его.

— Поступай как знаешь.

— Дело в том, что Сарториус постарается скрыть некоторые факты. Я в этом почти уверен.

— А ты нет?

— Нет. Теперь уже нет. Это касается не только нас. Речь идет вот о чем. Выяснилось, что океан способен на разумную деятельность. Ему известно строение, микроструктура, метаболизм наших организмов…

— Отлично. Что же ты остановился? Проделал на нас серию… серию… экспериментов. Психической вивисекции. Опираясь на знания, которые

выкрал из наших голов, не считаясь с тем, к чему мы стремимся.

— Это уже не факты и даже не выводы, Кельвин. Это гипотезы. В некотором смысле он считался с тем, чего хотела какая-то замкнутая, скрытая часть нашего сознания. Это могли быть дары…

— Дары! О господи!

Я начал смеяться.

— Перестань! — крикнул он, хватая меня за руку.

Я стиснул его пальцы и сжимал их все сильней, пока не хрустнули кости. Он смотрел на меня, прищурив глаза. Я отпустил его, отошел в угол и, стоя лицом к стене, сказал:

— Постараюсь не устраивать истерик.

— Все это неважно. Что мы предлагаем?

— Говори ты. Я сейчас не могу. Она сказала что-нибудь, прежде чем?..

— Нет. Ничего. Я считаю, что у нас появился шанс.

— Шанс? Какой шанс? На что? А-а… — проговорил я тише, глядя ему в глаза, и внезапно понял: — Контакт? Снова контакт? Мало мы — еще и ты, ты сам, и весь этот сумасшедший дом… Контакт? Нет, нет, нет. Без меня.

— Почему? — спросил он совершенно спо-

койно. — Кельвин, ты все еще инстинктивно относишься к нему как к человеку, а теперь даже больше чем когда-либо. Ненавидишь его.

— А ты нет?

— Нет. Кельвин, ведь он слепой…

— Слепой? — Мне показалось, что я ослышался.

— Разумеется, в нашем понимании. Мы не существуем для него, как друг для друга. Лица, фигуры, которые мы видим, позволяют нам узнавать отдельных индивидуумов. Для него все это прозрачное стекло. Он ведь проникал внутрь наших мозгов.

— Ну, хорошо. Но что из этого следует? Что ты хочешь доказать? Если он может оживить, создать человека, который не существует вне моей памяти, и сделать это так, что ее глаза, жесты, ее голос… голос…

— Говори! Говори дальше, слышишь!!!

— Говорю… говорю… Да. Итак… голос… из этого следует, что он может читать в нас, как в книге. Понимаешь, что я хочу сказать?

— Да. Что если бы он хотел, он мог бы понять нас.

— Конечно. Разве это не очевидно?

— Нет. Вовсе нет. Ведь он мог взять только про-

изводственный рецепт, который состоит не из слов. Это сохранившаяся в памяти запись, то есть белковая структура, как головка сперматозоида или яйцо. В мозге нет никаких слов, чувств; воспоминание человека — это образ, записанный языком нуклеиновых кислот на многомолекулярных асинхронных кристаллах. Ну он и взял то, что было лучше всего вытравлено, крепче всего заперто, наиболее полно, наиболее глубоко отпечатано, понимаешь? Но он не обязательно должен понимать, что это для нас значит, какой имеет смысл. Так же как если бы сумели создать симметриаду и бросили ее в океан, зная архитектуру, технологию и строительные материалы, но не понимая, для чего она служит, чем она для него является…

— Это возможно? — спросил я. — Да, это возможно. В таком случае он совсем… может, вообще не хотел растоптать нас и смять. Может быть. И только случайно… — У меня задрожали губы.

— Кельвин!

— Да, да. Хорошо. Уже все в порядке. Ты добрый. Он тоже. Все добрые. Но зачем? Объясни мне. Зачем? Для чего ты это сделал? Что ты ей сказал?

— Правду.

— Правду, правду! Что?

— Ты ведь знаешь. Пойдем-ка лучше ко мне. Будем писать рапорт. Пошли.

— Погоди. Чего же ты все-таки хочешь? Ведь не собираешься же ты остаться на станции?..

— Да, я хочу остаться. Хочу.

Старый мимоид

Я сидел у большого окна и смотрел в океан. У меня не было никаких дел. Рапорт, отработанный за пять дней, превратился теперь в пучок волн, мчащийся сквозь пустоту, где-то за созвездием Ориона. Добравшись до темной пылевой туманности, занимающей объем в восемь триллионов кубических километров и поглощающей лучи света и любые другие сигналы, он натолкнется на первый в длинной цепи ретранслятор. Отсюда, от одного радиобуя к другому, скачками длиной в миллиарды километров он будет мчаться по огромной дуге, пока последний ретранслятор, металлическая глыба, набитая тесно упакованными точными приборами, с удлиненной мордой направленной антенны, не сконцентрирует его последний раз и не швырнет дальше в пространство, к Земле. Потом пройдут месяцы, и точно такой же пучок энергии, за которым протянется борозда ударной деформации гравитационного поля Галактики, отправленный с Земли, достигнет края космической тучи, проскользнет мимо нее по ожерелью медленно дрейфующих буев и, усиленный ими, не уменьшая скорости, помчит-

ся к двум солнцам Соляриса.

Океан под высоким красным солнцем был чернее, чем обычно. Рыжая мгла сплавляла его с небом. День был удивительно душный, как будто предвещал одну из тех исключительно редких и невообразимо яростных бурь, которые несколько раз в году проносятся по планете. Были основания считать, что ее единственный обитатель контролирует климат и вызывает эти бури сам.

Еще несколько месяцев мне придется смотреть из этих окон, с высоты наблюдать восходы белого золота и скучного багрянца, время от времени отражающиеся в каком-нибудь жидком извержении, в серебристом пузыре симметриады, следить за движением наклонившихся от ветра стройных быстренников, встречать выветрившиеся, осыпающиеся мимоиды. В один прекрасный день экраны всех видеофонов наполнятся светом, вся давно уже мертвая электронная система сигнализации оживет, запущенная импульсом, посланным с расстояния сотен тысяч километров, извещая о приближении металлического колосса, который, протяжно грохоча гравиторами, снизится над океаном. Это будет «Улисс», или «Прометей», или какой-нибудь другой большой крейсер дальнего плавания. Люди, спустивши-

еся с плоской крыши станции по трапу, увидят шеренги бронированных массивных автоматов, которые не делят с человеком первородного греха и настолько невинны, что выполняют любой приказ — вплоть до полного уничтожения себя или преграды, которая стоит у них на пути, если так была запрограммирована их кристаллическая память. А потом звездолет поднимется, обогнав звук, и только лишь затем конус разбитого на басовые октавы грохота достигнет океана, а лица всех людей на мгновение прояснятся от мысли, что они возвращаются домой.

Но у меня нет дома. Земля? Я думаю о ее больших, переполненных людьми, шумных городах, в которых потеряюсь, исчезну почти так же, как если бы совершил то, что хотел сделать на вторую или третью ночь — броситься в океан, тяжело волнующийся внизу. Я утону в людях. Буду молчаливым и внимательным, и за это меня будут ценить товарищи. У меня будет много знакомых, даже приятелей, и женщины, а может, и одна женщина. Некоторое время я должен буду делать усилие, чтобы улыбаться, раскланиваться, вставать, учитывать тысячи деталей, из которых складывается земная жизнь. Потом все войдет в норму. Появятся новые интересы, новые заня-

тия, но я не отдамся им весь. Ничему и никому никогда больше. И быть может, по ночам буду смотреть на небо, туда, где тьма пылевой тучи, как черная занавеска, скрывает блеск двух солнц, и вспоминать все, даже то, что я сейчас думаю. И еще я вспомню со снисходительной улыбкой, в которой будет немножко сожаления, но в то же время и превосходства, мои безумие и надежды. Я вовсе не считаю себя, того, который будет, хуже, чем тот Кельвин, который был готов на все для дела, названного Контактом. И никто не сможет меня осудить.

В кабину вошел Снаут. Он осмотрелся, взглянул на меня. Я встал и подошел к столу.

— Тебе что-нибудь нужно?

— Мне кажется, ты изнываешь от безделья, — сказал он, моргая. — Я мог бы тебе дать кое-какие вычисления, правда, это не срочно…

— Спасибо, — усмехнулся я. — Не требуется.

— Ты в этом уверен? — спросил он, глядя в окно.

— Да. Я размышлял о разных вещах и…

— Лучше бы ты поменьше размышлял. Мимоид, — совсем тихо, каким-то другим голосом сказал Снаут.

— Что? А, да. Я его уже заметил. Он очень ста-

рый.

Мы оба смотрели в подернутую рыжей мглой даль.

— Полечу, — неожиданно сказал я. — Тем более что я еще ни разу не выходил наружу, а это удачный повод. Вернусь через полчаса.

— Что такое? — У Снаута округлились глаза. — Полетишь? Куда?

— Туда, — я показал на маячившую в тумане глыбу. — А почему бы нет? Возьму маленький вертолет. Было бы просто смешно, если бы на Земле мне пришлось когда-нибудь признаться, что я, солярист, ни разу не коснулся ногой поверхности Соляриса.

Я подошел к шкафу и начал рыться в комбинезонах. Снаут молча наблюдал за мной, потом произнес:

— Не нравится мне все это.

— Что? — держа в руках комбинезон, я обернулся. Меня охватило уже давно не испытанное возбуждение. — О чем ты? Карты на стол! Боишься, как бы я что-нибудь… Чушь! Даю слово, что нет. Я даже не думал об этом. Нет, действительно нет.

— Я полечу с тобой.

— Спасибо, но мне хочется одному. Это что-то

новое, что-то совсем новое, — я говорил быстро, натягивая комбинезон.

Снаут бубнил еще что-то, но я не очень прислушивался, разыскивая нужные мне вещи. Когда я надевал скафандр, он вдруг спросил:

— Слушай, слово еще имеет для тебя какую-нибудь ценность?

— О господи, Снаут, ты все о том же! Имеет. И я тебе уже его дал. Где запасные баллоны?

Впервые я был один над океаном; впечатление совершенно иное, чем то, которое испытываешь, глядя из окна станции. Может, это объяснялось высотой полета; я скользил всего лишь в нескольких десятках метров над волнами. Теперь я не только знал, но и чувствовал, что переливчато, жирно блестящие горбы и провалы раскинувшейся подо мной пучины двигаются не так, как морской прилив или облако, но как животное. Неустанные, хоть и чрезвычайно медленные судороги мускулистого нагого тела — так это выглядело; сонно опадающие хребты волн пылали пенным пурпуром. Когда я развернулся, чтобы выйти точно на курс неспешно дрейфующего мимоида, солнце ударило мне прямо в глаза, заиграло кровавыми молниями в выпуклых стеклах, а сам океан стал чернильно-синим с проблесками

темного огня.

Я уравнял скорость машины с дрейфом мимоида и медленно, метр за метром снижался. Мимоид был небольшой. В длину с полкилометра, а в ширину — несколько сотен метров. Он наверняка отломился от какой-то гораздо большей формации; по соляристической шкале он считался мелким осколком, которому было уже бог знает сколько недель и месяцев. Я увидел между жилистыми буграми оползня, над самым океаном, как бы берег — несколько десятков метров довольно покатой, но почти плоской поверхности — и направил туда машину. Сесть оказалось труднее, чем я предполагал, машина чуть не зацепилась винтом за выросшую на глазах стену, но все окончилось благополучно. Я выключил мотор и откинул колпак. Потом проверил, не сползет ли вертолет в океан. Волны лизали зубчатую кромку мимоида в нескольких шагах от моего аэродрома, но он надежно стоял на широко расставленных лыжах.

Я спрыгнул вниз, немного отошел от вертолета и уселся на шершавую, потрескавшуюся «землю». Черная волна тяжело вползла на берег, расплющилась, стала совсем бесцветной и откатилась, оставив тонкие дрожащие нити слизи.

Я спустился ниже и протянул руку к следующей волне. Она немедленно повторила тот феномен, который люди увидели впервые почти столетие назад, — задержалась, немного отступила, охватила мою руку, не дотрагиваясь до нее, так, что между поверхностью рукавицы и внутренней стенкой углубления, которое сразу же изменило консистенцию, став упругим, осталась тонкая прослойка воздуха. Я медленно поднял руку. Волна, точнее ее узкий язык, потянулась за рукой, по-прежнему окружая мою ладонь просвечивающей грязно-зеленой оболочкой. Я встал, так как не мог поднять руку выше, перемычка студенистой субстанции напряглась, как натянутая струна, но не порвалась. Основание совершенно расплющенной волны, словно удивительное существо, терпеливо ожидающее окончания этих исследований, прильнуло к берегу у моих ног, также не прикасаясь к ним. Казалось, из океана вырос тягучий цветок, чашечка которого обволокла мои пальцы, став их точным, только негативным изображением. Я отступил. Стебель задрожал и неохотно вернулся вниз, эластичный, колеблющийся, неуверенный; волна приподнялась, вбирая его в себя, и исчезла за обрезом берега. Я повторял эту игру, и снова, как сто лет назад, ка-

кая-то очередная волна равнодушно откатилась, будто насытившись новыми впечатлениями. Я знал, что пробуждения ее «любопытства» пришлось бы ждать несколько часов. Я опять сел, но это зрелище, хорошо известное мне теоретически, что-то во мне изменило. Теория не могла, не сумела заменить реального ощущения.

В зарождении, росте и развитии этого живого образования, в каждом его отдельном движении и во всех вместе проявлялась какая-то осторожная, но не пугливая наивность. Оно страстно, порывисто старалось познать, постичь новую, неожиданно встретившуюся форму и на полдороге вынуждено было отступить, когда появилась необходимость нарушить границы, установленные таинственным законом. Эта резвая любознательность совсем не вязалась с гигантом, который, сверкая, простирался до самого горизонта. Никогда я с такой силой не ощущал его исполинской реальности, чудовищного, абсолютного молчания. Подавленный, ошеломленный, я погружался в, казалось бы, недоступное состояние неподвижности и с нарастающим ощущением утраты все стремительнее соединялся с этим жидким, слепым колоссом и без малейшего насилия над собой, без слов, без

единой мысли прощал ему все.

Всю последнюю неделю я вел себя так рассудительно, что недоверчивый взгляд Снаута перестал меня преследовать. Внешне я был спокоен, но в глубине души, не отдавая себе в этом отчета, чего-то ожидал. Чего? Ее возвращения? Как я мог? Каждый из нас знает, что он — существо материальное, подчиняющееся законам физиологии и физики и что, даже собрав воедино силы всех наших чувств, мы не можем бороться с этими законами, можем их лишь ненавидеть. Извечная вера влюбленных и поэтов в силу любви, которая переживает смерть, это преследующее нас столетиями *finis vitae, sed non amoris* [7] — ложь. Однако эта ложь всего лишь бесполезна, но не смешна. А вот быть часами, отмеряющими течение времени, которые поочередно то разбирают, то снова собирают и в механизме которых, едва конструктор впихнет в них колесики, вместе с их первым движением начинает тикать отчаяние и любовь, знать, что ты репетир муки, тем глубочайшей, что от многократного повторения она становится комичнее? Повторять человеческое существование хорошо, но повторять его так, как

---

[7] Примечания: 7
Кончается жизнь, но не любовь *(лат.).*

пьяница повторяет заигранную мелодию, бросая все новые медяки в музыкальный ящик? Я ни на секунду не верил, что этот жидкий гигант, который уготовил в себе гибель многим сотням людей, к которому десятки лет вся моя раса напрасно пыталась протянуть хотя бы ниточку понимания, что он, поднимающий меня, как пылинку, даже не замечая этого, будет тронут трагедией двух людей. Но ведь его действия были направлены к какой-то цели. Правда, я даже в этом не был до конца уверен. Но уйти — значило отказаться от этого исчезающе маленького, может быть только в воображении существующего, шанса, который скрывало будущее. Итак, годы среди предметов, вещей, до которых мы оба дотрагивались, в воздухе, помнящем ее дыхание? Во имя чего? Надежды на ее возвращение? У меня не было надежды. Но жило во мне ожидание, последнее, что у меня осталось от нее. Каких свершений, издевательств, каких мук я еще ожидал? Не знаю. Но я твердо верил в то, что не прошло время ужасных чудес.

Эдем

Глава первая

В расчетах была ошибка. Вместо того чтобы пройти над атмосферой, они врезались в нее. Корабль ввинчивался в воздух с ревом, от которого у всех лопались барабанные перепонки. Висящие в гамаках люди чувствовали, как сжались до предела амортизаторы, носовые экраны полыхнули ярким пламенем и погасли, подушка раскаленных газов, сдавливающая нос корабля, расплавила наружные объективы, торможение началось слишком поздно и было недостаточно интенсивным. Рубку наполнил чад от жженой резины. Под прессом перегрузки люди слепли и глохли. Приближался конец, но даже о нем ни один из них не мог подумать: не хватало сил, чтобы расширить грудную клетку, глотнуть воздуха, — это делали за них все еще работающие кислородные пульсаторы, которые вталкивали в людей воздух, как в лопнувшие баллоны.

Внезапно рев стих. Вспыхнули аварийные лампы, по шесть с каждой стороны, люди зашевелились, над разбитым, сплюснутым в гармошку пультом двигателя багровел сигнал тревоги, куски изоляции, осколки плексигласа с шелестом

елозили по полу, рева не было — все поглотил глухой усиливающийся свист.

— Что… — прохрипел Доктор, выплевывая резиновый мундштук.

— Лежать! — крикнул Координатор, наблюдавший за последним неповрежденным экраном.

Ракета перекувырнулась, как будто в нее ударил таран, обвивающие людей нейлоновые сетки зазвенели, как струны, на мгновение все застыло словно на поднявшихся вверх качелях, потом на людей обрушился грохот.

Мышцы, напрягшиеся в ожидании последнего удара, обмякли. Ракета, стоя на вертикальном огненном столбе, медленно опускалась вниз, дюзы грохотали успокоительно; это длилось несколько минут. Внезапно переборки пронзила дрожь. Вибрация становилась все сильнее, турбины должны были сорваться с опор. Люди переглянулись. Никто ничего не говорил. Они знали, что все зависит от того, выдержат ли роторы.

Вдруг рубка заходила ходуном, как будто снаружи в нее с бешеной быстротой бил стальной молот. Толстая выпуклая линза последнего экрана в мгновение ока покрылась густой паутиной трещин, его фосфорический диск погас, в падающем снизу скудном свете аварийных ламп люди

видели на наклонных стенах собственные увеличенные тени; грохот перешел в протяжный рык, под ними что-то трещало, ломалось, рвалось с металлическим скрежетом. Корпус, сотрясаемый новыми толчками, падал, падал, ослепленный, мертвый; люди скорчились, затаили дыхание. Абсолютная темнота, хаос… Внезапно людей выбросило на всю длину нейлоновых тросов; к счастью, они не ударились о разбитые пульты, которые изувечили бы их, а повисли, медленно покачиваясь, как тяжелые маятники.

Ракета перевернулась, словно падающая гора. На этот раз грохот был далеким и тупым, глыбы выброшенного грунта с негромким стуком скатились по наружной обшивке.

Все замерло. Внизу урчали трубопроводы, что-то все быстрее и быстрее устрашающе булькало, слышался шум стекающей воды, смешанный с пронзительным, повторяющимся шипением, будто какая-то жидкость капала на раскаленные плиты.

— Живы, — сказал в полной темноте Химик.

Он не видел ничего, болтаясь в нейлоновом коконе, как в мешке, подвешенном на тросах за четыре угла. Это значило, что ракета лежит на боку. Если бы ракета стояла, гамак был бы натя-

нут горизонтально. Что-то щелкнуло. Вспыхнул бледный бензиновый огонек старой зажигалки Доктора.

— Экипаж? — спросил Координатор.

Один трос его гамака лопнул; Координатор медленно, беспомощно раскачивался, просунув руку в ячейку нейлоновой сетки, и безрезультатно пытался схватиться за что-нибудь выступающее из стены.

— Первый, — сказал Инженер.

— Второй, — отозвался Физик.

— Третий, — голос Химика.

— Четвертый, — сказал Кибернетик, держась за голову.

— Пятый, — кончил Доктор.

— Все. Поздравляю, — голос Координатора был спокоен. — Автоматы!

Полная тишина.

— Автоматы!!

Молчание. Зажигалка обожгла Доктору пальцы. Он погасил ее. Снова стало темно.

— Я всегда говорил, что мы сделаны из лучшего материала, — сказал в темноте Доктор.

— У кого-нибудь есть нож?

— У меня есть. Перерезать тросы?

— Если можешь выбраться без этого, еще луч-

ше. Я не могу.

— Попробую.

Послышалась какая-то возня, учащенное дыхание, что-то стукнуло, заскрежетало стекло.

— Я на полу. То есть на стене, — сообщил Химик. Его голос доносился откуда-то из темноты. — Доктор, посвети-ка минутку, я вам помогу.

— Только поторопись. Бензин кончается.

Снова вспыхнула зажигалка. Химик возился у гамака Координатора — он мог дотянуться только до его ног. Наконец ему удалось немного раскрыть боковую «молнию», и Координатор тяжело упал на ноги. Вдвоем работали быстрее. Немного погодя все уже стояли на косо наклоненной, обитой полуэластичной массой стене рубки.

— С чего начнем? — спросил Доктор. Он стянул края раны на лбу Кибернетика и залепил ее пластырем, который достал из кармана. Он вечно таскал с собой всякие ненужные вещи.

— С выяснения вопроса, удастся ли нам выйти, — ответил Координатор. — Прежде всего нам нужен свет. Ну как там? Все? Доктор, посвети мне; может, на клеммах пульта есть напряжение, хотя бы в цепи тревожной сигнализации.

На этот раз зажигалка высекла только искру. Доктор стер себе кожу на пальце, пока крутил ко-

лесико, освещая обломки раздробленной панели, в которой копались, стоя на коленях, Координатор и Инженер.

— Есть? — спросил Химик, стоявший сзади. Для него уже не хватало места.

— Пока ничего. Ни у кого нет спичек?

— Нет, — невнятно пробормотал Инженер, пытаясь зубами содрать изоляцию с конца провода.

Вдруг маленькая голубая искра осветила сложенные лодочкой руки Координатора.

— Есть, — сказал он. — Теперь какую-нибудь лампочку.

Кто-то нашел в тревожном сигнализаторе уцелевшую лампочку. Резкий электрический огонек осветил рубку, похожую на часть косо поднимающейся трубы туннеля с конусными стенами. Высоко вверху, в том, что стало теперь потолком, виднелась закрытая дверь.

— Больше семи метров, — меланхолично сказал Химик. — Как мы туда доберемся?

— Я когда-то видел в цирке живую колонну — пять человек один на другом, — сообщил Доктор.

— Для нас это слишком трудно. Доберемся туда по полу, — ответил Координатор.

Он взял у Химика нож и начал делать широкие надрезы в губчатом покрытии пола.

— Ступеньки?

— Да.

— Почему не слышно Кибернетика? — удивился вдруг Инженер. Сидя на обломках разбитого распределительного пульта, он прикладывал вольтметр к вытянутым наружу кабелям.

— Он овдовел, — с усмешкой сказал Доктор. — Что такое Кибернетик без автоматов?

— Они у меня еще заработают, — бросил Кибернетик, заглядывая в отверстия выбитых экранов.

Электрический огонек постепенно желтел, становился все слабее и бледнее.

— Аккумуляторы тоже? — проворчал Физик.

Инженер встал:

— Похоже на то.

Через четверть часа в глубь корабля двинулась экспедиция из шести человек. Сначала люди выбрались в коридор, а из него — в остальные помещения. В каюте Доктора нашли карманный фонарик. Доктор любил таскать с собой множество лишних вещей. Фонарик забрали с собой. Разрушения обнаружились везде. Мебель, прикрепленная к полу, уцелела, но из приборов, инструментов, вспомогательного оборудования, припасов образовалось какое-то невероятное крошево, в которое люди погружались выше колен.

— Теперь попробуем выйти, — объявил Координатор, когда они снова оказались в коридоре.

— А скафандры?

— В шлюзе. С ними ничего не должно случиться. Да они и не понадобятся: на Эдеме вполне сносная атмосфера.

— А здесь вообще кто-нибудь когда-нибудь был?

— Да, десять или одиннадцать лет назад космический зонд поискового патруля, когда пропал Альтаир со своим кораблем. Помните?

— Но из людей никто?

— Нет, никто.

Внутренний люк шлюза наклонно нависал над их головами. Странное первое впечатление, вызванное тем, что в знакомых помещениях все приняло новые очертания: стены стали теперь полами, а потолки — стенами, постепенно проходило.

— Вот тут без живой лестницы не обойтись, — проговорил Координатор, подняв фонарик.

Пятно света обежало вокруг люка. Казалось, он был закрыт герметично.

— Выглядит неплохо, — сказал Кибернетик, задрав голову.

— Да, — согласился Инженер.

Он подумал, что чудовищная сила, которая сдавила стрингеры так, что раскололся вделанный между ними главный распределительный пульт, могла заклинить люк, но оставил эту мысль при себе. Координатор бросил взгляд на Кибернетика и уже хотел попросить, чтобы тот наклонился и стал у стены, но, вспомнив про исковерканный лом в отсеке автоматов, обратился к Химику:

— Поставь ноги пошире, руки — на колени, так тебе будет удобнее.

— Я просто мечтал выступать в цирке. Всю жизнь! — сообщил Химик и наклонился.

Координатор вскарабкался ему на плечи, выпрямился и, прижимаясь к стене, кончиками пальцев дотянулся до утолщенного на конце никелированного рычага.

Потянул, потом дернул, наконец повис на нем. Тогда рычаг подался с хрустом, как будто замочный механизм был набит мелким стеклом, сделал четверть оборота и остановился.

— А ты в нужную сторону тянешь? — спросил Доктор, который светил снизу. — Ракета лежит.

— Я это учел.

— А сильнее не можешь?

Координатор не ответил. Распластавшись, он висел у стены, ухватившись одной рукой за

рычаг. Потом попробовал медленно подтянуть другую руку. Это было очень трудно, но в конце концов удалось. Вися теперь как на трапеции, он поджал ноги, чтобы не ударить съежившегося под ним Химика, и рванулся несколько раз, подтягиваясь на руках и обрушиваясь вниз всем весом тела.

На третий или четвертый раз рычаг чуть повернулся. Нужно было сдвинуть его еще сантиметров на пять. Координатор собрал все силы и еще раз бросил себя вниз.

Рычаг с ужасным скрежетом ударился о стопор. Внутренняя задвижка была открыта.

— Пошло как по маслу, — радовался Физик.

Инженер молчал. Он думал о своем. Открыть крышку люка оказалось потруднее. Инженер попробовал сдвинуть ее, нажимая ручку гидравлического устройства, но заранее знал, что из этого ничего не получится. Трубы полопались в нескольких местах, и вся жидкость вытекла. Доктор направил фонарик вверх, и штурвальчик ручного привода засиял над ними как ореол. Для их гимнастических возможностей было слишком высоко — больше четырех метров.

Пришлось из всех помещений стаскивать поломанные приборы, подушки, книги; особенно

пригодилась библиотека, и прежде всего — атласы звездного неба, очень большие и толстые.

Из книг, как из кирпичей, возводили пирамиду. Через какой-нибудь час она достигла двухметровой высоты. Один раз часть пирамиды обвалилась, и с этого момента работа велась более систематично — под руководством Инженера.

— Физический труд — это какой-то ужас! — тяжело дыша, ворчал Доктор. — Никогда не думал, что к звездам можно путешествовать в таких примитивных условиях.

Говорил только он один. Наконец Координатор, поддерживаемый товарищами, осторожно влез на воздвигнутую пирамиду и дотянулся пальцами до штурвала.

— Мало, — сказал он. — Не хватает пяти сантиметров. А подпрыгнуть не могу — все развалится.

— Тут у меня «Теория скоростных полетов», — сказал Доктор, взвешивая в руке толстый том. — Думаю, будет в самый раз.

Координатор вцепился в штурвал. Его тень металась по белой поверхности пластика. Внезапно гора книг заколебалась.

— Осторожно! — крикнул Физик.

— Не на что опереться, — выдохнул Координа-

тор. — Держите же, черт побери! — рявкнул он.

Штурвал вырвался у него из рук, Координатор покачнулся, но сумел восстановить равновесие. Вверх уже никто не смотрел — нужно было со всех сторон подпирать колеблющееся сооружение, чтобы оно не рассыпалось.

— Только без ругани, стоит начать — конца не будет, — предостерег снизу Доктор.

Координатор снова ухватился за штурвал. Неожиданно послышался протяжный скрип, а потом глухой шорох расползающихся томов. Координатор висел в воздухе, но штурвал, за который он уцепился, сделал полный оборот.

— И так далее, еще одиннадцать раз, — сказал он, спрыгивая на рассыпавшиеся книги.

Через два часа под триумфальные крики люк был побежден. Открывшаяся крышка повисла на уровне половины высоты коридора и образовала как бы горизонтальный помост, по которому можно было войти в шлюз без большого труда.

Скафандры в плоском стенном шкафу оказались в полной сохранности. Теперь шкаф лежал горизонтально. Его дверцы стали полом.

— Выходим все или как? — спросил Химик.

— Сначала попробуем открыть наружный люк…

Крышка люка была зажата так, словно составляла единый монолит с корпусом. Сдвинуть рычаги не удалось, хотя на них навалились вшестером, плечом к плечу.

— Оказывается, долететь — это пустяки; труднее иногда выйти, — подвел итог Доктор.

— Очень остроумно, — пробормотал сквозь зубы Инженер. Пот заливал ему глаза.

Все уселись на дверцы стенного шкафа.

— Я проголодался, — признался среди полного молчания Кибернетик.

— Значит, нужно что-нибудь съесть, — заявил Физик и предложил сходить на склад.

— Лучше на кухню. В холодильнике может что-нибудь…

— Мне одному не справиться. Нужно перебросать с полтонны всякого хлама, чтобы добраться до припасов. Кто со мной?

Доктор отозвался первым. Химик встал, немного помедлив. Когда их головы исчезли за краем откинутой крышки и последний отсвет фонарика, который они забрали с собой, погас, Координатор сказал приглушенным голосом:

— Я не хотел говорить. Вы более или менее представляете, как обстоят дела?

— Да, — ответил Инженер черному мраку пе-

ред собой.

Он коснулся ноги Координатора вытянутой рукой и не убрал пальцев. Ему нужно было это прикосновение.

— Думаешь, разрезать крышку не удастся?

— Чем? — спросил Инженер.

— Горелкой, электрической или газовой. У нас есть автоген и…

— Ты слышал об автогене, который может разрезать четверть метра керамита? А?

Они помолчали. Из глубины корабля, как из железного погреба, доносился глухой шум.

— Так что же? Что? — нервно спросил Кибернетик.

Координатор и Инженер услышали, как хрустнули его суставы. Он встал.

— Садись, — мягко, но решительно сказал Координатор.

— Вы думаете, что… крышка сплавилась с корпусом?

— Не обязательно, — ответил Инженер. — Ты вообще понимаешь, что произошло?

— Не совсем. Мы воткнулись с космической скоростью в атмосферу там, где ее не должно было быть. Почему? Автомат не мог ошибиться.

— Автомат не ошибся. Мы ошиблись, — сказал

Координатор. — Забыли о поправке на хвост.

— На какой хвост? Что ты говоришь?

— На газовый хвост, который растягивает за собой каждая имеющая атмосферу планета в направлении, противоположном ее движению. Ты не знаешь об этом?

— Ах да, конечно. Мы врезались в этот хвост? Но он должен быть страшно разреженным.

— Десять в минус шестой, — ответил Координатор, — или что-то около этого, но мы делали больше семидесяти километров в секунду, дорогой мой. Нас как будто стена остановила — это был тот первый удар, помните?

— Да, — подтвердил Инженер. — А когда мы вошли в атмосферу, скорость была еще десять, а то и все двенадцать километров. Она должна была вообще развалиться, удивительно, что выдержала.

— Ракета?

— Она рассчитана на двадцатикратную перегрузку, а, прежде чем экран лопнул, я своими глазами видел, как стрелка выскочила за шкалу. Шкала имеет резерв до тридцати.

— А мы?

— Что мы?

— Как мы могли выдержать? Ты же хочешь

сказать, что было постоянное торможение тридцать g?

— Нет, не постоянное. Но в пиках наверняка. Ведь тормозные двигатели работали на пределе. Поэтому и началась вибрация.

— Но автоматы не подвели, и если бы не компрессоры… — упрямо сказал Кибернетик.

Он не договорил — в глубине корабля что-то покатилось со звоном, как будто железные колеса по металлу. Потом все стихло.

— Чего ты хочешь от компрессоров? — сказал Инженер. — Вот придем в машинное отделение, и я тебе покажу, что они сделали в пять раз больше, чем могли. Это ведь только вспомогательные агрегаты. Сначала раскачало подшипники, а когда началась вибрация…

— Думаешь, резонанс?

— Резонанс само собой. Вообще-то мы должны были размазаться на протяжении пары километров, как тот грузовик на Нептуне, понятно? Сам убедишься, когда увидишь машинное. Могу тебе заранее сказать, как оно выглядит.

— А я вовсе не рвусь увидеть машинное. Какого черта, почему они так долго не возвращаются? Темно, аж глаза болят.

— Свет у нас будет, не бойся, — сказал Инже-

нер.

Он все еще как бы случайно касался пальцами ноги Координатора, который сидел неподвижно и молчал.

— А в машинное пойдем так, со скуки. Все равно делать больше нечего!

— Ты серьезно думаешь, что нам отсюда не выбраться?

— Нет, шучу. Обожаю такие шутки.

— Перестань, — произнес Координатор. — Во-первых, есть резервный люк.

— Ну, знаешь! Резервный люк как раз под нами. Корабль должен был здорово воткнуться, я не уверен, что даже этот люк выступает над поверхностью планеты.

— Ну и что? У нас есть инструменты, мы можем выкопать туннель.

— А грузовой? — сказал Кибернетик.

— Залит, — коротко ответил Инженер. — Я заглядывал в контрольный колодец. Должно быть, дала трещину одна из главных цистерн — там минимум два метра воды. Вероятно, радиоактивной.

— С чего ты взял?

— А с того, что так всегда бывает. Охлаждение реактора летит в первую очередь. Для тебя это

новость? Лучше забудь о грузовом люке. Мы должны выйти через этот, если…

— Выкопаем туннель, — тихо повторил Координатор.

— Теоретически это возможно, — неожиданно согласился Инженер.

Все трое замолчали. Послышались приближающиеся шаги, в коридоре под ними стало светло, их ослепило, и они зажмурились.

— Ветчина, сухари, тушенка или что там в этой коробке — все из аварийного запаса! Тут шоколад, а здесь термосы. Давайте наверх! — обернувшись, сказал Доктор и первым вскарабкался на крышку.

Он посветил Физику и Химику, пока они входили в шлюз и расставляли банки и алюминиевые тарелки. Ели молча.

— Термосы уцелели? — внезапно удивился Кибернетик, наливая кофе в свою кружку.

— Удивительно, но это так. С консервами неплохо. Но морозилка, холодильники, хлебные печи, малый синтезатор, очистная аппаратура, водяные фильтры — все в порошок.

— Очистная аппаратура тоже? — забеспокоился Кибернетик.

— Тоже. Может, ее и удалось бы исправить,

если бы было чем. Но это заколдованный круг: чтобы запустить хотя бы простейший ремонтный полуавтомат, нужен ток, чтобы иметь ток — нужно отремонтировать агрегат, а для этого нужен полуавтомат.

— Вы тут посовещались, гиганты техники? И что? Где луч надежды? — спросил Доктор, толсто намазывая маслом сухари и укладывая сверху ломти ветчины. Не ожидая ответа, он продолжал: — Еще сопливым мальчишкой я прочитал, наверное, больше книг о космонавтике, чем весит наша покойница, но там не было ни одного рассказа, ни одной истории, даже анекдота о чем-нибудь похожем на то, что случилось с нами. Почему — не понимаю!

— Потому что это скучно, — язвительно обронил Кибернетик.

— Да, это что-то новое — межпланетный Робинзон, — сказал Доктор, завинчивая термос. — Когда вернусь, опишу, если талант позволит.

Внезапно стало тихо. Все принялись собирать банки. Наконец Физик сообразил, что их можно спрятать в шкаф со скафандрами. Все отошли к стене — иначе нельзя было отворить дверцы в полу.

— Знаете, мы слышали какие-то странные зву-

ки, когда возились на складе, — сказал Химик.

— Какие звуки?

— Да щелчки и потрескивания, как будто ракету что-то сдавливает.

— Думаешь, нас прихлопнуло какой-нибудь скалой? — спросил Кибернетик.

— Это совсем другое, — вмешался Инженер. — Наружная обшивка при столкновении с атмосферой нагрелась до очень высокой температуры, нос, возможно, даже оплавился, а теперь части конструкции остывают, смещаются, возникают внутренние напряжения, и отсюда эти звуки… О, и сейчас слышно, прислушайтесь…

Все замолчали. Внутри корабля послышался протяжный стон, серия коротких затухающих потрескиваний, и наступила тишина.

— А может, это какой-нибудь автомат? — с надеждой в голосе сказал Кибернетик.

— Ты ведь сам видел.

— Да, но мы не заглядывали в отсек резерва.

Кибернетик высунулся в темноту коридора и, стоя на самом краю крышки, крикнул:

— Автоматы резерва!!!

Его голос заметался в замкнутом помещении. Ответа не было.

— Иди сюда, осмотрим как следует люк, — ска-

зал Инженер.

Он опустился на колени перед плавно вогнутой плитой и, приблизив лицо к кромке, освещал ее сантиметр за сантиметром. Световое пятно ползало по уплотнению, которое прочертила еле заметная сетка трещин.

— Внутри нигде не расплавилось; впрочем, это не удивительно: керамит очень плохо проводит тепло.

— Может, попробуем еще раз? — предложил Доктор, берясь за рукоятку.

— Это бессмысленно, — запротестовал Химик.

Инженер приложил ладонь к крышке люка и вскочил:

— Ребята, нужна вода! Много холодной воды!

— Зачем?

— Дотроньтесь до крышки — горячая, а?!

К крышке прикоснулось несколько одновременно протянутых рук.

— Почти обжигает, — сказал кто-то.

— Это наше счастье!

— Почему?

— Корпус разогрет, он расширился, и крышка тоже. Если мы будем ее охлаждать, она сожмется и, может, удастся ее открыть.

— Вода — это мало. Может, есть лед. Он должен

быть в морозилках, — сказал Координатор.

Один за другим Физик, Химик, Кибернетик, Доктор соскакивали в коридор, который грохотал под тяжестью их шагов.

Координатор остался около люка вместе с Инженером.

— Поддастся, — сказал он тихо, как бы про себя.

— Если не заплавилась, — буркнул Инженер. Разведя руки, он водил ими по кромке люка, проверяя температуру. — Керамит начинает плавиться при температуре выше трех тысяч семисот градусов. Ты не заметил, сколько под конец было на обшивке?

— Под конец все приборы показывали данные прошлогоднего календаря. Во время торможения было больше двух с половиной, если не ошибаюсь.

— Две с половиной тысячи градусов — это еще не страшно.

— Да, но потом!

Над горизонтальным изломом крышки показалось разгоряченное лицо Химика. Фонарик, висевший у него на шее, качался, огонек прыгал по кускам льда, которые торчали из ведра. Химик подал ведро Координатору.

— Погоди-ка… а как мы, собственно будем охлаждать… — забеспокоился Инженер. — Сейчас.

Он исчез в темноте. Снова послышались шаги. Доктор принес два ведра воды с плавающим в ней льдом. Химик светил, Доктор вместе с Физиком начали поливать крышку люка водой. Вода стекала на пол, в коридор. Кибернетик принес ведро мелко расколотого льда и пошел за новой порцией. Когда они поливали крышку в десятый раз, им показалось, что они слышат слабенькие потрескивания. В ответ раздались радостные крики. Появился Инженер. Он прикрепил себе на грудь большой фонарь со скафандра. Сразу стало светло. Инженер бросил на пол охапку пластиковых плит из рубки. Все начали старательно обкладывать крышку кусками льда, прижимая их пластиком, надувными подушками, книгами — всем, что приносил Физик. Наконец, когда они едва могли разогнуть спины, а от ледяной стенки почти ничего не осталось, так быстро таял лед, соприкасаясь с разогретой крышкой люка. Кибернетик обеими руками схватился за рукоятку и попробовал ее повернуть.

— Погоди, еще рано! — сердито крикнул Инженер, но рукоятка повернулась удивительно легко.

Все вскочили. Рукоятка крутилась все быстрее. Инженер схватился за ручку предохранительного тройного ригеля, дернул. Раздался такой звук, словно треснуло толстое стекло, крышка навалилась на них сначала легко, потом вдруг ударила тех, кто стоял слишком близко, и из раскрывшейся темной пасти с грохотом выплеснулась черная лавина. Химик и Координатор, стоявшие ближе всех, были отброшены в сторону. Крышка прижала Химика к боковой стене, так что он не мог шевельнуться, хотя и не получил никаких повреждений. Координатор в последний момент едва успел отскочить и чуть не сбил с ног Доктора. Все замерли.

Засыпанный комьями фонарик Доктора погас, светил только рефлектор на груди Инженера.

— Что это? — чужим голосом сказал Кибернетик. Он стоял позади всех, у самого выхода из шлюза.

— Проба грунта планеты Эдем, — ответил Координатор, помогая Химику выбраться из-под откинутой вбок крышки.

— Да, — подхватил Инженер. — Весь люк засыпан. Должно быть, мы здорово зарылись в грунт!

— Это первая посадка под поверхность неизвестной планеты, правда? — спросил Доктор.

Неожиданно все начали смеяться. Кибернетик закатывался так, что у него выступили слезы.

— Хватит! — резко крикнул Координатор. — Не стоять же так до утра. За инструментами, ребята, нужно выбираться.

Химик наклонился и поднял с холмика, выросшего на полу перед люком, тяжелую спрессованную глыбу. Из овального отверстия люка выдавливались комки, время от времени жирно поблескивающие темные куски скатывались по поверхности миниатюрного оползня даже в коридор.

Все спустились вниз: в шлюзе стало тесно. Координатор и Инженер спрыгнули в коридор последними.

— Как глубоко мы могли воткнуться? — вполголоса спросил Координатор Инженера.

Они шли рядом по коридору. Далеко впереди прыгало быстро двигающееся пятно света — Инженер отдал фонарь Химику.

— Как глубоко?.. Это зависит от слишком многих факторов. Тагерссен зарылся в грунт на восемьдесят метров.

— Да, но что осталось от ракеты и от него!

— А тот зонд на Луне? Чтобы его вытащить, пришлось пробить в скале штольню. В скале!

— На Луне пемза…
— А откуда мы знаем, что здесь?
— Ты же видел. Это похоже на мергель.
— У самого люка, а дальше?

С инструментами было очень плохо. Как и на всех кораблях дальнего радиуса действия, здесь на борту имелся двойной комплект автоматов и дистанционно управляемых полуавтоматов для различного рода работ, в том числе на поверхности, каких могут требовать разнообразные планетные условия. Однако эти устройства сейчас были неисправны, и без подачи электроэнергии нечего было и думать о том, чтобы привести их в порядок. Единственная большая землеройная машина с приводом от атомного микрореактора, которой они располагали, также требовала электроэнергии для запуска. Пришлось пустить в ход самые примитивные инструменты — лопаты и кирки. Но сначала их нужно было сделать, а это оказалось совсем не просто. После пяти часов непрерывной работы экипаж возвращался к шлюзу, неся три расплющенные и изогнутые на концах мотыги, два стальных лома и волоча большие листы жести, которые должны были служить для укрепления стен туннеля. Кроме ведер для переноски грунта

приспособили несколько больших пластиковых коробок, прикрепив к ним с двух сторон короткие алюминиевые трубки вместо ручек.

С момента катастрофы прошло три четверти суток, и все падали от усталости. Доктор объявил, что нужно поспать хотя бы несколько часов. Но сначала необходимо было устроить какие-то постели, хотя бы временные, так как койки в спальных помещениях, наглухо прикрепленные к полу, стояли теперь вертикально. Переставлять их было слишком сложно, поэтому в библиотеку, которая пострадала меньше всего (почти половину книг уже до этого вытащили в коридор), снесли надувные матрацы, и все легли на них вповалку.

Скоро выяснилось, что, кроме Химика и Инженера, никто не может заснуть. Доктору пришлось встать и отправиться с фонариком на поиски снотворного. Это заняло у него почти час, он вынужден был пробираться в медпункт через маленький тамбур, заваленный битым стеклом и грудой исковерканных приборов. Все это вывалилось из стенных шкафов и закрывало доступ к двери. Наконец (его ручные часы показывали четыре утра бортового времени) снотворное было роздано, фонарь погашен, и вскоре беспокойное

дыхание наполнило темноту.

Все проснулись неожиданно быстро. Только Кибернетик, который принял слишком большую дозу снотворного, был как пьяный. Инженер жаловался на острую боль в плече. Доктор обнаружил у него болезненную опухоль — вероятно, Инженер повредил себе сустав, когда возился с рычагами люка.

Настроение было унылое. Почти никто не разговаривал, даже Доктор. До остатков продуктов в шлюзе добраться не удалось — на дверцах шкафа со скафандрами покоился большой холм вынутой породы, поэтому Физик и Химик еще раз пошли на кухонный склад и принесли оттуда банки с консервами. Было девять, когда начали копать туннель.

Работа продвигалась черепашьим шагом. В овальном отверстии люка нельзя было как следует развернуться. Передние разбивали мотыгами спрессованные глыбы, стоящие сзади оттаскивали их в коридор, а оттуда в навигационную рубку — она находилась ближе всего и в ней не было ничего, что могло бы понадобиться в ближайшее время.

Через четыре часа рубка по колено заполнилась вынутым грунтом, а длина туннеля не превыша-

ла двух метров. Мергель поддавался плохо — он был не очень твердый, но острия ломов и мотыг увязали в нем, а железные стержни, на которые слишком сильно нажимали остервенело работающие люди, гнулись; лучше всего действовала стальная мотыга в руках Координатора.

Инженер беспокоился, как бы «земляной» потолок не начал оседать, и следил за тем, чтобы его как следует крепили. Под вечер, когда перемазанные глиной люди уселись перекусить, туннель, ведущий от люка круто вверх, с наклоном почти семьдесят градусов, углубился в грунт едва на пять с половиной метров.

Инженер еще раз заглянул в колодец, ведущий в нижний отсек, где в тридцати метрах от главного люка ближе к корме находился грузовой, но увидел только черное зеркало воды; она стояла выше, чем накануне, — видимо, еще какая-нибудь цистерна текла и ее содержимое медленно просачивалось сюда. Вода — он сразу же обнаружил это с помощью переносного счетчика Гейгера — была радиоактивна. Он наглухо закрыл колодец и вернулся к товарищам, ничего не сказав о своем открытии.

— Если все пойдет хорошо — выберемся отсюда завтра, если похуже — через два дня, — объявил

Кибернетик, выпивая третью кружку кофе из термоса.

Все очень много пили.

— Откуда ты знаешь? — удивился Инженер.

— Да так, чувствую.

— Он обладает интуицией, которой лишены его автоматы, — засмеялся Доктор.

К концу дня настроение у него повысилось. Когда другие сменяли его в туннеле, он отправлялся в экскурсии по кораблю; в результате экипаж разбогател на два магнитноэлектрических фонарика, машинку для стрижки волос, витаминизированный шоколад и целую стопку полотенец. Все были перемазаны, комбинезоны пестрели пятнами и подтеками, конечно, никто не брился из-за отсутствия электричества, а к машинке для стрижки, которую принес Доктор, отнеслись с презрением. Сам он, впрочем, тоже ею не пользовался.

Весь следующий день ушел на рытье туннеля. Навигационная рубка была забита породой почти доверху. Дошла очередь до библиотеки. У Доктора возникли по этому поводу некоторые сомнения, но Химик, в паре с ним таскавший сделанные из листовой жести носилки, без колебания высыпал кучу мергеля на книги.

Выход из туннеля открылся совершенно неожиданно. Правда, Физик уверял, что грунт уже стал более сухим и как будто менее плотным, но другие этого не подтвердили. Мергель, который они таскали внутрь ракеты, казался им таким же, как и раньше. Сменившие своих товарищей Инженер и Координатор только что приняли инструменты, еще хранившие тепло чужих рук, и нанесли первые удары по глыбам, выступавшим из неровной стены, как вдруг одна из глыб словно испарилась и через образовавшееся отверстие повеяло свежим воздухом. Люди ощутили его мягкий напор — давление воздуха снаружи было немного больше, чем в туннеле, а значит, и в ракете. Мотыга и стальной лом начали работать в бешеном темпе, грунт уже никто не выносил, остальные члены экипажа сгрудились сзади. Сделав еще несколько ударов, Инженер собрался вылезти наружу, но Координатор остановил его. Он хотел сначала расширить выход и перенести последнюю порцию грунта в ракету, чтобы ничто не мешало двигаться в туннеле; еще несколько минут прошло, прежде чем шестеро людей выползли из отверстия на поверхность планеты.

Глава вторая

Смеркалось. Черная дыра туннеля зияла на пологом склоне невысокого холма. Люди стояли у его подножия. До самого горизонта, над которым сверкали первые звезды, раскинулась огромная равнина. Кое-где вдали выступали неясные, стройные, похожие на деревья силуэты. Низкая полоса заката давала совсем мало света, и все краски сливались в однородную серую пелену. Слева от неподвижно стоявших людей косо врезался в грунт гигантский цилиндрический корпус. Инженер оценил его длину метров в семьдесят — значит, корабль зарылся вглубь больше чем на сорок метров. Но сейчас никто не обращал внимания на эту выступающую на фоне неба огромную трубу с беспомощно торчащими кольцами рулевых дюз. Люди глубоко вдыхали холодный воздух с едва уловимым незнакомым, неопределенным запахом и молча смотрели вперед. Только теперь их охватило ощущение полного бессилия — железные мотыги как будто сами выпали из рук. Они стояли, медленно обводя глазами необъятное пространство — пустое, с горизонтом, залитым тьмой, с лениво, равномер-

но дрожащими звездами в вышине.

— Полярная? — спросил вдруг Химик, бессознательно понизив голос, и показал на низкую звезду, слабо мерцающую в темном небе на востоке.

— Нет, отсюда ее не видать; мы сейчас… да, над нами Южный полюс Галактики. Минутку… где-то должен быть Южный Крест…

Немного оживившись, все начали вспоминать названия созвездий, искрившихся на фоне уже почти совсем черного неба. Над этой мертвой равниной только звезды были чем-то не совсем чужим.

— Становится все холоднее, как в пустыне, — сказал Координатор.

— Не имеет значения; сегодня мы все равно ничего не сделаем. Нужно возвращаться внутрь.

— Что, в эту гробницу?! — возмутился Кибернетик.

— Без этой гробницы мы погибли бы тут через два дня, — сухо ответил Координатор. — Не ведите себя как дети.

Не сказав больше ни слова, он повернулся, медленно подошел к лазу и, спустив вниз ноги, сполз в туннель. Секунду еще виднелась его голова, потом и она исчезла.

Оставшиеся молча переглянулись.

— Пошли, — полувопросительно, полуутвердительно буркнул Физик.

Остальные, помешкав, двинулись за ним. Пока первые вползали в тесную дыру, ожидавший своей очереди Инженер спросил у Кибернетика:

— Заметил, как странно пахнет здесь воздух?

— Да. Чувствуется что-то вроде горечи… Ты знаешь состав?

— Он похож на земной. Есть еще какая-то примесь, но безвредная. Сейчас не помню. Все данные — в таком маленьком зеленом томике, на второй полке в библио…

Инженер остановился, вспомнив, что сам засыпал библиотеку кучами мергеля.

— А, чтоб его… — сказал он без всякой злости, с грустью, и начал протискиваться в черное отверстие.

Кибернетик, оставшись один, вдруг почувствовал, что ему не по себе. Это был не страх, а гнетущее чувство затерянности, ужасной чуждости пейзажа. Да и в необходимости возвращаться в глубь глинистого туннеля было что-то унизительное.

«Как червяки», — подумал он, опустил голову и полез в дыру вслед за Инженером. Но не вы-

держал и, уже скрывшись в туннеле по плечи, поднял голову, посмотрел вверх и попрощался взглядом со спокойно мерцающими звездами.

Назавтра кто-то предложил вынести припасы на поверхность, чтобы там позавтракать, но Координатор возражал, считая, что это только создаст ненужные осложнения. Поэтому ели при свете двух фонарей под крышкой люка, запивая еду уже совсем остывшим кофе.

Внезапно Кибернетик спросил:

— Слушайте, а как это получилось, что у нас все время был хороший воздух?

Координатор улыбнулся. Серые морщины еще резче выделились на его впалых щеках.

— Баллоны с кислородом уцелели. Хуже с очисткой. Только один автоматический фильтр работает нормально — аварийный, химический; все электрические, естественно, полетели. Через какие-нибудь шесть-семь дней мы начали бы задыхаться.

— Ты знал об этом?.. — медленно спросил Кибернетик.

Координатор ничего не ответил, только его улыбка на мгновение стала какой-то другой — почти жесткой.

— Что будем делать? — спросил Физик.

— Здесь есть кислород, — сказал Доктор, — значит, здесь есть жизнь. Что об этом известно?

— Да в общем-то ничего. Пробу атмосферы брал космический зонд, отсюда вся наша информация.

— Как это? Он даже не садился?

— Нет.

— Вот уж действительно изобилие сведений, — сказал Кибернетик.

Он пытался вымыть лицо спиртом, который лил из маленькой бутылочки на клочок ваты. Воды, пригодной к употреблению, оставалось очень мало, и никто не мылся уже вторые сутки. Физик, используя в качестве зеркала полированную поверхность кондиционера, рассматривал свое лицо.

— Это очень много, — спокойно ответил Координатор. — Если бы состав воздуха был иной, если б в нем не было кислорода, я убил бы вас.

— Что? — Кибернетик чуть не уронил бутылку.

— Естественно, и себя тоже. Мы не имели бы даже одного шанса на миллиард. Теперь он у нас есть.

Все замолчали.

— Раз есть кислород — значит, должны быть растения и животные? — спросил Инженер.

— Не обязательно, — ответил Химик. — На планетах Альфы Малого Пса есть кислород, но нет ни растений, ни животных.

— А что есть?

— Светляки.

— Люменоиды? Бактерии?

— Это не бактерии.

— Да будет вам! — бросил Доктор. Он убрал посуду и закрывал коробки с продовольствием. — У нас сейчас другие заботы. Защитника не удастся привести в порядок, а?

— Защитника я даже не видел, — признался Кибернетик. — До него не добраться. Все автоматы вырваны из стоек. Похоже, там понадобится двухтонный кран, чтобы растащить весь этот железный лом. А Защитник в самом низу.

— Но какое-нибудь оружие нам нужно! — воскликнул Кибернетик.

— Есть электрожекторы.

— Интересно, чем ты их зарядишь?

— Разве в рубке нет тока? Был ведь!

— Нет; вероятно, короткое замыкание в аккумуляторном отсеке.

— А почему электрожекторы не заряжены?

— По инструкции перевозить заряженные запрещается, — неохотно буркнул Инженер.

— Черт бы побрал ин…

— Перестань.

Услышав голос Координатора, Кибернетик отвернулся, пожав плечами. Доктор вышел. Инженер принес из своей каюты легкий нейлоновый рюкзак и принялся укладывать в его кармашки плоские банки с неприкосновенным запасом продуктов. Доктор вернулся, держа в руке короткий вороненый цилиндр, заканчивающийся штуцером.

— Что это? — заинтересовался Инженер.

— Оружие.

— Какое оружие?

— Усыпляющий газ.

Инженер рассмеялся.

— Откуда ты знаешь, можно ли усыпить то, что живет на этой планете, твоим газом? И, самое главное, как ты собираешься обороняться этим газом в случае нападения — будешь давать капельный наркоз?

— Во всяком случае, при большой опасности сможешь дать наркоз себе, — сказал Химик.

Все засмеялись. Доктор смеялся громче всех.

— Этим можно усыпить любое существо, дышащее кислородом, — сказал он, — а что касается обороны — смотри!

Он нажал спусковой крючок у основания цилиндра. Тонкая, как игла, струйка мгновенно испаряющейся жидкости выстрелила в мрачную глубину коридора.

— Ну… за неимением лучшего… — с сомнением сказал Инженер.

— Идем? — спросил Доктор, опуская цилиндр в карман комбинезона.

Маленькое далекое солнце стояло высоко. Оно было горячее земного. Но не это поразило всех: оно было не совсем круглым. Люди разглядывали его сквозь щели между пальцами, сквозь темно-красную полупрозрачную бумагу — обертку от индивидуальных антирадиационных комплектов.

— Оно сплюснуто из-за быстрого вращения вокруг оси, да? — обратился Химик к Координатору.

— Да. Это было намного заметнее во время полета. Не помнишь?

— Вероятно, тогда меня это… так сказать, не интересовало…

Отвернувшись от солнца, все посмотрели на ракету. Цилиндрический белый корпус наискось торчал из низкого холма. Он напоминал ствол какого-то гигантского орудия. Обшивка, молочная

в тени, серебристая на солнце, казалась неповрежденной. Инженер подошел к тому месту, где корпус вонзился в грунт, перебрался через выброшенные наверх глыбы, которые словно воротником окружали врезавшийся в склон корабль, и провел рукой по плите обшивки.

— Неплохой материал, этот керамит, — сказал он, отворачиваясь. — Если бы я только мог заглянуть в дюзы… — Он беспомощно смотрел вверх, на корму, повисшую высоко над равниной.

— Успеется, — сказал Физик. — Ну что, двинулись? Небольшая разведка, а?

Координатор поднялся на вершину холма. Остальные поспешили за ним. Залитая солнцем равнина разбегалась во все стороны, совершенно однообразная, гладкая, бледно-желтая. Вдалеке высились стройные, замеченные ими еще вчера силуэты. При ярком свете было видно, что это не деревья. Небо, над головой голубое, как на Земле, у горизонта приобретало отчетливо зеленоватый оттенок. Прозрачные перистые облака почти незаметно двигались на север. Координатор определил стороны света по маленькому компасу, надетому на запястье. Доктор, низко наклонившись, ковырял ногой грунт.

— Почему здесь ничего не растет? — сказал он

удивленно.

Это поразило всех. Действительно, насколько охватывал взгляд, равнина была голой.

— Мне кажется, эта местность высыхает, — неуверенно сказал Химик. — Там дальше — видите те пятна? — гораздо больше желтизны… вон, на западе. Я полагаю, что там пустыня, из которой ветер нагоняет сюда песок. Ведь наш холм глинистый.

— Ну, это мы проверили на совесть, — сказал Доктор.

— Нужно набросать хотя бы в самых общих чертах план экспедиции, — заговорил Координатор. — Запасов, которые мы взяли, нам хватит на два дня.

— Не совсем; воды у нас мало, — перебил Кибернетик.

— Воду придется экономить, пока не найдем ее здесь; раз есть кислород, будет и вода. Думаю, начнем с нескольких прямолинейных маршрутов. Уходить от ракеты будем каждый раз не слишком далеко, так чтобы иметь возможность спокойно и без излишней спешки вернуться.

— Максимум тридцать километров в один конец, — заметил Физик.

— Согласен. Речь идет только о чем-то вроде

предварительной разведки.

— Подождите, — сказал Инженер, который до сих пор стоял поодаль, как бы погрузившись в невеселые мысли. — А вам не кажется, что мы ведем себя, как будто малость свихнулись? Мы потерпели аварию на неизвестной планете. Нам удалось выбраться из корабля. Вместо того чтобы взяться за самое важное, вместо того чтобы все силы вложить в ремонт, в налаживание того, что удастся, в освобождение корабля и так далее, мы отправляемся на какие-то экскурсии, без оружия, без всяких средств защиты, не имея понятия, с чем мы здесь можем столкнуться.

Координатор ответил не сразу. Он оглядел поочередно всех членов экипажа. Все были небриты, трехдневная щетина придавала им довольно дикий вид. Слова Инженера, вероятно, произвели впечатление, но никто не ответил, как будто все ждали, что скажет Координатор.

— Вшестером нам ракету не откопать, Хенрик, — сказал Координатор осторожно, взвешивая слова. — И ты это отлично знаешь. В нашем нынешнем положении запуск самого простенького агрегата требует времени, которое мы даже не можем определить. Планета обитаема. Но мы не знаем о ней ничего. Мы даже не облетели ее

перед катастрофой. Мы шли от ночного полушария и из-за дурацкой ошибки попали в газовый хвост. Падая, мы перешли линию терминатора. Я лежал у экрана, который лопнул последним. Я видел — во всяком случае, мне так показалось — что-то, напоминавшее… город.

— Почему ты не сказал нам об этом? — медленно спросил Инженер.

— Да, почему? — поддержал его Физик.

— Потому, что я в этом не уверен. Я не знаю даже, в какой стороне его искать. Ракета крутилась. Я потерял ориентацию. И все-таки существует шанс, хотя и незначительный, что мы получим какую-то помощь. Я предпочел бы об этом не говорить, но каждый из вас и так хорошо это знает — наши шансы вообще очень малы. Кроме того, нам нужна вода. Основная часть запаса вылилась в нижний отсек, и Хенрик установил, что она радиоактивна. Таким образом, я считаю, что мы можем позволить себе некоторый риск.

— Я согласен с этим, — сказал Доктор.

— Я тоже, — присоединился Физик.

— Ладно, — буркнул Кибернетик и отошел на несколько шагов, глядя на юг, словно не хотел слышать, что скажут остальные.

Химик кивнул головой. Инженер не ответил;

он спустился с холма, забросил за спину рюкзак и спросил:

— Куда?

— На север, — сказал Координатор.

Инженер двинулся вперед, остальные присоединились к нему. Когда немного погодя они обернулись, холма уже почти не было видно, только корпус ракеты вырисовывался на фоне неба, словно дуло полевого орудия.

Было очень жарко. Их тени постепенно укорачивались, ботинки проваливались в песок, слышались только мерные шаги и учащенное дыхание. Они подошли к одному из тех изящных образований, которые в сумерках приняли за деревья. Из бурого грунта вертикально торчал серый, словно кожа слона, ствол со слабым металлическим блеском. Этот ствол, у основания не толще мужской руки, постепенно переходил в чашевидное расширение; плоская кромка чаши находилась на высоте двух метров. С земли не было видно, открыта сверху чаша или нет. Люди остановились в нескольких метрах от причудливой фигуры, а Инженер импульсивно шагнул к ней и уже поднял было руку, чтобы дотронуться до «ствола», когда Доктор крикнул:

— Стой!

Инженер попятился. Доктор потянул его к себе за плечо, поднял с земли камешек величиной с фасолину и бросил высоко в воздух. Камешек описал крутую дугу и упал сверху в чашу. Все вздрогнули — такой бурной и неожиданной была реакция. Чаша заволновалась, съежилась, послышался короткий свист, как будто из нее вырвалась струя газа, и вся, теперь лихорадочно дрожащая, серая колонна провалилась, словно всосанная внутрь планеты. Образовавшееся отверстие моментально наполнила коричневая пенящаяся масса, потом ее поверхность покрылась песчинками, их становилось все больше, и через несколько секунд от отверстия не осталось и следа — поверхность песка стала совершенно гладкой.

Никто еще не успел прийти в себя от изумления, когда Химик крикнул:

— Смотрите!

Все оглянулись. Вокруг на расстоянии десятков метров только что высились три или четыре такие же высокие и стройные чаши — сейчас не было ни одной.

— Все провалились?! — воскликнул Кибернетик.

Через час путешественники растянулись це-

почкой.

Первым шагал Доктор, за ним Координатор. Колонну замыкал Химик. Все расстегнули комбинезоны, кое-кто закатал рукава; залитые потом, с пересохшими ртами, они медленно тащились равниной. Вдали замаячила длинная горизонтальная полоса.

Доктор остановился и подождал Координатора:

— Как ты думаешь, сколько мы прошли?

Координатор взглянул назад, в сторону солнца, туда, где осталась ракета. Ее уже не было видно.

— Радиус планеты меньше земного, — сказал Координатор, откашливаясь и вытирая платком лицо. — Километров восемь, — заключил он.

Доктор еле смотрел щелками опухших глаз. Его черные волосы покрывал платок. Он то и дело смачивал его водой из фляжки.

— Это просто безумие, — сказал Доктор и неожиданно улыбнулся.

Оба они смотрели сейчас туда, где еще недавно еле заметной косой черточкой у самого горизонта виднелась ракета. Теперь там возвышались только бледно-серые изящные силуэты чаш. Когда они снова вынырнули, никто не заметил. Подошли остальные члены экипажа. Химик бро-

сил скатанный брезент палатки и уселся, вернее, плюхнулся на него.

— Что-то не видно следов здешней цивилизации, — сказал Кибернетик, угощая товарищей витаминами из помятого пакета.

— На Земле такого пустыря не найти, — добавил Инженер. — Ни дорог, ни летательных аппаратов.

— Не думаешь же ты, что именно здесь мы найдем точную копию земной цивилизации? — фыркнул Физик.

— Эта система стабильна, — начал Химик, — и цивилизация могла развиваться на Эдеме дольше, чем на Земле, а потому…

— При условии, что это цивилизация человекоподобных существ, — прервал его Кибернетик.

— Послушайте, не будем задерживаться здесь, — сказал Координатор. — Пошли дальше, за полчаса мы должны добраться вон до той полоски. — Он показал на тонкую лиловую линию у горизонта.

— А что это?

— Не знаю. Может, мы там найдем воду.

— Для начала мне бы хватило и тени, — прохрипел Инженер и прополоскал рот глотком воды.

Заскрипели ремни надетых на плечи рюкзаков,

группа снова растянулась и размеренно двинулась через пески. Они прошли мимо нескольких чаш и нескольких более крупных образований, которые, казалось, опирались на опустившиеся до поверхности лианы, но до ближайшего из них было метров двести, а им не хотелось сворачивать в сторону. Солнце подходило к зениту, когда пейзаж начал меняться.

Песка становилось все меньше, длинными, плоскими горбами из-под него выныривала рыжая, сожженная солнцем почва. Кое-где ее покрывали островки седого мертвого мха. Задетый ботинками мох курился, распадаясь на истлевшую, похожую на бумажный пепел труху. Лиловая полоса отчетливо разделилась на отдельные группы приземистых фигур, они стали светлее, это была скорее зелень, отливающая голубизной. Северный ветерок принес слабый тонкий запах, который люди втягивали с осторожным любопытством. Передние пошли медленнее, остальные подтянулись, и вскоре вся группа остановилась перед слегка изогнутой неподвижной стеной, образованной странными переплетенными фигурами.

На расстоянии ста шагов это еще могло показаться зарослями каких-то кустов, усеянных

большими синеватыми птичьими гнездами, — не столько из-за того, что действительно напоминало заросли, сколько из-за стремления человеческого глаза найти в чуждых образах аналогию с чем-нибудь привычным.

— Какие-то пауки? — неуверенно сказал Физик, и тогда всем сразу же показалось, что перед ними и вправду похожие на пауков существа с маленькими веретенообразными туловищами, покрытыми густой взъерошенной щетиной, неподвижно стоящие на необыкновенно длинных и тонких ногах.

— Да ведь это растения! — воскликнул Доктор.

Он не спеша подошел к высокому серо-зеленоватому «пауку». И в самом деле, «ноги» оказались чем-то вроде толстых стеблей, чьи шершавые, покрытые волосками изгибы очень напоминали суставы членистоногого. Эти стебли — их было шесть, семь или восемь, — выходя из мшистого грунта, дугообразно сходились вверх к шишковатому, пухлому, напоминающему приплюснутое брюшко «телу», окруженному сверкающими на солнце черточками паутинок. Растения-«пауки» стояли довольно близко друг от друга, но между ними можно было пройти. Кое-где стебли выпускали более светлые, почти цвета земных листьев,

побеги со свернувшимися почками на концах.

Доктор опять сначала бросил камешек в подвешенное в нескольких метрах над поверхностью планеты «брюшко», а когда ничего не случилось, осмотрел стебель и наконец надрезал его ножом; из него закапал светло-желтый водянистый сок, он сразу же начал пениться, становился оранжевым и рыжим, а через несколько минут застыл в напоминающий смолу сгусток с сильным ароматом. Сначала все нашли его приятным, но скоро решили, что в нем есть что-то отталкивающее.

В глубине этой своеобразной рощи было немного прохладней, чем на равнине.

Пухлые «брюшки» растений давали немного тени; ее становилось все больше, по мере того как люди углублялись в эти дебри, стараясь по возможности не касаться стеблей, а особенно белесых отростков, которыми кончались молодые побеги, — они вызывали необъяснимое отвращение.

Пористый, мягкий грунт выделял влажные испарения, дышать стало трудно; по лицам, по рукам проползали тени «брюшков», то более высоких, то пониже, больших и маленьких, одни были эластичные, с ярко-оранжевыми шипами, другие — засохшие, увядшие, трухлявые, с

них свисали длинные тонкие полоски паутины. Когда налетал ветер, заросли издавали глухой, неприятный звук, не похожий на мягкий шум земного леса, — казалось, шелестели тысячи и тысячи листов жесткой бумаги. Иногда растения, переплетаясь, преграждали дорогу, и приходилось искать проход между ними. Идти здесь было труднее, чем по равнине, и через некоторое время никто уже не глядел вверх, на усеянные шипами «брюшки», и не искал в них подобия гнезд, шишек или коконов.

Внезапно Доктор, шедший впереди, увидел прямо перед собой толстый, черный, вертикально свисающий волос, похожий на блестящую грубую нить или на лакированную проволоку. Он уже хотел было отодвинуть его рукой в сторону, но, поскольку ничего подобного им до сих пор не встречалось, машинально поднял глаза и застыл на месте. Что-то бледно-жемчужное, неуклюже свисающее со стеблей у самого основания одного из «коконов», неподвижно смотрело на него. Доктор чувствовал этот взгляд, хотя не мог сообразить, где находятся глаза бесформенного существа, у которого нельзя было различить ни головы, ни конечностей. Он видел только вспученный, как будто набитый округлыми комьями,

слегка лоснящийся кожаный мешок. Из темной продолговатой воронки свисал на два метра вниз толстый черный волос.

— Что там? — спросил Инженер, подходя.

Доктор не ответил. Инженер взглянул вверх и тоже замер.

— Чем он смотрит? — спросил Инженер и отступил на шаг — такое отвращение вызывала эта тварь, которая словно впивалась в них жадным, необыкновенно сосредоточенным взглядом.

— Ох! Ну и мерзость! — воскликнул сзади Химик.

Доктор попятился от нависшего над ним животного, потом достал из кармана вороненый цилиндрик, не спеша прицелился в более светлое, чем окружающая растительность, пузырчатое тело и нажал спуск.

Яркая вспышка ослепила людей. Тоненькая струйка еще била вверх, когда стебли подогнулись, затрещали, их обволокли клубы черного пара. Животное с тяжелым мокрым шлепком грохнулось вниз. Какую-то секунду оно лежало неподвижно, словно шишковатый серо-телесного цвета опадающий шар, только черный волос извивался и плясал над ним, как сумасшедший, судорожно рассекая воздух. Потом волос исчез,

и по губчатому мху начали во все стороны расползаться бесформенные пузырчатые членики существа. И прежде чем кто-нибудь из людей успел сказать слово или шевельнуться, все кончилось. Последние частички существа, маленькие, как гусеницы, деловито ввинтились в грунт у подножия стеблей и исчезли. Только в ноздри людям ударил нестерпимый сладковатый запах.

— Это была какая-то колония? — неуверенно спросил Химик.

— *E plurimus unum*, — ответил Доктор. — Или, точнее, *e uno plures* — за свою латынь я не ручаюсь, но это именно такое множественное существо, которое разделяется в случае необходимости…

— Ужасная вонь, — сказал Физик, — пошли отсюда.

— Пошли, — согласился Доктор. А немного погодя неожиданно добавил: — Любопытно, что бы случилось, если бы я коснулся этого волоса…

— Удовлетворение этого любопытства могло бы дорого стоить, — бросил Химик.

— А может, и нет. Ты ведь знаешь, как часто совершенно безобидные создания эволюция облекает во внешне пугающие формы.

— Ох, да бросьте вы эту дискуссию — там вроде

какой-то просвет, — воскликнул Кибернетик. — И за каким чертом мы вообще влезли в этот паучий лес?

Вдалеке послышался шум ручья; временами он ослабевал, иногда пропадал совсем, иногда становился громче, но обнаружить ручей не удалось. Заросли редели, почва становилась заметно мягче, она напоминала подсохшее болото, идти было неприятно, время от времени что-то чавкало под ногами, как намокшая трава, но нигде не было и следа воды.

Внезапно люди оказались на краю округлого углубления поперечником в несколько десятков метров. В нем росли восьминогие кусты, они стояли далеко друг от друга и выглядели очень старыми — стебли разошлись, словно неспособные поддерживать центральные утолщения, и от этого растения еще больше напоминали огромных высохших пауков. Дно углубления местами покрывали ржавые зубчатые наплывы пористой массы, частично вдавленные вглубь, частично оплетенные побегами растений. Инженер сразу же спустился по невысокому, но обрывистому склону вниз.

— Похоже на воронку от бомбы, — сказал Физик. Инженер подошел к большим обломкам у

подножия самого высокого «паука» и попытался сдвинуть их с места.

— Железо?! — крикнул Координатор.

— Нет, — ответил Инженер и исчез между крутыми изломами конструкции, напоминавшей растрескавшийся конус.

Немного погодя Инженер вынырнул из зарослей, с хрустом ломая толстые стебли. К нему тотчас же протянулось несколько рук, он выбрался из ямы и пожал плечами.

— Я не знаю, что это, — признался он. — Понятия не имею. Там пусто, внутри ничего нет. Коррозия зашла слишком далеко. Это что-то очень старое, может, сто, может, триста лет…

Путешественники молча обошли кратер и снова углубились в заросли. Неожиданно кусты расступились в стороны, посредине возник проход, такой узкий, что человек мог двигаться в нем с трудом, — что-то вроде идеально прямого коридора. По обе его стороны стебли были как будто подрублены и сломаны, большие шишковатые утолщения свалены набок, на другие кусты, а некоторые вдавлены в грунт; их сплющенные ломкие оболочки трещали под ногами, как высушенная древесная кора. По этой вырубленной в зарослях дороге пришлось идти гуськом, нужно

было раздвигать руками обломки высохших стеблей, и все же группа продвигалась быстрее, чем до сих пор. Просека по большой дуге все отчетливее отклонялась к северу. Изломанные мертвые кусты становились все ниже, и наконец люди снова оказались на равнине.

Там, где обрывались заросли, от просеки отходила неглубокая выемка; в первый момент они приняли ее за тропинку. По бесплодной поверхности бежала борозда глубиной в десяток сантиметров и чуть больше в ширину, поросшая зеленовато-серебряными бархатными на ощупь лишайниками. Этот странный, прямой, как стрела, «газончик» — так назвал его Доктор — тянулся вдаль, к рассекавшей равнину светлой полосе, которая стеной закрывала горизонт.

Над полосой поблескивали остроконечные выступы, похожие на верхушки готических, обшитых серебряными плитами башен. Люди шли быстро, и почти с каждым шагом перед ними открывались все новые детали стены. На многие километры в стороны раскинулась изогнутая правильными дугами поверхность. Дуги были обращены выпуклостями вниз, под ними мерцало что-то серое, как будто сверху сыпалась мелкая пыль или текли тончайшие струйки мут-

ной воды. Ветер принес чужой, горьковатый, но приятный запах. Опрокинутые арки, похожие на гигантские перевернутые мостовые пролеты длиной в километр, поднимались все выше. Там, где концы арок сходились в хорошо видные на фоне туч острия, равномерно вспыхивал яркий свет.

Стена, сделанная из струек или нитей серо-желтого цвета, шевелилась, слева направо по ней пробегали волны. Она походила на изготовленный из необычного материала занавес, за которым на равных расстояниях друг от друга, касаясь его боками, проходят какие-то огромные животные. Узкая, поросшая бархатным лишайником дорожка кончалась тупиком у самой стены. Здесь горький аромат стал невыносимым.

Кибернетик закашлялся.

— Возможно, это какие-нибудь ядовитые испарения, — сказал он.

Теперь, когда людей отделяло от «занавеса» всего несколько шагов, он показался им однородным, сплетенным из толстых матовых волокон. Доктор поднял с земли камешек и бросил в стену. Все видели, как камешек летел, и вдруг он исчез, будто испарился, даже не коснувшись шевелящейся поверхности.

— Влетел внутрь? — с сомнением сказал Ки-

бернетик.

— Ну да! — крикнул Химик. — Он даже не коснулся этого… этого…

Доктор поднял целую горсть камешков и комков и начал бросать их один за другим — все исчезали, не долетая до «занавеса» нескольких сантиметров. Инженер отцепил от маленького колечка ключ и последовал примеру Доктора. Ключ звякнул, как будто ударился о металл, и тоже исчез.

— Что дальше? — спросил Кибернетик, глядя на Координатора.

Тот не ответил. Доктор сбросил с плеч рюкзак, вынул из него банку консервов, вырезал ножом кубик мясного желе и швырнул его в «занавес». Кусок желе прилип к матовой поверхности и некоторое время висел на ней, потом начал пропадать — как будто таял.

— Знаете что? — сказал Доктор; глаза у него блестели. — Это какой-то фильтр — избирательная диафрагма или что-то в этом роде…

Химик нашел в кольце, на лямке своего рюкзака, высохший обломок ветки «паучьего» растения, который, должно быть, застрял, когда они продирались сквозь заросли, и, не раздумывая, кинул его в волнующуюся завесу — хрупкая

веточка, отскочив, упала у его ног.

— Селектор… — произнес он неуверенно.

— Ну конечно! Наверняка! — Доктор подошел поближе, так что тень его скользнула по краю «занавеса», достал свое черное оружие и нажал спуск. Едва тонкая, как игла, струйка коснулась вздувающейся преграды, в ней образовалось отверстие веретенообразной формы, открыв огромное, мрачное, иссеченное искрящимися точками пространство; в глубине порхало множество беловатых и розовых огоньков. Доктор, кашляя и давясь, резко отскочил — ноздри и горло ему обжег горький аромат; все немного отошли и снова остановились.

Продолговатое отверстие сужалось. Набегающие волны замедляли свое движение, приближаясь к нему, обходили его сверху и снизу и поспешно плыли дальше. Отверстие становилось все меньше. Вдруг изнутри высунулось что-то черное, оканчивающееся пальцеобразным отростком, молниеносно обежало кромку отверстия, оно мгновенно закрылось, и снова люди стояли перед размеренно втягивающейся и вздувающейся завесой.

Инженер предложил обсудить положение. Совещание — по словам Доктора — было де-

монстрацией полной беспомощности. Наконец решили идти дальше, вдоль огромного сооружения, подняли рюкзаки и двинулись в путь. Прошли километра три. По дороге пересекли несколько уходивших к равнине узких «газончиков». Некоторое время размышляли над тем, что это такое — гипотеза о причастности «газончиков» к сельскому хозяйству была отброшена сразу же как совершенно неправдоподобная. Доктор даже попытался исследовать несколько лишайников, вырванных из темно-зеленой полосы; они немного напоминали мох, но корешки их были усеяны похожими на жемчужинки утолщениями, в которых прятались маленькие твердые черные зернышки.

Уже давно минул полдень. Так как все проголодались, сделали привал. Есть пришлось под палящим солнцем — тени нигде не было, а к зарослям, тянувшимся метрах в восьмистах позади, возвращаться никому не хотелось: «пауки» не оставили приятного впечатления.

— Если бы все шло как в книгах, которые я читал мальчишкой, — заговорил Доктор, — в этой проклятой занавеске сейчас бы образовалась пышущая огнем дыра и оттуда бы вылез тип с тремя руками и только одной, но зато очень

толстой ногой. Под мышкой он тащил бы интерпланетарный телекоммуникатор или сам был бы звездным телепатом. Он дал бы нам понять, что является представителем невероятно развитой цивилизации и…

— Перестань нести чепуху, — прервал его Координатор. Он налил воду из термоса-фляги в кружку, которая сразу же запотела. — Лучше подумаем, что делать.

— Я считаю, что нужно войти туда, — сказал Доктор и встал, как будто собирался осуществить свое намерение.

— Любопытно, каким образом? — лениво поинтересовался Физик.

— Ты что, ошалел? — высоким голосом крикнул Кибернетик.

— Почему ошалел? Конечно, мы можем таскаться так и дальше, при условии, что типы на одной ноге подбросят нам какую-нибудь еду.

— Ты это серьезно? — сказал Инженер.

— Вот именно! И знаешь, почему? Да просто потому, что мне надоело. — Он круто повернулся на пятке.

— Стой! — крикнул Координатор.

Доктор шел прямо на стену, не обращая на крики ни малейшего внимания. Он был в метре

от завесы, когда все вскочили и бросились за ним. Услышав топот ног, он вытянутой рукой коснулся завесы.

Рука исчезла. Доктор стоял без движения, может быть, секунду, потом сделал шаг вперед и перестал существовать. Пятеро людей, затаив дыхание, остановились на том месте, где виднелся след его левого ботинка. Вдруг в воздухе над завесой появилась голова Доктора с аккуратно, словно ножом, отрезанной шеей; из глаз у него текли слезы, он громко, раз за разом, чихал.

— Тут немного душно внутри, — сказал он, — и в носу ужасно свербит, но пару минут, пожалуй, можно будет выдержать. Какой-то лакриматор, что ли. Лезьте за мной, это не больно, вообще ничего не чувствуется.

И на высоте, где должно было находиться плечо Доктора, высунулась из воздуха его рука.

— А, чтоб тебя! — воскликнул не то с испугом, не то с восхищением Инженер и схватил эту руку.

Доктор потянул Инженера к себе, и тот исчез. Один за другим люди подходили к волнующейся завесе. Последним остался Кибернетик. Он заколебался, в горле у него першило, сердце било, как молот. Он закрыл глаза и сделал шаг вперед. Его охватила мгновенная темнота, потом стало

светло.

Он находился рядом с товарищами посреди огромного пространства, насыщенного шумным астматическим пыхтеньем. Снизу наискось вверх, с вышины отвесно вниз, от одного края к другому, пересекаясь, тянулись огромные, разной толщины, валы, трубы или колонны; кое где они раздувались, в других местах становились тоньше, одновременно они вращались вокруг своих длинных осей, заслоняли друг друга, вибрировали. Из глубины этого раскинувшегося во все стороны непрерывно двигающегося леса блестящих конструкций доносилось неизвестно откуда идущее, убыстряющееся чавканье; внезапно оно прекращалось, доносилось несколько булькающих отголосков, и вся серия звуков повторялась снова.

Горький запах трудно было вытерпеть. Один за другим люди принялись чихать, из глаз текли слезы. Прижимая к лицам платки, они немного отошли от завесы черной, похожей на сироп, жидкости, которая изнутри выглядела как водопад.

— Ну, наконец хоть что-то понятное — это завод, автоматический завод! — чихая, выдавил из себя Инженер.

Понемногу они как будто начали привыкать

к горькому запаху, перестали чихать и стали осматриваться, щуря слезящиеся глаза.

Еще десяток шагов по эластично прогибающемуся, словно натянутая резина, полу, и в нем появились черные колодцы, из которых выскакивали светящиеся предметы с такой скоростью, что разглядеть их форму не удавалось. Предметы были размером с человеческую голову и, казалось, пылали. Они взмывали вверх, и одна из множества изогнутых, словно огромные трубки, колонн, не переставая вращаться, всасывала их. Но исчезали эти предметы не сразу: сквозь дрожащие стенки колонны, как сквозь темное стекло, пробивалось, постепенно слабея, их розоватое сияние, и видно было, как они проплывают внутри колонны куда-то дальше.

— Серийное производство по заданной программе, — буркнул Инженер из-под носового платка.

Он осторожно обошел колодец. Как этот завод освещался? Потолок был полупрозрачный, серое однообразное свечение терялось в хаосе гибких, извивающихся, вращающихся, текущих, как воздушные ручьи, конструкций. Все эти упругие устройства, казалось, действовали по одной команде, в одинаковом темпе, фонтаны

раскаленных предметов рвались вверх; то же самое происходило на большой высоте — там, под потолком, протянулись дуги, прочерченные в воздухе красным бисером порхающих глыб, но гораздо больших по размеру.

— Нужно найти склад готовой продукции или хотя бы то, что является здесь конечным продуктом! — выпалил Инженер.

Координатор коснулся его руки:

— Как ты думаешь, какой это вид энергии?

Инженер пожал плечами:

— Понятия не имею.

— Боюсь, что готовой продукции мы не найдем и через год: этот зал тянется на километры, — предупредил Физик.

Странное дело, в глубине зала дышалось легче, как будто горький запах выделялся только вблизи «занавеса».

— А мы не заблудимся? — забеспокоился Кибернетик.

Координатор поднес к глазам компас:

— Не должны. Работает нормально… Тут, наверное, нет никакого железа… Электромагнитов тоже нет.

Больше часа блуждали люди в вибрирующем лесу необыкновенного завода. Наконец вокруг

стало просторней. Повеяло свежим, морозным воздухом, как будто его специально охлаждали, переплетения колонн расступились, и люди очутились перед горловиной огромной куполообразной улитки. С высоты к ней сходились рассекающие воздух, словно бичи, зигзагообразные рукава с тупыми, закругленными утолщениями на концах. Из них падал густой град беспорядочно кувыркающихся, черных, как будто покрытых блестящим лаком, предметов, которые врывались внутрь улитки где-то на высоте нескольких метров сквозь невидимое снизу отверстие.

Неожиданно чечевицеобразная выпуклая бурая стена улитки вздулась: что-то распирало ее изнутри, она вспухала; люди невольно отступили назад — так грозно выглядел раздувающийся бледно-серый пузырь, — вдруг он бесшумно лопнул, и из круглого отверстия брызнул поток черных тел. В этот самый момент ниже, из широкого колодца, вынырнул лоток с отогнутыми краями, черные предметы, барабаня, словно они ударялись о толстую резиновую подушку, падали в него, а он подскакивал от ударов, и эти рывки непонятным образом укладывали предметы правильными рядами. Через несколько секунд неглубокое дно лотка покрывал аккуратно уло-

женный четырехугольник.

— Готовая продукция! — крикнул Инженер, подбежал к краю колодца, не задумываясь, низко наклонился и схватился за выступ ближайшего черного предмета.

Координатор поймал его в последний момент за ремень комбинезона, и только благодаря этому Инженер не свалился головой вниз в лоток, так как отпустить тяжелый предмет он не хотел, а поднять его один не мог. С помощью Физика и Доктора ему удалось вытащить наверх тяжелый груз.

Размером предмет не превышал торса взрослого человека. На его темном фоне проступали более светлые, полупрозрачные сегменты, в которых сверкали точечки постепенно уменьшающихся отливающих металлом кристалликов. Поверхность его, усеянная отверстиями, окруженными скобками утолщений, представляла собой шероховатую на ощупь мозаику выступов из темно-фиолетовой, а на свету черной, необыкновенно твердой массы — словом, предмет был достаточно сложным. Инженер опустился перед ним на колени, заглядывал с разных сторон в отверстия, пытался найти какие-нибудь подвижные части, ощупывал, выстукивал — никто ему в

этом не мешал.

Тем временем Доктор наблюдал за лотком. Сформировав геометрически правильный четырехугольник из точно таких же предметов, как тот, у которого возился Инженер, он медленно поднялся на толстом, дрожащем, словно от напряжения, штоке вверх, внезапно размягчился с одной стороны, начал изменять форму и стал похож на огромную ложку. С другой стороны выдвинулось что-то вроде большого рыла, оно распахнулось, оттуда пахнуло горячим горьким газом, зияющая пасть с устрашающим чавканьем всосала все предметы, закрылась, как бы проглатывая их, и вдруг эта рылоподобная громада засветилась изнутри. Доктор видел раскаленное огненное ядро, расплавляющее предметы, они расплылись, образовали однородную пылающую оранжевым пламенем кашу, свет померк, пасть потемнела. Доктор, забыв о товарищах, пошел вдоль двух больших, косо поднимающихся колонн, внутри которых, словно по чудовищному пищеводу, плыли сейчас огненные сгустки массы, и углубился в лабиринт; задрав голову, то и дело вытирая слезящиеся глаза, он пытался проследить путь раскаленной каши. Временами она пропадала из глаз, потом он снова натыкался

на ее след, она просвечивала в глубине черных, извивающихся, как змеи, струй, пока наконец он не пришел к месту, которое показалось ему знакомым. Он увидел, как огненные пылающие тела, уже частично сформированные, летят в какое-то жерло, а рядом выскакивают другие, будто выброшенные из открытого колодца вверх; их поглощали свисающие сверху частоколом толстые черные колонны, похожие на слоновьи хоботы. Розовыми вереницами остывающих углей тела, уменьшаясь, проплывали в глубине этих колонн наверх. Доктор шел и шел, задрав голову; он забыл обо всем. Светящиеся предметы опережали его, но это не имело значения — они двигались непрерывной цепочкой. Вдруг он едва не свалился и издал сдавленный крик.

Вокруг снова стало просторно, перед Доктором возвышалась огромная куполообразная громада улитки, и град уже совсем остывших во время длинного путешествия черных предметов посыпался сверху в ее чрево. Доктор обошел боковину улитки, уже зная, где нужно ожидать родов, и оказался рядом с товарищами, окружавшими Инженера, который все еще исследовал черный предмет, в тот самый момент, когда большой лопающийся волдырь брызнул «готовой продук-

цией» в лоток, снова высунувшийся из колодца.

— Алло! Можете не трудиться! Я все понял! Сейчас я вам расскажу! — крикнул Доктор.

— Где ты был? Я уже начал беспокоиться, — сказал Координатор. — Ты действительно что-нибудь обнаружил? Инженер ничего не понимает.

— Если бы ничего, это было бы еще не так плохо! — буркнул Инженер. Он поднялся, яростно пнул черный предмет и смерил Доктора сердитым взглядом. — Ну, и что же ты обнаружил?

— Стало быть, это происходит так, — со странной улыбкой сказал Доктор. — Эти штуки всасываются туда, — он показал на открывшуюся в этот момент пасть. — Теперь они внутри нагреваются, видите? Потом все расплавятся, перемешаются, поедут порциями наверх, там начинается их обработка; еще слегка вишневые от нагрева, они проваливаются вниз, там должен быть еще один ярус, там с ними еще что-то происходит, они возвращаются через колодец сюда, поднимаются под самую крышу, попадают в этот пирог, — он показал на улитку, — потом на «склад готовой продукции», из него идут обратно в эту пасть, расплавляются в ней, и так по кругу, без конца формуются, обрабатываются, расплавляются, формируются.

— Ты с ума сошел? — шепотом сказал Инженер. На его лбу выступили крупные капли пота.

— Не веришь? Можешь проверить сам.

Инженер проверил — два раза. Это длилось с добрый час. Когда все снова оказались у лотка, в который как раз ровными четырехугольниками укладывалась очередная порция «конечного продукта», начало смеркаться, и зал стал серым.

Инженер словно помешался: он трясся от злости, его лицо судорожно подергивалось. Остальные, не менее удивленные, не переживали, однако, этого открытия так бурно.

— Нужно уходить отсюда, — сказал Координатор. — В темноте это сложно.

Он взял Инженера за плечо. Тот безвольно двинулся за ним, но вдруг вырвался, подскочил к оставленному черному предмету и с трудом поднял его.

— Хочешь забрать с собой? — спросил Координатор. — Ладно. Ребята, помогите ему.

Физик ухватился за ушки выступов, и они вдвоем с Инженером потащили бесформенный черный предмет. Так они добрались до вогнутой границы завода. Доктор спокойно шагнул в лоснящуюся сиропообразную стену «водопада» — и очутился на равнине; на него пахнуло свежим

вечерним воздухом. Он с наслаждением втягивал его и подставлял лицо порывам ветра. Товарищи вынырнули за ним, Инженер и Физик с трудом донесли свой груз до места, где было оставлено снаряжение, и бросили его.

Зажгли плитку, подогрели немного воды, развели в ней мясной концентрат и молча набросились на еду. Тем временем совсем стемнело, вспыхнули звезды, их холодный электрический блеск с каждой минутой становился ярче. Неясные заросли далекой рощи растаяли во мраке, только голубоватое пламя горелки, шевелящееся под слабыми порывами ветра, давало немного света. Из-за погруженной во мрак высокой стены завода не доносилось ни звука, не было даже видно, плывут ли еще по ней горизонтальные волны.

— Здесь темнеет, как у нас в тропиках, — сказал Химик. — Мы ведь упали в районе экватора?

— По-моему, да, — ответил Координатор. — Хотя я даже не знаю наклона планеты в эклиптике.

— Как так? Ведь это должно быть известно?

— А как же, но данные на корабле.

Они замолчали. Чувствовалась ночная прохлада, все закутались в одеяла, а Физик принялся ставить палатку. Он накачал полотнище, так что оно натянулось и стало похоже на сплющенное

полушарие с маленьким лазом в самом низу, и стал искать какие-нибудь камни, чтобы понадежнее прижать края палатки, но натыкался только на мелкие камешки. К сидящим вокруг голубоватого огонька друзьям он вернулся с пустыми руками.

Вдруг его взгляд упал на принесенный ими тяжелый предмет. Физик поднял его и придавил им край палатки.

— Хоть на что-то пригодилось, — сказал наблюдавший за ним Доктор.

Инженер сидел съежившись, опустив голову на руки, в состоянии полной подавленности. Он долго не произносил ни слова, что-то невнятно пробормотал — просил передать тарелку.

— И что теперь, мои милые? — внезапно заговорил он, выпрямляясь.

— Спать, ясное дело, — спокойно ответил Доктор, благоговейно достав из портсигара сигарету и с наслаждением затягиваясь.

— А завтра что? — спросил Инженер, и было видно, что его спокойствие — тонкая, до предела натянутая струна.

— Хенрик, ты ведешь себя, как ребенок, — сказал Координатор, чистивший кастрюлю песком. — Завтра обследуем следующую секцию.

Я полагаю, мы сегодня осмотрели около четырехсот метров.

— И ты думаешь, мы найдем что-нибудь другое?

— Не знаю. У нас есть еще один день. После полудня придется возвращаться к ракете.

— Страшно утешительно, — буркнул Инженер. Он встал, потянулся и охнул. — У меня как будто все кости переломаны, — признался он.

— У нас тоже, — добродушно заверил его Доктор. — Слушай, ты и вправду ничего не можешь сказать об этом? — Он показал горящим концом сигареты на едва видный предмет, который прижимал край палатки.

— Могу. А почему бы нет? Конечно, могу. Это устройство, которое служит для того, чтобы его сначала…

— Нет, серьезно. Ведь там есть какие-то части. Я-то в этом не понимаю.

— А я, думаешь, понимаю?! — взорвался Инженер. — Это создание сумасшедшего. — Он ткнул рукой в сторону невидимого завода. — Вернее, сумасшедших. Цивилизация душевнобольных — вот что такое этот проклятый Эдем! То, что мы притащили, прошло целую серию процессов, — продолжал он спокойнее. — Прессовка,

вдавливание прозрачных сегментов, термическая обработка, шлифовка. Здесь какие-то высокомолекулярные полимеры и какие-то неорганические кристаллы. Это часть, не целое. Для чего она может служить, не знаю. Но даже вынутая из этой сумасшедшей мельницы — сама по себе — она кажется мне ненормальной.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Координатор.

Химик убирал посуду и припасы, разворачивал одеяло. Доктор погасил сигарету и заботливо спрятал недокуренную половинку в портсигар.

— У меня нет никаких аргументов. Там внутри есть какие-то элементы — они не соединяются ни с чем. Как бы замкнутая электрическая цепь, но расчлененная изоляционными вставками Это… это не может работать. Так мне кажется. В конце концов за столько лет в человеке вырабатывается какая-то профессиональная интуиция. Я, конечно, могу ошибиться, но… нет, я предпочитаю об этом вообще не говорить.

Координатор встал. Остальные последовали его примеру. Когда погасла горелка, их поглотила абсолютная тьма — далекие звезды не давали света, они лишь ярко сверкали в каком-то удивительно низком небе.

— Денеб, — тихо сказал Физик.

Все смотрели на небо.

— Где? Там? — спросил Доктор.

Они бессознательно перешли на полушепот.

— Да. А та, рядом, поменьше, — это Гамма Лебедя. Страшно яркая.

— Раза в три ярче, чем на Земле, — согласился Координатор.

— Холодно и до дому далеко, — протянул Доктор.

Ему никто не ответил. По одному они влезли в надутый купол палатки. Все так устали, что, когда Доктор по обыкновению сказал в темноте «доброй ночи», ему ответило только дыхание спящих товарищей.

Сам Доктор еще не заснул. Он подумал, что они поступают опрометчиво: из ближних зарослей ночью могла вылезти какая-нибудь пакость, нужно было выставить охрану. С минуту Доктор размышлял, не должен ли он добровольно занять этот пост, но только еще раз иронически улыбнулся в темноте, повернулся и вздохнул. Он не заметил, как провалился в сон.

Утро следующего дня встретило людей солнцем, хотя белых кучевых облаков стало больше. Путешественники съели скудный завтрак, оста-

вив немного продуктов, чтобы закусить перед дорогой.

— Хоть бы раз умыться! — жаловался Кибернетик. — Такого со мной еще не случалось — человек весь провонял потом, кошмар! Ведь должна же здесь быть где-нибудь вода!

— Где вода — там и парикмахер, — безмятежно ответил Доктор, глядясь в маленькое зеркало. Он строил скептические и героические гримасы. — Только я боюсь, что парикмахер на этой планете сначала бреет, а потом втыкает все твои волосы обратно; знаешь, это очень правдоподобно.

— Ты и в могиле тоже будешь шутить? — выпалил Инженер и, смутившись, пробормотал: — Извини. Я не хотел…

— Ничего, — ответил Доктор. — В могиле это вряд ли возможно, но пока я туда не попал… Ну, пошли!

Они выпустили воздух из палатки, упаковали вещи и, забрав свое снаряжение, двинулись вдоль размеренно волнующейся завесы, пока не удалились от лагеря на добрый километр.

— Может, я ошибаюсь, но здесь она как будто повыше, — сказал Физик и, сощурившись, оглядел разбегающиеся в обе стороны арки. Их стыки далеко вверху сверкали серебряным огнем.

Сбросив поклажу в одну кучу, они направились к заводу. Вошли без всяких приключений, как и накануне. Физик и Кибернетик немного задержались.

— Что ты думаешь об этом исчезновении? — спросил Кибернетик. — Тут столько всего происходит, что вчера я совсем о нем забыл.

— Что-нибудь с рефракцией, — не очень уверенно ответил Физик.

— А на что опирается перекрытие? Не на это же, — Кибернетик показал на взбухающую волнами завесу, к которой они подходили.

— Не знаю. Может, опоры укрыты как-нибудь внутри или с другой стороны.

— Алиса в стране чудес, — встретил их голос Доктора. — Начинаем? Сегодня я чихаю меньше. Может, это адаптация. В какую сторону пойдем сначала?

Здесь все было похоже на то, что люди видели накануне. Сначала им даже казалось, что вообще ничего не изменилось. Колонны, колодцы, лес наклонных пульсирующих и вращающихся трубопроводов, вспышки, сверкание — весь круговорот процессов проходил в одинаковом темпе. Но, присмотревшись к «готовым изделиям», люди обнаружили, что они другие — больше и иной

формы, чем вчерашние. Правда, эти «изделия» (которые тоже снова вводились в замкнутый цикл) не были абсолютно идентичны. Они напоминали часть рифленой у верхушки половинки яйца. Следы обработки на них показывали, что они должны соединяться с другими частями, кроме того, из них выступали рогатые утолщения, что-то вроде отрезков труб, в которых перемещались чечевицеобразные пластинки, похожие на дроссельные заслонки или клапаны. Однако при сравнении большого количества этих предметов выяснилось, что одни имеют два открытых рога, другие — три или даже четыре, причем эти дополнительные выступы были меньше и часто как бы не окончены, словно процесс обработки прерывался где-то в середине. Чечевицеобразная пластинка иногда целиком заполняла отверстие трубы, иногда — только его часть, порой ее не оказывалось вовсе. Поверхность одних «яиц» была гладко отполирована, других — шероховатая, втулка «заслонки» тоже была неодинаковой в разных экземплярах.

— Ну, что скажешь? — стоя на коленях, спросил Координатор Инженера, копавшегося в коллекции, извлеченной из лотка.

— Пока ничего. Пошли дальше, — сказал Ин-

женер, вставая, но было видно, что настроение у него немного улучшилось.

Постепенно становилось ясно, что зал как бы разбит на несколько секций, правда, ничем друг от друга не отделенных, но отличных по внутренним циклам выполняемых процессов. Производственное оборудование — весь этот извивающийся, корчащийся, пыхтящий лес — было везде одинаково.

Через несколько сотен метров люди наткнулись на секцию, которая, выполняя те же операции, что и предыдущая, извиваясь, чавкая, пыхтя, несла в своих трубопроводах, сбрасывала в открытые колодцы, спускала сверху, поглощала, обрабатывала, складывала и плавила… ничто.

В остальных секциях можно было наблюдать путешествующие вверх и вниз раскаленные заготовки или остывающие уже обработанные изделия; здесь же все эти сложные эволюции производились с абсолютной пустотой.

Решив сначала, что продукт совершенно прозрачен и потому просто невидим, Инженер высунулся далеко над выбрасывателями и попытался схватить рукой то, что вылетало из открывающихся пастей, но не обнаружил ничего.

— Какое-то сумасшествие, — испуганно сказал

Химик.

Но Инженер почему-то совсем не был потрясен.

— Очень интересно, — сказал он, и все пошли дальше.

Было около четырех часов, когда Координатор решил возвращаться. Они вышли на равнину, освещенную еще высоко стоявшим солнцем, и зашагали к оставленному неподалеку снаряжению.

— Ну, понемногу проясняется, — заявил Инженер.

— Серьезно? — с оттенком иронии бросил Химик.

— Да, — подтвердил Координатор. — Что ты об этом думаешь? — обратился он к Доктору.

— Это труп, — ответил Доктор.

— Что значит — труп? — спросил Химик, который ничего не понимал.

— Труп, который двигается, — добавил Доктор.

Некоторое время шли молча.

— Могу я наконец узнать, что это значит? — спросил не без раздражения Химик.

— Дистанционно управляемый комплекс для производства различных деталей, который с течением времени совершенно разрегулировался,

так как его оставили без всякого присмотра, — объяснил Инженер.

— Ага! И как давно, по-твоему?

— Этого я не знаю.

— С очень большим приближением можно высказать гипотезу, что… минимум несколько десятков лет, — сказал Кибернетик.

— Но возможно, еще раньше. Если бы я узнал, что это случилось двести лет назад, я бы тоже не удивился.

— Или тысячу, — флегматично добавил Координатор.

— Как ты знаешь, автоматы контроля разрегулируются в темпе, соответствующем коэффициенту иррадиации, — начал Кибернетик, но Инженер его прервал:

— Они могут работать на ином принципе, чем наш, да и вообще мы ведь даже не знаем, электронные ли это системы. Лично я так не считаю. Материал какой-то неметаллический, полужидкий.

— Оставим подробности, — сказал Доктор, — но что вы думаете об этом? Есть у вас какие-нибудь соображения? Для меня все это совершенный туман.

— Ты имеешь в виду жителей планеты? — спро-

сил Химик.

— Да, я имею в виду жителей планеты.

Глава третья

Поздно вечером путешественники добрались до холма, над которым возвышался корабль. Чтобы возвратиться побыстрее и избежать встречи с обитателями зарослей, они пересекли паучий лес в том месте, где кусты расступились на несколько метров, как будто их выворотил из почвы какой-то гигантский плуг.

Внезапные сумерки накрыли равнину, когда косой силуэт ракеты был уже отчетливо виден, — не пришлось даже зажигать фонарей. Все проголодались, но еще больше устали, поэтому решили разбить палатку и сразу лечь спать. Умиравший от жажды Физик отправился по туннелю в корабль и довольно долго не возвращался. Палатка была уже почти установлена, когда из глубины раздался его крик. Кто-то подскочил к лазу и помог Физику выбраться на поверхность. У него тряслись руки. Он был так взволнован, что едва мог говорить.

Координатор схватил его за плечи.

— Там, — Физик показал на темнеющий над ними корабль, — там кто-то был.

— Что?

— С чего ты взял?

— Кто был?

— Не знаю.

— Как же ты узнал, что был?

— По… следам. По ошибке я зашел в рубку. Там было полно грунта — сейчас его нет.

— Как это нет?

— Нет. Там почти чисто.

— А где же грунт?

— Не знаю.

— Ты заходил в другие помещения?

— Да. То есть я… забыл, что в рубке был грунт и сначала ничего такого не подумал, я хотел пить, пошел на склад, отыскал воду, но мне ее было не во что набрать, тогда я отправился в твою каюту, — он посмотрел на Кибернетика, — а там…

— Что там, черт подери?

— Все покрыто слизью.

— Слизью?

— Да, прозрачной, липкой слизью. Наверное, она еще осталась у меня на ботинках! Я ничего не видел, а потом почувствовал, что у меня прилипают подошвы.

— Но, возможно, что-нибудь вытекло из цистерн или произошла какая-нибудь химическая реакция, ты же знаешь, в лаборатории перебита

половина посуды.

— Не говори глупостей! Посвети мне на ноги.

Пятно света ушло вниз и вырвало из тьмы ботинки Физика, местами отсвечивающие, как бы обтянутые пленкой бесцветного лака.

— Это еще не значит, что там кто-то был, — неуверенно сказал Химик.

— Да я ведь даже тогда не сообразил! Взял кружку и вернулся на склад. Я почувствовал, что подошвы у меня прилипают, но не обратил на это внимания. Напился воды, а на обратном пути мне взбрело в голову заглянуть в библиотеку, сам не знаю зачем. Мне было немного не по себе, но ни о чем таком я не думал. Открыл дверь, посветил, а там чисто — ни щепотки грунта! А ведь туда-то грунт я сам таскал и сразу же это вспомнил, а уж потом и про то, что в рубке он тоже был.

— А дальше что? — спросил Координатор.

— Ничего, побежал сюда.

— Может, он еще там — в рубке или в какой-нибудь каюте, — вполголоса сказал Кибернетик.

— Не думаю, — проговорил Координатор.

— Надо бы туда сходить… — громко размышлял Химик, но видно было, что он не особенно рвется осуществить этот проект.

— Покажи-ка еще раз свои ботинки, — произ-

нес Координатор.

Он внимательно осмотрел засохшую блестящую пленку, которая прилипла к коже.

— Нужно что-то делать, — отчаянным голосом сказал Кибернетик.

— Еще ничего не случилось. Какой-то представитель здешней фауны влез в корабль и, не обнаружив для себя ничего интересного, удалился, — сказал Координатор.

— Наверное, дождевой червь, да? Примерно с акулу? — бросил Кибернетик. — Что же произошло с грунтом?

— Это действительно странно. Может…

Не договорив, Доктор начал кружить около ракеты. Его силуэт удалялся, четко видный на фоне светового пятна, которое то концентрировалось у самой поверхности планеты, то, бледнея, убегало во мрак.

— Эй, — крикнул вдруг Доктор. — Эй! Нашел!

Все подбежали к нему. Он стоял над длинным, в несколько метров, валом мергеля, утрамбованного и кое-где покрытого клочьями блестящей пленки.

— Кажется, это и вправду дождевой червь, — выдавил Физик.

— Придется ночевать в ракете, — внезапно

решил Координатор. — Сначала обыщем ее для верности, а потом закроем люк.

— Да ты что? Это же займет всю ночь: мы ни разу не заглядывали во все помещения, — простонал Химик.

— Ничего не поделаешь.

Они оставили надутую палатку на произвол судьбы и нырнули в туннель.

Время шло, а люди бродили по кораблю, тщательно осматривая каждый уголок. Физик доказывал, что обломки пультов в рубке переложены с места на место, но никто не помнил точно, где они лежали раньше. Потом сомнения одолели Инженера. Ему казалось, что инструменты, которыми делали мотыги, он оставил в другом положении.

— Да хватит вам, — нетерпеливо сказал Доктор. — Нашли, когда играть в сыщиков, — скоро два!

Спать улеглись только в три, и то лишь потому, что Инженер предложил не осматривать оба яруса машинного отделения, а попросту запереть двери в стальной переборке, ведущие туда. Воздух в закрытом помещении был спертым, в нем висел какой-то неприятный запах. Люди падали от усталости и едва сбросили с себя обувь и

комбинезоны, едва погасили свет, как их сморил тяжелый, неспокойный сон.

Доктор проснулся с совершенно свежей головой. Вокруг было совсем темно. Он поднес к глазам часы, но никак не мог понять, который час; время словно не существовало в густом мраке — он забыл, что находится в ракете. Наконец, разглядев веночек зеленых искорок на циферблате, он разобрался, что скоро восемь. Это его удивило. Так мало спать! Он недовольно заворчал, хотел уже повернуться на другой бок и вдруг застыл.

В глубине корабля что-то происходило — он не столько слышал это, сколько чувствовал. От пола исходила слабая дрожь. Где-то очень далеко что-то звякнуло, звук был еле слышен, но Доктор сразу же сел на постели.

«Вернулось!» — подумал он о существе, чьи слизистые следы обнаружил Физик. «Пытается справиться с люком», — это была следующая мысль.

Корабль вдруг задрожал, как будто гигантская сила хотела еще глубже вогнать его в грунт. Кто-то беспокойно застонал сквозь сон. Доктору на мгновение показалось, что волосы у него встают дыбом. Корабль весил шестнадцать тысяч тонн! Пол затрясся в судорожной рваной дрожи. Вдруг

он понял.

Это был один из силовых агрегатов! Кто-то его запустил!

— Вставайте! — крикнул Доктор, ощупью отыскивая фонарик.

Люди сорвались с постелей, сталкиваясь друг с другом. Наконец доктор нашел фонарик и зажег его. В нескольких словах он объяснил, что происходит. Не совсем проснувшийся Инженер вслушивался в отдаленный звук. Корпус дернулся еще несколько раз, воздух наполнился напряженным воем.

— Компрессоры левых дюз! — крикнул Инженер.

Координатор молча застегивал комбинезон, остальные поспешно одевались. Инженер, как был, в рубашке и гимнастических брюках, вырвав фонарь из рук Доктора, выскочил в коридор. Все кинулись за ним. Пол дрожал все сильнее.

— Вот-вот сорвет лопасти! — выдохнул Инженер, врываясь в рубку, очищенную от грунта нахальным посетителем.

Он подскочил к главному рубильнику и перебросил ручку. В углу зажглась одинокая лампочка. Инженер и Координатор вытащили из стенного шкафа электрожектор, достали его

из футляра и поспешно подключили к зарядным клеммам. Контрольный прибор был разбит, но продольная трубка на стволе засветилась голубым светом — тока для зарядки хватало.

Пол лихорадочно трясся, все незакрепленные предметы подскакивали, на полках прыгали металлические инструменты, что-то стеклянное упало и со звоном разбилось. Остатки пластиковой облицовки все громче подпевали в унисон. Вдруг наступила мертвая тишина, и в ту же секунду единственная лампа погасла. Доктор сразу включил фонарь.

— Зарядили? — выкрикнул Физик.

— Максимум на две серии — и на том спасибо, — ответил Инженер, не отсоединяя, а вырывая провода из зажимов.

Он подхватил электрожектор, опустил его алюминиевый ствол вниз, стиснул рукоятку и пошел по коридору в сторону машинного отделения. Они уже добрались до библиотеки, когда послышался пронизывающий протяжный скрежет, два-три судорожных удара потрясли корабль, в машинном отделении что-то рухнуло со страшным грохотом, и снова стало тихо.

Инженер и Координатор плечо к плечу подошли к бронированной двери. Координатор

отодвинул заслонку глазка и заглянул внутрь.

— Дайте фонарик, — сказал он.

Доктор тут же сунул фонарик ему в руку, но светить внутрь сквозь узкое застекленное отверстие и одновременно смотреть было нелегко. Инженер открыл второй глазок, приложился к нему и задержал дыхание.

— Лежит, — немного погодя сказал он.

— Что? Кто? — спросили сзади.

— Гость. Свети лучше, ниже, ниже — так! Не двигается. Ничего не двигается. — Он помолчал и добавил глухо: — Большой, как слон.

— Он коснулся распределительных шин? — спросил Координатор; он ничего не видел — раструб фонаря целиком закрывал отверстие.

— Скорее влез в разорванные провода. Из-под него торчат концы.

— Концы чего? — нетерпеливо спросил Физик.

— Кабеля высокого напряжения. Да, он не шевелится. Ну что, отпираем?

— Придется, — просто ответил Доктор и начал отодвигать задвижку.

— А если он притворяется? — засомневался кто-то сзади.

— Так хорошо притворяться может только труп, — бросил Доктор, который успел еще раз

заглянуть в глазок, прежде чем Координатор выключил фонарик.

Стальные задвижки мягко скользнули в пазах. Дверь открылась. Долгое мгновение никто не переступал порога; Физик и Кибернетик смотрели из-за стоявших впереди. В глубине, на покореженных плитах экранировки, втиснутая между раздавленными перегородками, лежала поблескивающая в свете фонаря горбатая нагая масса. Время от времени по ее поверхности пробегала легкая дрожь.

— Живой, — сдавленно шепнул Физик.

В воздухе висел резкий отвратительный чад, словно здесь жгли волос, жидкий синеватый дымок расплывался в полосе света.

— На всякий случай, — сказал Инженер, поднял электрожектор, прижимая прозрачный приклад к бедру, и прицелился в бок бесформенной массы.

Зашипело. Безыскровой заряд ударил в расползшееся тело, чуть ниже круто поднимающегося посредине горба. Огромная масса напряглась, вздулась и опала, распластываясь еще больше. Верхние края белых перегородок задрожали.

— Конец, — сказал Инженер и перешагнул высокий стальной порог.

За ним вошли все. Напрасно они пытались обнаружить ноги, щупальца, голову этого существа. Беспомощная бесформенная масса покоилась на выломанной секции трансформатора, горб перевесился на одну сторону, как просторный мешок, наполненный желе.

Доктор притронулся к боку мертвого существа. Наклонился.

— Все это скорее… — буркнул он. — Понюхайте!

Он поднял руку — на концах пальцев что-то поблескивало, как капли рыбьего клея. Химик первый победил инстинктивное отвращение и удивленно вскрикнул.

— Узнаешь, а? — сказал Доктор.

Теперь нюхали все — и узнавали горький запах, наполнявший цеха «завода».

Доктор нашел в углу рычаг, который удалось снять с оси, подсунул более широкий конец под тело и попытался перевернуть его. Вдруг он поскользнулся, конец рычага пробил кожу, и сталь вошла почти до половины в тканевую мякоть.

— Ну, дожили — мало того, что полный разгром, так еще и кладбище! — яростно зашипел Кибернетик.

— Помог бы лучше! — сердито рявкнул Доктор:

он бился в одиночку, пытаясь перевернуть тело.

— Погоди-ка, — сказал Инженер. — Как эта скотина сумела запустить агрегат?

Все ошалело посмотрели на него.

— Действительно… — пробормотал Физик. — Ну и что? — добавил он глуповато.

— Мы должны лопнуть, а перевернуть его, говорю вам, должны! — выпалил Доктор. — Идите все — нет, с той стороны. Так. Нечего брезговать! Ну, что там?

— Подожди, — сказал Инженер.

Он вышел и вскоре вернулся со стальными ломами. Они подсунули ломы под мертвое туловище и по команде Доктора рванули вверх. Кибернетик вздрогнул, когда его рука, съехав по скользкой стали, коснулась голой кожи существа. Звонко шлепнувшись, оно перевалилось набок. Все отскочили. Кто-то вскрикнул.

Словно из гигантской веретенообразно вытянутой устрицы, из толстой складчатой мясистой сумки высунулось маленькое — не больше детского — туловище с двумя ручками. От собственной тяжести оно наклонилось вниз и коснулось узловатыми пальчиками пола. Оно висело на растягивающихся перепонках бледно-желтых связок, качаясь все медленнее и медленнее,

пока наконец не замерло. Доктор первым отважился подойти к нему, подхватил мягкую многосуставчатую конечность. Маленький торс, исчерченный бледными прожилками, выпрямился, и все увидели плоское безглазое личико с зияющими ноздрями и чем-то разодранным, словно перекушенный язык, в том месте, где у людей находится рот.

— Обитатель Эдема… — глухо сказал Химик.

Инженер, слишком потрясенный, чтобы говорить, уселся на вал генератора и, сам не замечая этого, непрерывно вытирал руки о комбинезон.

— Так это одно существо или два? — спросил Физик, наблюдая, как Доктор осторожно ощупывает беспомощное тельце.

— Два в одном или одно в двух. А может, это симбионты, — не исключено, что они иногда разъединяются.

— Но у этого, большого, нет ни ног, ни глаз, ни головы — ничего! — сказал Инженер и закурил.

— Это выяснится позже, — ответил Доктор. — Думаю, что вы не будете возражать против вскрытия? Его придется расчленить, иначе его отсюда не вынести. Я взял бы кого-нибудь ассистировать, но это может быть… неприятно. Есть добровольцы?

— Я. Я могу, — почти одновременно откликнулись Координатор и Кибернетик.

Доктор поднялся с колен:

— Двое — еще лучше. Теперь я поищу инструменты, это займет некоторое время. Должен сказать, что наше пребывание здесь слишком усложняется. Еще немного — и понадобится неделя, чтобы вычистить себе один ботинок, — мы не можем кончить ничего из того, что начали.

Инженер и Физик вышли в коридор. Координатор, возвращавшийся из перевязочной уже в резиновом переднике, с засученными рукавами, задержался рядом с ними. Он нес никелированный поднос с хирургическими инструментами.

— Вы ведь знаете, как работает фильтр, — сказал он. — Если хотите курить, идите наверх.

Они пошли по туннелю. Химик присоединился к ним, на всякий случай захватив электрожектор, оставленный Инженером в машинном отделении.

Маленькое сплюснутое солнце стояло высоко, разогретый воздух дрожал над песками, как желе. Они уселись в полосе тени, которую отбрасывал корпус ракеты.

— Очень странное животное, и совершенно непонятно, как оно могло запустить генератор, —

сказал Инженер.

Он потер щеку; щетина уже перестала колоться — у всех отросли бороды; то один, то другой заявлял, что нужно побриться, однако ни у кого на это не находилось времени.

— Но сейчас, честно говоря, меня во всей этой истории больше всего радует, что генератор вообще дал ток. Значит, по крайней мере, обмотка цела.

— А замыкание? — заметил Физик.

— Выбило автоматический предохранитель, это ерунда. Механическая часть рассыпалась целиком, но с этим мы справимся. Запасные комплекты подшипников есть, нужно только поискать. Конечно, теоретически обмотку тоже можно привести в порядок, но голыми руками мы бы ковырялись, пока не поседели бы. Теперь мне ясно — я просто не решался это проверить: боялся найти там одну пыль, а тогда, знаете, что бы с нами было.

— Реактор… — начал Химик.

Инженер скривился.

— Реактор — само собой. До реактора очередь дойдет. Сначала — ток. Без тока мы ничего не сделаем. Течь в охлаждении можно устранить в пять минут, но нужно заварить трубопроводы.

Для этого опять-таки нужен ток.

— И ты думаешь заняться машинами сейчас? — с надеждой в голосе спросил Физик.

— Да. Разработаем план очередности ремонта, я уже говорил об этом с Координатором. Сначала нужно исправить хоть один агрегат. Конечно, придется рискнуть, агрегат нужно запустить без атомной энергии — черт знает как! Разве что конным приводом… Чтоб его… Я и понятия не имею, что делается в реакторе.

— Ничего страшного, нейтронные диафрагмы действуют даже без дистанционного управления, — сказал Физик. — Реактор автоматически перешел на холостой ход, самое большее — при предварительном запуске может немного повыситься температура, если охлаждение…

— Благодарю. Реактор может расплавиться, и ты говоришь «ничего страшного»?

Они препирались все запальчивее, потом начался серьезный спор, а так как никому из них не хотелось спускаться в ракету, рисовали схемы на песке, пока из дыры не вынырнула голова Доктора.

Они вскочили.

— Ну, что там?

— С одной стороны, мы узнали мало, с другой,

наоборот, много, — ответил Доктор, у которого был довольно своеобразный вид: над поверхностью торчала только его голова. — Мало, — тянул он, потому что, как ни странно это звучит, я до сих пор не разобрался, одно это существо или два. Во всяком случае, это животное. Обладает двумя кровеносными системами, но они разделены не полностью. То, огромное, носитель, двигалось, как я думаю, скачками или шагами.

— Это большая разница, — сказал Инженер.

— А может, и так, и эдак, — объяснил Доктор. — То, что выглядело как горб… там есть пищеварительный тракт.

— На спине?

— Это была не спина! Когда его ударило током, оно упало брюхом вверх!

— Ты хочешь сказать, что то, маленькое, похожее на… — Инженер замялся.

— На ребенка, — спокойно докончил Доктор. — Да, некоторым образом оно ездило верхом на этом носителе — во всяком случае, это можно допустить. Ну, не верхом, — поправился он. — Вероятно, чаще всего оно сидело внутри большого туловища — там есть сумчатое гнездо, его можно сравнить только с сумкой кенгуру, но сходство очень невелико и не имеет функционального

характера.

— И ты допускаешь, что это существо разумно? — спросил Физик.

— Надо думать, если оно сумело открыть дверь и закрыть ее за собой, не говоря уже о запуске машины, — сказал Доктор, почему-то не проявлявший желания выйти на поверхность, — загвоздка лишь в том, что оно не имеет нервной системы в нашем понимании.

— Как так? — подскочил Химик.

Голова Доктора подняла брови.

— Что делать? Это факт. Там есть органы, о назначении которых я не догадываюсь. Есть спинной мозг, но в черепе — в этом маленьком черепе — мозга нет. Вернее, там есть что-то, но любой анатом назвал бы меня профаном, если бы я попытался доказать ему, что это мозг… Какие-то железы, похожие на лимфатические… А между легкими — у него три легких — я обнаружил нечто весьма удивительное. Нечто такое, что мне очень не понравилось. Я это заспиртовал, потом посмотрите. А сейчас есть более срочные работы. Машинное отделение выглядит, увы, как бойня. Нужно немедленно выносить и закапывать все, в ракете слишком тепло, и поспешность в самом деле необходима — особенно при такой жаре.

Можете надеть темные очки и завязать лица, запах не противный, но такое количество сырого мяса…

— Ты шутишь? — преодолевая тошноту, спросил Физик.

— Нет.

Доктор только теперь вылез из туннеля. Поверх резинового халата на нем был надет второй, белый, снизу доверху в красных пятнах.

— Мне очень неприятно, это действительно может вызвать тошноту. Но что делать? Иного выхода нет. Идемте.

Доктор повернулся и исчез. Остальные переглянулись и поочередно нырнули в туннель.

Похоронные работы, как назвал это Химик, закончились только после полудня. Работали полуодетые, чтобы, вынося страшный груз, не перепачкать комбинезоны. Расчлененные останки закопали в двухстах шагах от ракеты, на вершине холма, и, несмотря на призывы Координатора экономить воду, истратили на мытье пять ведер. Кровь огромного существа, пока она не свернулась, очень напоминала человеческую, но быстро становилась оранжевой и, высыхая, превращалась в желтоватую рассыпающуюся пыль.

Измученный экипаж расположился под раке-

той, никто даже думать не мог о еде, все только жадно пили кофе и воду. Один за другим люди задремали, хотя должны были обсудить первый этап ремонтных работ. Потом пришлось идти на склад за продуктами, открывать банки консервов, разогревать их… В полночь неожиданно решили не ложиться — все выспались, — а приступить к подготовительным работам.

Прежде всего нужно было освободить аварийный генератор от завалившихся его пластиковых и металлических обломков. Работали ручными домкратами, лебедками, часами раскапывали стальной хлам в поисках каждой запасной части, каждой мелочи — уровня или ключа; наконец генератор был целиком осмотрен, разбитый подшипник заменен новым, а лопасти самого маленького компрессора приведены в рабочее состояние. Инженер добился этого довольно примитивным способом: поскольку запасных лопастей было слишком мало, он попросту снял каждую вторую лопасть — производительность крыльчатки, естественно, уменьшилась, но, во всяком случае, компрессор мог работать. В пять утра Координатор объявил об окончании работ — он сказал, что так или иначе придется предпринять еще одну экспедицию, хотя бы для

пополнения запасов воды, а впрочем, и по другим причинам, и нечего менять привычный ритм сна и отдыха.

Остаток ночи прошел спокойно. Утром никто не изъявлял желания выйти на поверхность, все были готовы работать дальше — и немедленно. Инженер уже собрал что-то вроде комплекта инструментов первой необходимости, и больше не приходилось за каждым пустяком бегать по всем каютам. Распределительный щит, усеянный оспинами коротких замыканий, пришлось монтировать почти заново, заменяя явно изуродованные элементы деталями, безжалостно снятыми с других, неработающих агрегатов. Теперь оставалось запустить генератор. Разработанный Инженером план был достаточно рискованным. Он предложил подать на крыльчатку компрессора сжатый кислород и, превратив таким образом компрессор в турбину, вращать с его помощью ротор генератора. В нормальных условиях аварийная система запускалась водяным паром высокого давления из реактора — реактор, сердце корабля, считается самым прочным из всех механизмов, — но теперь ввиду полного разрушения электросети об этом нечего было и думать. Приходилось расходовать неприкосновенный

запас кислорода, но они рассчитывали снова наполнить опустошенные баллоны атмосферным кислородом, когда машинное отделение начнет работать. Другого пути не было, мечтать о запуске атомного реактора без электричества мог только сумасшедший. Правда, Инженер втайне от всех готовился и к такому сумасшедшему шагу, если бы «кислородный проект» подвел. Ведь никто не знал, удастся ли запустить реактор, прежде чем будет израсходован весь кислород.

Доктор стоял в узеньком колодце под полом верхнего яруса машинного отделения и возбужденным голосом считывал с кислородных манометров величину падающего давления. Остальная пятерка работала наверху. Физик возился у временного распределительного щита реактора, смонтированного так, что при виде его у любого земного инженера волосы встали бы дыбом. Перепачканный смазкой, черный, как негр, Инженер, вися вниз головой под генератором, крепил щетки. Координатор застыл рядом с Кибернетиком — оба они смотрели на мертвую пока шкалу счетчика нейтронов, а Химик бегал от одного к другому, как мальчик для подноски инструментов.

Кислород шипел, компрессор в роли газовой

турбины сердито урчал, слегка позвякивая и вздрагивая: крыльчатка, с которой Инженер обошелся по-варварски, не была как следует сбалансирована, обороты генератора росли, его вой становился все выше, лампы, свисающие с кое-как натянутых под потолком кабелей, уже давали яркий белый свет.

— Двести восемнадцать, двести два, сто девяносто пять, — слышен был монотонный искаженный металлическим эхом голос невидимого Доктора.

Инженер вылез из-под генератора, вытирая смазку и пот с давно не бритого лица.

— Можно, — выдохнул он.

От огромного напряжения у него тряслись руки, он даже не испытал волнения, когда Физик сказал:

— Включаю первую.

— Сто семьдесят, сто шестьдесят три, сто шестьдесят, — мерно сообщал Доктор, перекрывая вой генератора, который уже начал давать пусковой ток на реактор и с каждой минутой требовал все больше кислорода для поддержания оборотов.

— Полная нагрузка! — простонал Инженер, наблюдающий за электроприборами.

— Включаю все! — отчаянным, ломающимся

голосом выкрикнул Физик и, инстинктивно сжавшись, словно в ожидании удара, обеими руками вдавил черные ручки.

Кибернетик открыл рот. Координатор, сам того не замечая, все сильнее стискивал его плечо. Они смотрели на прямоугольные шкалы приборов с выбитыми стеклами, с наспех выпрямленными стрелками — счетчики плотности потока быстрых нейтронов, контроля циркуляции электромагнитных насосов, индикатора радиоактивный загрязнений и комплексных внутренних термопар реактора. Генератор стонал, выл, с плохо контактирующих колец сыпались искры. Внутри реактора, за толстым блестящим панцирем царило мертвое спокойствие. Стрелки даже не шевельнулись. Вдруг Физику показалось, что они помутнели, размазались, он зажмурился, а когда открыл слезящиеся глаза, увидел стрелки в рабочем положении.

— Прошел критический!!! — заорал Физик и заплакал, не выпуская ручек. Он чувствовал, как обмякают мышцы — он все время ожидал взрыва.

— Наверно, стрелки заело, — спокойно сказал Координатор, как будто не видел, что делается с Физиком. Ему трудно было говорить — так силь-

но он сжимал перед этим зубы.

— Девяносто, восемьдесят один, семьдесят два!.. — равномерно выкрикивал Доктор.

— Пора!! — крикнул Инженер и рукой в большой красной перчатке перекинул главный переключатель.

Генератор взвыл и начал терять обороты.

Инженер бросился к компрессору и перекрыл оба входных вентиля.

— Сорок шесть, сорок шесть, сорок шесть, — мерно бубнил Доктор.

Турбина перестала забирать кислород из баллонов. Лампы быстро бледнели, становилось все темнее.

— Сорок шесть, сорок шесть… — выкрикивал из колодца Доктор.

Внезапно лампы вспыхнули. Генератор вращался еле-еле, но ток был, все включенные приборы показывали растущее напряжение.

Физик уселся на пол и закрыл лицо руками. Было почти тихо. Ротор генератора басовито шумел, он вращался все медленнее, потом несколько раз качнулся, вздрогнул и остановился.

— Сорок шесть… сорок шесть… — продолжал Доктор.

— Какая утечка? — спросил Координатор.

— В норме, — ответил Кибернетик. — Видимо, пробило на максимуме торможения, но автомат успел зацементировать, прежде чем замкнуло.

Кибернетик больше ничего не сказал, но каждый понял, как он гордится этим автоматом. Одной рукой он украдкой придержал другую — у него дрожали пальцы.

— Сорок шесть… — причитал Доктор.

— Да хватит тебе! — заорал вдруг в глубину колодца Химик. — Уже не нужно! Реактор дает ток!

Все молчали. Реактор работал как всегда — бесшумно. В стальной горловине показалось бледное, окаймленное темной бородой лицо Доктора.

— Правда? — сказал он.

Никто ему не ответил. Все смотрели на приборы, словно не могли насытиться видом стрелок, неподвижно стоящих в рабочих положениях.

— Правда? — повторил Доктор и начал беззвучно смеяться.

— Ты что? — сердито сказал Кибернетик. — Перестань.

Доктор выбрался наверх, уселся рядом с Физиком и тоже стал не отрываясь смотреть на приборы.

Никто не знал, как долго это длилось.

— Знаете, ребята?.. — молодым свежим голосом сказал Доктор. Все посмотрели на него, словно проснувшись. — Я еще никогда не был таким счастливым, — прошептал он и отвернулся.

Глава четвертая

Поздними сумерками Координатор вместе с Инженером вышли на поверхность подышать свежим воздухом. Они сели на кучу грунта и загляделись на краешек красного, как рубин, солнечного диска.

— Я не верил, — буркнул Инженер.

— Я тоже.

— Этот реактор — неплохая работа, а?

— Солидная земная работа.

— Подумай, выдержал.

Они помолчали.

— Отличное начало, — заговорил Координатор.

— Мы работаем, пожалуй, слишком нервно, — заметил Инженер. — Это ведь бег на длинную дистанцию. Между нами говоря, мы сделали что-нибудь около одной сотой того, что нужно сделать, чтобы…

— Я знаю, — спокойно ответил Координатор. — Впрочем, еще неизвестно…

— Гравиметрическое распределение, да?

— Не только. Рулевые дюзы, весь нижний отсек.

— Сделаем.

— Угу.

Невидящий взгляд Инженера неожиданно наткнулся на невысокую продолговатую насыпь за вершиной холма — место, где закопали останки погибшего обитателя планеты.

— Совсем забыл… — сказал он удивленно. — Как будто это случилось год назад.

— А я нет. Все время думаю об этом… о нем. Из-за того, что Доктор нашел в его легких.

— Что? А, верно, он что-то такое говорил. Что это было?

— Игла.

— Игла?!

— А может, и не игла — посмотри сам. Она в банке, в библиотеке. Кусочек тонкой трубки, обломанный, с острым концом, срезанным наискось, как у медицинских игл для уколов.

— Что же это?..

— Больше я ничего не знаю.

Инженер встал:

— Это поразительно, но… но я сам не понимаю, почему это меня так мало интересует. Собственно, если говорить честно, почти совсем не интересует. Знаешь, я чувствую себя сейчас, как перед стартом. Или как пассажир самоле-

та, который на несколько минут сел в чужом аэропорту, смешался с толпой туземцев, был свидетелем какой-то странной, непонятной сцены, но знает, что не имеет к этому городу отношения, что через минуту улетит, и все окружающее он воспринимает как бы с большого расстояния, чужое и безразличное.

— Мы еще не отлетаем.

— Я знаю, но у меня такое ощущение.

— Пошли к ребятам. Мы не можем лечь, пока не заменим все времянки. И предохранители нужно установить как следует. Реактор может потом работать вхолостую.

— Ладно, пошли.

Ночь провели в ракете, не гася малых ламп. Время от времени кто-нибудь просыпался, бессмысленными глазами смотрел на горящие огоньки и, успокоенный, засыпал. Утром все встали отдохнувшими. Первым был запущен простейший полуавтомат-уборщик, который то и дело беспомощно застревал в громоздившихся повсюду завалах. Кибернетик, ходивший за ним с инструментами, вытаскивал его, как таксу из лисьей норы, убирал слишком крупные обломки и снова его запускал. Полуавтомат поспешно двигался вперед, яростно вгрызался в очередную

груду мусора, и все повторялось сначала. После завтрака Доктор опробовал свою бритву и появился перед товарищами как бы в бронзовой полумаске: верхняя часть лица у него была обожжена солнцем, а нижняя — совершенно белая. Все последовали его примеру и с трудом могли узнать друг друга в заморышах с выступающими скулами.

— Нужно получше питаться, — заключил Химик, с отвращением рассматривая в зеркале собственное отражение.

— Как ты относишься к свежей дичи? — поинтересовался Кибернетик.

Химик вздрогнул:

— Благодарю покорно. Даже не говори мне об этом. Только сейчас вспомнил. Мне снилась эта… это…

— Это животное?

— Черт его знает, животное ли?

— А что?

— Какое животное сумело бы запустить генератор?

Все прислушались к их разговору.

— Доказано, что все существа на высшей ступени развития изобретают ту или иную одежду, — сказал Инженер, — а это двутелое создание

было голым.

— Как ты сказал? Голым?

— А что такое?

— А то, что о корове или обезьяне ты не сказал бы, что они голые.

— У них есть шерсть.

— У бегемота или крокодила нет шерсти, но их ты тоже не назвал бы голыми.

— Ну и что из этого? Просто я так сказал.

— Вот именно.

Ненадолго все замолчали.

— Скоро десять, — заговорил Координатор. — Мы отдохнули, думаю, что теперь прогуляемся в другом направлении. Инженер должен был приготовить электрожекторы, как с этим?

— Есть пять штук, все заряжены.

— Хорошо. Мы шли на север, пойдем теперь на восток. С оружием, но, конечно, постараемся его не применять. Особенно если встретим этих, как их назвал Инженер… этих двутелов.

— Двутел? Двутел? — несколько раз повторил Доктор с неудовольствием, как бы проверяя это название. — По-моему, не очень удачно, и, наверно, поэтому приживется. Почему-то бывает именно так.

— Сейчас пойдем? — спросил Физик.

— Думаю, что да. Только закроем люк, чтобы избежать новых неожиданностей.

— А нельзя ли взять вездеход? — спросил Кибернетик.

— Да… пожалуй, нет. Нужно как минимум пять часов, чтобы его подготовить, — сказал Инженер. — Разве только отложить экспедицию на завтра.

Но откладывать никому не хотелось. Выступили около одиннадцати, так как некоторое время заняла подготовка снаряжения. Словно договорившись, хотя никто этого не предлагал, пошли двойками, с небольшими интервалами, а единственный безоружный — Доктор — находился в средней двойке. То ли грунт в этом направлении был удобнее для пешего хождения, то ли они шли бодрее, но уже через час ракета пропала из глаз. Ландшафт понемногу изменялся. Все больше встречалось тонких серых «чаш», вдали показались куполообразные, отлогие с севера возвышенности, спадающие к равнине довольно крутыми террасами и обрывами. Их покрывали более темные, чем почва, пятна растительности.

Под ногами шелестели лишайники, серые, словно присыпанные пеплом, но это был их натуральный цвет; из их молодых побегов — трубочек

с беловатыми прожилками — выглядывали маленькие, похожие на жемчужинки, пузырьки.

— Знаете, чего тут больше всего не хватает? — вдруг сказал Физик. — Травы, обыкновенной травы. Никогда не думал, что она так… — он запнулся на мгновение, — нужна…

Солнце припекало. Когда люди подошли к возвышенности, до них донесся мерный далекий шум.

— Странно, ветра нет, а шумит, — заметил Химик.

— Это оттуда, — показал рукой шагающий за ним Координатор. — Видимо, там, выше, ветрено. Смотрите, это же совсем земные деревья.

— Они другого цвета и блестят, как…

— Нет, они двухцветные, — вмешался Доктор, обладавший хорошим зрением. — То фиолетовые, то голубые с желтым отливом.

Равнина осталась позади. Люди наугад вошли в широко раскрывшуюся пасть оврага с глинистыми осыпающимися стенками, покрытыми чем-то вроде тончайшей дымки, которая вблизи оказалась разновидностью лишайника или паутины — мнения на этот счет разделились. Эти образования немного напоминали рыхлые клубки нитей стеклянной ваты, слабо прикрепленной к

склонам. Поравнявшись с первой группой деревьев, растущих несколькими метрами выше, на краю обрыва, люди задрали головы.

— Но это совсем не деревья! — разочарованно воскликнул Кибернетик, замыкавший колонну.

У так называемых «деревьев» были толстые, блестящие, словно натертые жиром «стволы» и многоярусные «кроны», которые мерно пульсировали, то темнея, как бы наполняясь чем-то, то бледнея — тогда они пропускали солнечный свет. Этим изменениям сопутствовал вяло повторяющийся шум, словно кто-то, прижав ко рту эластичную материю, шепотом повторял: «фссс-ххааа-ффс-ххаа». Как следует присмотревшись к ближайшему дереву, люди обнаружили выступающие из его перепутанных ветвей длинные, как бананы, пузыри, усыпанные похожими на гроздья винограда выростами; они то вздувались и темнели, то опадали, светлея и бледнея.

— Эти деревья дышат, — пробормотал изумленный Физик, вслушиваясь в непрерывно падающий с высоты звук.

— Но заметьте: каждое в своем ритме! — воскликнул, словно обрадовавшись, Доктор. — Чем меньше дерево, тем оно быстрее дышит! Это… это «деревья-легкие»!

— Дальше! Пошли дальше! — звал обогнавший группу Координатор.

Все двинулись за ним. Овраг, вначале довольно широкий, суживался, его дно не очень круто поднималось в гору. Наконец путешественники вышли на куполообразную возвышенность между двумя раскинувшимися внизу группами деревьев.

— Если закрыть глаза, кажется, что стоишь на берегу моря. Попробуй, — сказал Физик Инженеру.

— Я предпочитаю не закрывать глаз, — буркнул Инженер.

Они взобрались на вершину холма, немного уклонившись от маршрута. Перед ними лежала волнистая разноцветная равнина с разбросанными по ней рощицами мерцающих, то оливковых, то рыжих дышащих деревьев, со светлыми, как мед, склонами глинистых бугров и пятнами серебристого на солнце и серо-зеленого в тени мха. Все это пространство в разных направлениях пересекали тонкие узкие линии. Они бежали по дну впадин, огибали склоны холмов, одни бурые, другие почти белые, словно посыпанные песком тропинки, третьи совсем черные, как будто полосы угольной пыли.

— Дороги! — крикнул Инженер, но тут же поправился. — Нет, они слишком узки для дорог… Что же это?

— За тем паучьим леском тоже было что-то похожее, помнишь, газончик, — сказал Химик и поднял к глазам бинокль.

— Нет, те были другие… — начал Кибернетик.

— Смотрите! Смотрите! — От крика Доктора все вздрогнули.

Над желтой полоской, которая спускалась с широкой седловины между двумя холмами, в нескольких сотнях метров от них двигалось что-то просвечивающее насквозь. Это «что-то» слабо поблескивало на солнце, как полупрозрачное, быстро крутящееся колесо со спицами. На мгновение оно слилось с небом, стало почти невидимым, а спустившись ниже, у подножия склона, снова засияло ярче, с огромной скоростью рвануло по прямой, миновало рощу дышащих деревьев, ослепительно сверкнуло на их темном фоне и исчезло в устье далекого оврага.

Доктор повернулся к товарищам; лицо у него побледнело, глаза горели.

— Интересно, что это? — сказал он с ухмылкой, но в глазах его затаилась тревога.

— А, черт, забыл бинокль. Дай твой, — обратил-

ся Инженер к Кибернетику. — Театральный, — презрительно проворчал он и вернул бинокль.

Кибернетик сжал стеклянный приклад электрожектора и как бы прикинул, сколько он весит.

— Думаю, что мы отвратительно вооружены, — пробормотал он с сомнением.

— Почему ты об этом подумал? — напал на него Химик.

Некоторое время они молчали, осматривая местность.

— Пошли дальше, что ли? — медленно проговорил Кибернетик.

— Конечно, — ответил Координатор. — А вот второй! Смотрите!

Еще один светящийся круг, мчавшийся гораздо быстрее первого, двигался по зигзагообразной линии между холмами. Несколько раз он опускался совсем низко над поверхностью планеты, какое-то мгновение несся прямо на людей, и они совсем потеряли его из виду; только когда он свернул, снова появился размазанный, туманно сверкающий, бешено вращающийся диск.

— Вроде бы какая-то машина… — буркнул Физик и, не отрывая глаз от сияния, которое, уменьшаясь, уже исчезло среди волнующихся

рощиц, коснулся плеча Инженера.

— Я кончил политехникум на Земле, — ответил Инженер, неизвестно почему вдруг раздражаясь. — Во всяком случае, — добавил он с сомнением, — там, в середине, что-то есть… выпуклое, как головка пропеллера.

— Да, в самом центре что-то блестит очень сильно, — подтвердил Координатор. — Какой эта штука может быть величины, как ты думаешь?

— Если деревья внизу такой же высоты, как в овраге… то самое меньшее десять метров.

— В диаметре? Я тоже так думаю. Минимум десять.

— Оба исчезли там, — Доктор показал на линию холмов, заслоняющую перспективу. — Мы ведь тоже туда пойдем, правда?

Он начал спускаться по склону, размахивая руками. Остальные поспешили за ним.

— Мы должны приготовиться к первому контакту, — сказал Кибернетик. Он то кусал, то облизывал губы.

— То, что произойдет, невозможно предвидеть. Спокойствие, благоразумие, самообладание — только это нам может помочь, — сказал Координатор. — Но, пожалуй, нам следует несколько перестроиться. Один — разведчик — впереди и

один сзади. И немного больше растянемся.

— Стоит ли нам появляться на открытой местности? Вероятно, будет лучше, если мы постараемся увидеть как можно больше, пока нас не заметили, — быстро сказал Физик.

— Ну… специально прятаться не стоит, это всегда выглядит подозрительно. Но, естественно, чем больше мы увидим, тем выгоднее будет наше положение.

Обсуждая тактику, они спустились вниз и, пройдя несколько сотен шагов, оказались у первой загадочной линии.

Она немного напоминала след старого земного плуга: почва была мелко разрыхлена, как бы вспахана, и выброшена по обе стороны борозды шириной не больше двух ладоней. Поросшие мхом углубленные «газончики», обнаруженные во время первой экспедиции, были тех же размеров, но существовало одно довольно серьезное отличие: там окружающий борозду грунт был незаросшим, а сама борозда покрыта мхом, здесь же, наоборот, через сплошной ковер беловатых лишайников шла полоса перемолотого обнаженного грунта.

— Странно, — проговорил Инженер, поднимаясь с колен и вытирая вымазанные глиной

пальцы о комбинезон.

— Знаете что? — сказал Доктор. — Я думаю, что те «газончики», на севере, должно быть, очень старые, давно заброшенные, потому они и заросли здешним райским мхом…

— Возможно, — бросил Физик, — но что это такое? Наверняка не колесо; от колеса был бы совсем другой след.

— А может, какая-нибудь сельскохозяйственная машина? — подсказал Кибернетик.

— Ну да, обрабатывает полосу почвы шириной десять сантиметров?

Они перешагнули через борозду и пошли дальше, напрямик, к другим полосам. Уже шагая вдоль опушки небольшой рощицы, которая своим глухим шумом мешала разговору, они услышали донесшийся сзади пронзительный заунывный свист и инстинктивно бросились за деревья. Над лугом по прямой со скоростью курьерского поезда мчался отвесный сияющий вихрь. Его кромка была темной, а в центре ярко светился то фиолетовым, то оранжевым огнем чечевицеобразный выступ диаметром в два-три метра.

Люди подождали, пока сверкающая машина не исчезла вдали, и двинулись за ней. Чувствуя себя довольно неуверенно и непрерывно оглядываясь

назад, они пересекали теперь широкое открытое пространство. Цепь холмов, соединявшаяся неглубокими седловинами, была уже совсем близко, когда снова раздался протяжный свист. Укрыться было негде, и люди просто попадали вниз. В каких-нибудь двухстах метрах от них пролетел вращающийся диск с центральным утолщением, на этот раз небесно-голубого цвета.

— Этот, пожалуй, метров двадцать высотой! — возбужденно шепнул Инженер.

Они поднялись. Между ними и холмами раскинулась котловина, разделенная посредине странной цветной полосой. Подойдя к ней совсем близко, они увидели ручеек с просвечивающим чистым песчаным дном. Оба его берега переливались яркими красками; прозрачную воду обрамлял пояс синеватой зелени, по обеим сторонам шли бледно-розовые полосы, а еще дальше серебристо искрились гибкие растения, густо увешанные большими, с человечью голову, пушистыми шарами; над каждым из них возносилась трехлепестковая чаша огромного, белого как снег цветка. Засмотревшись на эту необыкновенную радугу, люди пошли медленнее. Когда они приблизились к пушистым шарам, ближайшие белые «цветы» неожиданно затрепетали и

медленно поднялись в воздух. Мгновение они висели трепещущей стайкой над головами людей, издавая слабый звон, а потом взметнулись вверх, сверкнули на солнце ослепительной белизной взвихрившихся «лепестков» и улетели, чтобы опуститься в чашу светлых шаров на другой стороне ручья. Там, где к ручью подходила борозда, его берега, словно мостик, соединяла арка из стеклянистого вещества с правильно расположенными круглыми отверстиями. Инженер ногой попробовал прочность мостика и медленно перешел на другую сторону. Едва он очутился там, из-под его ног взметнулись тучи белых «цветов» — они начали беспокойно кружиться над ним, как стая вспугнутых голубей.

Набрали воды из ручья, чтобы потом, вернувшись на корабль, исследовать ее состав, и двинулись дальше. Доктор сорвал одно из маленьких растений, образовывавших розовую полосу, и вставил его в петлицу своего комбинезона, словно цветок. Весь стебель растения был облеплен прозрачными шариками телесного цвета. Их запах показался Доктору чудесным. Хотя никто об этом не говорил, но всем было жаль покидать этот очаровательный уголок.

Дальше тянулся пологий склон, поросший ше-

лестящим под ногами мхом.

— Там, на вершине, что-то есть! — вдруг сказал Координатор.

Выше, на фоне неба, шевелился предмет неопределенной формы, то и дело испускавший ослепительные вспышки. Когда до вершины оставалось несколько сотен шагов, люди разглядели на ней что-то вроде низкого вращающегося купола, покрытого зеркальными секторами. В нем отражались то солнечные лучи, то фрагменты окружающего пейзажа.

Чуть дальше, на одной из вершин, виднелось другое подобное сооружение; вернее, по равномерным вспышкам и мерцанию можно было догадаться о его существовании. А еще дальше искрящихся точек становилось все больше, они равномерно возникали на вершинах до самого горизонта.

С перевала люди наконец заглянули в глубь невидимого до тех пор пространства.

Плавный спуск переходил в волнистые поля, через которые тянулись длинные шеренги остроконечных мачт. Самые дальние исчезали у подножия еле различимой ажурной конструкции. Над ближними мачтами воздух отчетливо дрожал, образуя вертикальные столбы, как будто

был сильно нагрет. Между рядами мачт вились десятки борозд, они сходились в пучки, разбегались, перекрещивались и вели все в одну сторону — на восток к горизонту. Там бледной, размазанной мозаикой неправильных изломов, возвышений, золотистых и серебристых шпилей вырисовывалось множество построек, слившихся в голубоватую с переливами массу. Небосклон в той стороне был немного темней, кое-где к нему взмывали струп молочного пара и расплывались грибом в тонком слое не то тумана, не то тучи, в которой, напрягая взгляд, можно было рассмотреть возникавшие и исчезавшие черные точечки.

— Город… — шепнул Инженер.

— Я его видел… тогда… — так же тихо сказал Координатор.

Они начали спускаться вниз. Первая шеренга мачт или столбов перерезала им дорогу у конца склона.

Мачты крепились в грунте конусными втулками с черной, как смола, поверхностью. В каких-нибудь трех метрах от поверхности втулка кончалась, дальше шел полупрозрачный столб с центральным отливающим металлом стержнем, воздух наверху сильно дрожал, и было слышно

мерное глухое жужжание.

— Это какой-нибудь винт? — полувопросительно сказал Физик.

Сначала осторожно, потом все смелей люди начали дотрагиваться до конусного основания мачты. Ее не сотрясала даже легчайшая дрожь.

— Нет, там ничто не вращается, — сказал Инженер. — Не чувствуется никакой тяги. Это какой-то эмиттер…

Дальше местность пересекали плавные, едва выступающие складки. Город давно уже скрылся из глаз, но заблудиться было невозможно: не только длинные шеренги столбов, но и многочисленные борозды среди полей показывали направление. Время от времени в ту или другую сторону проносился сияющий вращающийся клубок, но всегда на таком большом расстоянии, что прятаться не имело смысла.

Впереди оливково-желтым пятном темнел перелесок. Сначала люди хотели его обойти, следуя за линией мачт, но он раскинулся в обе стороны слишком далеко, и они удлинили бы свой путь, поэтому решили идти напрямик через заросли.

Вокруг возвышались дышащие деревья. Поверхность Эдема, поросшую трубчатыми растениями и беловатым мхом, покрывали высохшие

пузырчатые листья, неприятно скрипящие под ногами при каждом шаге. Тут и там между толстыми корнями высовывались головки бледных мясистых цветов с торчащими изнутри, как иглы, шипами. По толстой коре стволов стекали капельки ароматной смолы. Шедший впереди Инженер вдруг замедлил шаг и неохотно сказал:

— К черту, не нужно было сюда забираться.

Среди деревьев открывалась глубокая траншея, ее глинистые стенки были покрыты фестонами длинных змеистых лишайников. Люди слишком углубились в лес, чтобы теперь возвращаться, и поэтому сползли по увитой гибкими лианами стенке на дно, по которому струилась тоненькая ниточка воды. Противоположный скат оказался очень крутым, и они пошли по дну траншеи, высматривая место, где удалось бы вылезти наверх. Через сотню шагов траншея стала расширяться, ее берега понизились, немного посветлело.

— Что это? — сказал вдруг Инженер и умолк.

Ветерок принес приторный, сладковатый запах. Все остановились. Их то обсыпал дождь солнечных зайчиков, то накрывала тьма, высоко по верхушкам деревьев прокатывались глухие волны дыхания.

— Там что-то есть, — шепнул Инженер.

Они уже могли выйти на другой берег траншеи, плоский и низкий, но, держась вплотную друг к другу, наклонившись, шли дальше к стене зарослей. Иногда ветерок открывал в ней небольшие щели, и оттуда проглядывала какая-то удлиненная белая масса. Почва становилась топкой, чавкала под ногами. Никто не обращал на это внимания. За покрытыми гроздьями наростов стеблями раскинулась залитая солнцем полянка, деревья расходились и снова смыкались в глубине, разделенные только узкой просекой, из которой на полянку выбегала одинокая борозда. Она кончалась у прямоугольного рва, окруженного выброшенной из него глиной. Люди как вкопанные стояли у кромки зарослей, медленно раскачивающиеся стебли шуршали по их комбинезонам, лениво касались ног и словно нехотя отступали. Люди стояли и смотрели.

Громоздящийся над краем рва восковой вал показался им в первый момент монолитной вспухшей глыбой. Страшная вонь едва позволяла дышать. Взгляд постепенно с трудом выделял отдельные фигуры. Некоторые лежали горбами вверх, другие — на боку, из складок грудных мышц больших тел высовывались болезненные, бледные торсы с вывернутыми, сплющенными

личиками. Огромные тела, сжатые, сдавленные, и худые ручки с узловатыми пальцами, беспомощно свисающие вдоль раздувшихся боков, были покрыты большими желтыми потеками.

Доктор с силой сжал плечи стоявших перед ним товарищей, но те даже не почувствовали этого.

Медленно они сделали несколько шагов вперед.

Постепенно они подходили все ближе, не отрывая глаз от того, что наполняло глубокий котлован.

Большие капли водянистой жидкости, блестящей в солнечных лучах, стекали по восковым спинам, по бокам, собирались во впадинах безглазых лиц, — людям казалось, что они слышат звук этих мерно падающих капель.

Далекий надвигающийся свист заставил их мышцы напрячься. В мгновение ока они бросились к зарослям, разорвали их стену, припали к почве, руки сами схватили приклады электрожекторов. Потревоженные стебли еще колыхались, когда из-за деревьев с противоположной стороны на поляну выкатился вертикальный круг, окруженный слабо светящимся ореолом взвихренного воздуха.

В нескольких шагах от рва он притормозил,

но свист стал еще громче, рассекаемый вихрем воздух клокотал. Диск объехал ров, облако почти до половины закрыло сверкающий круг, град комьев посыпался на заросли, на людей, прижавшихся к поверхности планеты, послышался отвратительный тупой звук, как будто гигантская шпора раздирала мокрую холстину, вращающийся диск был уже у другого края полянки, он снова приближался, на мгновение остановился на месте, его дрожащая вертикальная кромка лениво склонялась то вправо, то влево, как бы прицеливаясь; вдруг он рванулся вперед, и другая сторона рва покрылась комьями выброшенной с шумом глины. Диск звенел, дрожал на месте, казалось, раздувался; в зеркальных колпаках с обеих его сторон, уменьшаясь, отражались деревья, внутри по-медвежьи шевелилась какая-то тень, резкий вибрирующий звук внезапно ослаб, и круг помчался обратно по борозде.

На полянке теперь возвышался выпуклый холмик свежей глины, окруженный глубокой, почти в метр, канавой.

Доктор первым взглянул на остальных. Они медленно поднялись, машинально отряхнули остатки растений и нити паутины с комбинезонов. Потом, словно сговорившись, пошли

обратно, той же дорогой. Они уже оставили далеко позади ров, деревья, ряды мачт и подходили к середине склона, над которым мерцал зеркальный купол, когда Инженер сказал:

— А может, это все-таки только животные?

— А мы кто? — таким же тоном, как эхо, отозвался Доктор.

— Нет, я думаю…

— Вы видели, кто сидел в этом вращающемся круге?

— Я вообще не заметил, чтобы там кто-нибудь был, — сказал Физик.

— Был. А как же. Там, в центре, — как бы гондола. Поверхность полированная, но немного пропускает свет. Ты заметил? — обратился Координатор к Доктору.

— Заметил. Но не убежден, что…

— То есть предпочитаешь не убеждаться?

— Да.

Они шли дальше. Молча миновали цепь высоких холмов, уже по другую сторону ручья, и, увидев катящиеся от очередной рощи блестящие диски, легли.

— У комбинезонов хороший цвет, — сказал Химик, когда они встали и двинулись дальше.

— А все-таки странно, что нас до сих пор не

заметили, — бросил Инженер.

Координатор, который до этого момента молчал, вдруг остановился:

— Нижний трубопровод АР не поврежден, правда, Хенрик?

— Да, он в порядке. А в чем дело?

— У реактора есть резерв. Можно бы спустить немного раствора.

— Хоть двадцать литров! — сказал Инженер, и его лицо осветилось злой усмешкой.

— Не понимаю! — вмешался Доктор.

— Они хотят спустить раствор обогащенного урана, чтобы зарядить монитор, — объяснил ему Физик.

— Уран?!

Доктор побледнел:

— Не думаете же вы…

— Мы ничего не думаем, — ответил Координатор. — С того момента, когда я увидел это, я вообще перестал думать. Думать будем потом. Сейчас…

— Внимание! — крикнул Химик.

Все упали.

Сверкающий круг промчался мимо и уже начал уменьшаться, но вдруг затормозил и, описав большую дугу, стал приближаться к людям. Пять

стволов поднялись над землей, маленькие, как игрушечные пистолетики, по сравнению с гигантом, который своим сверканием заслонил полнеба. Неожиданно диск остановился, звон усилился, потом ослаб, что-то вращалось все медленнее, внезапно появился раскидистый многоугольник, ажурная конструкция, она начала клониться набок, как будто собираясь упасть, но ее подперли две наклонно выброшенные лапы. Из центральной гондолы, утратившей зеркальный блеск, вылезло что-то небольшое, косматое, темное и, молниеносно перебирая конечностями, соединенными складчатой перепонкой, спустилось по наклонной дырчатой стойке, спрыгнуло на грунт и, буквально прилипая к нему, поползло по направлению к людям.

Почти одновременно гондола открылась сразу во все стороны, как чаша цветка, и большая блестящая фигура съехала вниз на чем-то овальном и толстом, что моментально съежилось и исчезло.

Огромное существо, спустившееся из гондолы, не спеша выпрямилось во весь свой рост. Люди узнали его, хотя оно удивительно изменилось, целиком покрытое спиральными витками блестящей, как серебро, субстанции. Наверху в окаймленном черным отверстии показалось

маленькое плоское лицо.

Косматое животное, которое первым выскочило из остановившегося круга, ползло ловко и быстро, не отрываясь от грунта. Только теперь люди заметили, что оно тащит за собой что-то похожее на большой, расплющенный, словно лопата, хвост.

— Стреляю, — негромко сказал Инженер, прижимая лицо к прикладу.

— Нет! — крикнул Доктор.

«Подожди», — хотел сказать Координатор, но Инженер уже нажал спуск. Он целился в ползущее животное, но промахнулся. Полет электрического заряда был невидим, послышалось только слабое шипение. Инженер отпустил курок, не снимая с него пальца. Сверкающее серебром существо не сдвинулось с места. Вдруг оно шевельнулось и, кажется, свистнуло.

Животное моментально оторвалось от грунта и одним прыжком пролетело метров пять; приземлившись, оно съежилось в шар, взъерошилось, странно распухло, лопатообразный хвост раздвинулся, поднялся вертикально, разошелся вверх и в стороны, в его вогнутой, как раковина, поверхности что-то бледно вспыхнуло и поплыло к людям.

— Огонь!! — рявкнул Координатор.

Огненный шарик размером с орех плавно колыхался в воздухе, виляя то в одну, то в другую сторону, он подплывал все ближе, люди уже слышали его потрескивание — казалось, капли воды пляшут на раскаленном листе жести. Все начали стрелять.

Пораженное несколькими попаданиями, животное, корчась, упало, веерообразный хвост накрыл его целиком, почти одновременно огненный орех начало сносить ветром в сторону, как будто он потерял управление. Он пролетел в нескольких шагах от людей и растаял вдали.

Серебряный гигант выпрямился еще больше, над ним появилось что-то тонкое, и он начал подниматься вверх к открытой гондоле. Заряды ударили в него с громким треском.

Он сломался пополам и глухо стукнулся о грунт.

Люди поднялись и подбежали к нему.

— Внимание! — опять крикнул Химик.

Два блестящих круга вынырнули из-за леса и неслись к холмам. Люди упали плашмя, готовясь к худшему, но произошло что-то странное; оба круга, даже не замедлив движения, промчались дальше и исчезли за вершинами холмов.

Через несколько секунд сзади, из рощи дышащих деревьев, послышался приглушенный рев. Одно из ближайших деревьев раскололось пополам и свалилось, извергая клубы пара.

— Быстро! Быстро! — крикнул Координатор.

Он подбежал к косматому животному, лапки которого торчали из-под накрывавшего их голого мясистого хвоста, и, опустив ствол, за несколько секунд превратил его в уголь, потом ногой разбросал остатки и втоптал их в землю. Инженер и Физик стояли перед серебряной глыбой под ажурным многоугольником, опирающимся на наклонные лапы. Инженер дотронулся до ее горба, вздутого и как будто медленно растущего.

— Его нельзя оставлять так! — крикнул Координатор, подбегая к ним. Он был очень бледен.

— Такую массу не сжечь, — буркнул Инженер.

— Посмотрим, — ответил сквозь зубы Координатор и выстрелил с двух шагов.

Вокруг ствола электрожектора задрожал воздух. Серебряная фигура мгновенно покрылась черноватыми пятнами, вверх взметнулась сажа, разнесся отвратительный запах горелого мяса, что-то забулькало. Химик, побледнев, отвернулся и отбежал в сторону. Кибернетик пошел за ним. Когда Координатор разрядил свое оружие, он мол-

ча протянул руку к электрожектору Инженера.

Почерневшая туша, расплющиваясь, опадала, над ней вился дым, носились лохмотья копоти, бурлящий звук перешел в потрескивание, как будто горело сухое полено, а Координатор все еще нажимал занемевшим пальцем спуск, пока останки не превратились в бесформенную груду пепла. Подняв вверх электрожектор, он прыгнул в нее и начал разбрасывать груду ногами.

— Помогите мне! — крикнул он хрипло.

— Не могу, — простонал Химик.

Он стоял с закрытыми глазами, на лбу у него блестели капельки пота, обеими руками он схватился за горло, как будто хотел себя задушить. Доктор стиснул зубы так, что они скрипнули, и прыгнул в горячий пепел за Координатором.

— А думаешь я могу? — заорал Координатор.

Доктор, не глядя под ноги, топтал и топтал. Наверное, они выглядели довольно забавно, подскакивая на одном месте. Они вбивали в грунт недогоревшие комки, вдавливали в него пепел, потом сгребали почву со всех сторон прикладами, пока не засыпали последние следы.

— Чем мы лучше их? — спросил Доктор, когда они на мгновение остановились, тяжело дыша, залитые потом.

— Он на нас напал, — буркнул Инженер, с яростью и омерзением вытирая следы копоти с ложа электрожектора.

— Идите сюда! Кончено! — крикнул Координатор.

В воздухе плавал резкий запах паленого, травянистые лишайники вокруг обуглились.

— А что с этим? — крикнул Кибернетик, показывая на ажурную конструкцию.

Она возносилась над ними на высоту четырех этажей.

— Попробуем привести в действие, — сказал Координатор.

У Инженера глаза полезли на лоб.

— Как так?

— Внимание! — крикнул Доктор.

Один за другим на фоне рощи появились три сверкающих круга. Люди отбежали на несколько шагов и снова залегли. Координатор проверил состояние зарядника и ждал, вдавив широко расставленные локти в жесткий мох. Круги миновали их и покатились дальше.

— Пойдешь со мной? — спросил Координатор, движением головы показывая Инженеру на висящую в шести метрах от поверхности планеты гондолу.

Тот молча подбежал к машине, обеими руками обхватил опору и, всовывая пальцы в отверстия, быстро полез вверх. Координатор взбирался вслед за ним. Инженер первым очутился под гондолой, схватился за один из нижних выступов, начал там что-то делать, слышно было, как металл звякает о металл, потом приподнялся и скрылся внутри. Немного погодя высунулась его рука. Координатор схватил ее, и они оба очутились наверху. Довольно долго ничего не происходило, потом пять растопыренных лепестков гондолы медленно закрылись, не издав ни малейшего звука. Люди внизу невольно вздрогнули и отступили назад.

— Что это был за огненный шарик? — спросил Доктор Физика.

Они оба, не отрываясь, смотрели вверх. В гондоле двигались туманные неясные тени.

— Похоже на маленькую шаровую молнию, — неуверенно сказал Физик.

— Но его выпустило это животное!

— Да, я видел. Может, это какая-нибудь здешняя электрическая тварь… Смотри!

Ажурный многоугольник неожиданно вздрогнул и зазвенел, поворачиваясь вокруг своей вертикальной оси. Поддерживающие его лапы

беспомощно разъехались, и он чуть не упал. В последний момент, когда он угрожающе наклонился, снова что-то зазвенело; на этот раз звук был резким, высоким, вся конструкция растаяла в сверкающем вращении, и слабый ветерок овеял стоявших внизу. Круг вращался то быстрее, то медленнее, но не двигался с места. Он взревел, как двигатель огромного самолета, комбинезоны стоявших поодаль людей рванула воздушная струя, люди отступили еще дальше, одна, потом другая опорные лапы поднялись и растворились в сверкающем вихре. Вдруг, словно выброшенный из пращи, огромный круг понесся по борозде, выскочил из нее и неожиданно затормозил. Он рыл и раскидывал грунт, устрашающе рыча, но двигался очень медленно. Наконец он снова попал в борозду, помчался по ней с бешеной скоростью и через несколько секунд превратился в маленький дрожащий огонек на склоне у леса.

Возвращаясь, он еще раз выскочил из пропаханной борозды и снова пополз лениво, как бы с усилием, окруженный у основания облачком взметенной в воздух перемолотой почвы.

Послышался звон, из сверкающего вихря возникла ажурная конструкция, гондола открылась, и Координатор, высунувшись, позвал:

— Лезьте наверх!

— Что? — удивился Химик, но Доктор понял сразу:

— Поедем на этой штуке.

— А мы поместимся все? — спросил Кибернетик, держась за металлическую опору.

Доктор уже карабкался вверх:

— Как-нибудь поместимся, давайте!

Несколько дисков промелькнуло у леса, но людей с них, очевидно, не заметили. В тесной гондоле могли как-нибудь устроиться четверо, но для шестерых места не было — двоим пришлось лечь ничком на вогнутое дно. Знакомый горьковатый запах неприятно щекотал ноздри, люди осознали все, что случилось, и их оживление угасло. Лежавшие внизу Доктор и Физик уперлись взглядом в стыки удлиненных плит, над их головами послышался пронзительный свист, и они почувствовали, что экипаж движется. Почти сразу же плиты днища стали прозрачными, и с высоты двух этажей они увидели равнину, как будто плыли над ней на воздушном шаре. Вокруг что-то шумело. Координатор лихорадочно переговаривался с Инженером. Они управляли машиной, устроившись в неестественных, очень неудобных позах около перепончатого выступа

в носу гондолы. Каждые несколько минут они сменялись, тогда Химику и Кибернетику приходилось почти падать на Доктора и Физика.

— Как это действует? — спросил Химик Инженера, который, всунув обе руки в глубокие отверстия перепончатой выпуклости, удерживал экипаж на прямой.

Машина быстро двигалась по борозде, пропаханной среди поля. Из гондолы вообще не было видно вращения, казалось, она плывет по воздуху.

— Понятия не имею, — простонал Инженер. — У меня сводит руки, давай ты! — Он отодвинулся, давая место Координатору.

Гигантский ревущий круг закачался, выскочил из борозды, резко затормозил и начал круто поворачивать. Координатор с трудом впихнул руки в отверстия рулевого устройства. Через мгновение он вывел гигантский волчок из виража, и ему удалось снова войти в борозду. Диск помчался быстрее.

— Почему эта штука так медленно едет вне борозды? — снова спросил Химик.

Чтобы не потерять равновесия, он опирался на плечи Инженера. Между его расставленными ногами лежал Доктор.

— Говорю тебе, не имею ни малейшего понятия! — заорал Инженер, массируя себе кисти, на которых багровели кровавые подтеки. — Равновесие удерживает по принципу гироскопа, а больше я ничего не знаю.

Вторая цепь холмов осталась позади. Местность, уже отчасти знакомая по пешей прогулке, с высоты просматривалась великолепно. Едва различимый обод со свистом рассекал воздух. Борозда вдруг изменила направление. Чтобы вернуться к ракете, нужно было свернуть на целину. Скорость упала сразу же, диск не делал даже двадцати километров в час.

— Они почти беспомощны вне борозды, об этом нужно помнить! — заорал Инженер, перекрывая свист и звон.

— Смена! Смена! — скомандовал Координатор.

На этот раз маневр прошел довольно гладко. Диск поднимался на крутой склон очень медленно — чуть быстрее, чем хороший пешеход. Инженер отыскал вдали выемку, которая вела к равнине. Машина уже въехала под нависшие над глинистым оползнем деревья, когда у него начались судороги.

— Бери! — пронзительно крикнул он и вырвал руки из отверстий.

Координатор почти вслепую рванулся, чтобы его заменить, огромный круг накренился и повис над рыжим обрывом. Вдруг что-то заскрежетало, раздался треск, свистящая мельница задела крону дерева, в воздухе закружились поломанные ветки, гондола резко подскочила и с адским грохотом свалилась набок. Вырванное с корнем дерево взметнулось к небу, в последний момент обод рванул его вниз, над разбитой машиной с шипением лопнули тысячи пузырьковых листьев, поднялась туча беловатых грибовидных семян, и все утихло. Гондола боком врезалась в откос.

— Экипаж! — машинально сказал Координатор, тряхнув головой. Его оглушило, уши были словно заложены ватой. Он с удивлением смотрел на клубы парящих беловатых пылинок.

— Первый, — простонал Инженер, поднимаясь с пола.

— Второй, — голос Физика доносился снизу.

— Третий, — с трудом проговорил Химик, зажимая рот: с подбородка у него стекала кровь.

— Четвертый, — сказал Кибернетик; его отбросило назад, и с ним ничего не случилось.

— Пя…тый… — выдавил Доктор, он лежал под остальными на самом дне гондолы.

И вдруг все разразились каким-то безумным смехом.

Они лежали друг на друге, засыпанные толстым слоем щекочущих пушистых семян, попавших внутрь через верхние прорези гондолы. Инженер мощными ударами пытался открыть ее лепестки. Все, вернее те, кому позволяло место, уперлись плечами, руками, спинами в прогнутую поверхность. Обшивка задрожала, послышался слабый треск, но гондола не открывалась.

— Опять? — спокойно спросил Доктор. Он не мог даже пошевельнуться. — Знаете, мне это надоело! Эй, кто там — слезь с меня сейчас же, слышишь!

Хотя положение было невеселым, все действовали в каком-то лихорадочном возбуждении. Соединенными усилиями выломали кусок гребенчатой рамы и начали размеренно бить им, как тараном, в верхний лепесток гондолы. Он гнулся, покрывался вмятинами, но не поддавался.

— С меня хватит, — сердито рявкнул Доктор и напрягся, пытаясь встать. В этот момент под ним что-то треснуло, и люди посыпались вниз, как груши, скатываясь по пятиметровому склону на дно оврага.

— Никто не пострадал? — спросил вымазан-

ный в глине Координатор, первым вскакивая на ноги.

— Нет, но… но ты весь в крови, ну-ка, покажись, — нахмурился Доктор.

У Координатора в самом деле была рассечена кожа на голове, рана доходила до середины лба. Доктор перевязал его, как сумел. Остальные отделались синяками, а Химик плевался кровью — он прикусил себе губу. Они двинулись к ракете, даже не оглянувшись на разбитую машину.

Глава пятая

Солнце уже коснулось горизонта, когда они добрались до небольшой возвышенности. Ракета отбрасывала длинную тень, теряющуюся далеко в песках пустыни. Прежде чем войти внутрь, они добросовестно осмотрели местность, но не нашли никаких следов, указывающих на то, что кто-нибудь побывал здесь в их отсутствие. Реактор работал нормально. Полуавтомат успел очистить боковые коридоры и библиотеку, прежде чем безнадежно увяз в толстом слое пластиковых и стеклянных осколков, устилавших лабораторию.

После ужина, проглоченного молниеносно, Доктору пришлось зашить и перевязать все еще кровоточащую рану Координатора. Тем временем Химик успел произвести анализ воды, взятой в ручье, и убедился, что она пригодна для питья, хотя содержит значительную примесь солей железа, портящих вкус.

— Теперь мы можем наконец посоветоваться, — заявил Координатор.

Все собрались в библиотеке и расселись на надувных подушках. Координатор устроился в центре.

— Что нам известно? — сказал он. — Что планета населена разумными существами, которых Инженер назвал двутелами. Это название не отвечает… но не будем об этом. Мы встретились со следующими проявлениями цивилизации двутелов: во-первых, с автоматическим заводом, который мы сочли разрегулировавшимся и покинутым — теперь я не совсем в этом уверен; во-вторых, с зеркальными куполами неизвестного назначения на холмах; в-третьих, с мачтами, которые излучают что-то — вероятно, какой-то вид энергии, — их назначение нам также неизвестно; в-четвертых, с машинами, причем одну, подвергшись нападению, мы захватили, привели в действие и разбили; в-пятых, мы видели издалека их город, о котором нельзя сказать ничего определенного; в-шестых, упомянутое мною нападение выглядело так: двутел натравил на нас, ну, скажем, животное, вероятно соответственно выдрессированное, которое выстрелило в нас чем-то вроде маленькой шаровой молнии и дистанционно ею управляло, пока мы его не уничтожили. Наконец, в-седьмых, мы были свидетелями того, как засыпали ров — могилу, полную мертвых обитателей планеты. Это все, насколько я могу припомнить. Поправьте меня

или дополните, если я ошибся или что-нибудь пропустил.

— В принципе все, почти… — сказал Доктор. — За исключением того, что случилось позавчера на корабле.

— Верно. Оказывается, ты был прав: то существо было голым. Возможно, оно просто пыталось где-нибудь спрятаться и в паническом бегстве заползло в первое попавшееся отверстие, а это был как раз туннель, ведущий в нашу ракету.

— Такая гипотеза очень соблазнительна, но и очень опасна, — ответил Доктор. — Мы, люди, рассуждаем поземному и вследствие этого можем сделать серьезные ошибки, принимая чужую видимость за истину, то есть укладывая определенные факты в схемы, привезенные с Земли Я совершенно уверен, мы все сегодня утром думали одно и то же: что наткнулись на могилу жертв насилия, убийства, но ведь в действительности я не знаю, мы Все не знаем…

— Ты повторяешь это, хотя сам не веришь… — возбужденно начал Инженер.

— Речь идет не о том, во что я верю, — прервал его Доктор. — Если вера где-нибудь особенно неуместна, то именно здесь, на Эдеме. Гипотеза о «натравливании» электрического пса, напри-

мер…

— Как так? Ты называешь это гипотезой? Но это факт! — почти одновременно воскликнули Химик и Инженер.

— Вы так думаете? Зачем он на нас напал? Мы ничего об этом не знаем. Возможно, мы напоминаем ему каких-нибудь здешних тараканов или зайцев… У вас же, прошу прощения, у нас этот агрессивный поступок ассоциировался с тем, что мы видели в лесу и что произвело на нас такое потрясающее впечатление; в результате мы потеряли способность спокойно рассуждать.

— А если бы мы ее сохранили и не открыли немедленно стрельбу, наш пепел развеялся бы там, у леска. Разве не так? — зло выкрикнул Инженер.

Координатор молчал, переводя взгляд с одного на другого.

— Мы сделали то, что должны были сделать, но весьма вероятно, что произошло недоразумение — с обеих сторон… Вам кажется, что все кубики уже на месте? А этот завод, якобы брошенный несколько сотен лет назад и разрегулировавшийся? Как быть с ним? Куда деть этот кубик?

Некоторое время длилось молчание.

— Думаю, что Доктор во многом прав, — сказал

Координатор. — Мы знаем еще слишком мало. Ситуация для нас весьма благоприятна. Насколько можно судить, они не знают о нас ничего. Я думаю, главным образом потому, что ни одна из их дорог, этих борозд, не проходит вблизи места падения ракеты. Однако трудно рассчитывать на то, что подобное состояние продлится долго. Я хотел бы просить, чтобы вы взвесили ситуацию с этой точки зрения и высказали свои предложения.

— Сейчас мы в этом гробу в общем-то безоружны. Достаточно как следует закупорить туннель, чтобы мы здесь задохнулись как мыши. Именно потому, что каждую минуту нас могут обнаружить, нужно спешить. И хотя моя гипотеза об агрессивности двутелов всего лишь земная фантазия, — заявил Инженер, — я все же неспособен рассуждать иначе и предлагаю, вернее требую, безотлагательно приступить к ремонту всех систем и к запуску агрегатов.

— Сколько, по-твоему, для этого потребуется времени? — перебил его Доктор.

Инженер заколебался.

— Вот видишь… — устало сказал Доктор. — Зачем заниматься самообманом? Нас обнаружат прежде, чем мы кончим, потому что, по-моему,

хотя я и не специалист, речь идет о неделях…

— К сожалению, это правда, — поддержал Координатор. — Кроме того, нам нужно пополнить запасы воды, не говоря уже о хлопотах, которые доставит нам радиоактивная вода, залившая кормовой отсек. И неизвестно, сможем ли мы изготовить все, что понадобится для ремонта повреждений.

— Да, еще одну экспедицию, безусловно, придется совершить, — согласился Инженер. — Вероятно, даже больше, но можно делать вылазки ночью. И кто-то из нас — скажем, два человека — должен постоянно находиться в ракете… Но почему говорим только мы? — неожиданно обратился он к трем молчаливым слушателям.

— В принципе мы должны как можно интенсивней заниматься ремонтом и одновременно изучать местную цивилизацию, — медленно сказал Физик. — Это в значительной степени противоречивые задачи. Количество неизвестных настолько велико, что даже стратегический расчет немногим поможет. Однако не подлежит сомнению: какой бы план действий мы ни избрали, риска, граничащего с катастрофой, нам не избежать.

— Я вижу, к чему вы стремитесь, — тем же низ-

ким усталым голосом сказал Доктор. — Хотите убедить самих себя, что дальнейшие экспедиции мы должны предпринимать, имея возможность наносить мощные, то есть атомные, удары. Разумеется, с оборонительной целью. Поскольку все кончится тем, что против нас будет вся планета, я не имею ни малейшего желания участвовать в этом пирровом начинании, которое останется пирровым, даже если им не известна атомная энергия… А за это поручиться нельзя. Какого рода двигатель приводил в действие их колесо?

— Не знаю, — ответил Инженер, — но не атомный. В этом я почти уверен.

— Это «почти» может нам дорого обойтись, — сказал Доктор.

Он откинулся назад и, закрыв глаза, оперся головой об угол висящей боком книжной полки, как будто устранился от участия в разговоре.

— Квадратура круга, — буркнул Кибернетик.

— А если бы мы попробовали… установить контакт? — начал, помедлив, Химик.

Доктор сел прямо и, глядя на него, произнес:

— Ну, спасибо тебе. А я уже начал бояться, что этого никто не скажет!

— Но пробовать установить контакт — значит отдаться им в руки! — крикнул Кибернетик, вска-

кивая с места.

— Почему? — холодно поинтересовался Доктор. — Мы можем сначала вооружиться даже атомными излучателями, но не будем подкрадываться ночью к их городам или заводам.

— Хорошо, хорошо. И как же ты себе представляешь такую попытку установления контакта?

— Да, скажи, — поддержал Координатор.

— Я согласен, что мы не должны предпринимать ее сейчас, — ответил Доктор. — Чем больше устройств на корабле мы успеем исправить, тем, конечно, лучше. Нам также нужно оружие — хотя и не атомное… Потом часть из нас будет продолжать работу в ракете, а часть — скажем, трое — отправится в город. Двое останутся сзади, чтобы иметь возможность наблюдать за третьим, который постарается установить контакт с населением.

— Ты продумал все очень детально. Разумеется, решил и то, кто пойдет в город, — зловещим голосом сказал Инженер.

— Да. Решил.

— А я не позволю тебе на моих глазах совершить самоубийство! — крикнул Инженер и, сорвавшись с места, подскочил к Доктору, который даже не поднял головы.

Инженер весь дрожал. Его еще не видели таким возбужденным.

— Уж если мы пережили — все! — такую аварию, если нам удалось выбраться из могилы, в которую превратилась ракета, если мы остались невредимыми, безумно рискуя в этих легкомысленных вылазках — словно планета, чужая планета, — место для туристских походов, — то не затем, чтобы из-за каких-то проклятых фантазий, из-за бредней… — Он задыхался от гнева. — Я знаю, о чем ты думаешь! — кричал он, сжимая кулаки. — Миссия человека! Гуманизм! Человек среди звезд! Благородство! Ты болван. Никто не хотел нас сегодня убить! Не засыпали никакой массовой могилы! Что? Верно?! Что? — Инженер наклонился над Доктором, тот поднял глаза, и Инженер умолк.

— Нас хотели убить. И очень возможно, что это была могила убитых, — сказал Доктор, и все видели, с каким трудом он сохранял спокойствие. — А пойти в город нужно.

— После того, что мы сделали? — проговорил Координатор.

Доктор вздрогнул.

— Да, — сказал он. — Мы сожгли труп… да. Делайте то, что считаете правильным. Я подчи-

няюсь.

Он встал и вышел, переступив горизонтально откинутую дверь. Еще минуту все смотрели ему вслед, как бы ожидая, что он передумает и вернется.

— Напрасно ты так разошелся, — тихо сказал Координатор Инженеру.

— Ты же знаешь… — начал Инженер, но, взглянув в глаза Координатору, повторил еще тише: — Да. Напрасно.

— Доктор прав в одном, — сказал Координатор и подтянул сползавшую повязку. — То, что мы обнаружили на севере, не увязывается с тем, что мы видели на востоке. Город находится от нас примерно на таком же расстоянии, как и завод, по прямой что-нибудь тридцать — тридцать пять километров.

— Больше, — сказал Физик.

— Возможно. Так вот, я не думаю, чтобы какие-нибудь элементы их цивилизации на юге или на западе находились так же близко — из этого следовало бы, что мы упали в самом центре какого-то локального «пустыря цивилизации», «пустоты цивилизации» с диаметром шестьдесят километров. Это было бы слишком странно, а потому слишком неправдоподобно. Вы согласны

со мной?

— Да, — кивнул головой Химик. — С самого начала нужно было говорить на таком языке.

— Да, — согласился Инженер, не глядя ни на кого.

— Я разделяю сомнения Доктора, — протянул Координатор, — но его предложение считаю наивным и неприменимым к ситуации. Это не тот уровень. Правила установления контакта с чужими существами вам известны, однако они не предусматривают ситуации, в которой оказались мы — почти безоружные обитатели зарытых в землю обломков. Естественно, мы должны исправлять повреждения корабля, но одновременно идет соревнование — кто быстрее соберет информацию, мы или они. До сих пор мы были впереди. Того, кто на нас напал, мы уничтожили. Мы не знаем, для чего он это сделал. Может, мы действительно напоминаем каких-то их врагов — это тоже нужно проверить. В связи с тем что запуск систем корабля в ближайшее время нереален, мы должны быть готовы ко всему. Если цивилизация, которая нас окружает, достаточно высоко развита, — а я думаю, это именно так, — то, что я сделал, что мы сделали, в лучшем случае лишь несколько отодвинет момент, когда

нас обнаружат. Главные усилия нужно сейчас сосредоточить на вооружении.

— Могу я кое-что сказать? — заговорил Физик.

— Давай.

— Я хотел бы вернуться к точке зрения Доктора. Она, я бы сказал, прежде всего эмоциональна, но он располагает и кое-какими аргументами. Вы все знаете Доктора. Мне кажется, его бы не привело в восторг то, что я могу сказать в защиту его предложения, но все же я скажу. Так вот, совсем не безразлична ситуация, в которой произойдет первый контакт. Если они придут сюда, то придут по… следам. Тогда о взаимопонимании трудно будет даже думать… Без сомнения, на нас нападут, и мы будем вынуждены бороться за жизнь. Если же мы пойдем к ним, шанс взаимопонимания, хотя и ничтожно малый, все-таки будет существовать. Следовательно, со стратегической точки зрения лучше сохранить инициативу и активность, независимо от того, какие по этому поводу можно высказывать соображения морального характера…

— Ну хорошо, а как это будет выглядеть на практике? — спросил Инженер.

— На практике пока ничего не изменится. Нам нужно оружие — и как можно быстрее. Речь идет

о том, чтобы мы, вооружившись, приступили к попыткам установления контакта… Но не на исследованной территории.

— Почему? — спросил Координатор.

— Весьма вероятно, что нас заставят драться, прежде чем мы доберемся до города. Невозможно установить контакт с существами, которые носятся в этих дисках, это наихудшие условия, какие можно себе представить.

— А ты уверен, что где-нибудь в другом месте мы наткнемся на лучшие?

— Не уверен, но знаю, что на севере и на востоке нам искать нечего. По крайней мере пока.

— Это мы обдумаем, — сказал Координатор. — Что дальше?

— Необходимо привести в действие Защитника, — сказал Химик.

— Много на это понадобится времени? — повернулся Координатор к Инженеру.

— Не могу сказать. Без автоматов мы до Защитника даже не доберемся. Он весит четырнадцать тонн. Пусть Кибернетик скажет.

— Чтобы его проверить, потребуется два дня. Как минимум, — подчеркнул последнее слово Кибернетик. — Но сначала нужно привести в порядок автоматы.

— За это время ты приведешь в порядок все автоматы? — с сомнением спросил Координатор.

— Где там! Два дня у меня займет сам Защитник — после того как я запущу хоть один автомат. Ремонтный. А мне нужен еще один, грузовой. Чтобы его проверить, опять-таки потребуется два дня. И учтите: я не знаю, удастся ли вообще его наладить.

— А нельзя ли вытащить из Защитника сердечник и установить его за временным экраном, здесь, на холме, под защитой корпуса? — продолжал спрашивать Координатор.

Он взглянул на Физика. Тот покачал головой:

— Нет. Каждый полюс сердечника весит больше тонны. Кроме того, их не протащить через туннель.

— Туннель можно расширить.

— Они не пройдут в люк. А грузовой люк в пяти метрах над поверхностью и залит водой из лопнувшей кормовой цистерны, ты ведь знаешь.

— Ты проверил зараженность этой воды? — спросил Инженер.

— Да. Стронций, кальций, церий, изотопы бария и все, что хочешь. Ее нельзя ни спустить — это заразило бы всю почву в радиусе четырехсот метров, — ни очистить, пока в антирадиаторах

не будет исправных фильтров.

— А я не могу отремонтировать фильтры без микроавтоматов, — добавил Инженер.

Координатор, который переводил глаза с одного на другого, по мере того как они говорили, вступил в разговор:

— Список наших «невозможностей» велик, но это ничего. Хорошо, что мы его рассмотрели с этой стороны. Я думаю о вооружении. Значит, остаются мониторы, так?

— Какие это мониторы, — с оттенком раздражения сказал Инженер. — Незачем обманывать самих себя. Доктор поднял из-за них такой шум, как будто мы собирались начать тут атомную войну. Конечно, из них можно выбрасывать обогащенный раствор, но дальность действия не превышает семисот метров. Это ручные лейки, и ничего больше, да еще опасные для стреляющего, если на нем нет защитного скафандра. А скафандр весит сто тридцать килограммов.

— Конечно, у нас на борту все вещи страшно тяжелые, — сказал Координатор таким тоном, что никто не понял, насмехается он или нет. — Ты ведь хотел сделать расчет? — напомнил он Физику.

— Сделал. Есть еще такой вариант: два мони-

тора, разнесенные на расстояние не меньше ста метров, стреляют так, чтобы обе выброшенные струи пересекались на цели. Тогда из обоих субкритических потоков образуется критическая масса и происходит цепная реакция.

— Это хорошо для развлечения на полигоне, — заметил Химик. — Не представляю себе такой точности в полевых условиях.

— Выходит, у нас нет вообще никаких атомных мониторов? — удивился Кибернетик. Его охватила злость. — Так для чего же была вся эта дискуссия, спор, ссора: должны ли мы выступать вооруженными до зубов или нет? Мы что, просто развлекаемся?

— Я согласен, что мы многое делаем не подумав, — сказал по-прежнему спокойно Координатор. — Делали до сих пор. Но больше мы не можем позволить себе такой роскоши. Все не совсем так, как ты говоришь, — он смотрел на Кибернетика, — потому что существует первый вариант использования мониторов: выброс половины содержимого резервуара. Тогда произойдет взрыв. Но нужно стрелять из хорошего укрытия и всегда на максимальную дальность.

— Значит, перед тем как открывать огонь, нужно закопаться на метр вглубь, так?

— Самое меньшее на полтора метра, с двухметровым бруствером, — вмешался Физик.

— Ну, это хорошо в позиционной войне. В экспедициях это бессмысленно, — пренебрежительно сказал Химик.

— Ты забываешь о нашем положении, — отпарировал Координатор. — Если не будет другого выхода, один человек с монитором прикроет отступление остальных.

— А! Без всяких метровых насыпей?

— Если не будет времени — без.

Помолчали.

— Сколько у нас еще годной для употребления воды? — спросил Кибернетик.

— Неполных тысяча двести литров.

— Это очень мало.

— Очень мало.

— Теперь прошу делать конкретные предложения, — заговорил Координатор. На белой повязке у него проступило красное пятнышко. — Наша цель — спасти себя и… обитателей планеты.

Стало тихо. Вдруг все головы повернулись в одну сторону. Из-за стены доносилась приглушенная музыка. Медленные такты знакомой им всем мелодии.

— Аппарат уцелел?.. — удивленно шепнул Ки-

бернетик.

Никто не ответил.

— Я жду, — напомнил Координатор. — Нет предложений? В связи с этим принимаю решение: экспедиции будут продолжаться. Если удастся установить контакт в благоприятных условиях, сделаем все возможное для взаимопонимания. Наш запас воды чрезвычайно мал. Из-за отсутствия транспортных средств мы не можем его пополнить немедленно. Поэтому придется разделиться. Половина экипажа будет работать в ракете, другая половина — исследовать территорию. Завтра приступим к ремонту вездехода и сборке мониторов. Если успеем, уже вечером предпримем экспедицию на колесах. Кто хочет что-нибудь сказать?

— Я, — отозвался Инженер.

Скорчившись, уткнув лицо в ладони, он, казалось, смотрел на пол сквозь щели между пальцами.

— Пусть Доктор останется в ракете…

— Почему? — удивился Кибернетик.

Все остальные поняли.

— Он… не предпримет ничего против нас… если ты это имеешь в виду, — медленно, осторожно подбирая слова, сказал Координатор. Красное

пятно на его повязке немного увеличилось. — Ты ошибаешься, думая…

— Он… нельзя ли его позвать? Я не хотел бы так…

— Говори, — сказал Координатор.

— Вы знаете, что он сделал там… на этом заводе. Он мог погибнуть.

— Да. Но… он один помог мне… разбросать… — Координатор не кончил.

— Это правда, — согласился Инженер. Он не отрывал рук от лица. — Считайте, что я ничего не сказал.

— Кто еще? — Координатор слегка выпрямился, поднес руку к голове, притронулся к повязке и посмотрел на пальцы.

Музыка за стеной все еще играла.

— Здесь или там — неизвестно, где мы столкнемся с ними раньше, — понизив голос, сказал Физик Инженеру.

— Бросим жребий? — спросил Химик.

— Это невозможно; оставаться всегда должны те, у кого на корабле есть работа, то есть специалисты, — сказал Координатор.

Он медленно, неуверенно привстал и вдруг покачнулся. Инженер подскочил, поддержал его, заглянул в лицо.

— Ребята, — сказал он.

Физик обнял Координатора с другой стороны. Координатор позволил им себя поднять. Остальные раскладывали на полу подушки.

— Не хочу лежать, — сказал Координатор, закрыв глаза. — Помогите мне. Спасибо. Это ничего, кажется, шов разошелся.

— Сейчас будет тихо, — сказал Химик и пошел к двери.

Координатор широко открыл глаза:

— Нет, нет, что ты, пусть играет…

Кто-то позвал Доктора. Он сменил повязку, наложил дополнительные скобы и дал Координатору какие-то порошки. Потом все улеглись в библиотеке. Было уже около двух ночи, когда они наконец погасили свет, и на корабле воцарилась тишина.

Глава шестая

На следующий день с утра Физик с Инженером откачали из резерва реактора четыре литра обогащенного раствора урановых солей. Свинцовый контейнер с тяжелой жидкостью стоял посреди уже приведенной в порядок лаборатории. Физик и Инженер работали в неуклюже раздутых пластиковых защитных костюмах и в капюшонах с кислородными масками. Они тщательно отмеряли мензуркой порции ценной жидкости, стараясь не пролить ни капли. Для того чтобы началась цепная реакция, было достаточно четырех кубиков раствора. Зарядными устройствами мониторов, укрепленных в штативах на столе, служили специально вытянутые капиллярные трубки из свинцового стекла. Окончив работу, Инженер счетчиком Гейгера проверил герметичность, поворачивая и встряхивая каждый монитор. Утечки не было.

— Не трещит, все в норме, — довольно сказал Физик.

Дверь радиоактивного хранилища — бронированная свинцовая плита — медленно поворачивалась вслед за оборотами рукоятки. Физик

и Инженер поставили внутрь сосуд с ураном и, когда задвижка защелкнулась, с облегчением сорвали со вспотевших лиц маски и капюшоны.

Остальную часть дня весь экипаж возился с вездеходом. Доступ к грузовому люку преграждала радиоактивная вода, поэтому вездеход пришлось разобрать и по частям вынести через туннель, предварительно расширив его в двух самых узких местах. Вездеход почти не требовал ремонта. В небольшой машине, рассчитанной на четырех человек, включая водителя, имелся открытый решетчатый багажник на двести килограммов груза. Очень остроумно были устроены колеса вездехода. Водитель мог на ходу менять их диаметр, подкачивая воздух в шины.

Оставалось приготовить изотопную смесь, которая, непосредственно вырабатывая ток, питала электромоторы вездехода. На это ушло шесть часов. Правда, занят был только один человек, наблюдавший за работой реактора.

Инженер и Координатор тем временем лазали на четвереньках по подпалубным туннелям, проверяя кабели между носовой рубкой и распределительными устройствами машинного отделения и в случае необходимости заменяя их новыми. На холме под защитой ракеты Хи-

мик устроил нечто вроде адской кухни и варил в жаропрочных сосудах какое-то месиво, булькающее на медленном огне, словно грязевой вулкан. Он растворял, плавил и смешивал просеянные обломки пластиков, вынесенные ведрами с корабля, а поодаль уже ждали матрицы — он намеревался заново отлить разбитые распределительные щиты. Он был зол и не желал ни с кем разговаривать: первые отливки оказались слишком хрупкими.

Координатор, Химик и Доктор должны были отправиться на юг в пять, за три часа до наступления темноты. Как обычно, выехать вовремя не удалось, только около шести все было готово и уложено. Четвертое сиденье занял монитор. Багажа они взяли очень немного, зато сзади к багажнику привязали столитровую канистру для воды — большую не удалось протащить через туннель.

После обеда Инженер, вооружившись большим биноклем, вскарабкался на выступающий корпус корабля и очень медленно пошел по нему вверх. Правда, ракета воткнулась в грунт под очень небольшим углом, но благодаря ее длине корма с раструбом дюз висела над равниной на высоте двух этажей. Гладкая, без единой цара-

пинки, керамитовая обшивка была скользкой, на ощупь она казалась покрытой тонкой жировой пленкой.

Инженер сел, уперся рубчатой резиновой подошвой ботинка в выпуклый конус дюзы и начал медленно водить биноклем вдоль линии горизонта.

Раскаленный воздух дрожал. Не надеясь что-нибудь увидеть, Инженер взглянул на юг и почти физически ощутил давление солнечных лучей на лицо. Он обрадовался, когда Доктор охотно принял план Координатора. Он сам рассказал Доктору об этом плане. Доктор даже слышать не хотел о каких-либо извинениях, он все перевел в шутку. Инженера удивил и даже поразил только конец их разговора. Ему уже казалось, что обсуждать больше нечего, как вдруг Доктор задумчиво притронулся к его груди и рассеянно заговорил:

— Я хотел тебя кое о чем спросить… ага. Ты знаешь, как установить ракету вертикально, когда мы ее отремонтируем?

— Сначала нам нужно будет привести в действие грузовые автоматы и экскаватор… — начал Инженер.

— Нет, — прервал его Доктор. — Тебе известно, что я не разбираюсь в технических деталях.

Скажи мне только, ты — ты сам — знаешь, как это сделать?

— Тебя пугает цифра — шестнадцать тысяч тонн, да? Архимед готов был перевернуть Землю, имея точку опоры. Подкопаем ее и…

— Извини, это не то. Я спрашиваю не о том, знаешь ли ты теоретические или практические способы вообще, а уверен ли ты, что сумеешь это сделать — подожди же! — и можешь ли ты дать мне слово, что, ответив «да», ты скажешь то, что думаешь?

Инженер заколебался. В довольно туманной программе работ оставалось еще несколько неясных пунктов, но он убеждал себя, что, когда дело дойдет до этой, самой трудной фазы, все как-нибудь обойдется. Прежде чем он ответил, Доктор медленно взял его руку и пожал ее.

— Нет, уже не надо, — сказал он. — Знаешь, Хенрик, почему ты так кричал на меня? Нет, нет, я тебя не упрекаю! Потому что ты точно такой же болван, как и я, и не хочешь в этом признаться.

Он улыбнулся и вдруг стал очень похож на свою студенческую фотографию, которую Инженер видел у него на столе.

— *Credo quia absurdum* [8]. Ты учил латынь?

— Да, — ответил Инженер. — Но все забыл.

Доктор заморгал, отпустил его руку и отошел, а Инженер остался на месте и подумал, что Доктор хотел сказать что-то совсем другое и, если как следует сосредоточиться, можно отгадать, о чем Доктор говорил на самом деле, — но в этот момент его почему-то охватили отчаяние и страх. К счастью, Координатор позвал его в машину, где было столько работы, что у него не оставалось ни секунды на размышления.

Сейчас Инженер вспоминал вчерашнюю сцену и свое состояние, но так, словно ему об этом кто-то рассказывал. В бинокле плыла равнина, до самого голубеющего небосвода вздутая плавными горбами, перечеркнутыми полосами тени. Вчера вечером в глубине души он был уверен, что их найдут и что утром придется драться. Этого не случилось, и он в очередной раз решил не обращать внимания на свои предчувствия.

Инженер спрятал бинокль в футляр и медленно, опираясь сразу на всю ступню, двинулся вниз по керамитовым плитам. Он сделал десяток шагов, когда услышал, что за ним кто-то идет. Он

---

[8] Примечания: 8

Верю, потому что это абсурд *(лат.)*.

резко обернулся, потерял равновесие, покачнулся и, вытянув руки, упал на обшивку. Еще не успев поднять голову, он услышал отчетливо повторенный шум собственного падения.

Сгорбившись, Инженер поднялся на колени.

В каких-нибудь девяти метрах от него, на самом краю верхнего кольца рулевых дюз сидело что-то маленькое, размером с кошку, и внимательно следило за ним. Животное (ощущение, что это — животное, появилось сразу же) торчало столбиком, как белка, и Инженер видел его бледно-серое вздувшееся брюшко и сложенные на брюшке лапки — все четыре, с забавно сходящимися в самом центре коготками. Кромку керамитового кольца животное охватывало каким-то желтоватым, блестящим, словно застывшее желе, отростком, торчащим из конца туловища. Серая круглая кошачья головка не имела ни пасти, ни глаз, но вся была усыпана черными блестящими бисеринками, как подушечка со множеством тесно воткнутых в нее булавок. Инженер вскочил, сделал три шага в сторону зверька (совершенно ошеломленный, он почти забыл, где находится) и услышал как бы эхо шагов, их утроенный отголосок. Он понял, что это существо может имитировать разные звуки, и медленно подошел

еще ближе, соображая, не снять ли с себя рубашку, чтобы использовать ее как сачок, но зверек вдруг преобразился.

Сложенные на круглом брюшке лапки затрепетали, блестящий отросток развернулся, как большой веер, кошачья головка жестко вытянулась на длинной голой шее, и, окруженное слабо мерцающим ореолом, существо поднялось в воздух, мгновение висело неподвижно, а потом, поднявшись по спирали, набрало высоту и улетело.

Инженер спустился вниз и как можно подробнее рассказал о своей встрече.

— Это даже хорошо, — заявил Доктор, — а то я уже удивлялся, почему здесь нет никаких летающих животных.

Химик напомнил ему про «белые цветы» у ручья.

— Они выглядели скорее как насекомые, — сказал Доктор, — как здешние… ну… бабочки. Но вообще-то воздух тут слабо заселен, а если на планете эволюционируют живые организмы, возникает «биологическое давление», благодаря которому должны быть заполнены все возможные среды, все «экологические ниши»… Мне здесь очень не хватало птиц.

— Оно похоже скорее на… летучую мышь, — усомнился Инженер. — Оно покрыто шерстью…

— Возможно, — согласился Доктор, который не стремился отстаивать свою монополию на биологические знания, и, пожалуй, больше из вежливости, чем потому, что это его действительно интересовало, добавил: — Говоришь, оно имитировало звук шагов? Любопытно. Ну что ж, в этом должна быть какая-то приспособительная целесообразность.

— Не мешало бы хорошенько обкатать машину. Ну, ничего, думаю, не подведет, — сказал Координатор, выползая из-под вездехода, уже готового в путь.

Инженера немного разочаровало безразличие, с каким товарищи приняли его открытие, но он признался, что, если говорить откровенно, его больше поразили необычные обстоятельства встречи, нежели сам летающий зверек.

Все немного побаивались минуты расставания. Остающиеся стояли у ракеты и смотрели, как смешная машина описывает все более широкие кольца вокруг ракеты. Управлявший вездеходом Координатор сидел на переднем сиденье. Доктор и Химик устроились сзади, рядом с ними торчал тонкий ствол монитора. Неожиданно подъехав

совсем близко к ракете, Координатор крикнул:

— Постараемся вернуться к полуночи, до свидания!

Он резко увеличил скорость, и через минуту вездеход исчез за стеной золотистой пыли, которую плавно сносило к западу.

Пока местность была ровной, делали по шестидесяти километров в час. Доктор все время оглядывался назад, но скоро потерял ракету из виду. Тихо пели моторы, пыль клубами била из высохшего грунта, застилая степной пейзаж, и, редея, уплывала вдаль.

Довольно долго никто не произносил ни слова. Впрочем, пластиковое стекло защищало от ветра только водителя, и сидящим сзади пришлось бы кричать. Местность повышалась, становилась все более холмистой, последние серые чаши исчезли, разбросанные далеко по равнине пятна паучьих зарослей тоже остались позади, кое-где стояли полувысохшие дышащие деревья с беспомощно обвисшими гроздьями листьев, лишь изредка вздрагивавших в слабом неритмичном пульсе. Вдали появились протянувшиеся далеко друг от друга борозды, но вращающиеся диски не показывались. Несколько раз шины мягко подпрыгивали, пересекая взрыхленный грунт, из

него высовывались остроконечные, белые, как высушенная кость, обломки скал, длинные языки осыпей тянулись от них к подножию огромного склона, по которому поднимался вездеход. Колючий гравий тревожно шуршал под колесами, уклон рос. Пришлось убавить скорость — у моторов были резервы мощности, но Координатор берег их на этой трудной местности.

Выше, между желто-бурыми гребнями, блестела какая-то длинная тонкая полоса. Координатор еще больше сбавил скорость. Поперек склона, там, где он плавно переходил в плато, в обе стороны разбегалась гладкая, вдавленная в почву зеркальная лента. Коснувшись ее кромки передними колесами, вездеход остановился. Координатор спрыгнул с сиденья, потрогал зеркальную поверхность прикладом электрожектора, ударил в нее посильнее, наконец ступил, подпрыгнул — лента не шелохнулась.

— Сколько мы уже сделали? — спросил Химик, когда Координатор вернулся.

— Пятьдесят четыре, — ответил тот и осторожно тронул машину с места.

Вездеход мягко качнулся, переехал через ленту (она выглядела как идеально прямой канал, наполненный застывшей ртутью) и, увеличи-

вая скорость, помчался мимо пролетающих то с левой, то с правой стороны мачт, увенчанных вибрирующими воздушными вихрями. Потом многорядье мачт плавно повернуло на восток, а вездеход продолжал мчаться по прямой — стрелка компаса все время показывала точно на букву S.

Плато выглядело угрюмо: растительность постепенно сдавала свои позиции в сражениях с массами песка, которые приносил горячий восточный ветер. Из низких барханов торчали почерневшие, только у самой земли бледно-карминные кусты с осыпающимися кожистыми стручками. Иногда в высохших зарослях шевелилось что-то пепельное, несколько раз чуть ли не из-под самых колес вездехода выскакивали какие-то существа, но люди не успевали рассмотреть даже контуры этих животных — с такой стремительностью те влетали в чащу.

Координатор лавировал, объезжая группы колючих кустов. Ехать становилось все труднее. Чувствовалось отсутствие воды; большинство растений было совсем сожжено солнцем, под порывами горячего ветра они издавали мертвый бумажный шелест. Вездеход поспешно поворачивал, двигаясь вдоль стен, образованных

нависшими ветвями, из полопавшихся гроздьев сыпалась желтоватая пыль, она покрывала ветровое стекло, комбинезоны, лица людей; из глубины зарослей сочилась жара, дышать было трудно. Доктор поднялся с сиденья и наклонился вперед. В этот момент завизжали тормоза, и машина остановилась.

Впереди, в нескольких десятках шагов, плато обрывалось, кусты тянулись до самой линии обрыва черной, янтарно отсвечивающей под солнцем щеткой. Вдали над невидимой котловиной вставали склоны высоких гор. Координатор выпрыгнул из машины и пошел к ближайшему кусту с длинными, мягко раскачивающимися на фоне неба ветками.

— Спустимся, — сказал он, возвращаясь.

Машина осторожно двинулась вперед, внезапно задрала зад, как будто собиралась перевернуться, канистра забренчала, ударяясь о решетку багажника, тормоза предостерегающе зашипели. Координатор включил насос, колеса разбухали на глазах, неровности крутизны сразу же стали ощущаться меньше. Вездеход спускался к волнистой пелене облаков. Изнутри ее пробивал грушевидный столб бурого дыма. Он почти не расплывался в воздухе. Извержение длилось

несколько десятков секунд, потом столб дыма с огромной быстротой начал опадать, скрываясь между белыми облаками, пока не исчез в них, всосанный обратно в гигантскую глотку, которая перед этим его выплюнула.

Вся долина делилась на два яруса: верхний — ярко освещенный солнцем, и нижний — далекий, невидимый, затянутый пеленой непроницаемых облаков. Вездеход катился к ним, раскачиваясь и подпрыгивая, прерывисто попискивая тормозами. Лучи низкого солнца еще несколько минут освещали далекие склоны на противоположной стороне, где, вырастая из чащи бурых и фиолетовых зарослей, поблескивали приземистые сооружения с зеркальными поверхностями. Смотреть на них было трудно — отраженное солнце ослепляло. До слоя белых облаков, казалось, было рукой подать, граница обрыва, обозначенная на голубом фоне зубчатой линией кустов, осталась высоко позади; машина шла все медленнее.

Стало холодней, в воздухе висела влага. Вездеход катился по отлогому склону. Низкие облака тянулись далеко к бурым, черноватым и серым пятнам, расплывающимся в глубине долины. Впереди что-то слабо, туманно поблескивало, как будто в воздухе был разлит слой маслянистой

жидкости. От этого мерцающего сияния отделилась темная точка и направилась навстречу людям. Вездеход шел теперь по ровному месту, такому гладкому, словно оно было искусственно укатано и утрамбовано; черная точка росла, люди увидели, что она катится на круглых колесах, — это был их вездеход, его отражение в какой-то поверхности. Когда изображение стало таким большим, что люди уже почти различали собственные черты, оно начало колебаться и пропало. Через то место, где должно было находиться невидимое зеркало, машина прошла, не встретив никакого препятствия, лишь на мгновение ее залила волна слабого тепла. Одновременно растворилась туманная маслянистая пленка.

Под шинами захлюпало — вездеход въехал в мелкое болотистое озерцо, вернее, в лужу. Там виднелись полосы мутной воды, от нее поднимался слабый горький чад. Там и тут возвышались бугры более светлой почвы, пропитанной водой, по ним текли ручейки, вливающиеся в лужу. Дальше, по правую сторону, темнели какие-то бесформенные развалины, похожие не столько на остатки стен, сколько на кучи перепачканных помятых тканей, то возносящихся на высоту нескольких метров, то опускающихся к самой

поверхности планеты с неправильными пустыми черными отверстиями. Вездеход пробирался между ям. Координатор остановил его около одной из них, подъехав вплотную к глинистому отвалу, вылез из машины и вскарабкался на груду породы. Он наклонился над прямоугольным колодцем. Химик и Доктор увидели, как изменилось его лицо, и молча выскочили вслед за ним; ком глины развалился под ногой Доктора, чавкнуло болото. Химик поддержал его и потянул за собой.

В яме с отвесными утрамбованными стенками лежал навзничь обнаженный труп с лицом, залитым водой. Над черным зеркалом воды выступали только мощные грудные мышцы, между которыми торчал детский торс.

Трое людей подняли головы, переглянулись и спустились с глинистого бугра. Из рыхлых комьев глины при каждом шаге выдавливалась вода.

— На этой планете есть что-нибудь кроме могил? — спросил Химик.

Они растерянно стояли около вездехода, не зная, что делать. Координатор огляделся. Повсюду тянулись неровные ряды глинистых бугров, чуть дальше справа серели громады руин, среди них белела какая-то змеистая линия. По другую сторону — за пятнами перекопанной глины

— блестела суживающаяся кверху наклонная плоскость, как бы отлитая из пористого металла. От ее основания расходились зубчатые полосы. Вдали между лениво проплывающих облаков испарений просвечивало что-то отвесное, черное, похожее на стенку огромного котла, но это впечатление было ненадежным, так как сквозь редкие разрывы тумана или пара проглядывали лишь какие-то контуры и чувствовалось только, что там стоит что-то огромное, словно вырубленное из целой скалы.

Координатор уже садился в машину, когда издалека донесся глубокий, как будто исходящий из недр вздох, беловатый туман слева разошелся, уступив мощному порыву ветра, который тотчас же принес горький пронзительный запах. Они увидели взметнувшуюся к облакам трубу причудливой формы. Из нее перевернутым водопадом бил коричневый столб стометровой, пожалуй, толщины, он разбрасывал неспокойно волнующееся молоко туч и исчезал. Это длилось, может быть, с минуту, потом наступила тишина, снова послышался сдавленный стон, порыв ветра изменил направление, тучи упали ниже, от них отделились длинные султаны, они начали затягивать черную трубу, и вскоре она почти

целиком скрылась за ними.

Координатор дал знак, Доктор и Химик заняли свои места, вездеход неуклюже закачался на грудах глины и подошел к следующей яме. Она была пуста, в ней стояла только черная вода. Снова послышался далекий приглушенный шум, облака вспучились, из вулканической трубы вырвался коричневый гейзер и опять всосался обратно. Люди, поглощенные ездой и непрерывными остановками, обращали все меньше внимания и на эти равномерные изменения, и на кипение туч и дымов внутри котловины. Выше колен забрызганные грязью, они прыгали в рыхлые насыпи, карабкались по скользким склонам и заглядывали в ямы. Иногда под комком глины, сброшенной чьей-нибудь ногой, всплескивала вода, они спускались, садились в машину и ехали дальше.

Из восемнадцати осмотренных ям в семи были обнаружены мертвые тела. И, удивительное дело, по мере того как они находили новые трупы, их ужас, отвращение, негодование как будто шли на убыль. Возвращалась способность наблюдать. Они заметили, что чем ближе подъезжал вездеход к колеблющейся стене тумана, то заслонявшей, то вновь открывавшей черного колосса,

тем меньше воды становилось в ямах. Наклонившись над очередным квадратным колодцем, все дно которого занимала сложенная вдвое фигура, они увидели, что она немного отличается от остальных. Следующие две ямы оказались пустыми, а в третьей, совсем уже сухой, всего в нескольких сотнях шагов от лопатообразной наклонной плоскости, на боку лежал непохожий на другие труп с раскинутыми руками — одна из них была расщеплена у самого конца на два толстых отростка.

— Что это? — запинаясь, пробормотал Химик, стискивая плечо Доктора. — Видишь?

— Вижу.

— Он какой-то другой — у него нет пальцев.

— Может, увечье, — буркнул Координатор.

Это прозвучало неубедительно.

У последней ямы перед наклонной плоскостью они задержались еще раз. Она выглядела совсем свежей: кусочки глины медленно отваливались от вздрагивающих, оседающих стен, казалось, из четырехугольной ямы всего мгновение назад вынули грунт огромной лопатой.

— О, господи… — бледнея, прохрипел Химик и, едва не свалившись в яму, спрыгнул с насыпи.

Доктор заглянул в лицо Координатору.

— Поможешь мне вылезти? — спросил он.

— Да. Что ты собираешься делать?

Доктор встал на колени, оперся о края ямы и осторожно спустился вниз, стараясь не коснуться ногами развалившейся на дне огромной туши. Он наклонился над ней, инстинктивно задержав дыхание. Сверху казалось, что ниже грудных мышц, сразу под тем местом, где из складок кожи мясистого разросшегося торса высовывался второй, маленький, в беспомощное тело был воткнут металлический стержень.

Вблизи Доктор увидел, что они ошибались.

Из-под складок кожи выступал похожий на пупок синеватый тонкостенный нарост, а металлическая трубка, изогнутый конец которой терялся, придавленный спиной мертвеца, была введена в этот нарост. Доктор пошевелил ее, сначала осторожно, потом потянул сильнее, наклонился еще ближе и обнаружил, что кончик трубки, просвечивающий сквозь натянутую кожу, соединен с ней непрерывным швом маленьких поблескивающих жемчужинок. С минуту он размышлял, не отрезать ли трубку вместе с наростом, медленно полез в карман за ножом, все еще ничего не решив, но, выпрямляясь, взглянул прямо в сплюснутое личико, неестественно

откинувшееся к стенке колодца, и остолбенел.

Там, где у существа, вскрытого им в ракете, находились ноздри, у этого был один широко открытый глаз, который, казалось, смотрел на Доктора с молчаливым напряжением. Доктор поднял глаза. «Что там?» — услышал он голос Координатора, увидел его черную на фоне туч голову и понял, почему они не заметили этого сверху: головка опиралась о стенку, и, чтобы взглянуть на нее прямо, нужно было находиться именно там, где он сейчас стоял.

— Помоги мне, — сказал Доктор, встал на цыпочки и крепко ухватился за протянутую руку. Координатор потянул его, Химик помог, они рванули его за ворот комбинезона, и он очутился наверху, весь перемазанный глиной.

— Мы ничего не понимаем, — сказал он. — Слышите? Ничего. Ничего!!! — И добавил тише: — Я вообще не представляю себе ситуации, в которой человек настолько не мог бы ничего, совсем ничего понять!

— Что ты нашел? — спросил Химик.

— Они действительно отличаются друг от друга, — сказал Доктор. — У одних есть пальцы, а у других нет. У одних есть нос и нет глаза, а у других есть глаз, но нет носа. Одни больше и темнее,

другие светлее и с более коротким туловищем. Одни…

— Ну и что из этого? — нетерпеливо прервал его Химик. — Люди тоже бывают разных рас, у них разные черты, цвет кожи, чего же здесь непонятного? Тут речь идет о другом: кто, почему, зачем устраивает эти ужасные бойни?

— Я не совсем уверен, что это бойни, — тихо ответил Доктор.

Он стоял, опустив голову. Химик смотрел на него ошеломленно:

— Что это должно… что ты…

— Я ничего не знаю… — с усилием сказал Доктор. Он механически, совершенно не замечая этого, пытался вытереть платком испачканные глиной руки. — Но одно я знаю, — добавил он вдруг, выпрямляясь. — Я не могу этого объяснить, но разница между ними не похожа на различие рас в пределах одного и того же вида. Слишком важны глаза и нос, зрение и обоняние.

— На Земле есть муравьи, у которых специализация зашла еще дальше. У одних есть глаза, у других нет, одни могут летать, другие только ходить, одни являются кормильцами, другие — воинами. Я должен учить тебя биологии?

Доктор пожал плечами.

— Все, что происходит, ты сразу же втискиваешь в готовую, привезенную с Земли схему, — сказал он. — Если какая-то деталь, какой-то факт не укладывается в нее, ты его просто отбрасываешь. Я не могу тебе сейчас этого доказать, но я знаю, просто знаю, что это не имеет ничего общего ни с расовыми различиями, ни со специализированной дифференциацией вида. Помните тот обломок — конец трубки, иглы, который я нашел при вскрытии? Конечно, мы все подумали — и я тоже, — что то существо, ну, хотели убить. А у этого… Нет, все это совсем другое. У него есть нарост, присоска или нечто в этом роде, и трубка туда просто вставлена, введена внутрь. Так же как человеку вставляют трубку в дыхательное горло при трахеотомии. Конечно, это не имеет ничего общего с трахеотомией — у него просто нет трахеи. Я не знаю, что это такое, и ничего не понимаю, но, во всяком случае, знаю хоть это!

Доктор забрался в вездеход и спросил Координатора, который обходил машину с другой стороны, чтобы занять свое место:

— А что ты скажешь?

— Что нужно ехать дальше, — ответил Координатор и взялся за руль.

Глава седьмая

Смеркалось. Вездеход по большой дуге объехал наклонное образование; оказалось, что это не искусственное сооружение, а разлившийся по равнине рукав магматической реки. Она скатывалась по склонам с верхнего яруса долины и застыла десятками растрескавшихся оползней и каскадов. Волнистая оболочка скрывала нижнюю часть склона, только наверху, где крутизна увеличивалась, из этого мертвого потока торчали голые ребра скал.

На противоположной стороне ущелья с высохшим глинистым дном высился изрезанный зигзагами трещин уходящий в тучи горный хребет, его покрывал, насколько можно было увидеть сквозь разрывы облаков, черноватый кожух растительности. В свинцовых сумерках застывшая река с блестящими гребнями неподвижных волн выглядела как огромный ледник. Долина оказалась гораздо обширнее, чем можно было предположить, глядя на нее сверху.

Постепенно краски тускнели, формы теряли четкость, словно их заливала вода. Вдали перед вездеходом темнели рыжие изломы не то стен, не

то скальных склонов, их хаотичные нагромождения обволакивал мягкий свет, хотя солнце было скрыто тучами.

Ближе, по обеим сторонам расширяющегося ущелья, правильным двурядьем стояли огромные мрачные фигуры, похожие на палицы или узкие высокие баллоны. Вездеход подъехал к ним уже в темноте. Координатор включил фары. Колеса перекатывались через пласты застывшего шлака, его обломки потрескивали, как стекло, языки света облизывали стены гигантских резервуаров или баллонов, и они вспыхивали ртутным блеском. Последние следы глины исчезли, вездеход покачивался на плавных неровностях застывшей, как лава, массы, в углублениях мелкими черными лужами скопилась вода, с шумом разбрызгивающаяся под колесами. На фоне туч тонкой паутиной чернела воздушная галерея, соединявшая два сооружения, отстоящих друг от друга метров на сто. Фары вырвали из тьмы несколько поваленных набок машин с выпуклыми дырчатыми днищами, сквозь отверстия виднелись зубцы, с которых свисала какая-то истлевшая ветошь. Машины были брошены давно — металлические плиты уже разъела ржавчина.

Воздух пропитался влагой, порывы ветра

приносили приторный смрад и запах гари. Координатор сбросил скорость и свернул к подножию ближайшей палицы. К ней вела гладкая, кое-где выщербленная по краям плита, огороженная с двух сторон наклонными плоскостями со сложной системой канавок. Основание сооружения рассекала черная, как смола, линия, она расширялась, росла, становилась входом. Цилиндрический свод взмывал вверх, и стена терялась в высоте, уже невозможно было охватить взглядом всю ее безмерность. Над темной пастью, ведущей в невидимую глубь, выступал складчатый и обвисший навес — казалось, строитель забыл о нем и оставил его в неоконченном, неоформленном виде.

Свет фар беспомощно терялся в зияющем провале, в обе стороны разбегались широкие, слегка углубленные желоба, они уходили вверх огромными спиральными витками. Вездеход почти остановился, потом начал очень медленно въезжать на тот желоб, который вел вправо.

Людей охватила непроницаемая тьма, только в снопах света над кромками желоба появлялись и исчезали веерообразные растянутые ряды наклонных телескопических мачт. Вдруг над головами заплясали многократно отражен-

ные отблески и вверху замаячили хороводы беловатых призраков. Координатор зажег широкоугольный прожектор, установленный рядом с рулем, и, задрав его вверх, повернул. Поток света, постепенно слабея, скользнул, как по ступенькам, по белым прямоугольным рамам, которые, появляясь из мрака, вспыхивали костяным блеском и пропадали, ослепительно переливаясь тысячами зеркальных отражений.

— Нет, это ничего не даст, — раздался искаженный громким металлическим эхом замкнутого пространства голос Координатора. — Погодите, у нас ведь есть ракеты.

Фары разливали над вездеходом тусклое сияние. Координатор спрыгнул с сиденья, черной тенью наклонился над краем желоба, звякнул металл, он крикнул:

— Смотрите вверх! — И подскочил к машине.

Почти в тот же момент с пронзительным шипением вспыхнула магнезия, и призрачный трепещущий свет мгновенно раздвинул мрак в стороны.

Желоб пятиметровой ширины, где оказался вездеход, кончался немного выше, дугой уходя в глубину прозрачного коридора, точнее шахты — так круто она набирала высоту. Серебряной трубой

она врезалась в скопление сверкающих пузырей, заполнявших, словно бесчисленные ячейки стеклянного улья, пространство под куполом свода. За концентрирующими свет прозрачными выпуклыми стенками внутри стеклянных ячеек виднелись галереи уродливых скелетов. Это были снежно-белые, почти искрящиеся, осевшие на лопатообразные нижние конечности кости с веером ребер, лучисто выходящих из овально удлиненной костяной пластины, и в каждой такой несомкнутой спереди грудной клетке находился тонкий, полунаклонный скелетик не то птицы, не то обезьяны о беззубым круглым черепом. Бесконечные шпалеры заключенных в стеклянные яйца скелетов белели, взмывая многоэтажными спиралями, все дальше и выше, пузырьки стенок усиливали и рассеивали свет, так что невозможно было отличить реальные формы от их зеркальных отражений.

Через шесть секунд пламя магнезии погасло. В последней желтоватой вспышке блеснули вздутые стеклянные пузыри, и стало темно. Люди сидели окаменев. Прошла добрая минута, прежде чем они сообразили, что фары горят по-прежнему и белые столбы света упираются в днища стеклянных сосудов.

Координатор подъехал к самому устью шахты. Заскрипели тормоза, машина легко развернулась и встала поперек ската. Прозрачная труба туннеля уходила круто вверх, но, придерживаясь за стены широко расставленными руками, можно было преодолеть наклон. Координатор вывернул прожектор из шарового гнезда, и три человека вошли в шахту, таща за собой нитку кабеля.

Пройдя несколько десятков метров, они поняли, что спиральная шахта пронизывает всю внутренность купола. Прозрачные камеры размещались с обеих ее сторон, немного выше вогнутого дна, по которому приходилось идти, сильно наклоняясь вперед. Это было очень утомительно, но вскоре крутизна туннеля уменьшилась. От каждого сплюснутого по бокам пузыря в туннель высовывалась горловина, закрытая круглой, точно пригнанной к отверстию чечевицеобразной крышкой из подернутого легкой дымкой, стекла. В луче прожектора проплывали костяные хороводы. Кости были разной формы. Люди поняли это только через некоторое время, потому что соседние скелеты почти ничем не отличались друг от друга. Чтобы обнаружить разницу, нужно было сравнить экземпляры из отдаленных один от другого участков огромной спирали.

По мере продвижения вверх все явственней смыкались грудные клетки скелетов, нижние конечности уменьшались, словно поглощаемые разросшейся костной пластиной, зато у маленьких уродцев, находившихся внутри, росли головы, их черепа странно вздувались по бокам, виски становились выпуклее, так что у некоторых было как бы три слившихся вместе черепных свода — большой в середине и два поменьше, выше ушных отверстий.

Шагая один за другим, Координатор, Химик и Доктор отмерили полтора витка спирали, когда их остановил неожиданный рывок: кабель прожектора размотался до конца. Доктор хотел идти дальше с фонариком, но Координатор настоял на возвращении. От главного туннеля через каждые несколько шагов ответвлялись боковые ходы. Ничего не стоило заблудиться в этом выдутом из стекла лабиринте. На обратном пути они пробовали открыть одну, другую, третью крышку, но ничего не получилось — крышки были как будто сплавлены в одно целое со стенками прозрачных ячеек.

Днища пузырей тонким слоем покрывала мелкая беловатая пыль, кое-где в ней виднелись неясные просветы, напоминавшие какие-то

непонятные следы или рисунки. Шедший последним Доктор на каждом шагу останавливался у выпуклых стенок; он все еще не мог разобраться, каким образом подвешены скелеты, что их поддерживает. Он хотел заглянуть в один из боковых коридорчиков, но Координатор торопил, поэтому Доктор отказался от дальнейших исследований, тем более что Химик ушел с прожектором вперед и в темном туннеле можно было рассмотреть только слабо поблескивающие грани «сотов».

Они спускались все быстрее и наконец очутились около вездехода. После застоявшегося нагретого воздуха, наполнявшего стеклянный туннель, здесь дышалось особенно легко.

— Возвращаемся на корабль? — не то спросил, не то предложил Химик.

— Нет еще, — ответил Координатор.

Он развернул машину на месте — желоб был достаточно широк, — фары огромной дугой прочертили сверкающий мрак, вездеход спустился по крутому скату и внезапно оказался против входа, который, как длинный низкий экран, освещался последней вспышкой вечерней зари.

Загадочные постройки остались далеко позади. Вездеход все медленнее катился по скальному грунту, слабо попискивали тормоза. Немного

погодя машина остановилась в метре от неожиданно открывшегося каменистого обрыва.

Внизу темнел лабиринт глубоко ушедших в грунт стен, похожих на старинные земные укрепления. Их верхушки торчали на уровне обрыва. Словно с высоты птичьего полета люди заглядывали в черные ущелья улочек, узких, извилистых, с отвесными стенами. В стенах виднелись более темные, откинутые назад, косо нацеленные в небо ряды четырехугольных отверстий с закругленными углами. Каменные силуэты сливались в монолитную массу, которую не освещал ни единый проблеск. Значительно дальше сквозь мрак кое-где пробивался тусклый свет, а еще дальше огни густели и, Сливаясь в сплошное зарево, заволакивали каменные грани неподвижным золотистым туманом.

Координатор встал и направил прожектор в щель улочки под стеной, на гребне которой остановился вездеход. Сноп света упал на одинокую веретенообразную колонну, торчащую шагах в ста среди разбегающихся дугой стен. По ее бокам, искрясь, бесшумно стекала вода. Вокруг колонны на треугольных плитах лежали кучки речного песка, невдалеке, на краю освещенного пространства, валялся перевернутый плоский сосуд.

— Это какое-то поселение… — сказал Координатор, медленно поворачивая прожектор.

От маленькой площади с колодцем расходились расширяющиеся кверху каналы улочек, зажатых скошенными каменными стенами с острыми отвесными выступами, напоминающими носы кораблей. Между выступами темнели четырехугольные дыры. От этого сплошная линия стен становилась похожей на старинное крепостное укрепление. Над отверстиями тянулись черноватые размазанные полосы, как будто из них когда-то вырывалось пламя. Луч прожектора скакал по остроконечным пересечениям стен, падал в черные ямы подвалов, заглядывал в провалы закоулков.

— Погаси! — вдруг сказал Доктор.

Координатор послушно выключил прожектор и только теперь, в полной темноте, заметил происшедшую вокруг перемену.

Сплошное призрачное зарево, заливавшее гребни далеких стен с выделяющимися на его фоне силуэтами каких-то труб, распадалось на отдельные островки, слабело, его гасила наступающая от центра к периферии волна мрака; еще некоторое время тлели отдельные столбы света, потом и они исчезли, половодье ночи поглощало

один пояс каменных ущелий за другим, наконец пропала последняя полоска света — и ни одна искорка больше не светилась в мертвой тьме.

— Они знают о нас… — заговорил Химик.

— Возможно, — прервал его Доктор. — Но почему огни были только там? И… вы заметили, как они гасли? От центра.

Ему никто не ответил.

— На вездеходе нам туда не спуститься. Кто-нибудь должен остаться у машины, — сказал Координатор.

Химик и Доктор промолчали.

— Ну кто? — спросил Координатор.

Снова никто не ответил.

— Значит, я, — решил он и взялся за руль.

Вездеход с зажженными фарами двигался по кромке стены. Через несколько сотен метров он остановился у ведущей вниз, огражденной каменными откосами лестницы с низкими и узкими ступеньками.

— Я останусь здесь, — сказал Координатор.

— Сколько у нас времени? — спросил Химик.

— Сейчас девять. Даю вам час. За это время вы должны вернуться. Возможно, вам будет трудно найти дорогу. Через сорок минут пущу ракету. Еще через десять минут — вторую, следующую

— через пять минут, Постарайтесь в это время находиться на каком-нибудь возвышении, хотя зарево вы увидите и снизу. Теперь сверим часы.

Тишину нарушал только шум ветра. Воздух становился все холоднее.

— Монитор брать не стоит: в этой тесноте им все равно не воспользуешься. — Координатор невольно понижал голос. — Хватит электрожекторов. Впрочем, речь идет о контакте. Но не любой ценой. Это ясно, правда? — Он обращался к Доктору. Тот кивнул. Координатор продолжал; — Ночь не самое лучшее время. Может быть, вы только сориентируетесь на местности. Это было бы самым разумным. Мы ведь можем сюда вернуться. Старайтесь держаться вместе, защищать спины друг друга и не лезть ни в какие закоулки.

— Как долго ты будешь ждать, если… — Химик замялся.

Координатор усмехнулся.

— До конца. А теперь идите.

Химик надел ремень электрожектора на шею, чтобы освободить руки, и фонариком осветил начало лестницы. Доктор уже спускался вниз. Вдруг наверху вспыхнули белые огни — это Координатор освещал дорогу. Стали видны неровности

камней, увеличенные, залитые тенями. Химик и Доктор зашагали по длинному световому коридору. Через несколько десятков шагов они свернули в боковую улочку. Немного погодя погасло сероватое сияние, серебрившее верхушки стен, — Координатор выключил фары.

Шаги громко отдавались в тишине. Улочка, зажатая плоскостями стен, рождала короткое и глухое эхо. Доктор и Химик, не сговариваясь, подняли левые руки и пошли дальше, касаясь стены. Она была холодной и гладкой, как стекло. Потом Доктор зажег фонарик.

Шли долго. Миновали улочки, перекрытые камнем, высокие и просторные, как галереи; проходили под сводами, с которых свисали какие-то бесформенные не то колокола, не то бочки; заглядывали в обширные пустые залы. В свете фонарей кружилась пыль, по бокам зияли входы в склепы с душным, застоявшимся воздухом.

Иногда им казалось, что они чувствуют чье-то присутствие. Тогда они гасили фонари и останавливались, затаив дыхание. Что-то шуршало, шлепало, звук шагов разбивался на бесформенные эхо, слабел, слышалось неясное бормотание, из колодцев, открывавшихся в каменных нишах, вместе с затхлыми испарениями доносился бес-

конечный стон.

Доктор и Химик шли дальше; у них возникло ощущение, что во мраке снуют какие-то фигуры, один раз они заметили высунувшееся из бокового переулка бледное в свете фонарика, худое личико, изрезанное морщинами, но, когда они подбежали к этому месту, там никого не оказалось, только на камнях валялся лоскут тонкой золотистой фольги.

Доктор молчал. Он знал, что это путешествие, опасное, более того — безумное, в таких условиях, ночью, — целиком на его совести, что Координатор пошел на риск, так как время подгоняло, а он упрямее всех добивался попыток установить контакт. Десятки раз Доктор повторял себе, что они дойдут только до следующего излома стен, до поперечной улицы и вернутся, — и шел дальше.

Чем дольше продолжалось путешествие, тем больше оно становилось похожим на кошмарный сон. Химик и Доктор жаждали прежде всего света — фонарики давали только его видимость, их лучи лишь углубляли окружающий мрак, вырывая из него отдельные, лишенные связи с целым и потому непонятные фрагменты.

Один раз до них донеслись шаркающие шаги — совсем близкие и отчетливые. Доктор и Химик

побежали на звук, шлепанье резко ускорилось, улочку наполнил топот, его рваное эхо билось в тесных стенах, они неслись с зажженными фонарями, серый отсвет плыл над ними волнистым сводом, мелькали черные провалы боковых переулков. Наконец они запыхались и прекратили бессмысленную гонку.

— Слушай, а они нас не заманивают? — с трудом выдохнул Химик.

— Чушь! — сердито цыкнул Доктор, водя вокруг фонариком.

Они стояли около высохшего каменного колодца, стены зияли черными провалами, в одном из них мелькнуло плоское личико; когда пятно света вернулось, отверстие было пустым.

Они пошли дальше. О присутствии обитателей селения больше не нужно было догадываться — оно чувствовалось повсюду, становилось невыносимым. У Доктора даже появилась мысль, что лучше нападение, схватка в этом мраке, чем упорное, бессмысленное путешествие, которое никуда не ведет. Он взглянул на часы. Прошло уже почти полчаса, скоро нужно возвращаться.

Химик опередил его на несколько шагов. Проходя мимо черневшего в изломе стен арочного входа, он машинально поднял фонарь. Свет

скользнул по веренице стенных ниш и упал на съежившиеся, застывшие, голые спины.

— Они там! — крикнул он, инстинктивно отступая.

Доктор вошел внутрь. Химик светил сзади. Нагие фигуры, сбившись в кучу, жались к стене. В первый момент Доктору показалось, что они мертвые: в полосе света заблестели скатывающиеся по спинам водянистые капли.

— Эй! — сказал он тихо, чувствуя, что все это лишено даже крупицы смысла.

Где-то высоко снаружи раздался протяжный вибрирующий свист. О каменный свод ударился многоголосый стон. Ни одна скорчившаяся фигура не шевельнулась, они только стонали тонкими протяжными голосами; зато на улице началось движение, слышались звуки отдаленных шагов, шаги перешли в галоп, промелькнуло несколько темных силуэтов, эхо раскатывалось все дальше. Доктор выглянул наружу — никого. Его беспомощность перешла в яростную злость; он стоял у арки, погасив фонарик, чтобы лучше слышать.

Из темноты накатывался приближающийся топот.

— Идут!

Пустынная улица неожиданно заполнилась. Вокруг прыгали горбы, все забурлило, слышался шум от ударов больших мягких тел, в глубине проносились огромные крылатые тени, со всех сторон обрушился царапающий кашель, несколько голосов надсадно зарыдало, огромная масса рухнула под ноги Химику, подсекла его; падая, он в последний момент заметил глядящее прямо на него белоглазое личико, фонарик стукнулся о камни, и стало темно. Химик отчаянно искал его, шаря руками по мостовой, как слепец.

— Доктор! Доктор! — кричал Химик, но голос его тонул в хаосе, вокруг мелькали десятки тел, огромные туловища с маленькими ручками сталкивались, он схватил металлический цилиндр фонарика и уже вскочил было на ноги, когда сильный удар бросил его на стену. Откуда-то с высоты разнесся свист, все на мгновение замерло, он почувствовал приближающуюся волну тепла, испускаемого нагретыми телами, что-то его толкнуло, он закружился, закричал, чувствуя скользкое отвратительное прикосновение — внезапно со всех сторон его окружило тяжелое дыхание.

Химик нажал кнопку. Фонарик вспыхнул. На несколько секунд перед ним вытянулась

изогнутая линия горбатых торсов, маленькие личики таращились, сморщенные головки покачивались, потом напор сзади усилился и голые гиганты обрушились на него. Химик крикнул еще раз. Он не услышал собственного голоса. Мокрые горячие туши стиснули его, сдавили ему ребра, он уже не чувствовал под ногами почвы, он даже не пытался сопротивляться. Его куда-то пихали, тащили, его душила сырая вонь, он судорожно стискивал прижатый к груди фонарик, освещавший несколько ближайших существ, которые смотрели на него ошеломленно и старались отодвинуться, но толпа не пускала. Тьма непрерывно выла хриплыми голосами, маленькие торсы, покрытые, словно потом, водянистой жидкостью, прятались во вздутиях грудных мышц. Окончательно сдавленный, он еще увидел сквозь чащу переплетенных рук, тел блеск огня, лицо Доктора, мелькнул его разинутый в крике рот. Химик задыхался от тяжелого смрада, фонарик прыгал у него под подбородком, выхватывая из мрака личики, безглазые, безносые, лишенные ртов, плоские, старчески обвисшие, мокрые, он чувствовал удары горбов. На мгновение стало свободнее, потом его снова сдавило, швырнуло задом на стену, он ударился спиной о маленькую

колонну, вцепился в нее, стараясь с ней слиться. Новые волны толкучки отрывали его, он упирался изо всех сил, он боролся, только чтобы устоять, — падение означало смерть. Наконец он нащупал какую-то каменную ступеньку, нет, обломок камня, влез наверх и высоко поднял фонарик.

Зрелище было страшное. От стены до стены бушевало море голов. Приближаясь к Химику, огромные существа всматривались в него расширенными глазами, пытались отстраниться. Он видел их отчаянные судорожные усилия, но невозможно было противостоять напору нагой массы, которая с ужасным воем катилась в нижнюю часть улочки, выжимая крайних на стены.

Вдруг Химик увидел Доктора: потеряв фонарик, он двигался, вернее плыл, в толпе, его переворачивало, крутило, он затерялся между возвышающимися над ним гигантскими фигурами. В воздухе развевались какие-то лоскутья. Химик, выставив перед собой электрожектор, как мог сдерживал напор. Он чувствовал, что у него немеют руки, мокрые, скользкие туши обрушивались на него таранами, отскакивали, неслись дальше, толпа редела, из мрака вырывались новые группы, фонарь погас, непроницаемая

тьма бурлила, хлюпала, стонала, пот заливал ему глаза, он втягивал воздух, обжигающий легкие, терял сознание.

Химик опустился на каменную ступеньку, опершись спиной о холодные камни, хватая ртом воздух; он уже различал отдельные шаги, шлепающие скачки, хор мучительно воющих голосов удалялся. Опираясь руками о стену, он встал на ватные ноги, хотел позвать Доктора, но не мог выдавить ни звука. Вдруг белое зарево вырвало из мрака гребень противоположной стены. Химик не сразу сообразил, что это, наверное, Координатор сигналит им ракетой.

Он наклонился, начал искать фонарик. У самой поверхности почвы воздух был насыщен отвратительным, невыносимо тошнотворным смрадом. Он выпрямился и услышал далекий крик. Это был голос человека.

— Доктор! Сюда! Сюда! — заорал он.

Голос ответил где-то совсем рядом, между черными стенами показалась полоска света. Доктор шел быстро, он слегка покачивался, как пьяный…

— А, — сказал он, — ты здесь, хорошо…

Он схватил Химика за плечо.

— Протащили меня немного, но мне удалось

забраться в нишу… Потерял фонарь?

— Да.

Доктор все еще держал Химика за плечо.

— Голова кружится, — объяснил он спокойно, чуть-чуть задыхаясь. — Это ничего, сейчас пройдет…

— Что это было? — шепотом, как бы про себя, спросил Химик.

Доктор не ответил. Они оба вслушивались в темноту: снова в ней шелестели далекие шаги, она была наполнена шорохами, несколько раз доносился приглушенный расстоянием стон. Небо над стенами опять полыхнуло, осветив их гребни, свет задрожал на отвесных гранях и, бледнея, сполз вниз, как мгновенный восход и заход солнца.

— Пошли, — сказали оба одновременно.

Если бы Координатор не зажигал ракет, им, пожалуй, не удалось бы вернуться до рассвета. Зарево еще дважды разгоняло мрак каменных ущелий, помогая определить правильное направление. По дороге они встретили нескольких беглецов, которые, испугавшись света фонарика, в панике исчезли, а один раз наткнулись на лежащее у подножия крутой лестницы уже совсем остывшее тело. Они молча перешагнули через

него. Было уже почти одиннадцать, когда они нашли площадь с каменным колодцем; едва на нее упал луч фонарика, сверху тройной полоской вспыхнули фары.

Химик и Доктор тяжело взбежали по лестнице к вездеходу и уселись на ступеньках. Координатор выключил фары и молча расхаживал в темноте вокруг машины, ожидая, когда они смогут говорить.

Когда они рассказали ему все, он только заметил:

— Ну ладно. Хорошо, что это так кончилось. Тут один из них…

Доктор и Химик не поняли его; только когда он зажег боковой прожектор и повернул его назад, они вскочили. В нескольких метрах от вездехода неподвижно лежал двутел. Доктор первым оказался рядом с ним.

Двутел полулежал нагой, верхняя часть большого торса была приподнята. Из щели между грудными мышцами на людей смотрел большой бледно-голубой глаз — они видели только краешек сплюснутого личика.

— Как он сюда попал? — тихо спросил Доктор.

— Прибежал снизу, за несколько минут до вас. Когда я зажигал ракеты, убежал, потом вернулся.

— Вернулся?!

— На это самое место. Вот так.

Они растерянно стояли перед двутелом. Тот дышал тяжело, как после долгого бега. Доктор наклонился, собираясь погладить или похлопать гиганта ладонью. Тот задрожал, на его бледной коже выступили большие водянистые пузыри.

— Он нас боится, — тихо сказал Доктор и беспомощно добавил. — Что делать?

— Оставить его и ехать. Уже поздно, — бросил Химик.

— Никуда мы не поедем. Слушайте… — Доктор заколебался. — Знаете что? Посидим…

Двутел не шевелился. Если бы не мерные движения его дискообразной груди, можно было бы подумать, что он неживой. По примеру Доктора Химик и Координатор уселись рядом с ним на каменной плите. Из темноты доносился далекий шум гейзера, иногда ветер шелестел в невидимых зарослях, раскинувшееся внизу поселение окутывала непроницаемая ночь. В воздухе время от времени проплывали редкие клочья тумана, четко вырисовывавшийся в отсветах фар силуэт вездехода застыл поодаль, как черная декорация. Минут через десять, когда люди уже начали терять надежду, двутел вдруг стрельнул глазом

сквозь щель своего укрытия. Достаточно было неосторожного движения Химика, чтобы щель захлопнулась, но на этот раз ненадолго.

Наконец гигант выпрямился. Его голова торчала метрах в двух над грунтом, но он был бы еще выше, если бы не наклонялся вперед.

Ни Координатор, ни Химик толком не знали, как Доктор этого добился, — он сам потом уверял, что тоже не знает, — во всяком случае, после осторожных похлопываний, ласковых жестов, нашептываний двутел, уже целиком высунувший свой подвижный торс из внутреннего гнезда, позволил Доктору потянуть себя за тоненькую руку к вездеходу. Когда он шел, низ его бесформенного тела преображался. Казалось, он может произвольно выдвигать и втягивать ноги; на самом деле у него просто сокращались мышцы вокруг конечностей, которые сразу же становились отчетливо видны. Маленькая голова двутела свисала вперед и с наивным удивлением смотрела сверху на стоявших в световом конусе людей.

— И что теперь? — поинтересовался Химик. — Здесь с ним не столкуешься.

— Как это что? — ответил Доктор. — Возьмем его с собой.

— У тебя с головой все в порядке?

— Это дало бы нам много, — сказал Координатор, — но… он весит, пожалуй, с полтонны.

— И что из этого? Вездеход рассчитан на большее.

— Ничего себе! Нас трое, да еще и груз — это уже больше трехсот килограммов. Могут лопнуть рессоры.

— Да? — сказал Доктор. — Тогда не нужно. Пусть уходит.

С этими словами он подтолкнул двутела в сторону уходящей вниз лестницы.

Огромное существо (когда двутел стоял рядом и особенно когда на него не падал свет от фар, все время казалось, что у него обрублена голова и на ее место воткнута другая, чужая, слишком маленькая и плохо, чересчур низко насаженная) вдруг съежилось, его кожу мгновенно покрыли искрящиеся капли водянистой жидкости.

— Да нет же! А, черт… я просто пошутил, — пробормотал Доктор.

Его товарищи тоже были поражены такой реакцией. Доктору не без труда удалось успокоить эту громадину. Проблему размещения нового пассажира разрешить было нелегко. Координатор выпустил почти весь воздух из шин, так что вез-

деход едва не сел на камни; пришлось снять оба задних сиденья и укрепить их на багажнике, а на самый верх этой пирамиды взгромоздить монитор. Но двутел не хотел входить в машину. Доктор похлопывал его, уговаривал, подталкивал, сам садился и выскакивал, и если бы не сопутствующие обстоятельства, это зрелище выглядело бы, вероятно, очень забавным. Был уже двенадцатый час, а им еще предстояло в темноте, по неровной местности, двигаясь по большей части круто в гору, сделать больше ста километров. Наконец Доктор потерял терпение. Он схватил одну из поднятых рук маленького торса и крикнул:

— Подтолкните его сзади!

Химик заколебался, но Координатор сильно нажал плечом на горбатую спину двутела, тот издал скулящий звук и, теряя равновесие, одним скачком очутился в машине. Теперь дело пошло быстро. Координатор подкачал шины, вездеход хотя и сильно накренился, но мягко двинулся с места. Доктор сел перед новым пассажиром, так как Химик предпочел избежать такого соседства и устроился в довольно неудобном положении — стоя за спиной Координатора.

Вездеход плавно мчался по длинным гладким каменным плитам. По бокам мелькнула анфи-

лада колонн, вскоре показалась аллея «палиц», а еще через несколько минут они добрались до глинистых бугров, окружавших ямы с жутким содержимым.

Некоторое время они ехали по густой, отвратительно хлюпающей грязи, потом нашли отпечатавшиеся в глине следы шин и теперь двигались, почти повторяя свой путь сюда. Выбрасывая из-под колес фонтаны воды и грязи, вездеход ловко лавировал между глинистыми буграми. Далеко в темноте загорелось размазанное световое пятно, оно двигалось им навстречу и увеличивалось с каждой минутой. Вскоре они различили уже три отдельных огонька. Координатор не сбавлял скорости: это было их собственное отражение. Двутел начал проявлять беспокойство, он ерзал, покашливал, втискивался в угол, рискуя перевернуть машину. Доктор пытался успокоить его — без малейшего результата. Обернувшись, Доктор увидел, что бледная фигура стала похожей на закругленную сверху голову сахара: двутел втянул свой маленький торс и как будто перестал дышать. Только когда их обдало горячей волной и зеркальное отражение исчезло — свидетельство того, что они пересекли загадочную линию, — огромный пассажир затих, застыл и

не обнаруживал никакого волнения, хотя сейчас, с усилием карабкаясь по склону, который становился все круче, вездеход сильно качался, буксовал, надутые колеса тяжело терлись о неровности почвы. Скорость уменьшилась, вместо быстрой дроби шин было слышно напряженное пение моторов, несколько раз нос машины опасно задирался вверх — она уже едва ползла. Вдруг колеса начали скользить назад, осел пласт слабо скрепленного с основанием грунта. Координатор резко повернул руль. Машина остановилась.

Координатор осторожно развернулся, и вездеход наискось съехал по склону обратно в долину.

— Ты куда? — воскликнул Химик.

Порывы ночного ветра приносили мелкие капли, хотя дождя еще не было.

— Попробуем в другом месте, — громко ответил Координатор.

Они снова остановились, пятно света поползло вверх, постепенно слабея, рассмотреть ничего не удалось. Пришлось подниматься в гору наугад. Скоро наклон стал таким же крутым, как в том месте, где они сползли вниз, но здесь грунт был сухой, и вездеход тянул хорошо, однако всякий раз, когда Координатор пытался повернуть к северу, машина начинала грозно задирать капот,

почти садясь на задние колеса, и заставляла его ехать с растущим отклонением к западу.

Так они тащились довольно долго. Пришлось доползти до вершины склона, расширить небольшую выемку в его гребне, продраться сквозь заросли кустарника, и только тогда Координатор взял нужный курс и увеличил скорость.

— Половину прошли! — немного погодя крикнул Доктору Химик, из-за плеча Координатора внимательно следивший за спидометром.

Координатор подумал, что половины еще не проехали — пытаясь пробиться через холмы, они сделали крюк километров двадцать. Наклонившись к самому стеклу, он не отрывал глаз от дороги, вернее от бездорожья, стараясь объезжать большие препятствия, а маленькие пропускать между колесами, но, несмотря на это, машину бросало, трясло, металлическая канистра грохотала. Временами вездеход подскакивал, а когда он шлепался на грунт, амортизаторы всех четырех колес злобно шипели. Но видимость была неплохая, пока никаких неожиданностей. На границе растворявшихся в сероватой дымке световых полос что-то мелькнуло: высокая палочка, другая, третья, четвертая — это показались мачты.

Доктор силился увидеть, окружает ли по-преж-

нему их верхушки дрожащий воздух, но было слишком темно. Спокойно мерцали звезды, огромное существо на заднем сиденье не шевелилось; только раз, как бы устав сидеть в одной и той же позе, оно заерзало, устраиваясь поудобнее, и это такое человеческое движение странно взволновало Доктора.

Колеса запрыгали на поперечных бороздах. Вездеход уже спускался по продолговатому взгорбленному водоразделу. Координатор поехал немного медленнее, за языком известковой осыпи он уже видел следующие борозды. Внезапно слева донесся нарастающий свист. Пронизывающий тупой шум — и неясная гигантская масса, сверкнув, пересекла им дорогу. Тормоза вездехода резко заскрежетали, машину рвануло. Пахнуло горьким горячим ветром. Снова и снова надвигался свист. Координатор погасил фары. В темноте в нескольких шагах от вездехода пролетали как бы смерчи. Высоко в небе одна за другой проносились мерцающие фосфорическим светом гондолы, окруженные невидимыми вращающимися дисками; поворачивая, они легко накренялись, все под одним и тем же углом. Люди шепотом считали: восемь, девять, десять… После пятнадцатого был перерыв…

— Столько мы еще не встречали, — сказал Доктор.

Послышался какой-то новый незнакомый звук, гораздо более низкий, и приближался он медленнее. Координатор дал задний ход, вездеход начал пятиться. Они поднимались в гору, колеса слабо шуршали на известковой осыпи. Не успел Координатор затормозить, как в темноте перед ними с басовитым гудением, от которого завибрировал вездеход, проплыл неясный силуэт, только высоко над деревьями потемнели звезды и почва задрожала, будто шла лавина. Гудя, как гигантский волчок, тянулся следующий призрак и еще один; гондол видно не было, лишь красновато светились неправильные, заостренные на концах контуры какой-то конструкции, медленно вращающиеся в сторону, противоположную направлению движения.

Снова стало тихо, только откуда-то доносилось то стихающее, то усиливающееся гудение.

— Вот это колоссы — видали? — сказал Химик.

Координатор подождал еще немного, включил фары, отпустил тормоза, вездеход покатился под гору, потом Координатор включил мотор, и машина еще быстрее побежала вниз. Хотя ехать вдоль борозд было удобнее, так как они обходили

все большие неровности, Координатор предпочел не рисковать: на них сзади могло налететь одно из прозрачных чудовищ. Он пытался мысленно продолжить маршрут встреченных машин: они шли с северо-запада, а удалялись на восток, но это ни о чем не говорило — они поворачивали и могли сделать еще много таких поворотов. Он ничего не сказал, но на душе у него было неспокойно.

В начале третьего снопы света уперлись в блестящую зеркальную ленту. Двутел, на которого встреча во тьме не произвела никакого впечатления, с некоторого времени, высунув голову, осматривался по сторонам. Когда вездеход почти подъехал к зеркальному поясу, огромное существо вдруг закашляло, засопело, завозилось, постанывая, начало выпрямляться и перевесилось на одну сторону, как будто хотело выпрыгнуть на ходу.

— Стой! Стой! — крикнул Доктор.

Координатор затормозил, вездеход остановился в метре от ленты.

— Что случилось?

— Он хочет убежать!

— Почему?

— Не знаю; может, из-за этого — погаси фары!

Координатор выключил свет. Едва стало темно,

двутел тяжело опустился на место. Они тронулись с погашенными огнями, мгновение в черных плитах переливались отражения звезд, и снова они ехали по грунту. Впереди лежала равнина. Вездеход мчался все быстрее, его корпус вибрировал, мимо них проносились известняковые выступы с бегущими по песку большими тенями, песок рвался из-под колес, холодный воздух бил в лицо, обжигая легкие, мотор гудел, камешки, звеня, стучали по шасси. Химик сжался, он старался спрятать голову за ветровое стекло. Вот-вот должен был появиться корабль.

Перед отъездом условились, что Инженер повесит на корме ракеты проблесковый фонарь. Они искали мигающий огонек. Координатор поехал немного медленнее, повернул к северо-западу, но время шло, а вокруг по-прежнему разливался кромешный мрак. Координатор давно уже переключил фары на ближний свет, теперь он погасил и его, махнув рукой на то, что может столкнуться с каким-нибудь невидимым препятствием. Один раз они заметили мерцающий огонек и помчались к нему с максимальной скоростью, но уже через несколько минут поняли, что это просто низкая звезда. Было двадцать минут третьего.

— Может, у них фонарь испортился, — предпо-

ложил Химик.

Никто не ответил. Они проехали еще пять километров, снова повернули. Доктор приподнялся, всматриваясь в окружающую темноту. Машина ползла совсем медленно; вдруг она высоко подпрыгнула — сначала передние, потом задние колеса, — позади осталась канавка, пропаханная в песчаном грунте.

— Давай влево, — вдруг сказал Доктор.

Координатор повернул, показались невысокие холмики, вездеход пересек вторую борозду глубиной в пол метра, неожиданно все трое увидели неясную вспышку и на ее фоне — удлиненную косую тень, верхушку которой на мгновение окружил ореол. Вездеход резким броском рванулся вперед, новая вспышка фонаря, заслоненного кормой корабля, осветила три маленькие фигурки. Координатор включил фары, фигурки бросились к вездеходу, подняв руки.

Координатор подрулил к товарищам и затормозил.

— Приехали?! Все?! — крикнул Инженер.

Он подскочил к вездеходу и шарахнулся назад при виде четвертой, безголовой фигуры, которая беспокойно зашевелилась.

Координатор обнял одной рукой Инженера,

другой Физика и стоял так секунду, словно опираясь на них. Они столпились впятером около бокового рефлектора; Доктор что-то тихо говорил двутелу.

— У нас все в порядке, — сказал Химик, — а у вас?

— Более или менее, — ответил Кибернетик.

Они долго смотрели друг на друга. Все молчали.

— Поговорим или пойдем спать? — спросил Химик.

— Ты можешь спать? Изумительно! — воскликнул Физик. — Спать! О господи! Они здесь были, понимаете?

— Я так и думал, — сказал Координатор. — И произошло… столкновение?

— Нет. А у вас?..

— Тоже нет. Думаю… то, что они обнаружили ракету, может оказаться важнее того, что видели мы. Рассказывайте. Хенрик, давай ты…

— Вы поймали его?.. — спросил Инженер.

— Собственно, он нас поймал. То есть позволил взять его с собой добровольно. Но это целая история. Длинная, сложная, хотя, увы, мы ничего в ней не понимаем…

— С нами точно так же! — выпалил Киберне-

тик.— Они появились через какой-нибудь час после вашего отъезда!! Я решил было, что это конец, — признался он вдруг, понизив голос.

— Вы не голодны? — спросил Инженер.

— Кажется, я совсем забыл об этом. Доктор! — крикнул Координатор. — Иди сюда!

— Совещание? — Доктор вылез из вездехода и подошел к товарищам, но по-прежнему не спускал глаз с двутела, который неожиданно легким движением спрыгнул вниз и медленно заковылял к людям, но едва коснулся границы освещенного круга, отступил и замер.

Люди смотрели на него молча. Огромное существо опустилось, припало к почве, еще секунду торчала его голова, потом мышцы сомкнулись, оставив щель, из которой в рассеянном свете фар поблескивал голубой глаз.

— Значит, они были здесь? — спросил Доктор.

— Да. Двадцать пять вращающихся кругов, таких же, как тот, что мы захватили, и четыре машины гораздо бóльшие, не вертикальные диски, а как бы прозрачные волчки.

— Мы встретили их! — крикнул Химик.

— Когда? Где?

— С час назад, возвращаясь! Мы чуть с ними не столкнулись. А что они делали здесь?

— Прибыли колонной, — заговорил Инженер, — откуда, мы не знаем. Мы все как раз были в ракете, буквально пять минут, а когда вышли на поверхность, они уже тянулись один за другим, окружая ракету. Они не приближались. Мы думали, что это передовой дозор, головная тактическая разведка. Ну, установили под ракетой монитор и ждали. А они крутились все время в одну сторону, не отдаляясь и не приближаясь. Это продолжалось часа полтора. Потом появились большие волчки — высотой метров тридцать! Гиганты! Похоже, что они могут двигаться только по бороздам, которые пропахивают те, другие. Вращающиеся диски освободили для них место в своем кольце, и поочередно — одна большая машина, одна маленькая — они снова начали крутиться. Иногда притормаживали, а один раз две чуть не столкнулись, вернее, коснулись друг друга. Треск был ужасный, но с ними ничего не случилось, и они продолжали вращаться.

— А вы?

— Ну, а что мы — потели у монитора. Удовольствие было небольшое.

— Верю, — торжественно сказал Доктор, — а дальше?

— Дальше? Сначала я все думал, что они вот-вот

на нас нападут, потом — что они только производят наблюдения. Но меня удивлял их строй и то, что они не останавливаются ни на секунду. Мы ведь знаем: такой круг может вращаться на месте. Ну, где-то в начале восьмого я послал Физика за мигалкой — нужно было повесить ее для вас. Но ведь вы не смогли бы прорваться сквозь эту проклятую стену — и тогда мне первый раз пришло в голову, что это блокада! Ну, я подумал, что, во всяком случае, нужно попробовать договориться — пока есть возможность. Мы все еще сидели у монитора и начали сигналить лампой — сериями, сначала по две вспышки, потом по три, по четыре.

— Теорема Пифагора? — спросил Доктор; Инженер напрасно пытался рассмотреть, не насмехается ли он.

— Нет, — сказал он наконец. — Обычный числовой ряд.

— А они что? — спросил жадно слушавший Химик.

— Как тебе сказать, — собственно, ничего.

— Что значит «собственно»? А «не собственно»?

— Ну, они совершали разные действия и до наших сигналов, и во время них, и после, но ничего

такого, что можно было бы принять за попытку ответить или установить контакт, не было.

— А что они делали?

— Кружились то быстрее, то медленнее, сближались друг с другом, что-то двигалось в их гондолах…

— А у волчков, этих больших, тоже есть гондолы?

— Ты же говорил, что вы их видели?

— Когда мы их встретили, было темно.

— У них нет никаких гондол — внутри вообще ничего нет. Пустое место. Зато по периметру ходит… плавает… ну, крутится как бы большой бак, по краям выпуклый, в центре вогнутый, по бокам у него целый ряд рогов — таких конусных утолщений. Совершенно бессмысленно — с моей точки зрения, конечно. О чем я говорил?.. Да, так вот, эти волчки выходили иногда за пределы кольца и менялись местами с маленькими дисками.

— Как часто?

— По-разному. Во всяком случае, никакой регулярности установить не удалось. Говорю вам — я отмечал все, что могло иметь хоть малейшую связь с их движениями, так как ожидал какого-нибудь ответа. Они проделывали даже сложные эволюции. Например, на втором часу эти боль-

шие притормозили, почти остановились, перед каждым волчком встал диск поменьше, они медленно двинулись к нам, но прошли совсем немного, может пятнадцать метров, большие волчки за ними, и снова начали описывать круги. Теперь их было целых два: внутренний, по которому двигались четыре большие и четыре маленькие машины, и наружный из остальных плоских дисков. Я уже подумывал, что предпринять, чтобы вы могли вернуться. Но тут они выстроились в одну длинную колонну и удалились, сначала по спирали, а потом прямо на юг.

— А в котором часу это было?

— В начале двенадцатого.

— Значит, мы встретили других, — обратился Химик к Координатору.

— Не обязательно. Они могли где-нибудь задержаться.

— Теперь вы рассказывайте, — потребовал Физик.

— Пусть говорит Доктор, — сказал Координатор.

— Ладно. Итак… — За несколько минут Доктор рассказал обо всех приключениях и продолжал. — Вы подумайте, все, что тут происходит, отчасти напоминает нам различные вещи, известные

на Земле, но всегда только отчасти — каждый раз несколько кубиков остаются лишними и не укладываются в мозаику. Это очень характерно! Их машины появились здесь как будто в боевом строю — может, это разведывательный патруль, может, головной дозор армии, может, начало блокады? Или все понемногу, а в результате — ничего не ясно. Вот глиняные ямы — конечно, они были ужасны, но что они, собственно, значили? Могилы, так это выглядело. Потом их поселение, или как там это назвать. Это было уже совершенно невероятно! Кошмарный сон. Ну, а скелеты? Музей? Бойня? Храм? Фабрика биологических экспонатов? Тюрьма? Можно думать обо всем, даже о концентрационном лагере! Но мы не встретили никого, кто хотел бы нас задержать или установить с нами какой-нибудь контакт — ничего похожего. Это, пожалуй, наименее понятно, во всяком случае, для меня. Цивилизация планеты, несомненно, на высоком уровне. Архитектура в техническом отношении развита чрезвычайно, строительство таких куполов, как те, которые мы видели, должно представлять не простую проблему. А рядом — каменный поселок, напоминающий средневековый город. Поразительное смешение уровней цивилизации! При

этом, видимо, существует отличная система сигнализации, раз они погасили свет в этом своем городе буквально через минуту после нашего прибытия, а мы ехали очень быстро и никого не заметили на дороге… Без сомнения, они наделены разумом, а толпа, которая нас окружила, вела себя как стадо баранов, охваченное паникой. Ни следа какой-либо организации… Сначала они как будто убегали от нас, потом нас окружили, смяли, возник неописуемый хаос, все это было бессмысленно, просто безумно! Ну, и так во всем. Индивид, которого мы убили, был одет в какую-то серебристую фольгу; эти были голые, лишь на нескольких болтались какие-то лохмотья. У того трупа в яме была введена в кожный нарост трубка… И, что самое странное, у него был глаз, как у этого, которого вы видите, а другие были без глаз, зато с носами. Когда я об этом думаю, меня охватывает опасение, что даже двутел, которого мы привезли, немногим нам поможет. Естественно, мы постараемся с ним объясниться, но я не очень верю, что это удастся.

— Весь собранный до сих пор информационный материал нужно записать и как-то классифицировать, — заметил Кибернетик, — иначе мы в нем утонем. Должен сказать… Доктор, наверное, прав,

но… эти скелеты… А это точно были скелеты? И история с толпой, которая сначала окружила вас, а потом разбежалась…

— Скелеты я видел, как тебя. Это неправдоподобно, но это правда. Ну, а толпа… — Химик развел руками. — Это было абсолютное безумие, — добавил он.

— Может, вы разбудили весь поселок, и они были просто потрясены; представь себе, скажем, отель на Земле, в который въезжает здешний вращающийся круг. Ведь ясно, началась бы паника!

Химик упрямо покачал головой. Доктор усмехнулся.

— Ты там не был, тебе трудно объяснить. Паника? Превосходно. А потом, когда все они уже попрятались или убежали, круг выезжает на улицу, и тогда один из беглецов, голый, как выскочил из постели, трясясь от страха, бежит за этим кругом и дает начальнику понять, что хочет с ним поехать. Так?

— Но он вас не просил…

— Не просил? Если мне не веришь, спроси их, что было, когда я сделал вид, будто собираюсь прогнать его обратно. Отель!.. А могилы, открытые могилы, полные трупов?

— Дорогие мои, без четверти четыре, — сказал

Координатор, — а завтра, то есть сегодня, нам могут нанести новые визиты — вообще здесь каждую минуту может произойти все что угодно. Меня уже ничего не удивит! Что вы сделали в ракете? — спросил он у Инженера.

— Мало. Мы часа четыре просидели у монитора! Проверили один сверхпроводящий электронный мозг типа «микро», радиоаппаратура почти налажена — Кибернетик расскажет подробнее. К сожалению, много каши.

— Мне не хватает шестнадцати ниобий-танталовых диодов, — сказал Кибернетик, — криотроны целы, но без диодов с мозгом ничего не сделать.

— А вытащить неоткуда?

— Вытащил сколько мог — семьсот с лишним.

— Больше нет?

— Может, еще в Защитнике? Но мне не удалось до него добраться. Он в самом низу.

— Слушайте, мы что, всю ночь будем стоять у ракеты?

— Верно, пошли. Погодите, а что с двутелом?

— Да, и вездеход!

— Вынужден вас огорчить: с этого момента мы должны выставлять постоянную охрану, — сообщил Координатор. — Просто безумие, что у нас ее

не было до сих пор. Первые два часа, до рассвета, добровольно, а потом...

— Я могу, — сказал Доктор.

— Ты? Ни за что, только кто-нибудь из нас, — сказал Инженер. — Мы хоть сидели на месте.

— А я сидел на вездеходе. Я устал не больше тебя.

— Ну, хватит. Сначала Инженер, потом Доктор, — сказал Координатор.

Он потянулся, потер озябшие руки, подошел к вездеходу, выключил фары и, подталкивая, медленно подкатил его под самый корпус ракеты.

— Слушайте, — Кибернетик стоял над неподвижно лежащим двутелом, — а что с ним?

— Оставим его здесь. Наверно, он спит. Не убежит. А то чего бы он с нами ехал? — бросил Физик.

— Но так нельзя — нужно как-то обеспечить... — начал Химик и не договорил.

Один за другим все уже спускались в туннель. Он огляделся, сердито пожал плечами и пошел за остальными.

Инженер разложил около излучателя надувные подушки и сел, но, чувствуя, что его сразу же начинает клонить ко сну, встал и начал размеренно прохаживаться.

Песок тихонько поскрипывал под ботинками. Небо на востоке серело, звезды постепенно переставали мерцать, бледнели. Воздух был холодный и чистый. Инженер попробовал различить в нем этот чужой запах, запомнившийся с первого выхода на поверхность планеты, но уже не мог его ощутить. Бок лежащего поодаль двутела мерно поднимался и опускался. Вдруг Инженер увидел длинные и тонкие щупальца, которые выползли из груди двутела и схватили его за ногу. Он отчаянно рванулся, споткнулся, чуть не упал — и открыл глаза. Оказывается, он заснул на ходу. Светлело. Перистые облачка собрались на востоке в наклонную линию, как будто нарисованную одним мазком, ее край медленно разгорался, в неопределенную серость неба вливалась голубизна. Последняя яркая звезда растворилась в ней. Инженер стоял лицом к горизонту. Облака из бурых превратились в бронзово-золотые, на их кромках бушевал огонь, розовая полоса, сплавленная с незапятнанной белизной, двигалась по небосклону — плоский, словно выжженный край планеты вдруг прогнулся под прикосновением тяжелого красного диска. Это могла быть Земля.

Его охватила пронзительная, невыразимая тоска.

— Смена! — послышался громкий голос за его спиной.

Инженер вздрогнул. Доктор смотрел на небо и улыбался. Инженеру вдруг захотелось поблагодарить его за что-то, что-то сказать, он сам не знал что, это было необыкновенно важно, но у него не нашлось слов, он встряхнул головой, ответил улыбкой на улыбку и нырнул в темный туннель.

Глава восьмая

В середине дня пятеро полураздетых мужчин, с шеями и лицами, покрытыми бронзовым загаром, лежали в тени ракеты под ее белым брюхом. Вокруг валялась посуда, части приборов, на полотнище палатки были разбросаны комбинезоны, ботинки, полотенца, из открытого термоса поднимался запах свежезаваренного кофе, по огромной равнине ползли тени облаков, все дышало спокойствием, и если бы не съежившееся голое существо, которое неподвижно сидело немного поодаль, это вполне могло бы сойти за какой-то земной бивак.

— Где Инженер? — спросил Физик.

Он лениво приподнялся на локтях и посмотрел перед собой.

— Пишет свою книжку.

— Какую еще? А, список ремонтных работ?

— Да, это будет толстая книга и, поверь мне, интересная!

Физик посмотрел на собеседника:

— У тебя хорошее настроение? Это приятно. А рана почти зажила. На Земле бы она так быстро, пожалуй, не затянулась.

Координатор притронулся к шраму на голове и поднял брови:

— Возможно. Корабль был стерильный, а здешние бактерии для нас безвредны. Насекомых здесь, кажется, вообще нет. Я не видел ни одного, а вы?

— Белые бабочки Доктора, — буркнул Физик.

От жары ему не хотелось говорить.

— Ну, это тоже гипотеза.

— А что здесь не гипотеза? — спросил Доктор.

— Наше присутствие, — ответил Химик. Он перевернулся на спину. — Честно говоря, — признался он, — я бы не прочь сменить обстановку.

— Я тоже, — согласился Доктор.

— Видел, как у него покраснела кожа, когда он пару минут просидел на солнце? — спросил Координатор.

Доктор кивнул головой:

— Да. Это значит, что он или не бывал до сих пор на солнце, или носил какую-то одежду, какую-то оболочку, или…

— Или?

— Или еще что-нибудь, чего я не знаю…

— Неплохо, — сообщил Кибернетик, оторвавшись от записей. — Хенрик обещает мне достать диоды из Защитника. Предположим, завтра мы

кончим осмотр и все будет в порядке. Значит, вечером у нас уже будет работать первый автомат! Я его поставлю на сборку остальных; если он соберет хотя бы три штуки, и то все сдвинется с места. Запустим погрузчик, экскаватор, потом еще неделя, поставим ракету и… — Он не кончил.

— Погоди-ка, — сказал Химик. — Так ты воображаешь, что мы просто сядем и улетим?

Доктор засмеялся.

— Астронавтика — это чистый, ничем не запятнанный плод людского любопытства, — сказал он. — Слышите? Химик уже не хочет отсюда трогаться!

— Нет, кроме шуток, Доктор, что с этим двутелом? Ты ведь сидел с ним целый день.

— Сидел.

— И что? Брось ты эту таинственность. Ее и так достаточно…

— Да при чем тут таинственность! Ох, поверь мне, я бы от нее не отказался! Он… ну что ж, он ведет себя как ребенок. Как умственно недоразвитый ребенок. Узнает меня. Когда я его зову, идет. Когда подтолкну, садится. По-своему.

— Ты ведь затащил его в машину. Как он там себя вел?

— Как младенец. Его ничто не интересовало.

Когда я присел за генератор и он перестал меня видеть, то его бросило в пот от страха. Если это пот и если он означает страх.

— Он что-нибудь говорит? Я слышал, как он что-то тебе булькал.

— Артикулированных звуков не издает. Я записывал на пленку и анализировал частоты. Голос он слышит, во всяком случае, реагирует на голос. Все это у меня просто не укладывается в голове… Он размазня, и пугливый, и несмелый, а ведь из подобных ему индивидуумов складывается все их общество, разве что он один… Но такое совпадение…

— Может, он молодой? Может, они сразу после появления на свет становятся такими большими?

— О нет, он не молодой. Это видно хотя бы по коже, по ее складкам, по морщинам. Здесь очень общие биологические закономерности. Кроме того, подошвы — утолщения, которыми они касаются почвы, — у него совершенно твердые, ороговевшие. Во всяком случае, в нашем понимании он не ребенок. Впрочем, ночью, когда мы возвращались, он обращал внимание на некоторые вещи быстрее нас и реагировал весьма своеобразно, например, на отражение в воздухе,

о котором я вам говорил. Он боялся. Этого… этого их поселения он тоже боялся. Иначе зачем бы ему оттуда убегать?

— Может, удастся его чему-нибудь научить? В конце концов они построили заводы, вращающиеся диски, они должны быть разумными… — сказал Физик.

— Этот — нет.

— Погоди. Знаешь, что мне пришло в голову? — приподнялся на руках Химик. Он сел, отряхивая прилипшие к локтям песчинки. — А может, он… дебил? Умственно недоразвитый? Или…

— А, ты думаешь, что там… что это их приют для душевнобольных? — сказал Доктор, тоже садясь.

— Ты что, издеваешься надо мной?

— С чего бы я стал издеваться? Это мог быть изолированный уголок, где они держат своих больных.

— И проводят на них эксперименты, — подсказал Химик.

— То, что видел, ты называешь экспериментами? — включился в разговор молчавший до сих пор Координатор.

— Я не оцениваю этого с моральной стороны. Я не имею на это права. Ведь мы ничего не знаем, — ответил Химик. — Доктор нашел у одного

трубку, похожую на ту, которая торчала в теле вскрытого…

— Ага. Значит, тот, что залез в ракету, тоже оттуда, — сбежал и добрался сюда ночью?

— Почему бы нет? Разве это невозможно?

— А скелеты? — бросил Физик, по лицу которого было видно, что он очень скептически относится к доводам Химика.

— Ну… я не знаю. Может, это какая-то консервация или, может, их лечат показом — я имею в виду что-то вроде психического шока.

— Понятно, — сказал Доктор. — Милый мой, брось ты это. И не говори, что скелеты — какой-то аттракцион или «дворец духов». Такое огромное сооружение… Чтобы вплавить скелеты в эти стеклянные блоки, нужно великолепно знать химию. Может, это какое-нибудь производство? Но чего?

— То, что ты ничего не можешь выжать из этого двутела, еще ни о чем не говорит, — заметил Физик. — Попробовал бы ты узнать что-нибудь о земной цивилизации от сторожа в моем университете.

— Недоразвитый сторож? — спросил Химик, и все рассмеялись.

Внезапно смех оборвался. Двутел стоял над ними. Он шевелил в воздухе узловатыми паль-

чиками, а его плоское личико, опущенное вниз, тряслось.

— Что с ним?! — выкрикнул Химик.

— Он смеется, — сказал Координатор.

Теперь все заметили, как подрагивает маленький торс, казалось, двутел зашелся от хохота. Он семенил большими бесформенными ступнями. Под взглядом уставившихся на него глаз двутел замер, оглядел людей по очереди, вдруг втянул торс, ручки, голову, заковылял на свое место и с тихим сопением опустился вниз.

— Если он смеется… — прошептал Физик.

— Это тоже ни о чем не говорит. Даже обезьяны смеются.

— Подожди, — сказал Координатор. Его глаза блестели на худом, обожженном солнцем лице. — Предположим, что у них существует значительно больший биологический разброс врожденных способностей, чем у нас. Одним словом, что у них есть слои, группы, касты работающих творчески, конструирующих, и большое количество индивидуумов, вообще не способных ни к какой работе — ни к чему. И что в связи с этим таких непригодных…

— Убивают. Проводят на них исследования. Едят их.

Не бойся, можешь говорить все, что придет в голову, — ответил Доктор. — Никто не будет над тобой смеяться, потому что все возможно. Только, увы, не все из того, что возможно, человек в состоянии понять.

— Сейчас. Что ты об этом думаешь?

— А скелеты? — поинтересовался Химик.

— После обеда делают учебные пособия, — объяснил Кибернетик со злой гримасой.

— Если бы я изложил все теории, которые со вчерашнего дня пропустил через свою голову, думая об этом, — заметил Доктор, — получилась бы книга в пять раз толще той, которую пишет Хенрик, хотя, наверное, не такая складная. Еще мальчишкой я познакомился со старым космонавтом — он видел больше планет, чем у него было волос на голове, — а их еще оставалось порядочно. Намерения у него были добрые, он хотел рассказать мне, как выглядит пейзаж, не помню уж на какой луне. «Там есть такие, — говорил он и разводил руками, — такие большие, и у них есть такое, и там вот так, а небо другое, чем у нас, да, другое», — повторял он все время, пока сам не начал смеяться и не махнул рукой. Невозможно кому-нибудь, кто никогда не был в Пространстве, рассказать, как это выглядит, ко-

гда висишь в пустоте и у тебя под ногами звезды. А ведь в этом случае речь идет только об изменившихся физических условиях! Здесь же перед нами цивилизация, которая развивается самое меньшее пятьдесят веков. Самое меньшее! И мы хотим понять ее за пару дней.

— Мы должны очень стараться; если не поймем, цена, которую придется платить, может быть… слишком высока, — сказал Координатор. Помолчав, он добавил: — И что, по-твоему, следует делать?

— То же, что и до сих пор, — сказал Доктор, — но шансы на успех я считаю ничтожными, примерно… примерно один к числу лет, которые насчитывает цивилизация Эдема…

Из туннеля высунулся Инженер и, увидев товарищей, отдыхающих в широкой полосе тени, как на пляже, сбросил комбинезон и подошел к ним, выискивая себе место, чтобы сесть. Химик жестом позвал его.

— Ну, как у тебя, пошло? — спросил Координатор.

— Да, у меня готово уже почти три четверти… Впрочем, я не все время работал над этим… Я попробовал пересмотреть сложившееся у нас мнение, будто тот первый завод — на севере — ра-

ботает так, как мы это видели, потому что никем не контролируется и разрегулировался… В чем дело? Что в этом смешного? Ну, чего вы гогочете?

— Я вам кое-что скажу, — заявил Доктор. Он один остался серьезным. — Когда корабль будет готов к старту, произойдет бунт. Никто не захочет лететь, пока не узнает… Уж если даже сейчас, вместо того чтобы в поте лица завинчивать винтики… — Он развел руками.

— А, вы о том же? — догадался наконец Инженер. — И к чему вы пришли?

— Ни к чему. А ты?

— Да я тоже, но я искал некоторые наиболее общие и одновременно характерные черты явлений, с которыми мы столкнулись… И меня поразило, что автоматический завод не только работает по замкнутому циклу, но и это делает как будто небрежно: отдельные «готовые изделия» разнятся между собой. Помните?

Все согласно зашумели.

— Ну, а вчера Доктор обратил внимание на то, что отдельные двутелу отличаются друг от друга странным образом: у одних нет глаз, у других — носа, меняется количество пальцев, то же самое с цветом кожи. Все это колеблется в определенных границах, как бы в результате известной

неточности процесса «органической» технологии — здесь и там…

— А ведь действительно интересно! — воскликнул слушавший с большим вниманием Физик.

А Доктор добавил:

— Да, наконец что-то существенное. А дальше? Дальше? — повернулся он к Инженеру, который смущенно покачал головой:

— Честно говоря, я не решаюсь вам сказать. Человек, когда он один, выдумывает разные…

— Да говори же! — крикнул Химик почти возмущенно.

— Если уж начал, — поддержал его Кибернетик.

— Я рассуждал так: там перед нами кольцевой процесс производства, разрушения и снова производства. Вчера вы также обнаружили нечто похожее на завод. А если это завод, он должен что-то производить.

— Нет, там ничего не было, — сказал Химик. — Кроме скелетов. Правда, мы не все осмотрели… — добавил он с сомнением.

— А если этот завод производит… двутелов? — тихо спросил Инженер и среди общего молчания продолжал: — Система производства была бы аналогичной: серийной, массовой, с отклонения-

ми, вызванными, скажем, не столько отсутствием контроля, сколько своеобразием процессов, протекающих так, что возникают определенные отклонения от запланированной нормы, которые уже не поддаются управлению. Скелеты тоже различались между собой.

— И… думаешь… они убивают тех, которые «плохо сделаны»? — изменившимся голосом спросил Химик.

— Вовсе нет! Я думал, что те… тела, которые вы нашли, что они вообще никогда не жили! Синтез удался настолько, чтобы создать организмы, снабженные мышцами, оснащенные всеми внутренними органами, но отклонение от нормы было так велико, что они были неспособны функционировать. Значит, они вообще не жили и были удалены, выведены из производственного цикла…

— А… ров под городом — это что? Тоже «негодная продукция»? — спросил Кибернетик.

— Не знаю, хотя в конце концов и это не исключено…

— Нет, исключено, — сказал Доктор. Он смотрел на подернутую голубой пеленой кромку горизонта. — В том, что ты говоришь, есть что-то такое… та сломанная трубка и другая…

— Может, через них вводились какие-нибудь питательные вещества во время синтеза.

— Это бы объяснило также, почему привезенный вами двутел как бы умственно недоразвит, — добавил Кибернетик. — Он был создан сразу таким «взрослым», не разговаривает, у него отсутствуют какие бы то ни было знания…

— Э, нет, — вмешался Химик. — Наш двутел все-таки кое-что знает — он боялся не только возвращения в тот каменный приют, это в конце концов можно как-нибудь понять, он и зеркальной полосы тоже боялся. Кроме того, он что-то знал о световом отражении, о той невидимой границе, которую мы пересекли…

— Если развить гипотезу Хенрика, создается картина, которую трудно принять, — Координатор говорил, а сам рассматривал песок под ногами. — Первый завод производит неиспользуемые детали. А тот, другой? Живых существ? Зачем? Ты думаешь, что они… тоже вводятся в кольцевой процесс?

— Перестань! — крикнул Кибернетик, вздрогнув. — Ты ведь не говоришь этого серьезно?

— Постой, — Химик сел. — Если бы живые возвращались в реторту, то устранение несовершенных существ, которых нельзя оживить, было

бы совершенно излишним. Впрочем, мы вообще не видели следов такого процесса…

В наступившей тишине Доктор выпрямился и обвел их глазами.

— Слушайте, — произнес он. — Ничего не поделаешь… Я должен это сказать. Мы попали под влияние производственной гипотезы, высказанной Инженером, и теперь силимся подогнать к ней факты. Так вот, из всего этого неопровержимо следует одно: что мы очень благородные и наивные люди…

Все посмотрели на него с удивлением; по мере того как он продолжал, удивление росло.

— Вы только пытались представить ужасы и дошли до картины, которую мог бы вообразить ребенок. Завод, производящий живых существ, чтобы их уничтожить… Дорогие мои, действительность может быть хуже.

— Ну, знаешь! — взорвался Кибернетик.

— Подожди! Пусть говорит! — остановил его Инженер.

— Чем больше я думаю обо всем пережитом нами в этом поселке, тем сильнее убеждаюсь: мы видели совсем не то, что нам казалось.

— Говори яснее. Так что же там делалось? — спросил Физик.

— Я не знаю, что там делалось, — но я знаю, чего там не делалось.

— Ну и ну! Может, ты кончишь изъясняться загадками?

— Я хочу сказать вот что: после долгого блуждания по этому каменному лабиринту мы были внезапно окружены толпой, которая нас немного помяла, а потом разбежалась. Поскольку, подъезжая к поселку, мы заметили, как в нем гаснут огни, мы, естественно, подумали, что это происходит в связи с нашим прибытием, что жители попрятались от нас и что нас обступила толпа бегущих в убежище или что-нибудь в этом роде. Так вот, по мере возможности я восстановил всю последовательность событий, все происходившее с нами и вокруг нас и скажу вам: это было что-то совсем другое — что-то, от чего разум защищается как от капитуляции перед безумием.

— Ты собирался говорить просто, — остановил его Физик.

— Я говорю просто. Пожалуйста, дана такая ситуация: на планету, населенную разумными существами, садятся космические пришельцы. Каковы возможные реакции жителей?

Поскольку никто не ответил, Доктор продолжал:

— Если бы даже жители этой планеты были созданы в ретортах или появились на свет при еще более неестественных обстоятельствах, я вижу только три возможных типа поведения: попытки установления контакта с пришельцами, попытки напасть на них либо паника. Оказалось, однако, что возможен четвертый тип — полное безразличие!

— Ты же сам говорил, что вам чуть ребра не поломали, и это ты называешь безразличием? — воскликнул Кибернетик.

Химик слушал Доктора с горящими глазами.

— Если бы ты оказался на пути стада, убегающего от пожара, оно могло бы обойтись с тобой еще хуже, но из этого не следует, что стадо обращает на тебя внимание, — ответил Доктор. — Говорю вам, толпа, в которую мы попали, вообще нас не видела! Она не интересовалась нами! Была охвачена паникой, согласен, но мы тут ни при чем. Она натолкнулась на нас совершенно случайно. Конечно, мы с самого начала были уверены, что именно из-за нашего появления погас свет, наступил хаос, словом, произошли все эти события. Но это неправда. Все было по-другому.

— Докажи, — сказал Инженер.

— Сначала я хотел бы услышать, что скажет мой

спутник, — ответил Доктор, глядя на Химика.

Тот сидел в каком-то странном состоянии, беззвучно шевеля губами, словно говорил про себя. От неожиданности Химик вздрогнул.

— Да, — сказал он. — Значит, так. Да. Все время до этого самого момента что-то меня мучило, не давало мне покоя, я чувствовал, что там был какой-то сдвиг, какое-то недоразумение или, как бы это сказать… да, как если бы я читал перепутанный текст и не мог уловить, где предложения переставлены. Теперь все встало на свои места. Все происходило так, как он говорит. Боюсь, что мы этого не докажем, это невозможно доказать. Нужно было побывать там, в той толпе. Они просто вообще не видели нас… разумеется, за исключением нескольких ближайших. Но именно те, которые меня окружали, не поддавались общей панике. Я бы сказал, совсем наоборот: мой вид действовал на них как бы отрезвляюще — пока они смотрели на меня, они были просто очень удивленными, чрезвычайно пораженными жителями планеты, которые увидели неизвестных существ. Они совсем не хотели сделать мне ничего плохого. Я даже припоминаю, что они помогали мне выбраться из давки, насколько это было возможно…

— А если эту толпу кто-то направлял против вас, если она играла роль загонщиков? — поинтересовался Инженер.

Химик отрицательно покачал головой:

— Там ведь ничего такого не было — никаких вращающихся дисков, никакой вооруженной охраны, никакой организации; был абсолютный хаос, и ничего больше. Да, — добавил он, — удивляюсь, что я только теперь понял это! Те, которые меня видели вблизи, как бы приходили в себя, а как безумно вели себя все остальные!

— Если все происходило так, как вы говорите, — вмешался Координатор, — это было достаточно странное стечение обстоятельств. Почему огни погасили именно в тот момент, когда мы туда приехали?

— Ага, теория вероятности, — сказал Доктор и добавил громче: — Я не видел бы в этом ничего необычного и высказал бы не лишенное основания предположение, что такие состояния возникают относительно часто.

— Какие состояния?

— Всеобъемлющей паники.

— И что ее может вызывать?

— Это могло бы быть отклонением в процессе развития цивилизации планеты, — нарушил об-

щее молчание Кибернетик. — Период регрессивного развития; скажем, упрощая: цивилизацию разъедает что-то вроде… социального рака…

— Это очень туманно, — сказал Координатор. — Земля, как мы знаем, планета весьма обычная. На ней были эпохи регресса, целые цивилизации возникали и приходили в упадок, но, интегрируя тысячелетия, мы получаем картину усложнения жизни и усиления средств ее защиты. Мы называем это прогрессом. Прогресс осуществляется на средних планетах. Но существуют — в соответствии с законом больших чисел — и статистические отклонения от среднего, положительные и отрицательные. Не нужно обращаться к гипотезам о временной деградации, о движении назад. Быть может, недугов, сопутствующих возникновению цивилизации, здесь больше, чем где-либо в другом месте. Быть может, мы сели как раз на образец «отрицательного отклонения».

— Математический демонизм, — буркнул Инженер.

— Но завод существует, — заметил Физик.

— Тот, первый — согласен; существование второго — гипотеза, которую не удастся защитить.

— Одним словом, нужна новая экспедиция, — сказал Химик.

— По этому поводу у меня не было ни малейших сомнений.

Инженер огляделся. Солнце явно клонилось к западу, тени на песке удлинялись. Подул легкий ветерок.

— А что сегодня?.. — спросил он, глядя на Координатора.

— Сегодня надо бы съездить за водой, и больше ничего. — Координатор поднялся. — Дискуссия прошла очень интересно, — добавил он.

У него было такое лицо, как будто он думал о чем-то другом. Он поднял комбинезон и сразу же бросил его — одежда раскалилась на солнце.

— Думаю, что к вечеру мы прогуляемся на колесах к ручью, — снова заговорил Координатор. — Мы не должны отступать от намеченного плана ни при каких условиях, только если нам будет грозить непосредственная опасность.

Он вернулся к сидящим на песке товарищам, некоторое время внимательно разглядывал их и наконец медленно произнес:

— Должен вам сказать, что я немного… неспокоен.

— Почему?

— Не нравится мне, что нас оставили в покое после позавчерашнего визита. Прошло больше

суток, как нас обнаружили, и… ничего. Так не поступает ни одно общество, которому на голову сваливается с неба корабль с живыми существами.

— Это бы в какой-то мере подтверждало мое предположение, — заметил Кибернетик.

— О «раке», который разъедает Эдем? Ну, с нашей точки зрения это было бы не самым плохим вариантом, только…

— Что?

— Ничего. Слушайте, пора наконец заняться Защитником. Надо только сбросить с него все эти обломки; внутри диоды, наверное, уцелели.

Глава девятая

Крошево из разбитых автоматов, которые при ударе вырвались из креплений, и искореженных запасных деталей погребло под собой Защитника. Экипажу пришлось попотеть около двух часов, чтобы хоть немного расчистить отсек. Большие тяжести поднимали переносным рычажным подъемником, а все, что не удавалось протащить в дверь, Инженер вместе с Координатором сначала разбирали. Две броневые плиты, заклиненные между башенкой Защитника и придавившим ее ящиком со свинцовыми кирпичами, они в конце концов разрезали вольтовой дугой, подведя кабели с распределительного пульта реактора. Кибернетик и Физик сортировали то, что уже было извлечено из жалобно скрежещущей груды рухляди. Части, не поддающиеся ремонту, они отправляли в лом. Химик в свою очередь разбирал этот лом в зависимости от рода материала. Время от времени, когда нужно было вытащить какой-нибудь особенно массивный элемент конструкции, все бросали свою работу и спешили на помощь к «грузчикам». Незадолго до шести на свет появился приплюснутый лоб Защитника.

Можно было открывать люк.

Кибернетик первым спрыгнул в темную дыру. Потом он попросил лампу; ее опустили сверху на кабеле. Из Защитника, как будто со дна глубокого колодца, донесся его сдавленный голос.

— Есть! — радостно кричал Кибернетик. — Есть!

На мгновение он высунулся.

— Только садись и поезжай! Вся аппаратура в порядке!!

— Ясно, Защитник для того и существует, чтобы многое выдержать, — бросил раскрасневшийся Инженер.

— Ребята, уже шесть. Если ехать за водой, нужно это делать сейчас, — сказал Координатор. — У Кибернетика и Инженера работы выше головы; думаю, мы поедем той же командой, что и вчера.

— Не согласен.

— Ты ведь понимаешь… — начал Координатор, но Инженер не дал ему кончить.

— Ты можешь то же, что и я. Сегодня ты останешься.

Они заспорили. Наконец Координатор уступил. В состав экспедиции вошли Инженер, Физик и Доктор. От Доктора уговорами ничего не добились — он хотел ехать.

— Ведь действительно неизвестно, где безопаснее, здесь или там, если ты это имеешь в виду, — сказал он, раздраженный наскоками Инженера, и поднялся наверх по стальной лесенке.

— Канистры уже приготовлены, — сказал Координатор. — До ручья не больше двадцати километров. Наберете воды и сразу же возвращайтесь, хорошо?

— Если удастся, обернемся два раза, — сказал Инженер. — Тогда у нас будет четыреста литров.

— Ну, насчет второго рейса посмотрим.

Химик и Кибернетик хотели выйти с ними, но Инженер загородил им дорогу:

— Нет, нет, только без проводов, прощаний, это не имеет смысла. Оставайтесь. Одному все равно надо быть наверху, вот он и может пойти с нами.

— Это как раз я, — сказал Химик. — Ты же видишь, я безработный.

Солнце стояло уже довольно низко. Проверив подвеску, люфт руля и запас изотопной смеси, Инженер сел впереди. Едва на сиденье забрался Доктор, как лежавший у ракеты двутел поднялся и, выпрямившись во весь свой рост, заковылял к машине. Вездеход тронулся. Огромное существо застонало и кинулось за ним с ошеломившей Химика скоростью. Доктор что-то крикнул Инже-

неру, машина остановилась.

— Ну, что ты хочешь, — ворчал Инженер. — Не брать же его с собой.

Доктор в замешательстве, не зная, что делать, беспомощно смотрел на возвышающегося над ним гиганта, который заглядывал сверху ему в лицо, переступая с ноги на ногу и издавая стрекочущие звуки.

— Запри его в ракете. Он пойдет за тобой, — посоветовал Инженер.

— Или усыпи его, — добавил Физик. — Если он за нами погонится, он может привлечь кого-нибудь еще.

Это убедило Доктора. Вездеход медленно вернулся к ракете, двутел последовал за ним странными скачками. Доктор с трудом затащил гиганта в туннель. Вернулся он через четверть часа, злой и расстроенный.

— Я запер его в тамбуре перевязочной, — сказал он. — Там нет никаких острых предметов, стекол тоже… Боюсь только, он наделает шуму.

— Ну, ну, — пробормотал Инженер, — не будь смешным.

Доктор хотел ответить что-то резкое, но смолчал. Вездеход снова тронулся и по большой дуге объехал ракету. Химик махал товарищам рукой,

даже когда не видел ничего, кроме высокого размазанного султана пыли. Потом он начал размеренно прохаживаться возле неглубокого окопчика, в котором стоял монитор.

Он ходил так почти два часа, когда среди стройных «чаш», отбрасывающих длинные тени, появилось облако пыли. Солнце разбухшим красным яйцом только что коснулось горизонта, на севере синел прилив туч, обычного надвигающегося в это время холода не чувствовалось, все еще было душно.

Химик выбежал из тени ракеты и увидел вездеход, подскакивающий на бороздах, пропаханных дисками.

Машина еще не успела затормозить, а он уже был рядом с ней. Ему незачем было спрашивать о результатах экспедиции: вездеход тяжело оседал на сплюснутых шинах, во всех канистрах плескалась вода, даже на свободном сиденье стояла полная банка.

— Как съездили? — спросил Химик.

Инженер снял темные очки и платком вытер с лица пот и пыль.

— С удовольствием, — сказал он.

— Никого не встретили?

— Ну, как обычно, круги, но мы проскочили

далеко от них, поехали по другую сторону от зарослей, тех, где ров, помнишь? Там почти совсем нет борозд. Правда, пришлось немного повозиться, пока наполняли канистры. Неплохо бы какой-нибудь насосик.

— Мы хотим съездить еще раз, — добавил Физик.

— Сначала нужно перелить воду…

— А, не стоит, — отмахнулся Физик, — тут лежит столько пустых банок и канистр, возьмем другие, а потом все заодно и перельем. Верно?

Он переглянулся с товарищами, как будто они что-то задумали. Химик этого не заметил, его только немного удивила такая спешка. Торопясь, как на пожар, они выгрузили канистры, бросили на багажник пустые — их было совсем не так уж много, — сели, и вездеход рванулся с места, взметая клубы пыли. Стена пыли еще оседала на равнине, алея в лучах заходящего солнца, когда на поверхность вылез Координатор.

— Еще не приехали? — спросил он.

— Были уже, сменили посуду на пустую и поехали еще раз.

— Как это — сразу поехали? — Координатор скорее удивился, чем рассердился.

Потом он сказал Химику, что сейчас его сменит,

и спустился в корабль, чтобы сообщить новость возившемуся с универсальным автоматом Кибернетику, но с тем было трудно говорить. У него во рту торчало штук двадцать транзисторов, он выплевывал их в руку, как семечки. Пучок вытащенных из порцеллитовых внутренностей проводов Кибернетик нацепил на шею и подсоединял их с такой быстротой, что только пальцы мелькали. Иногда он застывал без движения и некоторое время как бы в столбняке всматривался в висевшую перед ним большую схему.

Координатор вернулся наверх, сменил Химика, который пошел готовить для всех ужин, и, сидя около излучателя, убивал время, делая заметки на полях монтажной книги, начатой Инженером.

Они два дня ломали себе головы над тем, куда деть девяноста тысяч литров радиоактивной воды, которая залила все помещения над грузовым люком. Это был один из тех заколдованных кругов, откуда, казалось, не существовало выхода: чтобы очистить эту воду, нужно было запустить фильтры, а добраться к питавшему их кабелю можно было только через залитый водой отсек. На корабле имелся даже водолазный скафандр, но он не защищал от излучений. Приспосабливать его специально и покрывать свинцом не

стоило — разумнее подождать, когда отремонтированные автоматы смогут нырнуть в воду.

Координатор сидел под кормой ракеты, на которой с момента наступления темноты регулярно вспыхивал фонарь, и, стараясь писать как можно быстрее, заносил в книжку все, что приходило ему в голову, — свет горел лишь три секунды. Он сам потом смеялся, рассматривая свои каракули.

Координатор посмотрел на часы: было почти десять. Он встал и начал прохаживаться, высматривая огни вездехода, но ничего не видел — мешали вспышки мигалки. Поэтому он пошел в ту сторону, откуда должна была появиться машина.

Как обычно, когда Координатор был один, он поднял глаза к звездам: Млечный Путь круто взлетал в темноту. От Скорпиона Координатор перевел взгляд влево и удивленно остановился: ярчайшие звезды Козерога были едва видны, они тонули в бледном пламени, как будто Млечный Путь стал шире и поглотил их. Внезапно Координатор понял. Это было зарево, как раз там, над восточным горизонтом. Сердце у него забилось медленно и сильно. Он почувствовал комок в горле, который сразу же пропал. Стиснув зубы, он двинулся дальше. Зарево было беловатым,

низким и неравномерно пригасало, чтобы чуть позже полыхнуть несколько раз подряд. Координатор закрыл глаза и напряженно вслушивался в тишину, но слышал только шум в ушах. Теперь созвездий почти не было видно. Координатор стоял неподвижно, всматриваясь в небосклон, наливавшийся мутным светом.

Сначала он хотел вернуться к ракете и вызвать наверх Химика и Кибернетика — они могли бы пойти к ручью с монитором. Пешком на это потребовалось бы минимум три часа. Кроме вездехода у них был небольшой вертолет, но его заклинило между ящиками в залитом отсеке; над водой выступала только верхушка, винт во время аварии разлетелся на куски, кабина, наверное, тоже выглядела неважно. Правда, оставался Защитник. Координатор подумал, что можно просто сесть в него, дистанционно открыть грузовой люк (его привод включался в машинном отделении) и проехать сквозь воду, которая, впрочем, выльется, как только откроется люк. В Защитнике радиация нестрашна. Но, во-первых, неясно было, откроется ли люк вообще, а, во-вторых, что делать потом, — вся земля вокруг ракеты превратилась бы в большое радиоактивное пятно. И все-таки если бы твердо знать, что люк откроется…

Координатор сказал себе, что подождет еще десять минут; если к этому времени он не увидит огней — придется отправиться на выручку. Было тринадцать минут одиннадцатого. Он опустил руку с часами. Зарево — да, он не ошибался — постепенно сдвигалось вдоль горизонта, оно уже доходило до Альфы Феникса. Сверху розоватая, внизу мутно-белая полоса уползала к северу. Он снова посмотрел на часы. Оставалось еще четыре минуты. Тут он увидел фары.

Сначала они были мигающим огоньком, дрожащей звездочкой, потом раздвоились, наконец начали слепить все сильнее — Координатор уже слышал шорох колес. Инженер ехал быстро, но на бегство это не было похоже — Координатор знал, что из вездехода можно выжать больше, — и то, что они не слишком спешили, совсем его успокоило. Как обычно бывает в подобных случаях, он почувствовал растущий гнев.

Сам того не замечая, Координатор отошел от ракеты шагов на триста, если не больше. Вездеход резко затормозил. Доктор крикнул:

— Садись!

Координатор подбежал, прыгнул боком на свободное сиденье, сдвинул жестянку и почувствовал, что она пустая. Он взглянул на товарищей

— как будто все было в порядке. Наклонился вперед, коснулся ствола монитора — ствол был холодный.

Физик ответил на его немой вопрос ничего не выражающим взглядом. До самой ракеты Координатор не сказал ни слова. Инженер резко развернулся, центробежная сила вжала Координатора в сиденье, пустые канистры забренчали, и машина остановилась у самого лаза в туннель.

— Что, вода высохла? — спросил Координатор безразличным тоном.

— Мы не смогли набрать воды, — сказал Инженер, Он обернулся к Координатору на своем вертящемся сиденье. — Не удалось доехать до ручья.

Он показал рукой на восток.

Из вездехода никто не выходил. Координатор испытующе смотрел то на Физика, то на Инженера.

— Мы уже в первый раз заметили, что там что-то изменилось, — сказал Физик, — но не знали что и хотели разобраться.

— А если бы изменилось настолько, что вы не вернулись бы, был бы нам прок от такой предусмотрительности? — осведомился Координатор. Он уже не скрывал бешенства. — Ну, давайте

рассказывайте все и сразу, а не в час по чайной ложке.

— Они там что-то делают, вдоль ручья, перед ним и за ним, вокруг бугров, во всех котлованах, вдоль больших борозд, на протяжении километров, — сказал Доктор.

Инженер кивнул головой:

— В первый раз, когда было еще светло, мы заметили только целые хороводы этих огромных волчков — они двигались строем в виде латинской буквы V и выбрасывали грунт, как будто копали траншеи. Мы разглядели их как следует только на обратном пути с вершины холма, и они мне не понравились.

— А что тебе в них не понравилось? — мягко спросил Координатор.

— То, что они треугольные и вершины каждого треугольника направлены в нашу сторону.

— Великолепно. И, не сказав ни слова об этом, вы поехали туда еще раз? Знаешь, как называется такое поведение?

— Может, мы сделали глупость, — сказал Инженер. — Даже наверное сделали, но мы подумали, что, если начнем здесь совещаться, ехать ли второй раз, снова начнутся споры, кто должен рисковать своей бесценной жизнью и так да-

лее, — и решили справиться с этим быстро, сами. Мы рассчитывали на то, что с наступлением сумерек им придется осветить место работ.

— Они вас не заметили?

— Почти наверняка нет. Во всяком случае, никаких признаков я не видел — нас никто не остановил.

— А как вы ехали сейчас?

— Почти все время по вершинам холмов, не по самым вершинам, немного ниже, чтобы они нас не увидели на фоне неба. Разумеется, без огней. Поэтому мы так долго тащились.

— То есть вы вообще не собирались привозить воду, а канистры взяли только для того, чтобы обмануть Химика?

— Нет, это не так, — вмешался в разговор Доктор.

Они все еще сидели в вездеходе, то освещаемые вспышками маяка, то погруженные в темноту.

— Мы хотели подъехать к ручью значительно дальше, с другой стороны, но нам не удалось.

— Почему?

— Там они проводят такие же работы. Сейчас, с наступлением темноты, льют в траншеи светящуюся жидкость — она давала столько света, что все было отлично видно.

— Что это? — Координатор посмотрел на Инженера.

Тот пожал плечами:

— Может, они делают какие-нибудь отливки. Хотя вещество слишком жидкое для расплавленного металла.

— Чем они его доставляли?

— Ничем. Клали что-то вдоль борозд; возможно, трубопровод, но точно я сказать не могу.

— Жидкий металл нагнетали по трубопроводу?

— Говорю тебе, я видел это в темноте, в бинокль, при очень плохом освещении — центр каждой траншеи светится, как ртутная горелка, а вокруг все темно. Впрочем, мы ни разу не подходили ближе чем метров на семьсот.

Фонарь погас, и они некоторое время сидели ничего не видя, потом он снова вспыхнул.

— Думаю, его нужно убрать, — сказал, поднимая глаза, Координатор и добавил: — Сейчас же.

— Что там? — Мигалка снова вспыхнула, и все увидели выныривающего из туннеля Химика.

Он подбежал к вездеходу, а Инженер спустился вниз и выключил ток. Фонарь блеснул в последний раз, и стало темно. Зарево на горизонте разгоралось еще отчетливее. Теперь оно сильно

сместилось к югу.

— Их там страшно много, — сказал Инженер, который вернулся на поверхность и стоял у ракеты лицом к зареву.

— Больших волчков?

— Нет, двутелов. На фоне этого светящегося теста мы видели их силуэты. Они очень спешили: очевидно, эта масса, остывая, густеет. Они обкладывали ее какими-то решетками сзади и с боков. Передняя часть, то есть сторона, обращенная к нам, осталась открытой.

— Ну и что? Будем сидеть сложа руки?.. — возбужденным голосом начал Химик.

— Ну зачем же, — сказал Координатор. — Сейчас примемся за проверку всех систем Защитника.

Они помолчали, глядя на зарево, и заметили несколько ярких вспышек.

— Хочешь слить воду? — угрюмо спросил Инженер.

— Без крайней необходимости — нет. Я уже думал об этом. Попробуем приоткрыть люк. Если контрольки покажут, что механизм замка действует, закроем люк и будем просто ждать. Крышка отойдет на какие-нибудь миллиметры, в худшем случае выльется несколько десятков литров воды. Такое маленькое радиоактивное

пятно не проблема, с ним мы справимся. Зато будем знать, что в любой момент можем выехать в Защитнике наружу и иметь свободу маневра.

— В худшем случае мокрое пятно останется, но уже от нас, — сказал Химик. — Интересно, что тебе дадут эти эксперименты, если атака будет атомной?

— Керамит выдерживает в трехстах метрах от эпицентра.

— А если взрыв будет в сотне метров?

— Выдержит, вкопанный в грунт, — уточнил Физик.

— Ну так что? Понадобится — вкопаем.

— Если даже взрыв будет в четырехстах метрах, люк заплавится и наружу не выйдешь! Сваримся, как раки!

— Все это чепуха. Пока бомбы не падают. А впрочем, сами себе мы должны признаться, черт возьми, — ракету мы не покинем. Если ее уничтожат, интересно, из чего ты сделаешь другую?

После этих слов Инженера все замолчали.

— Погодите-ка, — сообразил вдруг Физик, — ведь Защитник не комплектный! Кибернетик вынул из него диоды.

— Только из автомата наводки. Можно наводить без автомата. Впрочем, ты же знаешь: если

стрелять антипротонами, промазать не страшно, результат будет тот же…

— Слушайте, я хотел спросить об одном, — заговорил Доктор.

Все обернулись к нему:

— Что?

— Ничего особенного, я хотел только спросить, что делает двутел?

После секунды молчания раздался взрыв смеха.

— Это изумительно! — воскликнул Инженер.

Настроение изменилось, как будто опасность вдруг исчезла.

— Спит, — сказал Координатор. — Во всяком случае, около восьми я к нему заглядывал, он спал. Он вообще может почти все время спать. А он что-нибудь ест?

— Я не знаю, что он ест. У нас он ничего есть не хочет. Я пытался его покормить, но он ни к чему не притронулся.

— Да, у каждого свои хлопоты, — выдохнул Инженер и улыбнулся в темноте.

— Внимание! — раздался голос из туннеля. — Внимание! Внимание!

Они резко обернулись. Из туннеля вылезала большая темная фигура, она мягко звякнула и

остановилась. За ней появился Кибернетик с горящим фонарем на груди.

— Наш первый универсальный! — представил он торжествующим голосом. — Что такое?.. — спросил он, оглядывая поочередно освещаемые лица товарищей. — Что случилось?

— Пока ничего, — ответил Химик. — Но все еще впереди.

— Как это?.. У нас автомат... — беспомощно сказал Кибернетик.

— Да? Ну так скажи ему, что он уже может начинать.

— Что?

— Копать могилы!!

Выкрикнув эти слова, Химик растолкал всех и большими шагами ушел в темноту. Координатор постоял, глядя ему вслед, а потом отправился за ним.

— Что с ним случилось? — спросил ошеломленный Кибернетик, который ничего не понимал.

— Шок, — коротко объяснил Инженер. — Там что-то против нас готовят... в тех долинах на востоке. Мы обнаружили это во время поездки. Вероятно, на нас нападут, но неизвестно — как.

— Нападут?..

Кибернетик все еще целиком был в своей ра-

боте, в своем успехе, — казалось, то, что говорил Инженер, не проникало в его сознание. Он расширенными глазами смотрел на окружающих, потом повернулся к равнине. На фоне серебристого бледнеющего зарева виднелись две медленно возвращающиеся фигуры. Кибернетик обернулся — автомат, возвышаясь над людьми, стоял рядом, неподвижный, будто высеченный из скалы.

— Нужно что-то делать… — прошептал он словно про себя.

— Мы хотим привести в порядок Защитника, — сказал Физик. — Даст это что-нибудь или нет, неизвестно, во всяком случае, нужно браться за работу. Скажи Координатору, пусть пришлет к нам Химика, мы идем вниз. Будем ремонтировать фильтры. Автомат подключит кабель. Пошли, — кивнул он Кибернетику. — Хуже всего ждать сложа руки.

Они спустились в туннель. Автомат немного постоял, потом вдруг повернулся на месте и двинулся за ними.

— Смотри, Кибернетик-то уже наладил с Черным обратную связь, — не без удивления в голосе сказал Инженер Доктору. — Это нам сейчас пригодится, — добавил он, — пошлем Черного в воду. Когда он погрузится, ему нельзя будет отдавать

команды голосом.

— А как? По радио? — спросил Доктор рассеянно, как будто говорил только для того, чтобы не прекращалась беседа.

Он наблюдал за темными фигурами на фоне зарева: они снова повернули. Это походило на ночную прогулку под звездами.

— Микропередатчиком, ты ведь знаешь… — начал Инженер, проследил за взглядом Доктора и продолжал тем же тоном: — Он уже был уверен, что нам удастся…

— Да, — кивнул Доктор. — Оттого ему так не хотелось слишком рано покидать Эдем…

— Это ничего… — Инженер уже повернулся к лазу в туннель. — Я его знаю. У него все пройдет, если начнется…

— Да, тогда все пройдет, — согласился Доктор, двигаясь за ним.

Инженер замедлил шаг, в темноте он пытался заглянуть Доктору в лицо, чтобы понять, не иронизирует ли он, но ничего не увидел — было слишком темно.

Минут через пятнадцать Координатор и Химик спустились в ракету. Перед началом работ наверх выслали Черного, который соорудил вокруг выхода из туннеля двухметровый вал, утрамбовал

его и укрепил, а потом унес вниз оставленные на поверхности вещи. Кроме окопанного монитора, там остался только вездеход. Жалко было тратить время на его разборку, а для автомата нашлись более срочные дела.

В полночь экипаж принялся за работу. Кибернетик проверил все внутреннее оборудование Защитника, Физик с Инженером регулировали радиационнофильтровальную установку, а Координатор в защитном костюме стоял над колодцем нижнего яруса машинного отделения. Автомат нырнул в колодец и работал теперь под двухметровым слоем воды у разветвления кабелей.

Оказалось, что даже после ремонта фильтры имеют уменьшенную пропускную способность: несколько секций окончательно вышли из строя. Пришлось ускорить циркуляцию воды. Ее очистка проходила в довольно примитивных условиях. Химик измерял величину радиоактивного заражения, забирая пробы для анализа каждые десять минут, автоматический индикатор не действовал, а на его исправление потребовалось бы время, которого у них не было.

В три часа утра вода была практически очищена. Цистерна, откуда она вытекла, лопнула в трех местах — инерция кинула ее вперед и ударила

торцом об один из шпангоутов. Вместо того чтобы ее заваривать, для быстроты просто перекачали воду в верхнюю, пустую цистерну; в нормальных условиях никому бы не пришло в голову так асимметрично распределить груз, но ракету пока не снаряжали в путь. После откачки воды нижние помещения продули сжатым воздухом. На стенах остался слой радиоактивного осадка, но на это пришлось махнуть рукой — в ближайшее время туда никто не собирался входить. Оставалось самое важное — открыть грузовой люк. Контрольные лампочки показывали полную исправность запирающего механизма, но при первой попытке он не пожелал сработать. Кто-то предложил повысить давление в гидравлической системе, но Инженер решил, что лучше будет осмотреть люк снаружи, и все вышли.

Добраться до люка было нелегко: он находился ближе к корме, то есть в четырех метрах над поверхностью планеты. Из металлических обломков наскоро соорудили леса, автомат быстро сварил неуклюжий, но прочный помост, укрепили на штативе прожектор и, вооружившись фонарями, поднялись к люку.

Небо на востоке посерело, зарева уже не было видно, звезды медленно бледнели, и по плитам

керамитовой обшивки стекали крупные капли росы.

— Интересно, — сказал Физик, — механизм в порядке, крышка выглядит как новенькая, и в ней только один недостаток — не открывается.

— Не люблю чудес, — присоединился к нему Кибернетик, ударив рукояткой напильника по металлу.

Разъяренный Инженер ничего не сказал.

— Подождите, — заговорил Координатор, — а может, старый, испытанный поколениями способ?..

И он поднял восьмикилограммовый молот, который лежал у его ног на помосте.

— Можно простучать кромку, но только один раз, — согласился, поколебавшись, Инженер, который не любил таких «способов».

Координатор искоса взглянул на черный автомат, который поддерживал помост и на фоне сереющего рассвета вырисовывался как угловатая статуя, взвесил на руке молот, не очень сильно размахнулся и ударил. Он бил равномерно, раз за разом, броня отвечала густым коротким звуком, каждый удар ложился на несколько сантиметров дальше, ему неудобно было бить снизу вверх. Но в серии равномерных звуков что-то

изменилось, к ним примешался новый басовитый стон, как будто это отзывалась сама почва. Молот повис в руках Координатора. Он услышал в вышине высокий нарастающий свист, потом тупой грохот, леса конвульсивно затряслись.

— Вниз! — крикнул Физик.

Один за другим люди спрыгнули с помоста, только автомат не шевельнулся. Снова ворчливый стон, пронзительный свист, казалось, накрыл их. Все еще стоя под защитой огромного корпуса ракеты, они инстинктивно сжались, втянули головы в плечи. В нескольких сотнях метров от корабля грунт взлетел отвесным гейзером, но сопутствующий этому звук был удивительно слабым, приглушенным.

Люди побежали к туннелю. Автомат двинулся за ними. Они попрыгали внутрь. Координатор и Инженер задержались под защитой бруствера из грунта. Весь горизонт на восточной стороне ревел подземными громами, грохот катился по равнине, свист усиливался, мощнел, в нем уже нельзя было различить отдельных нот, небо пело органом, казалось, стаи невидимых сверхзвуковых самолетов пикировали прямо на них, все предполье взрывалось короткими брызгами песка, глины, фонтаны взрывов казались почти

черными на свинцовом фоне неба, земля дрожала, с бруствера сыпались комья и падали на дно туннеля.

— Совершенно нормальная цивилизация, — услышали они доносящийся из глубины голос Физика. — А?

— Все время перелеты или недолеты, — пробормотал Инженер.

Координатор не мог его услышать, в воздухе было не переставая, разлетался песок, но фонтаны не приближались к ракете. Инженер и Координатор стояли по плечи в грунте несколько долгих минут, но ничего не изменилось. Громовые раскаты на горизонте слились в один протяжный, басовый, почти не меняющийся грохот, но взрывов больше не было слышно: снаряды падали почти бесшумно, почва, выброшенная взрывами, медленно опадала. Уже рассвело, Инженер и Координатор отчетливо видели похожие на кротовые норы небольшие бугорки в точках попаданий.

— Принесите бинокль! — крикнул Координатор в туннель.

Через минуту ему подали бинокль. Он ничего не говорил Инженеру, только все больше удивлялся. Сначала он думал, что атакующая их

артиллерия пристреливается, но снаряды все время ложились на одинаковом расстоянии. Он водил биноклем вокруг и видел взлетающие со всех сторон фонтаны взрывов — то ближе, то дальше, но ни один не приблизился к ракете даже на двести метров.

— Что там? Не атомные? — донесся до него приглушенный крик из туннеля.

— Нет! Спокойно! — крикнул он, напрягая голос.

Инженер придвинул лицо к его уху:

— Видишь?! Все время промахи!!

— Вижу!!

— Окружают нас со всех сторон!

Координатор снова кивнул головой. Теперь Инженер рассматривал предполье в бинокль.

Вот-вот, должно было взойти солнце. Небо, бледное, как будто вымытое, наливалось водянистой голубизной. На равнине не двигалось ничего, кроме султанов попаданий, а они кустистым кольцом, которое моментально рассыпалось и тотчас же снова возникало, словно причудливой мелькающей живой изгородью, окружали ракету и холм, из которого она торчала.

Координатор вдруг решился: выполз из туннеля и тремя прыжками взлетел на вершину холма;

здесь он упал и посмотрел в противоположную, невидимую из туннеля сторону. Картина была такая же: вытянувшиеся дугой взрывы вырастали песчаными кустами.

Кто-то с силой бросился рядом с ним на высохшую почву. Это был Инженер. Они лежали головой к голове, глядя на то, что происходит вокруг, и уже почти не слышали грома, который плыл железными волнами, иногда как будто удаляясь — звук относило ветром, разбуженным первыми лучами солнца.

— Это совсем не промахи! — крикнул Инженер.

— А что?!

— Не знаю. Подождем…

— Пойдем внутрь!

Они сбежали по склону под аккомпанемент пронзительного воя и свиста. Правда, вблизи снаряды не падали, но ощущение было не из приятных. Один за другим они прыгнули в туннель, оставили в нем автомат, а сами пошли в корабль, позвав с собой товарищей. До библиотеки грохот доносился слабо, даже дрожание грунта почти не чувствовалось.

— В чем же дело? Они хотят нас блокировать? Уморить голодом? — недоуменно спрашивал

Физик, когда Координатор и Инженер рассказали все, что успели увидеть.

— А черт их знает. Хотел бы я увидеть вблизи такой снаряд, — сказал Инженер. — Если они сделают перерыв, стоило бы сбегать.

— Автомат сбегает, — холодно сказал Координатор.

— Автомат?! — почти застонал Кибернетик.

— Ничего с ним не случится, не бойся.

Они почувствовали очень слабую, но все же не такую, как раньше, дрожь корпуса и переглянулись.

— Попадание! — крикнул Химик, вскакивая.

— Переносят огонь?.. — с сомнением сказал Координатор.

Он поспешил в туннель. Наверху как будто ничего не изменилось: горизонт по-прежнему ревел. Но под кормой ракеты на залитом солнцем песке лежало что-то черное, разбрызганное, словно из лопнувшего мешка высыпалась дробь. Координатор пытался найти место, где странный снаряд разбился о броню, но на керамите не было никаких следов. Прежде чем стоявшие сзади успели его задержать, Координатор кинулся к корме и начал обеими руками запихивать разлетевшиеся осколки в пустой футляр от бинокля.

Они были еще теплые.

Координатор вернулся с добычей, и все начали сразу же на него кричать, и громче всех Химик.

— Ты сумасшедший! Может быть, это радиоактивно!

Все побежали в корабль. Оказалось, что осколки не радиоактивны. Поднесенный к ним счетчик импульсов молчал. Выглядели осколки очень своеобразно: ничего похожего на толстую оболочку снаряда — просто множество необычайно мелких комков, рассыпающихся в пальцах на грубозернистые, жирно блестевшие металлические опилки.

Физик взглянул на эти опилки сквозь лупу, поднял брови, достал из шкафа микроскоп, посмотрел и вскрикнул.

— Ну и ну! — Остальные чуть ли не силой оттащили его от микроскопа.

— Они посылают нам часы… — слабым голосом сказал Химик, в свою очередь оторвав глаз от окуляра.

В поле зрения лежали рассыпавшиеся рулончиками и цепочками десятки и сотни крохотных зубчаток, эксцентриков, пружинок, погнутых осей. Все по очереди сыпали под объектив новые пробы, двигали столик микроскопа и все время

видели одно и то же.

— Что это может быть? — воскликнул Инженер.

Физик бегал по библиотеке от стены к стене, его волосы растрепались, он останавливался, смотрел на всех отсутствующим взглядом и снова бегал.

— Какой-то страшно сложный механизм — просто что-то чудовищное. Здесь, — Инженер взвесил на руке горсть металлической пыли, — миллиарды, если не биллионы этих проклятых колесиков!! Пошли наверх, — решился он вдруг, — посмотрим, что там делается.

Канонада продолжалась без всяких изменений. Автомат насчитал с того момента, как заступил на пост, тысячу сто девять взрывов.

— Попробуем-ка теперь люк, — вспомнил вдруг Химик, когда они вернулись в ракету.

Кибернетик прилип к микроскопу и рассматривал осколки снаряда, порцию за порцией. Когда к нему обращались, он не отвечал.

Трудно было сидеть и ничего не делать — впятером они отправились в машину. Контрольные лампочки запирающего механизма все еще горели. Инженер чуть сдвинул ручку, и стрелка послушно вздрогнула — крышка двигалась. Он

сразу же закрыл ее и сказал:

— В любой момент мы можем выехать на Защитнике.

— Крышка повиснет в воздухе, — засомневался Физик.

— Ничего, до поверхности останется самое большее полтора метра. Для Защитника это пустяки. Переползет.

Но пока не было острой необходимости покидать корабль, и они вернулись в библиотеку. Кибернетик все еще торчал у микроскопа. Он был в трансе.

— Оставьте его; может, на что-нибудь наткнется, — сказал Доктор. — А теперь… нужно чем-то заняться. Предлагаю просто продолжать ремонт.

Все, кроме Кибернетика, медленно поднялись с мест. А что им еще оставалось делать? Пять человек спустились в рубку, где до сих пор было больше всего следов разрушений. С пультом управления пришлось повозиться. Там требовалась трудная, почти ювелирная работа, каждую цепь проверяли сначала в выключенном состоянии, потом под напряжением. Координатор то и дело поднимался наверх и возвращался, не говоря ни слова. Его уже никто ни о чем не спрашивал. В рубке, ушедшей на пятнадцать метров в грунт,

чувствовалась легкая вибрация. Так минул полдень. Несмотря ни на что, работа продвигалась. Она шла бы еще быстрее с помощью автомата, но снимать наблюдательный пост было нельзя. К часу автомат насчитал больше восьми тысяч взрывов.

Хотя никто не был голоден, приготовили обед и поели — для того чтобы сохранить силы и здоровье, как заявил Доктор. Теперь с этим возни было немного, посуду мыть не приходилось, ее просто совали в пасть моечной машины. В два часа двенадцать минут вибрация внезапно прекратилась. Все сразу же бросили работу и побежали по туннелю наверх. Пылающая золотом тучка заслоняла солнце, а под ними распростерлась дышащая жаром равнина; мелкая пыль, поднятая взрывами, оседала, царила мертвая тишина.

— Конец?.. — неуверенно сказал Физик.

Его голос прозвучал удивительно громко — за эти часы они привыкли к непрерывному грохоту.

Последний взрыв, зарегистрированный автоматом, имел порядковый номер десять тысяч шестьсот четыре.

Люди медленно вышли из туннеля. Не было видно никакого движения. На расстоянии от

двухсот с небольшим до трехсот метров вокруг ракеты тянулась полоса перепаханного, перемолотого грунта, местами отдельные воронки слились в непрерывные провалы.

Доктор взобрался на бруствер.

— Рано, — остановил его Инженер. — Подождем.

— Долго?

— Минимум полчаса, а лучше час.

— Взрыватели замедленного действия? Ведь там нет взрывчатых зарядов?

— Неизвестно.

Туча сползла с солнца, посветлело. Они стояли и осматривались, ветер затих, становилось все жарче. Координатор первым услышал шелест.

— Что это? — спросил он шепотом.

Все насторожились. Им тоже показалось, что они что-то слышат.

Шум был такой, как будто ветер шевелил листья кустов. Но вокруг не было ни кустов, ни листьев, ничего, кроме кольца перекопанного песка. Воздух был мертвый, горячий, далеко над холмами он дрожал от жары. Шелест не прекращался.

— Это оттуда?..

— Да.

Они говорили шепотом. Теперь шелест доносился равномерно со всех сторон — похоже, что пересыпался песок.

— Ветра нет… — тихо сказал Химик.

— Нет, это не ветер. Это там, где снаряды…

— Я схожу туда.

— С ума сошел? А если у них дистанционные взрыватели?

Химик побледнел. Он попятился, как будто хотел спрыгнуть в туннель. Но было светло, все застыло в неподвижности — товарищи стояли не шевелясь, — он стиснул зубы, сжал кулаки и остался. Шелест — равномерный, быстрый — доносился со всех сторон. Люди стояли ссутулившись, напрягая мышцы, без единого движения, как бы бессознательно ожидая удара, — это было в тысячу раз хуже канонады! Солнце повисло в зените, тени кучевых облаков медленно ползли по равнине, облака громоздились на плоских основаниях, они походили на белые острова.

На горизонте ничто не двигалось, везде было совершенно пусто, даже черные чаши, черточки которых до этого неясно выделялись на фоне далеких холмов, даже они исчезли! Только теперь люди заметили их отсутствие.

— Смотрите! — крикнул Физик.

Он протянул руку вперед. Но это произошло почти одновременно со всех сторон. Можно было смотреть куда угодно и везде увидеть одно и то же.

Изрытая воронками почва вздрогнула, всколыхнулась. Везде, где упали снаряды, из нее полезло что-то сверкающее на солнце. Почти ровная, похожая на гребенку линия блестящих ростков, кое-где в четыре, иногда в пять, шесть рядов. Она вырастала так быстро, что, напрягая зрение, этот рост можно было заметить.

Кто-то с разгону выскочил из туннеля, понесся прямо к дуге зеркальных огоньков. Это был Кибернетик. Все закричали и бросились за ним.

— Я знаю! — кричал он. — Знаю!!

Он упал на колени перед стекловидным многорядьем ростков. Они уже торчали из почвы на палец, у основания были толщиной в кулак. Возле каждого ростка легонько шевелился песок, в глубине что-то лихорадочно дрожало, копошилось, работало, шуршало, как будто одновременно пересыпались миллиарды мельчайших зернышек.

— Механические зародыши! — воскликнул Кибернетик.

Он пытался руками раскопать землю вокруг ближайшего ростка. У него ничего не получа-

лось. Песок был горячий. Кибернетик отдернул руки. Кто-то сбегал за лопатами, все принялись копать так, что только комья грунта летели во все стороны. Заблестели расчлененные, длинные, спутавшиеся, словно корни, жилы зеркальной массы. Она была твердая, звенела от ударов лопат, как металл; когда яма достигла в глубину больше метра, люди попытались вырвать это странное образование, но оно даже не шевельнулось — настолько срослось с другими.

— Черный!! — Хор голосов как будто вырвался из одной груди.

Автомат подбежал, разбрасывая ногами песок.

— Вырви это!

Цепкие захваты сомкнулись на толстых, как мужская рука, зеркальных жилах. Стальной торс напрягся. Люди увидели, как ступни автомата начинают медленно уходить в грунт. Еле слышный звук, словно до предела натянутой, вибрирующей струны, доносился из его корпуса. Он выпрямился, увязая.

— Отпусти! — крикнул Инженер.

Черный тяжело выбрался из ямы и застыл.

Люди тоже стояли неподвижно. Зеркальная живая изгородь достигла уже почти полуметровой высоты. Внизу, над самой поверхностью

планеты, она постепенно наливалась более темным, молочно-голубым цветом, верх все еще рос.

— Вот так, — спокойно сказал Координатор.

— Да.

— Они хотят нас запереть?

Все помолчали.

— По-моему, это все-таки примитивно; в конце концов мы могли бы сейчас выйти, — сказал Кибернетик.

— Оставив ракету, — ответил Координатор. — Их разведка, наверное, как следует все рассмотрела! Обратите внимание — они пристрелялись почти точно по той борозде, которую прорыли их диски!

— Действительно!

— Неорганические зародыши, — сказал Кибернетик. Он уже успокоился и стирал с рук песок и глину. — Неорганические зерна — семена, понимаете? Они их высадили с помощью своей артиллерии.

— Это не металл, — сказал Химик. — Металл бы Черный согнул. Это что-то вроде супранита или керамит с упрочняющей обработкой.

— Да нет же — это просто песок! — воскликнул Кибернетик. — Не понимаешь? Неорганический метаболизм! Они с помощью катализа превра-

щают песок в какую-то высокомолекулярную производную кремния и образуют из нее эти жилы, так же как растения вытягивают из земли соли.

— Ты думаешь? — сказал Химик. Он опустился на колени, потрогал лоснящуюся поверхность, поднял голову. — А если бы они попали на иной грунт? — спросил он.

— Приспособились бы. Я в этом уверен. Потому-то они такие дьявольски сложные — их задача образовать субстанцию максимально твердую и прочную из того, что есть в их распоряжении.

— Ну, если только это, Защитник разгрызет. И не поломает себе зубов, — усмехнулся Инженер.

— Разве они на нас напали? — тихо сказал Доктор.

Все посмотрели на него с удивлением.

— А что это? Не нападение?

— Нет. Я бы сказал, скорее — попытка защититься. Они хотят нас изолировать.

— Ну так что? Мы должны сидеть и ждать, пока не окажемся, как червяки, под колпаком?

— А зачем вам Защитник?

Все заколебались.

— Воды нам уже не нужно. Ракету, вероятно, удастся отремонтировать за неделю. Ну, скажем,

за десять дней. Атомные синтезаторы запустим в ближайшие часы. Я не думаю, что это будет колпак. Вероятнее, высокая стена. Преграда, непреодолимая для них, поэтому они считают, что и для нас тоже. Синтезаторы обеспечат нас продовольствием. Нам от них ничего не нужно, а они… пожалуй, они не могли показать нагляднее, что не желают иметь с нами дела…

Товарищи слушали его нахмурившись. Инженер осмотрелся. Зеркальные острия уже доходили ему до колен. Они сплетались. Срастались. Шелест теперь стал таким громким, как будто из-под почвы вырывалось гудение сотен невидимых ульев. Синие корни на дне ямы набрякли, стали толстыми, почти как стволы.

— У меня к тебе просьба: приведи сюда двутела, — неожиданно сказал Координатор.

Доктор посмотрел на него, думая, что ослышался:

— Сейчас? Сюда? Зачем?

— Не знаю. То есть… я хотел бы, чтобы ты его привел.

Доктор кивнул головой и ушел. Остальные молча стояли под солнцем. Показался Доктор. Голый гигант с трудом выполз за ним из туннеля и перепрыгнул через земляной вал. Он казался

оживленным и как будто довольным: держался рядом с Доктором и тихонько булькал. Вдруг его плоское личико застыло, голубой глаз неподвижно смотрел вперед. Он засопел. Повернулся всем корпусом. Пронзительно захныкал. Большими прыжками приблизился к зеркальному заграждению, словно хотел на него броситься, неуклюже подпрыгивая, помчался вдоль него, обежал кругом все кольцо, непрерывно постанывая, издавая странный скрипучий кашель, подбежал к Доктору, начал щипать узловатыми пальчиками комбинезон у него на груди, скреб эластичный материал, заглядывал ему в глаза. С него лил пот, он толкнул Доктора, отпрыгнул, вернулся, вдруг еще раз огляделся, втянул с неприятным звуком малый торс в сумку большого и бросился в черное отверстие туннеля.

Еще секунду люди видели его сплюснутые дергающиеся ступни, когда он вползал внутрь. Довольно долго все молчали.

— Ты ожидал этого? — спросил Доктор Координатора.

— Нет… не знаю. Правда. Я только думал, что… возможно, это ему знакомо. Я ожидал какой-то реакции. Скажем, непонятной нам. Такой — нет…

— Значит ли это, что она нам понятна? — про-

ворчал Физик.

— В определенном смысле да, — ответил Доктор. — Он это знает. Или, по крайней мере, знает что-то аналогичное — и боится. Для него это какое-то страшное, наверно смертельно опасное явление.

— Экзекуция… *modo* Эдем? — тихо подсказал Химик.

— Не знаю. Во всяком случае, это бы означало, что они используют такие «живые стены» не только против космических пришельцев. Впрочем, ее можно сажать и без артиллерии.

— А может, он боится всего, что блестит? — сказал Физик. — Простая ассоциация. Это объяснило бы также историю с тем зеркальным поясом.

— Нет, я показывал ему зеркало, и он не только не испугался, но даже не заинтересовался им, сказал Доктор.

— Выходит, его нельзя считать ни таким уж глупым, ни недоразвитым, — бросил Физик.

Он стоял у самого стеклянистого заграждения, доходившего ему до пояса.

— Пуганая ворона куста боится.

— Слушайте, — сказал Координатор. — Все наши рассуждения беспредметны. Мы в тупике. Что делать дальше? Ремонт ремонтом — это понятно

само собой, но я бы хотел…

— Новая экспедиция? — подсказал Доктор.

Инженер невесело улыбнулся:

— Да? Я всегда с тобой. Куда? В город?

— Это наверняка означало бы столкновение, — быстро сказал Доктор. — Иначе как в Защитнике нам не пройти. А на том уровне цивилизации, которого мы общими усилиями сумели достичь, имея под рукой излучатель антипротонов, оглянуться не успеешь, как начнешь стрелять. Мы должны избежать драки любой ценой. Война — худший способ сбора информации о чужой культуре.

— Я вовсе не думал о войне, — ответил Координатор. — Защитник — отличное убежище, он ведь так много может выдержать. Все как будто указывает на то, что население Эдема четко разделено на слои и что с тем слоем, который предпринимает разумные действия, мы до сих пор не можем установить контакта. Я понимаю, что экспедицию в сторону города они воспримут как ответный удар. Но осталось еще не изученным западное направление. Двоих людей абсолютно достаточно для обслуживания машины, остальные могут остаться и работать в ракете.

— Ты и Инженер?

— Не обязательно. Можешь поехать с Хенриком, если хочешь.

— В таком случае нужен третий, кто-нибудь, кто знаком с Защитником, — сказал Инженер.

— Кто хочет ехать?

Хотели все. Координатор невольно улыбнулся.

— Едва прекращается артиллерийский огонь, как их начинает сжигать огонь любопытства, — продекламировал он.

— Ну, едем, — объявил Инженер. — Доктор, конечно, хочет быть с нами как воплощение благоразумия и кротости. Великолепно. Хорошо, что ты остаешься, — сказал он Координатору. — Ты знаешь очередность работ. Лучше всего сразу же приставить Черного к одному грузовому автомату, но не начинайте копать под ракетой, пока мы не вернемся. Я хотел бы еще раз проверить статистические расчеты.

— Как воплощение благоразумия я хотел бы спросить, какова цель этой экспедиции, — заговорил Доктор. — Пробивая себе дорогу, мы вступаем в фазу конфликта, хотим мы этого или нет.

— У тебя есть другие предложения? — спросил Инженер.

Вокруг тихо, почти мелодично шумела растущая живая изгородь. Скоро она должна была

подняться выше человеческих голов. Солнце разбрызгивалось белыми и радужными искрами в ее жилистых переплетениях.

— У меня нет никаких, — признался Доктор. — События непрерывно опережают нас, и до сих пор все заранее составленные планы подводили. Может, самым благоразумным было бы воздержаться от всяких прогулок. Через несколько дней ракета будет готова к полету; облетая планету на малой высоте, мы, возможно, узнаем больше, чем сейчас. И без риска…

— Ты и сам в это не веришь, — возразил Инженер. — Если мы не можем ничего узнать, изучая все вблизи, что нам даст полет на заатмосферной высоте? А благоразумие… боже мой… Если бы люди были благоразумны, мы бы здесь никогда не оказались. Что благоразумного в ракетах, которые летят к звездам?

— Демагогия, — проворчал Доктор. — Я знал, что мне вас не убедить, — добавил он и медленно пошел вдоль стеклянистой преграды.

Остальные вернулись к ракете.

— Не рассчитывай на сенсационные открытия; я полагаю, что на западе тянется такая же равнина, как и здесь, — сказал Координатор Инженеру.

— Откуда ты знаешь?

— Мы не могли упасть как раз в центре пустынного пятна. На севере — завод, на востоке — город, на юге — возвышенность с «поселком» в котловине; вероятнее всего, мы сидим на краю пустынного языка, который расширяется к западу.

— Возможно. Увидим.

Глава десятая

В начале пятого крышка грузового люка дрогнула и медленно опустилась вниз, как челюсть акулы. Она застыла в воздухе наклонным помостом; ее край повис в метре от поверхности.

Люди стояли по обе стороны люка, задрав головы. В зияющем отверстии сначала показались широко расставленные гусеницы, с нарастающим урчанием они двинулись вперед, как будто огромная машина хотела прыгнуть в воздух. Еще мгновение было видно серо-желтое днище, внезапно гигант качнулся, резко наклонился вперед, ударил обеими гусеницами по свисающей крышке — она загудела, — съехал по ней вниз, переполз метровый зазор, поймал передними траками гусениц грунт, рванул его, какую-то долю секунды казалось, что обе медленно перемалывающие почву ленты профилированных пластин остановятся, но Защитник дернулся и, подняв свой приплюснутый лоб, проехал несколько метров по ровному грунту и замер с певучим урчанием.

— Ну, а теперь, друзья, — Инженер высунул голову из маленького заднего люка, — прячьтесь в ракету — будет жарко. И не высовывайтесь этак с

полчасика. А еще лучше сначала пошлите Черного, пусть замерит остаточную радиоактивность.

Крышка захлопнулась. Трое людей вошли в туннель и забрали с собой автомат. Сразу же в дыре туннеля появился выдвинутый изнутри щит, плотно закрывший лаз. Защитник не двигался. Внутри него Инженер протирал экраны, проверял показания приборов. Наконец он спокойно сказал:

— Начинаем.

Короткое и тонкое, снизу и сверху охваченное цилиндрическими утолщениями, рыло Защитника начало медленно поворачиваться на запад.

Инженер поймал спрессованное стекло живой изгороди в перекрестье черных нитей, бросил взгляд вбок, проверяя положение трех дисков — белого, красного и голубого, — и нажал ногой педаль.

На мгновение экран почернел, словно засыпанный сажей, одновременно воздух со странным звуком — как будто какой-то великан, прижавшись ртом к грунту, сказал «умпф» — ударил в Защитника так, что тот закачался. Экран снова посветлел.

Огненное облако расплылось в стороны; вокруг него, бурля, всколыхнулся похожий на жидкое

стекло воздух. На протяжении десятка метров зеркальная живая изгородь исчезла, из впадины с вывернутыми, вишнево пылающими краями бил пар. Песок на расстоянии двадцати шагов покрылся стеклянистой коркой и заискрился на солнце. На Защитника сыпался летучий, почти невесомый белый пепел.

«Немного перехватил», — подумал Инженер, но вслух сказал только:

— Все в порядке, едем.

Приземистый корпус дрогнул и удивительно легко покатился к пролому. Проезжая сквозь него, машина слегка качнулась, на дне застывала лужица огненной жидкости — расплавленный кремнезем.

«Мы просто варвары, — мелькнуло в голове у Доктора. — И что я здесь делаю?..»

Инженер взял нужное направление и прибавил скорость. Защитник мчался как по автостраде, внутренняя мягкая поверхность гусениц тихо шлепала по ведущим каткам. Они делали без малого шестьдесят километров в час, почти не ощущая этого.

— Можно открыть? — спросил Доктор.

Он сидел низко в маленьком кресле, над его плечом блестел выпуклый, похожий на кора-

бельный иллюминатор, экран.

— Конечно, можно, — согласился Инженер. — Только…

Он включил компрессор. С крышки и из основания башенки брызнул острыми, как иголки, струйками бесцветный раствор, смывая с брони остатки радиоактивного пепла. Потом стало светло: броневой колпак открылся, его верх сдвинулся назад, бока провалились внутрь корпуса — теперь людей защищало только толстое изогнутое стекло, окружающее сиденье. В открытую машину ворвался ветер и растрепал им волосы.

— Мне кажется, Координатор был прав, — пробормотал через некоторое время Химик.

Местность не менялась. Защитник плыл через море песка, тяжелая машина плавно покачивалась, двигаясь поперек перепончато взгорбленных барханов, все время с одной и той же скоростью. Инженер поехал было быстрее, но тогда их начало бросать, гусеницы пронзительно скрипели, нос машины прыгал с одного бархана прямо на верхушку другого, на мгновение зарывался в него, вскидывал тяжелые тучи песка, несколько раз песок попадал даже внутрь.

При скорости пятьдесят километров болтанка прекратилась. Так прошло два с лишним часа.

— Да, пожалуй, он был прав, — сказал Инженер и немного изменил курс к югу.

Следующий час езды не принес никаких перемен, и они повернули еще раз, двигаясь уже точно на юго-запад. Позади осталось сто сорок километров.

Цвет песка понемногу изменялся: из почти белого, очень сыпучего, вставшего за машиной длинным клубящимся хвостом, он стал красноватым и более тяжелым, меньше пылил и, выброшенный вверх гусеницами, почти сразу же опадал. Расстояние между барханами увеличивалось, теперь они были ниже. Время от времени мелькали торчащие прутья совершенно засыпанных кустов. Вдали показались неясные маленькие пятнышки, они лежали несколько в стороне от курса. Инженер свернул к ним. Они быстро увеличивались, и через несколько минут уже можно было разглядеть поднимающиеся из песка отвесные плиты, похожие на одиноко стоящие остатки каких-то стен. Въезжая в узкий проход, Инженер притормозил. По обеим сторонам стояли наклонившиеся, разъеденные эрозией плиты. Большая каменная глыба загораживала дорогу. Защитник задрал нос, без труда преодолел препятствие и оказался как бы в узкой

улочке. Сквозь щели и просветы между отдельными плитами виднелись и другие развалины, все иссеченные глубокими горизонтальными шрамами эрозии. Из каменных развалин Защитник выехал на свободное пространство. Снова появились барханы, но они были плотные, как бы спрессованные, и совсем не пылили. Местность понемногу понижалась, машина спускалась по отлогому склону, далеко внизу виднелись тупые пальцы скал и снова беловатые контуры развалин.

Спуск кончился, по дну усеянного пятнистыми камнями оврага Защитник въехал на противоположный склон, тянувшийся до самого горизонта, гусеницы уже совсем не вязли, грунт был твердый, появились первые плоские, как лепешки, группы почти черных дышащих деревьев, только под низким солнцем они просвечивали вишневым цветом, будто листики-пузырьки наполняла кровь. Еще дальше, к юго-западу, заросли становились выше, кое-где они преграждали дорогу. Защитник продирался сквозь них, почти не снижая скорости. Тысячи пузырьков лопались с глухим неприятным треском, из них брызгала липкая темная жидкость, пачкающая керамитовые плиты, и вскоре весь корпус по самую

башенку был вымазан рыже-бурой краской.

Они проехали двести километров, солнце уже касалось горизонта, преувеличенно длинная тень машины колыхалась, извивалась, растягиваясь все больше. Внезапно под Защитником что-то противно заскрежетало, он на мгновение слегка приподнялся и провалился в нечто, разбрызгивающееся с протяжным хрустом. Инженер затормозил, машина прокатилась еще несколько метров и остановилась. Позади, в широкой, проделанной в зарослях колее валялись раздавленные тяжестью Защитника обломки ржавой конструкции, перемешанные с разодранными ошметками кустов. Поехали дальше, и снова налетели — на этот раз одной гусеницей — на заросшие поверху бородавчатыми кустами обломки ферм, изогнутых ажурных рычагов, дырявые листы металла. Защитник перемалывал все это на мелкие кусочки, перемешивал с жидкостью, сочившейся из лопающихся гроздьев, в скрежещущее тесто. Через некоторое время стена зарослей стала еще выше, отвратительный скрежет и писк проржавелого железного лома прекратились, черноватые, бьющиеся о броню стебли с бородавчатыми утолщениями вдруг расступились в обе стороны. Защитник въехал

в глубь широкой, в несколько метров, просеки; по другую ее сторону темнела такая же стена зарослей, как та, сквозь которую они продрались. Инженер развернулся на месте, и они поехали спускавшейся вниз просекой, почти лесной дорогой; глинистый грунт был утрамбован, его покрывали илистые потеки, показывавшие, что когда-то здесь текла вода.

Просека все время меняла направление, иногда половинка громадного, пурпурного, ослепительно пылающего солнечного диска вставала прямо впереди, иногда солнце скрывалось за поворотом, и только кровавые вспышки пробивались сквозь чернильные заросли, которые сплошной стеной поднимались вверх на два-три метра, дорога суживалась, уклон увеличивался; вдруг люди увидели весь гигантский диск заходящего солнца — под ними на несколько сотен метров раскинулась огромная разноцветная долина.

В глубине ее пылала поверхность воды, отражая багрянец солнца. Берег озера, неровный, покрытый пятнами черных зарослей, был искусственно укреплен, на нем виднелись машины на расставленных ногах. Ближе, почти под самым склоном обрыва, на краю которого резко остановился Защитник, неправильной мозаикой вдоль

светлых полос расходились постройки, ряды отвесных, ярко блестевших мачт величиной не больше спички. Внизу царило оживленное движение, в разные стороны ползли колонны серых, беловатых и бурых точечек, они перемешивались, кое-где образовывали концентрические скопления и снова расходились удлиненными ленточками. Вдобавок вся эта густо заселенная территория непрерывно поблескивала мелкими искорками, как будто обитатели десятков домов неутомимо открывали и закрывали окна с блестевшими в солнечных лучах стеклами.

Доктор восхищенно вскрикнул:

— Хенрик, все-таки удалось! Наконец что-то нормальное, обыкновенная жизнь! И какой наблюдательный пункт!!!

Еще не кончив говорить, он перекинул ноги через борт открытой башенки.

Инженер остановил его:

— Погоди-ка. Видишь солнце? Через какие-нибудь пять минут оно зайдет, и мы уже ничего не увидим. Нужно заснять всю эту панораму и как можно скорее, иначе нам не успеть.

Химик уже вытягивал из-под сиденья камеру. Инженер и Доктор помогли ему быстро надеть самый большой телеобъектив, похожий на трубу

гранатомета. Для скорости они бросали штативы прямо на грунт. Инженер тем временем размотал бухту нейлонового троса, закрепил конец за край башенки, моток бросил у передка Защитника и спрыгнул вниз.

Доктор и Химик, подняв штативы, бежали к краю обрыва. Инженер догнал их с тросом в руке, подтянул его и пристегнул им к поясам карабины.

— Еще свалитесь от избытка энтузиазма, — сказал он.

Солнечный диск уже опускался в пылающие воды озера. Они установили камеру, послышался поспешный шорох лентопротяжки, и большой объектив заглянул вниз. Доктор упал на колени, поддерживая передние ножки штатива, которые стояли на самом краю обрыва. Химик приложил глаз к видоискателю, скривился.

— Страшно слепит! — крикнул он. — Дай бленды!

Инженер бросился к машине. Через минуту он принес самую большую заслонку, и они начали торопливо снимать. Солнце наполовину скрылось за горизонтом. Инженер размеренно водил камерой влево и вправо. Химик иногда останавливал его, направлял объектив на пунк-

ты, где в маленькой рамке видоискателя замечал особенно оживленную циркуляцию пятнышек и фигур, работал трансфокатором, меняя фокусное расстояние. Доктор все еще стоял на коленях, камера тихонько ворчала. Одна катушка кончилась, Инженер торопливо сменил ее. Уже только маленький кусочек солнечного диска выступал над темнеющей водой, когда объектив совсем опустился вниз и теперь был направлен на очаг самого оживленного движения. Доктор, высунувшись над обрывом почти наполовину, висел на натянутом тросе — иначе нельзя было бы снимать. Он видел под собой стремительно спадающие рыжеватые морщины глинистой стены, освещенные слабеющим красным светом. На последних метрах второй катушки красный диск погас, небо было еще насыщено светом, но равнину и озеро накрыла серо-голубая тень — кроме вспыхивающих огоньков, там уже ничего не было видно.

Доктор встал, ухватившись за трос. Камеру несли втроем, осторожно, как сокровище.

— Думаешь, получилось? — спросил Доктор Инженера.

— Во всяком случае, часть. Немного пленки мы могли засветить. Разберемся на корабле. В конце

концов сюда всегда можно вернуться.

Они погрузили камеру и штативы в машину и опять вернулись на край обрыва. Только теперь они увидели, что на востоке берег озера круто поднимается вверх, переходя вдалеке в неровную скальную стену, на вершинах которой играл розовый отсвет. Над ней далеко в голубизну, усеянную первыми звездами, била бурая колонна дыма. Ее вспученная грибовидная верхушка некоторое время парила неподвижно и осела за горным хребтом.

— А, та самая долина? — воскликнул Химик, обращаясь к Доктору.

Они снова взглянули вниз. Цепочки белых и зеленоватых искр медленно ползли в разные стороны вдоль берегов озера, сворачивали, сливались в неровно текущие струйки, местами гасли, появлялись другие, большие, постепенно там становилось все темнее и количество огоньков увеличивалось. Вокруг спокойно шумели высокие, совершенно черные заросли; люди неохотно — так прекрасен был вид — повернулись, унося с собой образ озера, отражающего яркие молочные звезды.

Шагая по илистому грунту просеки, Доктор спросил Химика:

— Что ты видел?

Тот смущенно улыбнулся:

— Ничего. Я вообще не думал о том, что вижу; старался только все время помнить о резкости, а Хенрик так быстро водил камерой из одной стороны в другую, что я вообще ни в чем не мог разобраться.

— Это ничего, — сказал Инженер и облокотился на остывшую броню Защитника. — Мы снимали двести кадров в секунду; все, что там было, увидим после проявления. А теперь возвращаемся!

— Просто загородная прогулка! — пробурчал Доктор.

Они забрались в машину. Инженер передвинул визиры телеэкрана назад и включил задний ход. Некоторое время ехали в гору, пятясь, потом просека стала шире, Инженер развернулся, и Защитник помчался прямо на север.

— Не стоит возвращаться той же дорогой, — сказал Инженер. — Это лишних сто километров. Пока можно, поедем просекой и будем на месте через два часа.

Глава одиннадцатая

Дорога петляла. Уклон немного уменьшился, стены зарослей иногда совсем сжимали Защитника, стебли колотились о стекло, окружавшее башенку, время от времени пузырчатый стручок падал на колени Химику или Доктору. Доктор поднес один из них к носу — и удивился.

— Очень приятно пахнет, — сказал он.

Они были в отличном настроении. Искрящееся небо становилось все рельефнее и глубже, тлела массивная глыба Млечного Пути, легкий ветерок со слабым шелестом прочесывал чащу. Защитник катился мягко, издавая еле слышное напевное урчание.

Инженер никак не мог решиться включить фары, хотя уже почти ничего не видел. Но ночь была прекрасна, и он знал, что это впечатление исчезнет, стоит зажечь свет. Ехать с радаром ему тоже не хотелось — пришлось бы закрыть башенку. Он едва видел собственные руки, лежащие на рычагах; только индикаторы и приборы на щитках перед ним и ниже, в глубине машины бледно тлели салатным и розовым светом, а стрелки атомных индикаторов дрожали нежно-оранже-

выми звездочками.

— Ты можешь связаться с ракетой? — спросил Доктор.

— Нет, — ответил Инженер. — Тут нет зоны Хевисайда, вернее есть, но дырявая, как решето. О связи на коротких волнах и говорить не приходится, а монтировать другой передатчик было некогда. Ты же знаешь.

Вскоре гусеницы загрохотали, машина закачалась. Инженер на мгновение включил огни и увидел, что они едут по белым округлым камням; высоко над зарослями замаячили фантастические силуэты известняковых пиков. Машина шла по высохшему дну ущелья.

Инженеру это не понравилось: он не знал, куда приведет их эта дорога, а таких крутых стен не взял бы даже Защитник. Камней становилось все больше, черные заросли разбились на отдельные группки, дорога извивалась: сначала она поднималась в гору, потом почти выровнялась, скалы по одну сторону ущелья стали ниже, наконец исчезли совсем, и Защитник очутился на слегка наклонном лугу, окаймленном сверху известняковыми уступами; от них тянулись язычки осыпей. Между камнями у самой поверхности вились длинные, серебристо-зеленые в свете фар,

скрученные стебли.

Прошло почти четверть часа. Машина сильно отклонилась к северо-востоку, пора было возвращаться на нужный курс, но этого не позволяла сделать известняковая гряда, вдоль которой двигался Защитник.

— Все-таки нам везет, — ни с того ни с сего сказал Химик, — мы могли свалиться в озеро или налететь на скалы; сомневаюсь, что мы сумели бы выкарабкаться.

— Это верно, — ответил Инженер и добавил: — Подождите-ка.

Дорогу загораживало что-то лохматое, похожее на сетку с длинной волосяной бахромой. Защитник медленно подъехал к этой преграде и уперся в нее. Инженер плавно нажал на акселератор, странная сеть с тихим треском лопнула и исчезла, вдавленная в грунт гусеницами. Фары выхватывали из мрака целый лес высоких черных силуэтов. Казалось, перед машиной появилось окаменевшее войско в развернутом строю. Защитник чуть не наехал на остроконечный постамент, вспыхнул большой центральный прожектор, луч света лизнул черную колонну, пополз по ней вверх. Над машиной высилась гигантская статуя. Напрягая зрение, можно было

рассмотреть торс двутела — только маленький его торс, увеличенный до огромных размеров. Он стоял, сплетя поднятые вверх руки, слегка наклонив плоское ввалившееся лицо с четырьмя симметрично расположенными впадинами, как будто смотрел на людей с высоты сразу четырьмя глазами. У двутелов, с которыми до сих пор сталкивались люди, были совсем другие лица.

Потрясенные люди молчали, потом световой язык сполз со статуи, метнулся в сторону, выхватил из темноты другие постаменты, одни высокие и узкие, другие низкие, на них возвышались торсы — черные, пятнистые, кое-где молочно-белые, как будто вырезанные из кости. На всех лицах зияло по четыре глазницы, некоторые были странно деформированные, словно опухшие, с огромными валиками лбов, а еще дальше, метрах в двухстах от Защитника, тянулась стена, из нее торчали раскинутые, сплетенные или скрещенные руки сверхъестественной величины.

— Это… это как будто кладбище, — сказал Химик, понизив голос до шепота.

Доктор уже вылезал на заднюю броню. Химик поспешил за ним. Инженер повернул конус прожектора в другую сторону, туда, где раньше торчал известняковый барьер. Вместо него он

увидел редкую шпалеру фигур со смазанным, как бы смытым, рельефом. Взгляд бессильно путался в сложном переплетении форм, иногда в них мелькало что-то знакомое и снова ускользало.

Химик и Доктор медленно шли между изваяниями, Инженер светил им с башенки. Он уже некоторое время слышал отдаленный плач и визг, но, захваченный необычайным зрелищем, не обращал внимания на эти звуки, такие слабые и неясные, что он не мог понять, откуда они доносятся.

Луч прожектора проплыл над головами Доктора и Химика, вылущивая из мрака все новые и новые фигуры. Внезапно совсем близко послышалось ядовитое шипение, между рядами статуй поплыли медленно расползающиеся серые клубы, а сквозь них с протяжным стоном, кашлем, плачем, прыгая, неслась толпа двутелов. Над ними развевались какие-то лоскутья. Они мчались вслепую, толкаясь и налетая друг на друга.

Инженер прыгнул на сиденье, схватился за рычаг, он хотел подъехать к товарищам — это была его первая мысль. В ста шагах у конца аллейки он видел бледные в луче прожектора лица Доктора и Химика — они ошеломленно смотрели на мечущиеся фигуры. Но он не мог двинуться с

места — беглецы не обращали никакого внимания на машину, они мелькали под самым носом Защитника, несколько больших тел упало, пронзительное шипение слышалось совсем близко, оно плыло откуда-то снизу.

Между ближайшими постаментами, освещенными фарами Защитника, в нескольких сантиметрах над грунтом выполз конец гибкой трубы, окруженной шапкой образующейся в воздухе пены. Забрызгивая почву, пена начинала бурно дымить и затягивала все вокруг пепельной завесой.

Когда первая волна серого тумана окутала башенку, Инженер почувствовал, как тысячи шипов вонзились ему в легкие. Ослепленный, с залитым слезами лицом, он издал глухой крик и, задыхаясь, рыдая от ужасной боли, резко нажал акселератор.

Защитник прыгнул вперед, как будто им выстрелили, опрокинул черную статую, мгновенно взлетел на нее и, рыча, переехал. Инженер не мог вдохнуть воздух, страшная боль сгибала его пополам, но он не закрывал башенки, зная, что сначала нужно забрать товарищей. Ослепшими глазами он едва видел рушащиеся с грохотом статуи, которые давил Защитник. Воздух стал

немного чище, Инженер скорее услышал, чем увидел, как Химик и Доктор выскакивают из зарослей и карабкаются на броню, хотел крикнуть: «Влезайте!», но из его сожженной гортани вырвался только хрип. Химик и Доктор, заходясь от кашля, прыгнули внутрь. Инженер на ощупь нажал рычаг, металлический купол закрылся над ними, но рвущий горло туман все еще висел внутри. Инженер стонал, он из последних сил боролся с ручкой трубопровода. Кислород под высоким давлением с громким хлопком вырвался из редуктора. Инженер почувствовал, как его ударило в лицо. Ощущение было такое, будто его стукнули по лбу кулаком.

Он не обратил на это внимания, утонув в живительном потоке. Доктор и Химик, судорожно дыша, навалились ему на плечи. Фильтры работали, кислород заполнил кабину, выдавливая ядовитый туман. Люди прозрели, но дышать было еще трудно, они чувствовали острую боль в груди, каждый глоток воздуха, казалось, стекал по обнаженным ранам трахеи, но это ощущение быстро прошло. Через несколько секунд Инженер видел совсем хорошо. Он включил экран.

Между треугольными постаментами в боковой аллее, до которой он не доехал, еще вздрагивало

несколько распластанных тел, но большинство уже совсем не шевелилось. Переплетенные ручки, маленькие торсы, головы то исчезали, то появлялись из-за вяло парящих серых клубов. Инженер включил наружные микрофоны. В кабину ворвались ослабевающие и удаляющиеся покашливания, взвизгивания, сзади что-то затопало, хор разрозненных голосов еще раз взревел где-то около сплетенных белых фигур, но там был виден только однообразно волнующийся серый туман. Инженер убедился, что башенка закрыта герметично, и, сжав зубы, двинул рычаги управления. Защитник медленно поворачивался на месте, гусеницы скрежетали на каменных обломках, три снопа света пытались пробить тучу. Инженер повел машину вплотную к разбитым статуям, разыскивая шипящую трубу. Он нашел ее по бьющей вверх и в стороны пене, в каких-нибудь десяти метрах, колеблющаяся волна дыма уже заливала поднятые руки очередной фигуры.

— Нет, — крикнул Доктор, — не стреляй! Там могут быть живые!

Было слишком поздно. Экран на мгновение почернел. Защитник подпрыгнул вверх, как будто подброшенный чудовищным кулаком, и упал с ужасным скрежетом. Направляющие и управ-

ляющие волны, едва оторвавшись от острия, скрытого в корпусе генератора, сразу же попали в то, что выбрасывало шипящую пену, и заряд антипротонов соединился с эквивалентным количеством материи.

Когда экран загорелся, между разбросанными обломками постаментов зиял огненный кратер.

Инженер даже не взглянул на него. Он напрягал глаза, стараясь рассмотреть, что произошло с остатком трубы, куда она исчезла. Он еще раз развернул Защитника на месте на девяносто градусов и медленно поехал мимо поваленных взрывной волной статуй. Серого тумана стало меньше. Машина миновала три-четыре распластавшихся, покрытых лохмотьями тела. Инженер притормозил левой гусеницей, чтобы не проехать по тому, которое было ближе всех. Немного ниже в чаще маячил огромный неподвижный силуэт. Там открывалась удлиненная полянка, у ее края серебром блеснули убегающие в заросли фигуры; вместо маленьких торсов у них были неестественно длинные, приплюснутые с боков колпаки или шлемы, кончающиеся сверху чем-то вроде клювов.

Что-то глухо ударило в Защитника спереди, экран потемнел и снова вспыхнул, левая фара

погасла.

Инженер повел машину к темному краю рощицы. Центральный прожектор высветил между ветвями многочисленные серебряные пятнышки, за которыми что-то начало крутиться все быстрее и быстрее. Во все стороны полетели ветви, целые букеты скошенных кустов, и огромная вращающаяся масса, перемалывая воздух, рванулась в сторону. Инженер прицелился туда, где движение было самым сильным, и нажал педаль. Глухое мощное «умпф» тряхнуло башенку. Едва загорелся экран, Инженер повернул башенку в сторону.

Можно было подумать, что взошло солнце. Защитник стоял почти посредине поляны. Ниже, где только что был лес, пятая часть горизонта превратилась в белое море огня. Звезды исчезли, воздух лихорадочно дрожал, на фоне этой затянутой дымом стены к Защитнику двинулся пузатый, искрящийся огненными вспышками шар. Инженер не слышал ничего, кроме гудения пожара, Защитник казался прижавшейся к поверхности планеты крошкой по сравнению с этой громадиной, которая начала вращаться еще быстрей и превратилась в высокий, словно воздушная гора, смерч, перечеркнутый посредине

черным зигзагом. Инженер уже держал его в перекрестье прицела, когда в нескольких сотнях шагов от машины заметил освещенные заревом бледные фигуры убегающих.

— Держитесь! — гаркнул он.

Секунду ему казалось, что башенка падает на него. Защитник как будто охнул, заплясал на амортизаторах, броня загудела, как колокол, затрещала, словно лопалась. Экран на мгновение потемнел и снова прояснился. Грохот не прекращался — казалось, сотня адских молотов яростно бьет по верхней крышке. Понемногу оглушающий гром слабел, удары становились все медленнее, угловатый рычаг еще несколько раз со свистом рассек воздух, вдруг на броню обрушился глухой, протяжный скрежет падающего металла, и несколько «лап», лениво сокращая суставы и вновь их расправляя, легли под гусеницы Защитника. Одна из них едва заметным движением скребла броню, как бы поглаживая ее; потом и она затихла. Инженер попробовал тронуться с места, но гусеницы чуть двинулись, скрипнули и застряли. Он включил заднюю скорость — получилось. Медленно выбираясь, вспахивая почву обломками, которые он волочил за собой, Защитник пятился как рак. Наконец он

освободился. Звякнул металл, машина неожиданно прыгнула назад.

На фоне все еще пылающего леса они увидели тридцатиметрового растоптанного паука; культя одного из рычагов еще судорожно царапала почву. Между угловатыми длинными ногами висела рогатая гондола; сейчас она была открыта, из нее выскакивали серебряные фигурки.

Инженер машинально проверил, нет ли кого-нибудь на линии выстрела, и нажал педаль.

Раздался грохот. Новое солнце взорвалось на полянке. Обломки с воем и свистом разлетелись во все стороны, в центре взметнулся столб кипящей глины, песка, легких лохмотьев копоти. Инженера вдруг охватила слабость. Он почувствовал, что еще минута — и его вырвет. Холодный пот сочился у него по спине, как вода, заливал лицо. Мгновенно онемевшей рукой он вцепился в рычаг и тут услышал крик Доктора:

— Поворачивай, слышишь! Поворачивай!

Из горящей ложбины рванулся подсвеченный красным дым, как будто там, где до этого стоял лес, возник вулкан, кипящий шлак стекал по склону, поджигая остатки поваленных примятых зарослей.

— Да поворачиваю, — сказал Инженер, — по-

ворачиваю…

Но он не двигался. Капли пота все еще текли по его лицу.

— Что с тобой? — услышал он как будто очень издалека голос Доктора. Увидев над собой его лицо, встряхнул головой и широко открыл глаза.

— Что? Ничего, ничего, — пробормотал он.

Доктор снова откинулся назад.

Инженер включил двигатель. Защитник вздрогнул, развернулся на месте и пополз в гору той же самой дорогой, которой ехал сюда.

Единственная фара (центральный прожектор разбился при столкновении) снова осветила поваленные, перемешанные с мертвыми телами статуи. И те и другие покрывал металлический серый налет. Защитник прополз между обломками двух белых фигур и повернул на север. Как корабль, входящий в воду, он вспорол и развалил на стороны хрустевшие под гусеницами заросли, несколько бледных силуэтов панически умчалось из полосы света, скорость увеличилась, машину бросало на неровностях. Инженер тяжело дышал, стараясь побороть дурноту, и все сильнее сжимал зубы. До сих пор у него перед глазами стояли кружащиеся хлопья копоти — все, что осталось от выскакивающих серебряных

фигурок.

Впереди желтела глинистая выемка склона. Защитник задрал лоб и полез в гору. Упругие ветки хлестали по броне, гусеницы скрежетали по чему-то невидимому, машина мчалась все быстрее, то в гору, то вниз, она пересекала небольшие овраги, проскакивала крутые балки, прорывалась сквозь плотные стены зарослей. Защитник, словно таран, прошел сквозь рощу паучьих деревьев, их колючие брюшки бомбардировали броню бессильными мягкими ударами, треск и шипение перемалываемых стеблей и крон были ужасны. На задних экранах еще стояло зарево пожара. Постепенно оно затухло. Наконец все окутала сплошная тьма.

Глава двенадцатая

Через час Защитник вырвался на равнину. Стояла черная звездная ночь, мимо равномерно гудящей машины пролетали редеющие заросли. Наконец пропали последние кусты, и не было уже ничего, кроме длинных отлогих холмов, которые, казалось, колыхались, оживали, когда на них падал свет единственной фары. Защитник стремительно, как будто хотел взмыть в воздух, взлетал на них, сиденья мягко покачивались, визг гусениц напоминал яростный звук сверла, вгрызающегося в металл, стрелки приборов горели розовым, оранжевым, зеленым. Инженер, склонившись к экрану, искал огонек ракеты.

Теперь он считал безумием то, что они выехали, не обеспечив себе радиосвязи. Правда, раньше он относился к этому как к чему-то вполне естественному. Они спешили так, словно еще один или два часа, необходимые для монтажа другого передатчика, были бесценными. Когда у Инженера почти не оставалось сомнений, что в темноте он проскочил мимо ракеты и едет дальше на север, он увидел ее, вернее — странно раздувшийся световой пузырь. Защитник полз

все медленнее, фара осветила наклонную стену, и она засверкала серебряным огнем. Картина была необыкновенная; когда зажигался маяк, огромный, не замкнутый у вершины купол вспыхивал, переливаясь в стеклянных сплетениях множеством радуг, умноженный ими блеск далеко освещал пески.

Не желая стрелять, Инженер направил тупой бронированный лоб машины в то место, где он, выезжая, пробил проход. Но стеклянная стена уже затянула дыру с обеих сторон, зарастила ее, единственным следом пролома была плита превратившегося в шлак песка у основания ограды.

Защитник с ходу стал таранить стену всей массой своих шестнадцати тысяч килограммов, броня застонала. Стена не поддалась.

Инженер медленно отступил на двести метров, установил нити прицела как можно ниже, и в тот момент, когда светящийся купол вырвался из мрака, быстро нажал педаль.

Не ожидая, когда отверстие с кипящими краями остынет, он бросил машину вперед. Башенка зацепилась верхушкой, но разорвала размякшую от жары стеклянную массу, одноглазый Защитник заглянул в глубь пустого пространства и с замирающим урчанием подъехал к ракете.

Их встретил только Черный, который, впрочем, сразу же исчез. Приходилось ждать — нужно было очистить броню от радиоактивного налета и измерить частоту импульсов в окружающей среде. Только тогда они могли покинуть тесную кабину.

Вспыхнул фонарь. Координатор, который первым вышел из туннеля, одним взглядом окинул покрытую черными пятнами лобовую броню Защитника, вмятины вместо фар, бледные, запавшие лица товарищей и спросил:

— Дрались?

— Да, — ответил Доктор.

— Спускайтесь вниз. Здесь еще ноль девять рентгена в минуту. Черный останется тут.

Больше никто не произнес ни слова. Спустившись в корабль, Инженер заметил второй автомат, поменьше, который соединял кабели в проходе к машинному отделению, но даже не остановился около него. В библиотеке горел свет, на маленьком столе стояли алюминиевые тарелки, лежали столовые приборы, посредине красовалась бутылка вина.

Координатор, не садясь, заговорил:

— Мы собирались устроить небольшой праздник. Автоматы проверили систему гравиметриче-

ского распределения — она в порядке… Главный реактор готов к запуску. Если поставить ракету, можно будет стартовать. Теперь рассказывайте.

Некоторое время все молчали. Доктор посмотрел на Инженера и начал рассказывать.

— Ты был прав. На запад действительно тянется пустыня. Мы сделали — по большой дуге — почти двести километров в юго-западном направлении.

Он рассказал, как они доехали до обитаемой равнины и озера и засняли ее, как, возвращаясь, наткнулись в темноте на скопление статуй, — и тут заколебался.

— Это действительно выглядело как кладбище или место, связанное с каким-то религиозным культом. То, что происходило потом, трудно передать. Я опять не могу с уверенностью сказать, что это значило, — эту песенку вы уже знаете. Толпа двутелов в панике убегала. Казалось, они прятались и облава вспугнула их или загнала за «надгробья». Я говорю, что это так выглядело, больше я ничего не знаю. В нескольких сотнях метров ниже — все это происходило на склоне — была небольшая роща, и там прятались другие двутелы, похожие на того серебряного, которого мы убили. За ними стояла, возможно замаскиро-

ванная, одна из вращающихся машин — большой волчок. Но сначала мы про нее не знали. Так же как про то, что скрывавшиеся в зарослях двутелы протянули над самым грунтом гибкую трубу, из которой под давлением вылетало отравляющее вещество, пена, превращающаяся во взвесь или газ. Можно будет ее исследовать, она ведь должна была осесть в фильтрах, правда? — обратился он к Инженеру.

Тот кивнул.

— Мы вышли с Химиком, чтобы осмотреть эти статуи, башня была открыта. Мы чуть не задохнулись, а хуже всего пришлось Хенрику. Первая волна газа пришлась на Защитника. Когда мы забрались внутрь и продули башню кислородом, Хенрик выстрелил в трубу, вернее в то место, где она перед этим торчала. Мы уже стояли в густом облаке.

— Антиматерией? — спросил Координатор в тишине.

— Да.

— Ты не мог использовать малый излучатель?

— Мог, но не использовал.

— Мы все были… — Доктор мгновение искал слова, — возбуждены. Видели падающих. Эти двутелы не были нагими. На них болтались какие-то

лохмотья. Мне показалось, что они разорваны, как будто в драке, но в этом я не уверен. На наших глазах погибли все или почти все. Перед этим мы сами чуть не отравились. Вот как все было. Потом Хенрик пытался найти продолжение трубы, если мне не изменяет память. Так?

Инженер снова кивнул.

— Таким образом, мы съехали вниз, к роще, и увидели тех — серебряных. На них было что-то вроде масок. Возможно, с воздушными фильтрами. Они нас чем-то обстреляли, разбили фару. Одновременно двинулся этот огромный волчок. Он хотел напасть на нас сбоку. Во всяком случае, выехал из кустов. Тогда Хенрик выстрелил.

— По зарослям?

— Да.

— По этим серебряным?

— Да.

— И по волчку?

— Нет. Он натолкнулся на нас и разбился о Защитника. Естественно, возник пожар: заросли высохли от термического удара в момент взрыва и горели, как бумага.

— Они пробовали контратаковать?

— Нет.

— Преследовали вас?

— Не знаю. Вероятнее всего, нет. Вращающиеся диски, наверно, могли бы нас догнать.

— На этой местности — нет. Там множество балок, оврагов, что-то вроде земной юры, известняковые скалы, террасы, осыпи, — объяснил Инженер.

— Ага. И потом вы поехали прямо сюда.

— Почти прямо, с небольшим отклонением к востоку.

Несколько секунд сидели молча. Координатор поднял голову.

— Убили много?

Доктор взглянул на Инженера и, видя, что тот не собирается отвечать, произнес:

— Было темно. Они прятались в чаще. Мне кажется… я видел самое меньшее двадцать серебряных вспышек сразу. Но в глубине, дальше, в зарослях, поблескивало что-то еще. Их могло быть больше.

— Те, что стреляли в вас, наверняка были двутелы? Не какие-нибудь другие?

Доктор заколебался:

— Я говорил, что на маленьких торсах у них было что-то вроде колпаков, шлемов. Но, судя по формам, размерам, способу передвижения, это были двутелы.

— Чем они вас обстреляли?

Доктор молчал.

— Снаряды, вероятно, не металлические, — сказал Инженер. — Конечно, я руководствуюсь только ощущениями. Мест попаданий я не исследовал, даже не осматривал. У них маленькая пробойная сила — такое у меня впечатление.

— Да, небольшая, — согласился с ним Физик. — Фары — я мельком осмотрел их — скорее вдавлены, чем пробиты.

— Одна разбилась при столкновении с волчком.

— А теперь — о статуях… Как они выглядели? — спросил Координатор.

Доктор, как умел, попытался описать статуи. Когда очередь дошла до белых фигур, он остановился и через мгновение продолжал с усталой улыбкой:

— Тут, увы, опять можно прибегнуть только к помощи жестов…

— Четыре глаза? Выдающиеся лбы? — медленно повторял Координатор.

— Да.

— Это были скульптуры? Камень? Металл? Литье?

— Не могу сказать. Наверняка не литье. Ну, что

еще… Размеры сверхъестественные… А также некоторая деформация, изменение пропорций и… — Он как будто заколебался.

— Что?

— Облагораживание, — смущенно сказал Доктор. — Но это только впечатление. Впрочем, мы осматривали их недолго, а потом столько всего произошло… И снова пища для явных аналогий. Кладбище. Несчастные преследуемые. Полицейская облава. Мотопомпа с ядовитым газом. Полиция в противогазах. Я намеренно использую такую терминологию, ведь в самом деле могло казаться, что было так, но мы этого не знаем. Одни из обитателей планеты убивали на наших глазах других. Это факт, пожалуй, бесспорный. Но кто кого, были ли эти существа совершенно одинаковыми или чем-то отличались друг от друга…

— А если отличались, тогда все ясно? — спросил Кибернетик.

— Нет. Но я думал и о такой возможности. Признаю, что с нашей точки зрения она чудовищна. Как известно, человек сурово осуждает каннибализм. Однако съесть жаркое из обезьяны уже вообще не является в глазах наших моралистов чем-то страшным. А если биологическая эволюция проходила здесь так, что разница во

внешности между существами, которые остались на животном уровне развития, гораздо меньше, чем между человеком и человекообразной обезьяной? Мы могли в таком случае быть свидетелями, скажем, охоты.

— А та яма у города? — бросил Инженер. — Это тоже — охотничьи трофеи? Да? Меня удивляют твои адвокатские уловки, Доктор!

— Пока мы не имеем уверенности…

— У нас есть еще фильм, — прервал его Химик. — Не знаю почему, но до сих пор нам действительно не удавалось увидеть нормальной, обычной жизни на этой планете. А тут мы сняли как раз что-то обыкновенное, во всяком случае, у меня сложилось такое впечатление…

— Как это? Вы ничего не видели? — удивился Физик.

— Нет, мы слишком спешили, чтобы использовать последний свет. Расстояние было значительным, больше восьмисот метров, но мы привезли две катушки пленки, снятой телеобъективом. Который час? Еще нет двенадцати! Можно ее сейчас проявить.

— Дай Черному, — сказал Координатор. — Или другому автомату. Доктор, Инженер, я вижу, что вас взяло за живое; правда, у нас дел по горло,

но…

— Разве контакты высокоразвитых цивилизаций должны кончаться таким образом? — спросил Доктор. — Мне бы очень хотелось услышать ответ на этот вопрос…

Координатор покачал головой, встал и убрал бутылку со столика.

— Спрячем ее до другого случая, — сказал он…

Когда Инженер и Физик вышли осмотреть Защитника, а Химик решил на всякий случай проследить за проявлением фильма, Координатор взял Доктора под руку и, подходя с ним к перекошенным библиотечным полкам, сказал, понизив голос:

— Слушай, а не может быть, что вы своим неожиданным появлением и вызвали это паническое бегство и что именно вас, а не беглецов хотели остановить?

Доктор посмотрел на него расширенными глазами.

— Знаешь, это мне вообще не приходило в голову, — произнес он. И, задумавшись, замолчал. — Не знаю, — наконец заговорил он. — Скорее всего нет… Разве что это было неудачное нападение, которое сразу же обратилось против некоторых из них. Конечно, — добавил он, выпрямляясь, —

можно все это истолковать совсем по-другому. Да, теперь я это отчетливо вижу. Скажем: мы въехали на какую-то охраняемую территорию. Те, что убегали, — это была, предположим, группа паломников, странников, что-то вроде этого. Стража, охраняющая территорию, подтащила оружие — трубу — между статуями в то время, когда Защитник остановился. Так, но первая волна газа определенно была направлена на убегавших, а не на нас… Хорошо, допустим, с их точки зрения это был несчастный случай. Тогда — да. Так могло быть.

— Значит, нельзя этого исключить.

— Нет, нельзя. И знаешь, чем дольше я думаю, тем больше эта версия кажется мне такой же правомерной, как и наша, первая. Как только стало известно о нашем появлении, они могли установить посты в окрестностях. Когда мы были в долине, они еще ничего не знали, и поэтому мы не встретили там вооруженных… Ведь в тот самый вечер у ракеты впервые появились вращающиеся диски…

— Наше несчастье, что мы до сих пор не наткнулись даже на следы их информационной сети, — подал голос Кибернетик из глубины каюты. — Телеграф, радио, письмо, зафиксированные

документы, что-нибудь в этом роде… Всякая цивилизация создает технические средства такого рода и с их помощью сохраняет свою историю и знания. Эта, наверно, тоже. Если бы мы могли попасть в город…

— На Защитнике можем, — ответил, поворачиваясь к нему, Координатор. — Но завязалась бы драка. Ни хода ее, ни результатов предвидеть нельзя — ты отдаешь себе в этом отчет?

— Ну, если бы мы могли встретиться с каким-нибудь их разумным специалистом, техником…

— Как это сделать? Отправиться на охоту? — спросил Доктор.

— Ха, если бы я знал как!

В дверях появился Инженер:

— Пошли. Пленка уже проявлена.

Они решили посмотреть фильм в лаборатории. Это было самое длинное из всех помещений корабля. Когда они туда вошли, пленка, уже зафиксированная, но еще мокрая, крутилась в барабане, сквозь который продувался горячий воздух. Из него она шла прямо на бобину проекционного аппарата. Координатор уселся у проектора, чтобы иметь возможность в любой момент остановить изображение на экране или вернуть его назад; все заняли места, и автомат

погасил свет.

Первые метры были совсем засвечены — несколько раз мелькнула поверхность озера, потом появилась набережная. Она была укреплена, в некоторых местах в воду уходили длинные наклонные спуски, над которыми поднимались раскоряченные вышки, соединенные ажурными лентами. Изображение на миг расплылось, а когда снова можно было рассмотреть подробности, стало видно, что у вершины каждой башни в противоположные стороны вращаются по два пятилопастных пропеллера. Они вращались еле-еле, так как съемка велась с большим ускорением. По уходящим в глубь озера спускам двигались какие-то предметы, как бы притопленные в воде, но разглядеть их конфигурацию было невозможно. Кроме того, все двигались страшно медленно. Координатор перемотал пленку назад на полтора десятка метров и пустил ее снова, значительно быстрее. Предметы, спускавшиеся вдоль тонких, размазанных, словно дрожащие толстые струны, полос, промчались вниз и влетели в воду; по поверхности озера пошли круги. На самом берегу спиной к аппарату стоял двутел, только верхняя часть его большого торса выступала из бочкообразного устройства, над которым торчал тонкий

прут, кончавшийся размазанным пятном.

Набережная исчезла. Теперь экран пересекали плоские, как коробки, предметы, насаженные на ажурные колонны, с многочисленными бочкообразными сооружениями наверху, похожими на то, в котором торчал двутел на пристани. Все они были пустые, некоторые лениво двигались по два, по три в одну сторону, останавливались и трогались обратно.

Изображение медленно перемещалось. Появились многочисленные огоньки, казавшиеся черными пятнами. Пленка была передержана, и, что хуже всего, вокруг пятен расплывались мутные ореолы. Из-за этих туманных ободков проглядывали маленькие, снятые сверху фигурки. Двутелы расхаживали парами, их небольшие торсы были обвиты чем-то пушистым, так что торчали только головки, но недостаточная четкость изображения не позволяла рассмотреть черты лиц.

Потом на экране появилась огромная, размеренно поднимающаяся и опадающая масса. Она стекала к нижнему углу экрана, как вспененный сироп, по ней на эллиптических ходулях ходили десятки двутелов — они держали какие-то орудия в своих маленьких ручках и, дотрагиваясь до

этой массы, разравнивали ее или сгребали. Время от времени масса вспучивалась заостренным у вершины бугром, откуда выскакивало что-то вроде серой чаши. Изображение смещалось, но подвижная масса по-прежнему оставалась на экране. Детали выступили с большей четкостью, в центре появилась, как бы вырастая, группа стройных чаш, несколько отдаленных друг от друга, около каждой из них стояли два или три двутела. Они наклонялись к чашам, мгновение стояли неподвижно и выпрямлялись. Это повторялось снова и снова. Координатор опять перемотал пленку назад и пустил ее быстрее — теперь двутелы как бы целовали внутреннюю поверхность чаш. Другие, на заднем плане, на который люди сначала не обратили внимания, стояли с втянутыми до половины малыми торсами и словно наблюдали за этими действиями.

Изображение снова переместилось. Виден был только самый край массы, окаймленный темной линией. Тут же рядом двигались вращающиеся диски, гораздо меньшие, чем те, с которыми встречались люди. Они вращались скачками, можно было заметить рывки ажурных рычагов — это был эффект съемки.

Постепенно движение на экране становилось

все более оживленным, хотя из-за ускоренной съемки оно и казалось происходящим как бы в очень густой невоздушной среде. Появился район, который снимавшие фильм Физик, Доктор и Инженер приняли за «центр города». Это была густая сеть желобков, по которым в разные стороны двигались своеобразные устройства. На каждом из них, тесно прижимаясь друг к другу, стояли от двух до пяти двутелов, преимущественно по трое. Казалось, их маленькие торсы охватывает что-то, соединенное с внешней стороной едущей «бочки», но это мог быть просто отблеск. Тени под заходящим солнцем были очень длинные и мешали рассмотреть детали. Над желобковыми магистралями бежали изящные ажурные мостики. На этих мостиках кое-где стояли, крутясь на месте, огромные волчки, и опять вращение распадалось на серию сложных вращательно-поступательных движений, как будто членистые конечности выхватывали из воздуха что-то невидимое. Один волчок застыл неподвижно, и из него начали выходить блестящие фигурки. В тот момент, когда выходил третий двутел, вытягивая за собой какой-то непонятный предмет, изображение переместилось. На переднем плане через середину экрана бежал толстый канат. Этот

канат или трубопровод слегка покачивался, натянутый подвешенной к нему узкой сигарой, из которой сыпалось что-то переливающееся, точно туча листьев. Но эти предметики, вероятно, были довольно тяжелыми: они не кружились, а падали вниз, как гирьки. Внизу на вогнутой площадке в несколько рядов стояли двутелы. От их ручек к поверхности планеты летели непрерывные мелкие искорки — это было совершенно непонятно, так как туча сыплющихся сверху предметов исчезала, не долетая до стоящих внизу. Изображение медленно перемещалось. У самого края экрана неподвижно лежали два двутела, к ним приближался третий. Оба двутела медленно встали. Один из них покачивался; малый торс у него был спрятан, и он выглядел как сахарная голова. Координатор отмотал пленку назад, снова пустил проектор, попробовал сделать изображение резче, потом подошел к экрану с большим увеличительным стеклом.

Сквозь стекло он увидел только крупные расплывающиеся пятна.

Экран погас — первая пленка кончилась. В начале другой была запечатлена та же самая картина, только немного сдвинутая и более темная; видимо, свет ослаб и это не удалось скомпенсиро-

вать даже полностью открытой диафрагмой. Два двутела медленно отходили, третий полулежал на грунте. Через экран протянулись трепещущие линии, объектив двигался так быстро, что ничего не было видно; потом появилась большая сеть с пятиугольными ячейками, в каждой стояло по одному двутелу и лишь в немногих — по два. Под этой сетью дрожала другая, размазанная. Люди не сразу сообразили, что это тень, отбрасываемая на грунт, выложенный гладкими, похожими на бетон, плитами. Двутелы, стоявшие в ячейках сети, были одеты в пышные темные одежды, делавшие их толще и шире. Почти все они совершали одинаковые движения; их маленькие торсы, закрытые чем-то полупрозрачным, медленно наклонялись в стороны; эта своеобразная гимнастика выполнялась чрезвычайно медленно. Изображение задрожало, перекосилось, некоторое время опять было плохо видно, становилось все темней. Показался самый край сети, растянутый на тросах. Один из них кончался у большого неподвижного диска. Дальше можно было наблюдать такое же «уличное» движение, как на первой пленке: в разные стороны ползли бочкообразные объекты, набитые двутелами.

Камера еще раз наехала на сеть, потом сдви-

нулась в сторону, появились пешие двутелы, снятые в косых лучах заходящего солнца. Они, по-утиному переваливаясь, прогуливались парами; дальше появилась целая толпа, надвое разделенная посредине узким проходом. По нему полз трос, уходящий за край кадра. Трос тянул что-то длинное, ослепляющее яркими вспышками, похожее на продолговатый граненый кристалл или обложенную зеркальными пластинами колоду. Предмет переваливался из стороны в сторону и бросал световые зайчики в толпу.

Неожиданно раздался чей-то сдавленный крик. Координатор перемотал пленку назад и остановил проектор. Все подошли к самому экрану. Там, окруженный рядами двутелов, посреди пустого прохода лежал человек.

Стояла мертвая тишина.

— Кажется, мы все-таки свихнемся, — послышался из темноты чей-то голос.

— Ну, сначала досмотрим до конца, — ответил Координатор.

Все вернулись на свои места, пленка двинулась, изображение вздрогнуло, ожило. Одна за другой по улочке в толпе проезжали удлиненные, похожие на гробы, глыбы, но на них были наброшены какие-то светлые покрышки, которые свисали

до самой поверхности и тащились по ней, как толстая ткань. Камера сместилась, на экране появился пустырь, закрытый с одной стороны наклонной стеной. Под ней торчали группы кустов. Вдоль борозды, бегущей через весь экран, шел одинокий двутел… Вдруг, словно чего-то испугавшись, он отскочил, медленным огромным прыжком взлетел в воздух. Над бороздой мелькнул вращающийся волчок, что-то ярко сверкнуло, экран как будто затянулся туманом. Когда он разошелся, двутел лежал неподвижно, раскинувшись. Его тело вдруг стало почти черным. Все это погружалось в надвигающийся мрак. Казалось, двутел вздрогнул, пополз, на экране заметались темные полосы, потом вспыхнул белый квадрат. Фильм кончился.

Когда зажгли свет, Химик забрал катушки и ушел, чтобы сделать увеличенные фотографии с отобранных кадров. Пятеро его товарищей остались в лаборатории.

— Ну, а теперь начнем все это растолковывать, — сказал Доктор. — Я сразу же могу дать два, даже три различных толкования.

— Непременно хочешь довести нас до отчаяния? — вдруг разозлившись, бросил Инженер. — Если бы ты серьезно взялся за физиологию

двутела, прежде всего — за физиологию их органов чувств, наверное, мы сегодня знали бы гораздо больше!

— Когда я должен был этим заниматься? — спросил Доктор.

— Коллеги! — повысил голос Координатор. — Похоже, что начинается заседание Космологического института! Естественно, всех нас поразила человеческая статуя, — а это была, без сомнения, статуя, неподвижная копия, залитая, как кажется, в какую-то массу. Весьма вероятно, что через свою информационную сеть они разослали наши изображения по всем населенным пунктам планеты, где на основании полученных сведений изготовлены человекообразные куклы.

— Откуда они взяли наши фотографии? — спросил Доктор.

— Два дня назад они несколько часов крутились около корабля и могли произвести точнейшие наблюдения.

— А зачем им делать такие «портреты»?

— Для научных или религиозных целей — этого мы не решим, сколько бы мы ни дискутировали. Во всяком случае, это не какой-то необъяснимый феномен. Мы видели, очевидно, не слишком крупный центр, в котором ведутся работы, вероятно,

производственного характера. Возможно, мы наблюдали также их развлечения, может быть, их «искусство», обычное «уличное движение», потом работу на пристани и у этих сыпавшихся предметов, правда, не слишком понятную.

— Это хорошее определение, — влез упрямый Доктор.

— Там были еще как бы «сцены из армейской жизни» — у нас много оснований для вывода, что одетые в серебряные «мундиры» двутелы образуют армию. Конец сцены неясен. Это могло быть, естественно, какое-то наказание индивидуума, который, гуляя по дороге, предназначенной для волчков, нарушил установленный у них закон.

— Казнь на месте как штраф за неправильный переход улицы — это, пожалуй, жестоко, ты так не считаешь? — спросил Доктор.

— Почему ты все стараешься превратить в бессмыслицу?

— Потому что я продолжаю утверждать: мы увидели столько, сколько могли увидеть слепые.

— Кто-нибудь еще хочет высказаться? — спросил Координатор. — Только не в агностическом плане.

— Я, — сказал Физик. — Создается впечатление, что двутелы передвигаются пешком лишь

в исключительных случаях. На это, впрочем, указывают их большие размеры и диспропорция конечностей по отношению к массе тела. Мне кажется, попытки представить возможное эволюционное древо, которое сформировало таких индивидуумов, были бы весьма поучительны. Вы заметили их оживленную жестикуляцию? Ни один из них не поднимал никаких тяжестей, ничего не нес, не двигал, а ведь такие картины в земном городе обычны. Так, может быть, руки служат для иных целей?

— Для каких? — с интересом спросил Доктор.

— Не знаю, это твоя область. Во всяком случае, тут есть над чем поработать. Возможно, мы слишком торопились понять архитектонику их общества, вместо того чтобы взяться за добросовестное изучение отдельных его кирпичиков.

— Это верно, — сказал Доктор. — Руки — да, это наверняка очень важная проблема. Эволюционное древо тоже. Мы даже не знаем, являются ли они млекопитающими. Я сумел бы в течение нескольких дней ответить на такие вопросы, но, боюсь, мне так и не удастся выяснить того, что во всем этом зрелище меня больше всего поразило.

— То есть? — спросил Инженер.

— Я не видел ни одного одинокого прохожего.

Ни одного. Вы обратили внимание на это?

— Да… был один — шел по борозде, в самом конце, — сказал Физик.

— Вот именно.

После этих слов Доктора все довольно долго молчали.

— Нужно еще раз просмотреть этот фильм, — сказал, как бы колеблясь, Координатор. — Мне кажется, что Доктор прав. Одиноких пешеходов не было — двутелы ходили самое меньшее парами. Хотя в самом начале… Да! Один стоял на пристани.

— Сидел в этой бочке, — сказал Доктор. — В дисках они тоже сидят по одному. Я говорил о пешеходах. Только о пешеходах.

— Их было немного.

— Несколько сотен наверняка. Вообрази улицу земного города с высоты птичьего полета. Процент одиноких прохожих наверняка будет велик. В некоторые часы они составляют даже большинство, а здесь их вообще нет.

— Что это должно означать? — спросил Инженер.

— Извини, — покачал головой Доктор, — но сейчас спрашиваю я.

— С вами приехал одинокий, — сказал Инже-

нер.

— Ты же знаешь обстоятельства, при которых это произошло.

Инженер не ответил.

— Послушайте, — заговорил Координатор, — такая дискуссия сразу же становится спором вхолостую. Мы не проводили систематических исследований, потому что мы не научно-исследовательская экспедиция, у нас были другие заботы — борьба за существование. Нужно договориться о наших дальнейших планах. Завтра начнет работать экскаватор — это наверняка. Всего у нас будет два автомата, два полуавтомата, экскаватор и Защитник, который при соблюдении необходимой осторожности тоже поможет вытащить ракету. Не знаю, известен ли вам план, который мы разработали с Инженером. Первоначальный проект основывался на том, чтобы привести ракету в горизонтальное положение, а затем поставить ее вертикально, поднимая корпус и поддерживая его утрамбованным грунтом. Этот метод использовали еще строители пирамид. Так вот, теперь мы хотим разбить нашу «стеклянную стену» на куски нужной величины и построить из них систему лесов. Материала хватит, и мы уже знаем, что его можно плавить и сваривать

при высокой температуре. Используя при этом строительный материал, который с невольной доброжелательностью доставили нам обитатели Эдема, мы существенно сократим весь процесс. Не исключено, что через три дня мы сможем стартовать. Подождите, — сказал он, заметив, что присутствующие задвигались, — так вот, в связи с этим я хотел вас спросить — будем ли мы стартовать?

— Да, — сказал Физик.

— Нет! — почти одновременно ответил Химик.

— Еще нет, — бросил Кибернетик.

Стало тихо. Ни Инженер, ни Доктор не откликнулись.

— Думаю, что мы должны лететь, — сказал наконец Доктор.

Все удивленно посмотрели на него.

Когда молчание затянулось, он заговорил, словно от него ждали особых объяснений:

— Раньше я думал иначе. Но речь идет о цене. Попросту о цене. Мы, без сомнения, могли бы еще многое узнать, но добывание информации может обойтись слишком дорого. Для обеих сторон. После того, что произошло, мирные попытки взаимопонимания, установления контакта я считаю нереальными. Кроме того, что мы друг другу

говорили, каждый, пожалуй, хочет он того или нет, имеет какую-то собственную концепцию этого мира. У меня тоже есть такая концепция. Мне казалось, что здесь происходят ужасные вещи и что в связи с этим мы должны вмешаться. Пока мы были робинзонами и перетаскивали каждый обломок собственными руками, я ничего об этом не говорил. Я хотел подождать, пока не узнаю больше и пока в нашем распоряжении не будет технических средств. Так вот, сейчас я признаюсь: я больше не вижу убедительных причин, которые бы вынудили меня отказаться от моей концепции Эдема, но всякое вмешательство в защиту того, что мы считаем правильным и справедливым, всякая такая попытка кончится, вероятнее всего, так же, как наша сегодняшняя экспедиция, — применением аннигилятора. Естественно, мы всегда найдем оправдание, что это была необходимая оборона и так далее, но вместо помощи мы принесем уничтожение. Теперь вы знаете более или менее все.

— Если бы мы лучше разбирались в том, что здесь в действительности происходит… — сказал Химик.

Инженер покачал головой:

— Тогда окажется, что каждая из сторон в чем-

то по-своему права.

— И что из того, что убийцы «по-своему» правы? — спросил Химик. — Нас интересует не их правота, а спасение жертв.

— Но что мы можем им подарить, кроме аннигилятора Защитника? Предположим, мы превратим половину планеты в пепелище, чтобы приостановить их экстремистские акции, это непонятное «производство», облавы, отравления, — и что дальше?

— Ответ на этот вопрос мы знали бы, если бы имели больше сведений, — упрямо сказал Химик.

— Это не так просто, — вмешался в спор Координатор. — Все, что здесь происходит, является одним из звеньев длительного исторического процесса. Мысль о помощи порождается убеждением, что общество делится на «хороших» и «плохих».

— Вовсе нет, — прервал его Химик. — Скажи лучше: на преследуемых и преследователей. Это не одно и то же.

— Хорошо. Представь себе, что какая-то высокоразвитая раса прибыла на Землю сотни лет назад, во время религиозных войн, и хочет вмешаться в конфликт на стороне слабых. Опираясь на свою

мощь, они запрещают сожжение еретиков, преследование иноверцев и так далее. И ты думаешь, они сумели бы распространить на Земле свой рационализм? Ведь почти все человечество было тогда верующим, им пришлось бы уничтожить его до последнего человека, и остались бы они одни со своими рационалистическими идеями.

— Так что же, ты действительно считаешь, что никакая помощь невозможна? — возмутился Химик.

Координатор долго смотрел на него, прежде чем ответить.

— Помощь? Боже мой, что значит помощь? То, что здесь происходит, что мы видим, — это плоды определенной общественной формации. Пришлось бы ее сломать и создать новую, лучшую. А как это сделать? Ведь это существа с иной физиологией, психологией, историей, чем мы. Ты не можешь здесь воплотить в жизнь модель нашей цивилизации. Ты должен был бы предложить план другой, которая функционировала бы даже после нашего отлета… Естественно, я уже довольно давно предполагал, что кое-кто из вас носится с такими идеями. Скажем, ты или Инженер. Думаю, и Доктор опасался этого, потому он и лил холодную воду на огонь различных аналогий

земного происхождения, верно?

— Да, — сказал Доктор. — Я опасался, что в приступе благородства вы захотите навести тут «порядок», что в переводе на язык практики означало бы террор.

— Может быть, преследуемые знают, как они хотят жить, но еще слишком слабы, чтобы это осуществить, — сказал Химик. — И если бы мы только спасли жизнь какой-нибудь группе приговоренных, это уже было бы много…

— Мы уже спасли одного, — нетерпеливо ответил Координатор. — Может, ты знаешь, что делать с ним дальше?

Ответом ему было молчание.

— Если я не ошибаюсь, Инженер также за старт? — сказал Координатор. — Ладно. Поскольку я тоже, значит, большинство.

Он умолк, ошеломленно выпучив глаза. Он один сидел лицом к двери — к открытой двери. В абсолютной тишине — из темноты доносилось только негромкое хлюпанье воды — все повернулись, следуя за его взглядом.

В открытых дверях стоял двутел.

— Как он сюда… — начал Физик, и слова замерли у него на языке.

Это был *не их* двутел. Тот сидел запертый в

перевязочной. На пороге, почти касаясь головой притолоки, стоял огромный смуглолицый индивидуум с низко наклоненным малым торсом. Он был закутан в землистого цвета ткань, которая плоско струилась сверху вниз, окружая малый торс как бы воротником, вокруг которого обвивался толстый моток зеленого провода. Сквозь разрез на боку одежды виднелся широкий металлически поблескивающий пояс, плотно прилегающий к туловищу. Двутел стоял неподвижно, сморщенное плоское лицо с двумя большими голубыми глазами закрывала прозрачная воронкообразная маска, расширяющаяся книзу. Из нее выходили тонкие серые полоски, многократно обвивающие малый торс и накрест застегнутые спереди, где образовывалось как бы гнездо, в котором покоились его таким же образом забинтованные руки. Только узловатые пальцы свободно свисали вниз, соприкасаясь кончиками.

Все замерли. Двутел наклонился еще больше, протяжно кашлянул и медленно шагнул вперед.

— Как он вошел?.. Ведь Черный в туннеле… — шепнул Химик.

Двутел понемногу пятился назад. Он вышел, минуту постоял в полутьме коридора и снова

вошел внутрь, вернее, только всунул голову под самой притолокой.

— Он спрашивает, можно ли войти… — шепотом сказал Инженер. И заорал: — Пожалуйста! Пожалуйста!

Он встал и отступил к противоположной стене; все последовали за ним; двутел взглянул на опустевшую середину каюты без всякого выражения. Он вошел и медленно осмотрелся.

Координатор шагнул к экрану, потянул за рейку, на которой он был растянут, и, когда ткань зашелестела и свернулась, открыв доску, сказал:

— Расступитесь.

Он взял в руку кусок мела, нарисовал маленький кружок, вокруг него начертил эллипс, снаружи больший, еще один и еще — всего четыре. На каждом он поместил маленький кружок, подошел к стоящему посреди каюты гиганту и воткнул в его узловатые пальцы мел.

Двутел неловко взял его, взглянул на доску, потихоньку подошел к стене. Ему пришлось наклонить малый торс, который косо торчал из воротника, чтобы перевязанной рукой дотянуться до доски. Люди смотрели на него, затаив дыхание. Он нашел третье от центра колечко на эллипсе и с усилием, неуклюже стукнул по нему

несколько раз, а потом еще мазнул так, что почти заполнил его раскрошенным мелом.

Координатор наклонил голову. Все вздохнули.

— Эдем, — сказал Координатор. — Он показал на меловое колечко. — Эдем, — повторил он.

Двутел присматривался к его рту с явным интересом. Он кашлянул.

— Эдем, — очень отчетливо и медленно сказал Координатор. Двутел кашлянул несколько раз.

— Он не говорит, — повернулся Координатор к товарищам. — Это наверняка.

Они стояли друг против друга, не зная, что делать. Двутел шевельнулся. Он выронил мел, тот стукнулся об пол. Послышался треск, как будто расстегнули «молнию». Землистая ткань разошлась, как бы распоротая сверху донизу, и люди увидели широкий золотистый пояс, который прилегал к бокам двутела.

Конец пояса развернулся и зашелестел, как металлическая фольга. Малый торс наклонился, точно хотел выскочить из тела, сложился почти вдвое, и двутел схватил пальчиками конец фольги. Она развернулась в длинное полотнище, которое он держал перед собой, как будто протягивал людям. Координатор и Инженер одновременно протянули руки. Оба вздрогнули.

Инженер слабо вскрикнул. Двутел казался удивленным, он несколько раз кашлянул, прозрачная завеса на его лице заколыхалась.

— Электрический заряд, но не слишком сильный, — объяснил Координатор остальным и второй раз взялся за край фольги.

Двутел отпустил ее. Люди тщательно осмотрели золотистую поверхность — она была совершенно гладкой и чистой. Координатор на авось коснулся пальцем какого-то места и снова почувствовал легкий электрический укол.

— Что это? — буркнул Физик, придвинулся и начал водить рукой по фольге; везде его били в пальцы электрические заряды. — Дайте графитовый порошок! — крикнул он. — Стоит там, в шкафу!

Физик разложил фольгу на столе, не обращая внимания на то, что мышцы рук неприятно дрожат от непрерывных покалываний, тщательно посыпал ее порошком, который ему подал Кибернетик, сдул лишний.

На золотистой поверхности остались хаотично рассыпанные маленькие черные точки.

— Ящерица! — крикнул вдруг Координатор.

— Альфа Лебедя!

— Лира!

— Цефей!

Они повернулись к двутелу, который спокойно смотрел на них. Их глаза сверкали триумфом.

— Звездная карта, — сказал Инженер.

— Конечно.

— Ну вот, наконец-то, — Координатор широко улыбнулся.

Двутел кашлянул.

— У них электрическое письмо?

— Да, пожалуй.

— Как сохраняются заряды?

— Не знаю. Может быть, электрет.

— У них должен быть электрический орган чувств.

— Возможно.

— Коллеги, спокойно! Нужно действовать систематически, — сказал Координатор. — С чего начнем?

— Нарисуй ему, откуда мы.

— Верно.

Координатор быстро вытер доску, нарисовал звезды Центавра, заколебался, вспоминая, какой представлялась эта область Галактики с Эдема, поставил жирную точку, означающую Сириус, добавил еще несколько звезд поменьше и на фоне Большой Медведицы начертил крестик,

означающий Солнце, после чего поочередно коснулся рукой своей груди, потом остальных людей, обвел движением руки все помещение и снова стукнул мелком в крестик.

Двутел кашлянул. Взял у Координатора мел, с усилием придвинул малый торс к доске и тремя ударами дополнил рисунок Координатора — проекциями Альфы Орла и двойной системы Проциона.

— Астроном!! — крикнул Физик. И добавил тише: — Коллега…

— Очень может быть! — ответил Координатор. — Теперь пойдем дальше!

Они принялись рисовать. Планета Эдем и путь корабля. Корабль входит в газовый хвост. Столкновение (не было уверенности, достаточно ли хорошо рисунок объясняет обстоятельства катастрофы, но пока они ничего не могли сделать). Ракета вонзается в грунт (рисунок представлял собой разрез холма с воткнувшейся ракетой). Двигаться дальше было уже трудно. На этом остановились.

Двутел разглядывал рисунки и кашлял. Он наклонялся к доске и снова отодвигался. Потом подошел к столу. Из зеленоватого канта воротника он вытянул тонкий гибкий проводок,

наклонился и начал с невероятной скоростью водить им по золотистой фольге. Это продолжалось довольно долго. Потом он отступил от стола. Фольгу посыпали графитом. Тут произошло что-то странное. Физик еще не успел сдуть лишний порошок, как схема ожила. Сначала люди увидели большую полусферу, внутри которой стояла наклонная колонна. Потом появилось маленькое пятнышко, которое ползло к краю полусферы. Оно становилось все больше. Люди узнали силуэт схематично и неточно нарисованного Защитника. В полусфере появилось отверстие. Через него Защитник въехал внутрь. Все исчезло — фольгу покрывал равномерно рассыпанный графитовый порошок. Вдруг он собрался в звездную карту. На ее фоне появилась набросанная длинными штрихами фигура двутела. Стоявший за плечами людей двутел закашлял.

— Это он, — сказал Координатор.

Карта исчезла. Виден был только двутел. Потом исчезла его фигура, и снова появилась карта. Это повторялось четыре раза. И опять графитовый порошок улегся, как будто подчиняясь невидимому дуновению, в контур полусферы с отверстием сбоку. Маленькая фигурка двутела, который как бы полз, плотно прижимаясь к грун-

ту, приближалась к открытому боку полусферы. Она проникла внутрь. Полусфера растаяла. Косая колонна ракеты стала больше. Спереди, под корпусом, виднелся выступ. Двутел выпрямился под ним, взобрался наверх и скрылся в ракете. Графитовый порошок рассыпался и лежал беспорядочными кучками.

— Вот как он попал к нам — через грузовой люк! — сказал Инженер. — А мы тоже ротозеи — оставили его открытым.

— Подожди, знаешь, что мне пришло в голову? — вдруг вмешался Доктор. — Может быть, за этой стеной они не столько хотели запереть нас, сколько лишить возможности своих — скажем, своих ученых — установить с нами контакт.

— А верно!

Все обернулись к двутелу. Он кашлянул.

— Ну, довольно, — сказал Координатор. — Очень приятная, эхм, дружеская встреча, но у нас впереди дела поважнее. С партизанщиной конец. Нужно браться за дело систематически. Начнем, пожалуй, с математики. Этим займется Физик. Математика — естественно, метаматематика тоже. Теория материи. Атомистика, энергетика. Далее — теория информации, информационные системы. Способы передачи, хранения. Одновре-

менно — логические связки, пропозиционные функции. Грамматическая схема, семантика. Соответствие понятий. Типы применяемых логик. Язык. Словарь. Это все относится к тебе, — обернулся он к Кибернетику. — Ну, а когда у нас будет готов такой соединительный мост — придет очередь для остального. Метаболизм, способы питания, тип производства, формы общественных связей, реакции, навыки, разделение, групповые конфликты и так далее. С этим мы уже не будем так спешить. Пока, — он повернулся к Кибернетику и Физику, — начните вы. Нужно будет соответственно приспособить калькулятор. Естественно, возьмите фильмы, есть библиотека, берите все, что понадобится.

— Для начала можно провести его по кораблю, — сказал Инженер. — Что ты об этом думаешь? Это может ему многое объяснить, а кроме того, он будет знать, что мы от него ничего не скрываем.

— Особенно важно второе, — согласился Координатор. — Только, пока мы еще не можем с ним объясниться, не пускайте его в перевязочную. Я опасаюсь какого-нибудь недоразумения. Пошли, обойдем корабль. Который час?

Было три часа ночи.

Глава тринадцатая

Обход ракеты длился довольно долго. Двутел особенно интересовался атомным реактором и автоматами. Инженер рисовал ему множество эскизов, только в машине на это ушло четыре блокнота. Автомат возбудил явный интерес гостя. Он подробно осмотрел микросеть и чрезвычайно удивился, увидев, что вся она погружена в резервуар, охлажденный жидким гелием. Это был криотронный мозг сверхпроводящего типа для особо быстрых реакций. Но, видимо, двутел уловил, с какой целью охлаждается мозг, потому что очень долго покашливал и с большим одобрением изучал эскизы, которые чертил ему Кибернетик. Казалось, по вопросу об электрических схемах договориться гораздо легче, чем насчет того, каким жестом или символом обозначить даже самые простые слова.

В пять утра Химик, Координатор и Инженер отправились спать. Грузовой люк закрыли, а в туннеле на посту остался Черный. Физик, Кибернетик и Доктор пошли с двутелом в библиотеку.

— Подождите, — сказал Физик, когда они проходили мимо лаборатории, — покажем ему еще

таблицу Менделеева, там есть схематические рисунки атомов.

Они вошли внутрь. Физик начал копаться в куче бумаг под шкафом, и в этот момент что-то затрещало.

Физик выбрасывал из угла шелестящие рулоны и ничего не заметил, но Доктор насторожился.

— Что это? — спросил он.

Физик выпрямился и тоже услышал щелчки. Он посмотрел на товарищей испуганными глазами.

— Это Гейгер, там… стойте! Где-то утечка…

Физик подскочил к счетчику. Двутел стоял неподвижно и водил глазами по приборам. Потом он приблизился к столу, и счетчик затрещал длинными очередями, как барабанщик, выбивающий протяжную дробь.

— Это он! — крикнул Физик, схватил обеими руками металлический цилиндр и направил его на гиганта. Счетчик загудел.

— Радиоактивный? Он? Что это значит? — спрашивал ошеломленный Кибернетик.

Доктор побледнел. Он подошел к столу, посмотрел на дрожащий индикатор, вынул из рук Физика металлический цилиндр и начал водить им в воздухе вокруг двутела. Дробь ослабевала тем явственнее, чем выше он поднимал датчик.

Когда он опустил его к толстым бесформенным ногам пришельца, прибор зарычал. На шкале вспыхнул красный огонек.

— Радиоактивное заражение… — выдавил Физик.

Двутел переводил глаза с одного на другого, удивленный, но совершенно не обеспокоенный непонятной для него операцией.

— Он попал сюда через отверстие, которое прожег Защитник, — тихо сказал Доктор. — Там все радиоактивно… Он там прошел…

— Не подходи к нему! — выкрикнул Физик. — Он излучает минимум миллирентген в секунду! Подожди — нужно его как-то… Если закутать его в керамитовую фольгу, можно будет рискнуть.

— Но, послушай, тут речь идет не о нас! — повысив голос, сказал Доктор. — Речь идет о нем! Как долго он мог там находиться? Сколько получил рентген?

— Не… не знаю. Откуда я могу знать?.. — Физик все еще смотрел на рокочущий счетчик. — Ты должен что-то сделать! Ацетатная ванна, абразия эпидермиса… Смотрите, он ничего не понимает.

Доктор, не сказав ни слова, выбежал из лаборатории. Через минуту он вернулся с аптечкой первой помощи при радиационных поражениях.

Двутел сначала как будто хотел воспротивиться непонятным процедурам, но потом позволил делать с собой все, что нужно.

— Надень перчатки! — крикнул Физик Доктору, который голыми руками трогал кожу лежащего двутела.

— Разбудить остальных? — неуверенно спросил Кибернетик.

Он стоял у стены, опустив руки. Доктор натягивал толстые перчатки.

— Зачем? — сказал он и низко наклонился. — Пока ничего… Эритема появится через какие-нибудь десять — двенадцать часов, если…

— Если бы мы могли с ним договориться, — буркнул Физик.

— Переливание крови… Но как? Откуда? — Доктор смотрел перед собой невидящим взглядом. — Тот, второй! — вдруг воскликнул он, заколебался и добавил тише. — Нет, не могу, пришлось бы сначала исследовать кровь обоих на агглютинацию — у них могут быть разные группы…

— Слушай, — Физик оттянул его в сторону, — дело плохо. Боюсь… ну, понимаешь? Он должен был пройти по зараженному пятну, как только упала температура: в районе микроаннигиляционной реакции всегда образуется много радиоизотопов.

Рубидий, стронций, иттрий и все прочее. Редкоземельные элементы. Он пока еще ничего не чувствует, самое раннее завтра — так я думаю. У него в крови есть белые тельца?

— Да, но они выглядят совершенно иначе, чем у людей.

— Обильно размножающиеся клетки поражаются всегда одинаково, независимо от вида. Он должен иметь несколько большую сопротивляемость, чем человек, но…

— Откуда ты знаешь?

— Потому что радиоактивность грунта здесь почти в два раза выше, чем на Земле; значит, они в определенной степени могут быть к ней приспособлены. Твои антибиотики здесь, конечно, ни к чему?

— Само собой; тут должны быть какие-то совсем другие бактерии…

— Так я и думал. Знаешь что? Мы должны прежде всего договориться… Выяснить как можно больше. Реакция наступит самое раннее через несколько часов…

— А! — Доктор быстро взглянул на Физика и опустил глаза.

Они стояли в пяти шагах от полулежащего двутела, который не спускал с них бледно-голу-

бых глаз.

— Чтобы вытянуть из него как можно больше, прежде чем… он умрет?

— Я не думаю об этом таким образом, — сказал Физик. Он старался сохранить спокойствие. — Я полагаю, что он будет вести себя, как человек. Психическое равновесие он сохранит в течение нескольких часов, потом наступит апатия — ты ведь знаешь. На его месте каждый из нас думал бы прежде всего о выполнении задания.

Доктор пожал плечами, посмотрел на Физика исподлобья и вдруг улыбнулся:

— Каждый из нас, говоришь? Да, возможно, зная, что произошло. Но он пострадал из-за нас. По нашей вине.

— Ну и что из этого? Для тебя важно какое-то искупление? Не будь смешным!!

На лице Физика выступили красные пятна.

— Нет, — сказал Доктор. — Я не согласен. Понимаешь, это, — он показал на лежащего, — больной, а это, — он стукнул себя в грудь, — врач. И остальным здесь делать нечего.

— Ты так считаешь? — громко сказал Физик. — Но это наш единственный шанс. Мы ведь не сделаем ему ничего плохого. Это не наша вина, что…

— Неправда! Он облучился, так как шел по следу Защитника! А теперь довольно. Нужно взять у него кровь.

Доктор подошел к двутелу со шприцем. Секунду стоял над ним, как бы колеблясь, потом вернулся к столу за другим шприцем. На оба насадил иглы, вынутые из гамма-стерилизатора.

— Помогите мне, — обратился Доктор к Кибернетику. Он шагнул к двутелу. На его глазах обнажил руку. Кибернетик ввел иглу ему в вену, всосал немного крови, отступил назад, тогда Доктор взял другой шприц и, прикасаясь им к коже лежащего, нашел сосуд, взглянул двутелу в глаза, потом воткнул иглу. Кибернетик стоял над ними. Двутел даже не вздрогнул. Его светло-рубиновая кровь наполнила стеклянный цилиндр. Доктор ловко вытащил иглу, прижал кровоточащую ранку кусочком ваты и вышел, высоко держа шприц.

Физик и Кибернетик переглянулись. Кибернетик еще держал в руке шприц с кровью Доктора. Он положил его на стол.

— И что теперь? — спросил Кибернетик.

— Он мог бы нам все рассказать. — Физик был словно в горячке. — А этот — этот!

Вдруг он посмотрел Кибернетику в глаза.

— Может, их разбудить? — повторил Кибернетик.

— Это ничего не даст. Доктор скажет им то же самое, что и мне. Есть только одна возможность — он… должен сам решить. Если бы он захотел… Доктор не сможет ему препятствовать.

— Он? — Кибернетик изумленно посмотрел на Физика. — Ну, хорошо… Но как же он решит? Ведь он ничего не знает, а мы не можем ему рассказать.

— Еще как можем, — холодно произнес Физик. Он смотрел теперь на стеклянный цилиндр с кровью, лежащий около стерилизатора. — У нас есть минут пятнадцать, прежде чем Доктор пересчитает его красные кровяные шарики. Давай сюда доску!

— Но это же не имеет никакого…

— Давай доску! — крикнул Физик, собирая кусочки мела.

Кибернетик снял со стены доску, они вместе установили ее напротив двутела.

— Мало мела! Принеси из библиотеки цветной!

Когда Кибернетик вышел, Физик схватил мел и начал быстро рисовать большую полусферу, в которой находилась ракета. Чувствуя на себе

бледно-голубой неподвижный взгляд, он рисовал все быстрее. Кончив рисунок, он оборачивался к двутелу, напряженно смотрел ему в глаза, пальцем тыкал в доску, вытирал ее губкой и рисовал дальше.

Стена полусферы — целая. Стена — и перед ней Защитник. Рыло Защитника — и вылетающий из него заряд. Он нашел кусочек фиолетового мела, замазал им часть стены перед Защитником, пальцами растер мел, образовалось отверстие, окруженное фиолетовым потеком. Силуэт двутела. Физик подошел к гостю, прикоснулся к его торсу, вернулся к доске, стукнул мелом по нарисованной фигурке, стер с доски, еще раз поспешно изобразил толсто обведенную фиолетовым дыру в стене, в ней — двутела, потом стер все вокруг. На доске остался только контур большой фигуры. Физик, стоя так, чтобы двутел мог видеть каждое его движение, начал медленно втирать раскрошенный в пыль фиолетовый мел в ноги выпрямившейся фигуры. Обернулся. Малый торс двутела, который до этого покоился на надутой Доктором резиновой подушке, медленно приподнялся, сморщенное обезьянье лицо с разумными глазами отвернулось от доски и уставилось на Физика, как бы задавая молчаливый вопрос.

Тогда Физик кивнул головой, схватил жестяную банку, пару защитных перчаток и стремительно выбежал из лаборатории. В туннеле он чуть не столкнулся с автоматом, который, узнав его, убрался с дороги. Он выскочил на поверхность и, натягивая на бегу перчатки, помчался к выжженному Защитником отверстию. У неглубокой воронки бросился на колени и начал поспешно выковыривать из грунта куски загустевшего, остекленевшего от жара песка и бросать его в банку. Потом вскочил и опять бегом вернулся через туннель в ракету, В лаборатории кто-то стоял — Физик зажмурил ослепленные глаза — это был Кибернетик.

— Где Доктор?

— Еще не вернулся.

— Отойди. Лучше сядь там, у стены.

Как Физик и ожидал, остекленевший песок был бледно-фиолетового цвета. Когда он вошел, двутел повернул к нему лицо — он определенно ждал Физика.

Физик высыпал на пол перед доской все содержимое банки.

— С ума сошел! — вскакивая с места, крикнул Кибернетик.

Счетчик, переставленный на другой конец

стола, пробудился и начал поспешно щелкать.

— Молчи! Не мешай!

В голосе Физика дрожала такая ярость, что Кибернетик неподвижно застыл у стены.

Физик бросил взгляд на циферблат часов: прошло уже двенадцать минут. Вот-вот мог вернуться Доктор. Он наклонился, показал на едва заметные фиолетовые щербины полурасплавленного песка. Поднял горсть песчинок, приложил их, держа на раскрытой ладони, к тому месту, где были нарисованы замазанные фиолетовым мелом ноги стоящей фигуры. Растер немного песчаных крошек по рисунку, посмотрел в глаза двутелу, стряхнул остатки пыли на пол, отступил в глубь зала, потом решительным шагом двинулся вперед, как будто отправился куда-то далеко, вошел в середину фиолетового пятна, постоял с минуту, закрыл глаза и, расслабив мышцы, медленно упал. Его тело глухо ударилось об пол. Он лежал несколько секунд, потом вдруг вскочил, подбежал к столу, схватил счетчик Гейгера и, держа его перед собой, как фонарь, подошел к доске. Едва раструб черного цилиндра приблизился к нарисованным мелом ногам, раздалась тревожная дробь. Физик несколько раз приближал счетчик к доске и отодвигал его, повторяя эффект

для неподвижно наблюдавшего двутела, потом медленно повернулся к нему и начал придвигать раструб счетчика Гейгера к его обнаженным подошвам.

Счетчик заворчал.

Двутел издал слабый звук, как будто поперхнулся. Несколько секунд, которые показались Физику вечностью, смотрел человеку в глаза бездонным бледным взглядом. Потом — по лбу у Физика покатились капли пота — двутел вдруг расслабил торс, закрыл глаза и бессильно опустился на изголовье, одновременно странно выпрямляя узловатые пальчики обеих рук. Некоторое время он лежал как мертвый, вдруг открыл глаза, сел и уперся взглядом в лицо Физика.

Тот кивнул, отнес аппарат на стол, оттолкнув ногой доску, и глухо обратился к Кибернетику:

— Понял.

— Что понял? — выдавил тот, потрясенный безмолвной сценой.

— Что должен умереть.

Вошел Доктор, взглянул на доску, на рассыпанные стеклянистые обломки, на товарищей, на двутела.

— Что здесь происходит? — спросил он. — Что это значит?! — Он сердито повысил голос.

— Ничего особенного… У тебя уже двое пациентов, — равнодушно сказал Физик, а когда Доктор ошеломленно взглянул на него, взял со стола счетчик и направил его раструб на собственное тело.

Радиоактивная пыль впиталась в материал комбинезона — счетчик пронзительно застрекотал.

Лицо Доктора покраснело. Мгновение он стоял неподвижно, казалось, он бросит на пол шприц, который держал в руке. Постепенно кровь отхлынула у него от лица.

— Да? — сказал он. — Хорошо. Идем.

Едва они вышли, Кибернетик накинул защитный халат и начал поспешно убирать радиоактивные крошки. Он вывел из стенного шкафа полуавтоматического уборщика и пустил его подчищать пятно. Двутел лежал без движения, смотрел на его возню, несколько раз слабо покашлял. Через какие-нибудь десять минут вместе с Доктором вернулся Физик — на нем был белый полотняный костюм, шею и руки покрывали толстые витки бинта.

— Уже, — почти весело сказал он Кибернетику. — Ничего страшного: первая степень, а может, и того нет.

Доктор и Кибернетик принялись поднимать двутела, который, поняв, чего от него хотят, послушно встал и вышел из лаборатории.

— И для чего все это было? — спросил Кибернетик.

Он нервно шагал по залу, тыкая во все щели и углы черную мордочку счетчика Гейгера. Время от времени щелканье несколько усиливалось.

— Увидишь, — спокойно ответил Физик. — Если у него голова на месте — увидишь.

— Почему ты не надел защитной одежды? Жалко было минуту потратить?

— Я должен был показать это как можно проще, — сказал Физик. — Как можно естественнее, без всяких «примесей», понимаешь?

Они замолчали. Стрелка стенных часов медленно двигалась. Наконец Кибернетика начало клонить в сон. Физик, неловко действуя торчащими из бинтов пальцами, зажег сигарету. Вошел Доктор в перепачканном халате, яростно подскочил к Физику:

— Ты! Да ты что?! Что ты с ним сделал?!

— А в чем дело? — поднял голову Физик.

— Он не хочет лежать! Едва дал себя перевязать, как встал и полез в дверь. О, он уже здесь... — добавил Доктор тише.

Двутел вошел, неуклюже ковыляя. По полу за ним тянулся конец бинта.

— Ты не можешь лечить его против его воли, — холодно сказал Физик. Он бросил сигарету на пол, встал и придавил ее ногой. — Ну что, возьмем калькулятор из навигационной, а? У него максимальная область экстраполяции, — сказал он Кибернетику.

Тот вздрогнул, проснувшись, вскочил, мгновение смотрел мутным взглядом и быстро вышел. Дверь он оставил открытой. Доктор, засунув кулаки в карманы халата, стоял посреди лаборатории. Услышав слабое шлепанье, он обернулся, посмотрел на гиганта, который медленно приближался, и вздохнул.

— Уже знаешь? — сказал он. — Уже знаешь, а?

Двутел кашлянул.

Остальные трое спали целый день. Когда они проснулись, смеркалось. Они пошли прямо в библиотеку. Она представляла собой кошмарное зрелище. Столы, пол, все свободные кресла были завалены грудами книг, атласов, открытых альбомов, сотни исчерченных листов валялись под ногами, перемешанные с книгами лежали части приборов, цветные гравюры, консервные банки, тарелки, оптические стекла, арифмометры,

катушки, к стене была прислонена доска, с которой стекала вода, смешанная с меловой пылью, толстый слой засохшего известкового порошка покрывал пальцы, рукава, даже колени Физика, Кибернетика и Доктора. Они сидели напротив двутела, заросшие, с покрасневшими глазами, и пили кофе из больших кружек. Посреди библиотеки, там, где раньше стоял стол, возвышался каркас большого электронного калькулятора.

— Как дела? — спросил Координатор, остановившись на пороге.

— Великолепно. Мы униформизировали уже тысячу шестьсот понятий, — ответил Кибернетик.

Доктор встал. На нем все еще был белый халат.

— Они вынудили меня к этому, — Доктор показал на двутела. — Он облучился.

— Облучился?! — Координатор шагнул внутрь.— Что это значит?

— Прошел через радиоактивное пятно в проломе, — объяснил Физик.

Он оставил недопитый кофе и опустился на колени у аппарата.

— У него уже на десять процентов меньше белых телец, чем семь часов назад, — сказал Доктор. — Гиалиновая дегенерация — совсем как у

человека. Я хотел его изолировать, ему нужен покой, но он не хочет лежать, так как Физик сказал ему, что это все равно не поможет.

— Это правда? — повернулся Координатор к Физику.

Тот, не отрываясь от гудящего прибора, кивнул головой.

— И его нельзя спасти? — спросил Инженер.

Доктор пожал плечами.

— Не знаю! Если бы это был человек, я сказал бы, что у него тридцать шансов из ста. Но это не человек. Он становится немного апатичнее. Но, может быть, это от усталости и бессонницы. Если *бы* я мог его изолировать…

— Ну что тебе нужно? Ты ведь и так делаешь с ним все, что хочешь, — сказал Физик, не поворачивая головы.

Забинтованными руками он все еще копался в приборе.

— А с тобой что случилось? — спросил Координатор.

— Я объяснял ему, каким образом он подвергся лучевому поражению.

— Ты так подробно объяснял?! — крикнул Инженер.

— Пришлось.

— Случилось то, что случилось, — медленно сказал Координатор. — Хорошо ли, плохо ли, но это так. Что теперь? Что вы уже знаете?

— Многое.

Заговорил Кибернетик:

— Он уже усвоил массу наших символов — главным образом математических. С теорией информации, можно сказать, покончено. Хуже всего с его электрическим письмом: без специального аппарата мы не могли бы этому научиться, а у нас нет ни такого аппарата, ни времени, чтобы его сделать. Помните трубки в их телах? Это просто устройство для письма! Когда двутел появляется на свет, ему сразу же вставляют такую трубку — как у нас когда-то протыкали девочкам уши… По обеим сторонам большого тела у них есть электрические органы. Поэтому корпус такой большой. Это как бы мозг и одновременно плазменная батарея, которая передает заряды непосредственно «пишущему каналу». У него канал кончается проводками на «воротнике», но это у всех по-разному. Писать они, конечно, должны учиться. Эта операция, практикующаяся уже тысячи лет, — только подготовительный шаг.

— Значит, он действительно не говорит? — спросил Химик.

— Говорит! Кашель, который вы слышали, и есть речь. Одно «покашливание» — это целое предложение, произнесенное с большой скоростью. Мы записали кашель на пленку — он раскладывается на спектр частот.

— А! Так это речь, основанная на принципе частотной модуляции звуковых колебаний!

— Скорее, шумов. Она беззвучна. Звуками выражаются исключительно чувства, эмоциональные состояния.

— А эти электрические органы — служат ли они им оружием?

— Не знаю. Но можно его спросить.

Кибернетик наклонился, вытащил большой чертеж, на котором был изображен схематичный вертикальный разрез двутела, указал на два удлиненных сегментных образования внутри него и, приблизив рот к микрофону, спросил:

— Оружие?

Репродуктор, установленный с другой стороны, напротив лежащего двутела, застрекотал. Двутел, который чуть приподнял малый торс, когда вошли новые люди, некоторое время оставался неподвижным, потом закашлял.

— Оружие — нет, — глухо заскрипел репродуктор. — Много оборотов планеты — когда-то

— оружие.

Двутел кашлянул.

— Орган — рудимент — биологической эволюции — вторичная — адаптация — цивилизация, — проскрипел мертво, без всякой интонации репродуктор.

— Ну, ну, — буркнул Инженер.

Химик стоял, заслушавшись, зажмурив глаза.

— А, значит, действительно! — вырвалось у Координатора. Он сдержался и спросил: — Что представляет собой их наука?

— С нашей точки зрения она странная, — сказал Физик. Он поднялся с колен. — Никак не убрать этого проклятого скрипа, — бросил он Кибернетику. — Огромные знания в области классической физики. Оптика, электричество, механика в специфическом соединении с химией — что-то вроде механохимии. Там у них любопытные достижения.

— Ну?! — рванулся вперед Химик.

— Подробности потом. У нас все зафиксировано, не бойся. От этих исходных позиций мы перешли к теории информации. Но ее изучение у них вне специальных учреждений запрещено. Хуже всего выглядит их атомистика, особенно ядерная химия.

— Подожди, как это запрещено? — удивился Инженер.

— Очень просто, нельзя проводить такие исследования.

— Кто их запрещает?

— Это сложный вопрос, и мы еще мало что понимаем, — вмешался Доктор. — Хуже всего мы пока ориентируемся в их социальной динамике.

— Кажется, для ядерных исследований им не хватает стимулов, — сказал Физик. — Они не ощущают энергетического дефицита.

— Давайте кончим сначала с одним! Так как же с этими запрещенными исследованиями?

— Садитесь, будем спрашивать дальше, — сказал Кибернетик.

Координатор приблизил лицо к микрофону. Кибернетик остановил его:

— Подожди. Трудность заключается в том, что чем сложнее конструкция предложения, тем больше рассыпается у калькулятора грамматика. Кроме того, анализатор звука, кажется, недостаточно селективен. Часто мы получаем просто ребусы; впрочем, сами увидите.

— На планете вас… много? — медленно и отчетливо спросил Физик. — Какова динамическая структура? Вас много на планете?

Репродуктор щелкнул два раза и остановился. Двутел довольно долго не отвечал. Потом хрипло закашлял.

— Динамическая структура — двойная. Связь — двойная, — забормотал репродуктор. — Общество — управляется — централизованно — вся планета.

— Отлично! — воскликнул Инженер.

Как и остальные двое новых участников беседы, он был очень возбужден. Физик, Доктор и Кибернетик, может быть от усталости, сидели неподвижно, с безразличными лицами.

— Кто управляет обществом? Кто на вершине — один индивид или группа? — спросил Координатор, потянувшись к микрофону.

Репродуктор затрещал, послышалось протяжное гудение, на пульте прибора пару раз мигнул красный указатель.

— Так спрашивать нельзя, — поспешил объяснить Кибернетик. — «На вершине» в данном случае — переносное значение слова и не имеет эквивалента в словаре калькулятора. Подожди, я попробую.

Он наклонился вперед:

— Как много вас управляет обществом? Один? Несколько? Большое число?

Репродуктор быстро застрекотал.

Двутел покашлял, и репродуктор начал размеренно выбрасывать:

— Один — несколько — много — управление — неизвестно. Неизвестно, — повторил он.

— То есть как неизвестно? Что это значит? — спросил удивленный Координатор.

— Сейчас выясним. Не известно тебе или не известно никому на планете? — сказал он в микрофон.

Двутел ответил, и калькулятор выбросил в репродуктор:

— Связь — динамичная — двойная. Известно — одно — есть. Известно — другое — нет.

— Ничего не понимаю! — Координатор смотрел на остальных. — А вы?

— Подожди, — сказал Кибернетик, всматриваясь в двутела, который медленно еще раз приблизил лицо к своему микрофону и кашлянул несколько раз.

Калькулятор заговорил:

— Много оборотов планеты — когда-то — управление централизованное — распределенное. Пауза. Сто тринадцать оборотов планеты так есть. Пауза. Сто двенадцатый оборот планеты — один двутел — управление — смерть. Сто одиннадца-

тый оборот планеты — один двутел — смерть. Пауза. Другой один — управление — смерть. Пауза. Один — один — смерть. Пауза. Потом — один двутел — управление — неизвестно — кто. Неизвестно — кто — управление. Пауза.

— Да, действительно ребус, — сказал Координатор. — И что вы с этим делаете?

— Никакой не ребус, — ответил Кибернетик. — Он сказал, что до сто тринадцатого года, считая от сегодняшнего дня, у них было центральное правительство из нескольких индивидуумов. «Управление централизованное, распределенное». Потом наступило правление одиночек; предполагаю, что-нибудь вроде монархии или тирании. В сто двенадцатом и сто одиннадцатом годах — они считают от настоящего момента, сейчас нулевой год — произошли какие-то бурные дворцовые перевороты. Четыре властителя сменились в течение двух лет, их правление кончалось смертью, конечно, не естественной. Потом появился новый правитель — неизвестно, кто им был. Знали, что существует, но было неизвестно, кто это.

— Как же так — анонимный властелин? — изумился Инженер.

— Очевидно. Постараемся узнать больше.

Он повернулся к микрофону:

— Сейчас известно, что один индивид управляет обществом, но неизвестно, кто это? Так? — спросил он.

Калькулятор невнятно захрипел, двутел откашлялся, как бы заколебался, снова несколько раз кашлянул, и репродуктор ответил:

— Нет. Не так. Пауза. Шестьдесят оборотов планеты — известно, один двутел — центральное управление. Пауза. Потом известно, ни один. Пауза. Никто. Никто — центральное управление. Так известно. Никто — управление. Пауза.

— Теперь я не понимаю, — признался Физик.

Кибернетик сидел, наклонившись над прибором, он сгорбился, прикусил губу.

— Постойте. Всеобщая информация — нет центральной власти? Так? — спросил он в микрофон. — А в действительности есть центральная власть. Так?

Калькулятор объяснялся с двутелом, издавая скрипучие звуки. Люди ждали, наклонившись к репродуктору.

— Такая правда. Так. Пауза. Кто информация — есть центральное управление — тот — есть, нет. Кто информация — такая — тот есть, нет. Тот — когда-то есть — потом нет.

Они молча переглянулись.

— Кто говорит, что существует власть, сам перестает существовать. Так он сказал? — вполголоса проговорил Инженер.

Кибернетик медленно наклонил голову.

— Но ведь это невозможно! — воскликнул Инженер. — У власти должно быть какое-то местопребывание, она должна издавать распоряжения, законы, должны существовать ее исполнительные органы, иерархически низшие, войско — мы же встречались с их вооруженными…

Физик положил ему руку на плечо. Инженер умолк. Двутел продолжал кашлять. Зеленый глаз калькулятора быстро затрепетал. Заговорил репродуктор:

— Информация — двойная. Пауза. Одна информация кто — тот есть. Пауза. Другая информация — кто — тот когда-то есть, потом нет. Пауза.

— Существует информация, которая блокируется? — спросил в микрофон Физик. — Так? Кто ставит вопросы из области этой информации — тому грозит смерть. Так?

Снова по другую сторону прибора был слышен скрип репродуктора и покашливание двутела.

— Нет. Не так. Пауза, — ответил калькулятор своим равнодушным голосом. Он размеренно

отделял слова друг от друга. — Кто когда-то есть, потом — нет — тот не смерть. Пауза.

Все вздохнули.

— Значит, не наказание смертью? — воскликнул Инженер. — Спроси его, что происходит с такими? — обратился он к Кибернетику.

— Боюсь, что этого сделать не удастся, — сказал Кибернетик, но Координатор и Инженер настаивали на этом вопросе, тогда он уступил:

— Как хотите. Хорошо, но я не отвечаю за результат. Каково будущее того, кто распространяет блокированную информацию? — спросил он в микрофон.

Хриплый диалог калькулятора с неподвижно лежащим двутелом продолжался довольно долго. Наконец репродуктор заговорил:

— Тот, кто такая информация — инкорпорирован — самоуправляемая группа — неизвестная степень — вероятность — дегенерация — предел. Пауза. Кумулятивный эффект — отсутствие термина — адаптация — такая необходимость — борьба — замедление силы — потенциал — отсутствие термина. Пауза. Кумулятивный эффект — отсутствие термина — адаптация — такая необходимость — борьба — замедление силы — потенциал — отсутствие термина. Пауза.

Небольшое число оборотов планеты — смерть. Пауза.

— Что он сказал? — одновременно повернулись к Кибернетику Химик, Координатор и Инженер.

Тот пожал плечами:

— Понятия не имею. Я же вам говорил, что этого сделать не удастся. Слишком сложная проблема. Нужно продвигаться постепенно. Догадываюсь, что судьбе такого индивида завидовать не стоит. Его ждет преждевременная смерть, последнее предложение было достаточно недвусмысленно, но каков механизм всего этого процесса, я не знаю. Какие-то самоуправляемые группы. Естественно, насчет этого можно строить гипотезы, но произвольных комбинаций с меня, пожалуй, хватит.

— Ладно, — сказал Инженер, — тогда спроси его об этом заводе на севере.

— Уже спрашивали, — ответил Физик. — Тоже очень сложное дело. По этому поводу у меня такая теория…

— Почему теория?! Он разве не ответил вам ясно?! — вмешался Координатор.

— Нет, это тоже задевает явления высшего порядка. Что касается самого завода, его бросили в тот период, когда он должен был начать

производство. Это мы знаем совершенно точно. Труднее определить причины, по которым это произошло. Около пятидесяти лет назад у них был введен план биологической реконструкции. Перестройка функций тела, а возможно, и формы — это темная история. Почти все население планеты в течение ряда лет подверглось серии операций. Речь шла, как мне кажется, о перестройке не столько живущего поколения, сколько последующих, через направленные мутации наследственных клеток. Так мы это себе объясняем. В области биологии взаимопонимание очень затруднительно.

— Какой должна была быть эта перестройка? В каком направлении? — спросил Координатор.

— Этого не удалось установить, — ответил Физик.

— Ну, кое-что мы все-таки знаем, — не согласился с ним Кибернетик. — Биология, в особенности изучение жизненных процессов, в отличие от других отраслей науки носит у них своеобразный, как бы нормативный характер.

— Возможно, религиозный, — вставил Доктор. — С учетом того, что их верования — это скорее система требований и правил, касающихся бренной жизни, лишенная трансцендентальных

элементов.

— Они никогда не верили в какого-нибудь творца? — спросил Координатор.

— Неизвестно. Пойми, такие абстрактные понятия, как вера, бог, мораль, душа, вообще невозможно униформизировать в пределах калькулятора. Мы вынуждены задавать множество конкретных вопросов и из целой массы ответов, недоразумений, частичного перекрытия значений пытаемся лишь вывести осмысленную и обобщенную экстраполяцию. По-моему, то, что Доктор называет религией, — попросту традиция, исторически наслоившиеся обычаи, ритуалы.

— Но что религия или традиция может иметь общего с биологическими исследованиями? — спросил Инженер.

— Вот этого-то мы и не сумели выяснить. Но, во всяком случае, связь существует и совершенно явная.

— Может быть, речь шла о том, что они пытались приспособить некоторые биологические факты к своим верованиям или суевериям?

— Нет, это какая-то более сложная история.

— Вернемся к делу, — сказал Координатор. — Каковы результаты проведения в жизнь этого биологического плана?

— Из-за него на свет начали появляться особи безглазые или с различным количеством глаз, не способные к жизни, изуродованные, безносые, а также большое количество психически неполноценных.

— Ах! Наш двутел и те, другие.

— Да. Очевидно, теория, на которую они опирались, была неверной. В течение полутора десятков лет появились тысячи изувеченных, деформированных мутантов — трагические плоды этого эксперимента они пожинают еще и сегодня.

— От плана отказались?

— Мы даже не спрашивали об этом, — признался Кибернетик.

Он повернулся к микрофону:

— План биологической реконструкции — существует ли сейчас? Каково его будущее?

Калькулятор, скрипя, некоторое время как будто препирался с двутелом, который издавал слабое покашливание.

— Может, ему плохо? — тихо спросил Координатор Доктора.

— Нет, лучше, чем я ожидал. Он устал, но до сих пор не хочет уйти отсюда. Я даже переливание крови не могу ему сделать: очевидно, если ему

влить кровь нашего двутела, его красные кровяные тельца выпадут в осадок и…

— Тсс! — цыкнул Физик.

Репродуктор захрипел:

— План — есть, нет. Пауза. Теперь — план когда-то не был. Пауза. Теперь мутации, болезнь. Пауза. Информация подлинная — план был — теперь нет.

— Не уловил, — признался Инженер.

— Он говорит, что в настоящее время отрицается существование этого плана — как будто его вообще никогда не было, а мутации якобы являются видом болезни. В действительности план был проведен в жизнь, а потом его отбросили, не желая признать своего поражения.

— Кто?

— Эта их якобы несуществующая власть.

— Постойте, — сказал Инженер, — как же это? С момента, когда последний анонимный властитель перестал существовать, воцарилась как бы «эпоха анархии», так, что ли? Так кто же проводил в жизнь этот план?

— Ты ведь слышал. Никто его не проводил — никакого плана не было. Так сегодня утверждают.

— Ну хорошо, но тогда, пятьдесят или сколько там лет назад?

— Тогда утверждали что-то другое.

— Нет, это невозможно понять.

— Почему? Ты ведь знаешь, что у нас на Земле существуют некоторые явления, о которых не принято говорить во всеуслышание, хотя о них знают. Например, даже чисто житейские взаимоотношения были бы невозможны без некоторой дозы притворства. То, что у нас не определяющее, второстепенное, то у них — главный фактор.

— Все это запутано и неправдоподобно, — сказал Инженер. — А как с этим связан тот завод на севере?

— Он должен был производить что-то, связанное с осуществлением плана, — может, аппаратуру для операций или объекты, которые были не нужны, но которые якобы могли понадобиться будущим «реконструированным» поколениям. Но это только мои предположения, — подчеркнул Кибернетик, — что они там должны были производить, мы не знаем.

— Таких заводов, наверное, должно было быть больше?

— Заводов, производных биологического плана, число маленькое или большое? Как много? — спросил Кибернетик.

Двутел откашлялся, и калькулятор почти сразу

же ответил:

— Неизвестно. Заводы, вероятно, много. Пауза. Информация — никаких заводов.

— Это, однако, какое-то общество… ужасающее! — вспылил Инженер.

— Почему? Ты что, никогда не слышал о военной тайне или о чем-то в этом роде?

— Какая энергия питает эти заводы? — повернулся Инженер к Кибернетику, но сказал это так близко к микрофону, что калькулятор сразу же перевел вопрос.

Репродуктор минуту погудел и продеклами-ровал:

— Неорган — термин отсутствует — био био — пауза — энтропия, константа — био система. — Остальное утонуло в усиливающемся гудении. На пульте зажегся красный огонек.

— Пробелы в словаре, — объяснил Кибернетик.

— Слушай, включим его поливалентно, — сказал ему Физик.

— Зачем? Чтобы он начал болтать, как шизофреник?

— Может, удастся больше понять.

— О чем речь? — спросил Доктор.

— Он хочет уменьшить селективность калькулятора, — объяснил Кибернетик. — Когда спектр

значений какого-то слова недостаточно острый, калькулятор отвечает, что термин отсутствует. Если я включу его поливалентно, он начнет заниматься контаминацией — будет создавать словесные гибриды, каких нет ни в одном человеческом языке.

— Таким способом мы его лучше поймем, — настаивал Физик.

— Пожалуйста. Можем попробовать.

Кибернетик переключил штеккеры. Координатор взглянул на двутела, который лежал теперь с закрытыми глазами. Доктор подошел к гиганту, некоторое время осматривал его и, ничего не сказав, вернулся на свое место.

Координатор сказал в микрофон:

— На юге — здесь — есть долина. Там — большие строения, в строениях, скелеты, вокруг — могилы. Что это?

— Постой, могилы ничего не значат.

Кибернетик притянул к себе гибкую стойку микрофона.

— На юге — архитектурная конструкция, рядом с ней — в отверстиях в грунте — мертвые тела. Мертвые двутелы. Что это значит?

На этот раз калькулятор дольше обменивался скребущими звуками с двутелом. Они заметили,

что впервые машина, казалось, сама от себя спрашивала о чем-то еще раз, наконец обращенный к ним репродуктор монотонно сообщил:

— Двутел — физическая работа нет. Пауза. Электрический орган — работа, да, но акселероинволюция — дегенерация — злоупотребление. Пауза. Юг — это экземплификация самоуправляемой прокрустики — пауза. Биосоциозамыкание — антисмерть. Пауза. Общественная изоляция не сила, не принуждение. Пауза. Добровольность. Пауза. Микроадаптация группы — центросамотяг — продукция да нет — пауза.

— Ну что, получил? — Кибернетик сердито посмотрел на Физика. — «Центросамотяг», «антисмерть», «биосоциозамыкание». Говорил я тебе! Пожалуйста, теперь расшифровывай.

— Постепенно расшифрую, — сказал Физик. — Это имеет что-то общее с принудительными работами…

— Неверно. Он сказал «не сила, не принуждение», «добровольность».

— Ну, так спросим еще раз. — Физик подтянул к себе микрофон. — Непонятно, — сказал он. — Скажи — очень просто — что на юге, в долине? Колония? Группа осужденных? Изоляция? Производство? Кто производит? Что? И зачем? С какой

целью?

Калькулятор снова объяснился с двутелом — это продолжалось минут пять, — потом опять заговорил:

— Изоломикрогруппа — добровольность — интерсцепление — принуждение — нет. Пауза. Каждый двутел — противигра — изоломикрогруппа. Пауза. Главная связь — центростремительный самотяг. Пауза. Связка — гневисть пауза. Кто вина — тот кара — пауза. Кто кара — тот изоломикрогруппа — добровольность — пауза. Что такое изоломикрогруппа? Пауза. Интерсвязи возвратные — полиндивидуальные — сцепление — гневисть — самуцель — гневисть — самуцель — пауза. Социопсихоциркуляция — внутренняя антисмерть — пауза.

— Подождите! — крикнул Кибернетик, видя, что остальные беспомощно зашевелились. — Что это значит, «самуцель»? Какая цель?

— Самуцел…ение, — пробурчал калькулятор, который на этот раз вообще не обратился к двутелу.

— А! Инстинкт самосохранения! — крикнул Физик, а калькулятор поспешно объяснил:

— Инстинкт самосохранения. Да. Да.

— Ты хочешь сказать, что понимаешь, о чем он

говорит?! — вскочил с места Инженер.

— Не знаю, правильно ли я понимаю, но догадываюсь — речь идет о какой-то разновидности их системы наказаний. Очевидно, это некие микрообщества, автономные группы, которые, так сказать, взаимно загнали друг друга в угол.

— Как это? Без охраны? Без надсмотрщиков?

— Да. Он же прямо сказал, что никакого принуждения нет.

— Это невозможно.

— Ну почему же? Представь себе двоих людей; у одного есть спички, у другого коробок. Они могут друг друга ненавидеть, но огонь зажгут только вместе. Гневисть — это гнев и ненависть или что-нибудь близкое. Поэтому кооперация в группе возникает благодаря обратным связям, как в моем примере, но, конечно, это гораздо сложнее! Принуждение рождается как-то само по себе — его создает внутреннее положение группы.

— Ну хорошо, хорошо, но что они там делают? Что они там делают? Кто лежит в этих могилах? Зачем?

— Ты слышал, что сказал калькулятор? «Прокрустика». Очевидно, от прокрустова ложа.

— Вздор! Откуда двутел слышал о Прокрусте?!

— Калькулятор, а не двутел. Он выискивает

наиболее близкие понятия в соответствии с резонансом в семантическом спектре! Там, в этих группах, ведется изнурительная работа. Возможно, что она не имеет никакой цели, никакого смысла, он сказал «продукция да нет» — значит, что-то производят, должны это делать, ибо таково наказание.

— Почему должны? Кто их заставляет, если там нет никакой охраны?!

— Какой ты упрямый! Насчет продукции я, может, и ошибаюсь, но принуждение создает ситуация. Ты что, не слышал о принудительных ситуациях? Скажем, на тонущем корабле вариантов спасения, из которых ты можешь выбирать, очень немного — может, у них под ногами всю жизнь палуба такого корабля?.. Поскольку физический труд, особенно изнурительный, приносит им вред, то здесь происходит какое-то «биозамыкание», возможно в зоне электрического органа.

— Он говорил «биосоциозамыкание». Это должно быть что-то иное.

— Но нечто в этом роде. В группе существует сцепление — взаимное притяжение, то есть группа обречена вариться в собственном соку, изолирована от общества.

— Это страшно туманно. Что они там все-таки

делают?

— Ну чего ты от меня хочешь? Я знаю столько же, сколько и ты. Ведь недоразумения и смещения значений накладываются одно на другое, не только с нашей стороны, но точно так же между калькулятором и двутелом — с другой! Может быть, у них есть специальная научная дисциплина — «прокрустика», теория динамики таких групп! Они заранее планируют тип действий, конфликтов и взаимных притяжений в ее сфере, функции распределены так, чтобы образовалось своеобразное равновесие, обмен, циркуляция гнева, ненависти, чтобы эти чувства спаивали их и одновременно чтобы они не могли найти общего языка с кем-нибудь вне группы…

— Это твои личные вариации на тему шизофренических бредней калькулятора, а вовсе не объяснение! — крикнул Химик.

— Пожалуйста, займи мое место. Может, у тебя пойдет лучше.

Стало тихо.

— Он очень устал, — сказал Доктор. — От силы еще один-два вопроса. Больше нельзя. Кто хочет их задать?

— Я, — сказал Координатор. — Откуда ты узнал о нас? — бросил он в микрофон.

— Информация — метеорит — корабль, — ответил через минуту калькулятор, обменявшись несколькими короткими хриплыми звуками с двутелом. — Корабль — иной планеты — космическое излучение — дегенерация существ. Пауза. Несут смерть. Пауза. Стеклянистая изоляция с целью ликвидации. Пауза. Обсерватория. Пауза. Грохот. Произвел — пеленгование — направление звука — источник грохота — фокус попаданий ракета. Пауза. Пошел ночью. Пауза. Ждал — Защитник открыл изоляцию. Вошел. Здесь. Пауза.

— Объявили, что упал корабль с какими-то чудовищами, да? — спросил Инженер.

— Да. Что мы дегенерировали под влиянием космического излучения. И что они намерены запереть нас, окружить этой стеклянистой массой. Он по звуку запеленговал направление обстрела, определил цель и таким образом нашел нас.

— Не боялся чудовищ? — бросил Координатор в микрофон.

— Не боялся — это ничего не значит. Сейчас, какое там было слово? Ага, гневисть. Может, так переведет.

Кибернетик повторил вопрос на странном жаргоне калькулятора.

— Да, — почти сразу же ответил репродуктор. —

Да. Но — шанс — один на миллион оборотов планеты.

— Это понятно. Каждый из нас пошел бы, — понимающе кивнул головой Физик.

— Хочешь остаться с нами? Мы вылечим тебя. Смерти не будет, — медленно сказал Доктор.

— Нет, — ответил репродуктор.

— Хочешь уйти? Хочешь вернуться — к своим?

— Возвращение — нет, — ответил репродуктор.

Люди переглянулись.

— Ты действительно не умрешь! Мы тебя действительно вылечим! — воскликнул Доктор. — Скажи, что ты хочешь сделать, когда будешь здоров?

Калькулятор заскрипел, двутел ответил одним звуком, таким коротким, что он был едва слышен.

— Нуль, — как бы колеблясь, сказал репродуктор.

И через мгновение добавил, словно неуверенный, что его правильно поняли:

— Нуль. Нуль.

— Не хочет остаться, возвращаться — тоже, — буркнул Химик. — Может, он… бредит?

Все посмотрели на двутела. Его бледно-голубые глаза глядели на них неподвижно. В тишине

было слышно его медленное глухое дыхание.

— Довольно, — сказал Доктор, вставая. — Выйдите все.

— А ты?

— Сейчас приду. Я два раза принимал психедрин, могу с ним еще немного посидеть.

Когда люди встали и двинулись к двери, малый торс двутела, до сих пор поддерживаемый как бы невидимой опорой, вдруг сломался — его глаза закрылись, голова бессильно упала назад.

— Слушайте, мы все время расспрашивали его, а почему он нас ни о чем не спросил? — спохватился в коридоре Инженер.

— Почему же, до этого и он спрашивал, — ответил Кибернетик. — Об отношениях, господствующих на Земле, о нашей истории, о развитии астронавтики — еще за каких-нибудь полчаса до вашего прихода он говорил значительно больше.

— Должно быть, очень ослаб.

— Наверно. Он получил большую дозу облучения, путешествие по пустыне должно было его здорово утомить, тем более что он довольно стар.

— Как долго они живут?

— Около шестидесяти оборотов планеты, то

есть немного меньше шестидесяти наших лет. Эдем обращается вокруг своего солнца чуть быстрее, чем Земля.

— Как они питаются?

— Довольно своеобразно. Кажется, эволюция проходила тут иначе, чем на Земле. Они могут непосредственно усваивать некоторые неорганические субстанции.

— Действительно своеобразно, — сказал Инженер.

— Ага, грунт, который вынес тот, первый! — вдруг сообразил Химик.

Они остановились.

— Да, но таким способом двутелы питались тысячи лет назад. Теперь в нормальных условиях так никто не поступает. Эти тонкие чаши на равнине — как бы их «аккумуляторы продовольствия».

— Это что, живые существа?

— Не знаю. Во всяком случае, они избирательно извлекают из глубины и накапливают вещества, которые служат двутелам пищей. Их много, разных видов.

— Да, очевидно, двутелы должны их разводить, вернее возделывать, — сказал Химик. — На юге мы видели целые плантации этих чаш. Но зачем

тот, который забрался в ракету, рылся в глине?

— Потому что после захода солнца чаши втягиваются под почву.

— Все равно глины было везде достаточно, а он выбрал именно эту, в ракете.

— Может, потому, что она была разрыхлена, а он — голоден. Мы не говорили об этом с нашим астрономом. Возможно, что тот двутел действительно бежал из долины на юге…

— Ребята, идите-ка теперь спать, — обратился Координатор к Физику и Кибернетику, — а мы займемся делом. Скоро двенадцать.

— Двенадцать ночи?

— А как же. Я вижу, ты уже совсем потерял счет времени?

— Ну, в таких условиях…

Сзади послышались шаги. Из библиотеки вышел Доктор. Все испытующе смотрели на него.

— Спит, — сказал он. — Худо с ним. Когда вы вышли, я решил было… — Он не кончил.

— Но ты говорил с ним?

— Говорил. То есть… Понимаете, мне показалось, что это конец… Я спросил его, можем ли мы что-нибудь для них сделать. Для всех.

— И что он сказал?

— Нуль, — медленно повторил Доктор, и всем

показалось, что они слышат мертвый голос калькулятора.

— Идите теперь и ложитесь, — сказал Координатор через мгновение. — Но я еще воспользуюсь тем, что мы все вместе, и спрошу вас — будем ли мы стартовать?

— Да, — сказал Инженер.

— Да, — произнесли Физик и Химик почти одновременно.

— Да, — присоединился Кибернетик.

— А ты? Молчишь? — спросил Координатор Доктора.

— Я размышляю. Понимаете, мне еще никогда не было так интересно…

— Понимаю, тебя интересует, как им можно помочь. Но теперь-то ты уже знаешь, что…

— Нет. Не знаю, — тихо сказал Доктор.

Глава четырнадцатая

Часом позже по откинутой крышке грузового люка сполз Защитник. Инженер остановил его в двухстах метрах от стеклянистой стены, сходящейся кверху, словно недостроенный свод, и принялся за дело. Тьма гигантскими скачками убегала в глубь пустыни. Ослепительные гремящие бичи рассекали зеркальную стену, сочащиеся жаром плиты падали на грунт, белый дым бурлил над кипящим песком. Инженер оставлял куски строительного материала остывать и хлестал аннигилятором дальше, вырубая в своде окна, с которых стекали огненные сосульки. В мутной, полупрозрачной оболочке возникали ряды четырехугольных дыр, сквозь них открывались провалы звездного неба. Дым спиралями стлался по песку, в жилах стеклянистого колосса что-то пощелкивало, трещало, обломки затягивал темный жар. Наконец Защитник задом стал пятиться к ракете. Инженер на расстоянии измерял радиоактивность. Счетчики предостерегающе гудели.

— Пришлось бы ждать минимум четверо суток, — сказал Координатор, — но мы пустим туда

Черного и чистильщиков.

— Да, радиоактивность значительна только на поверхности. Достаточно будет сильной струи песка под давлением. А обломки нужно собрать в одном месте и закопать.

— Можно бы загрузить их в кормовой отстойник. — Координатор задумчиво смотрел на вишневый отсвет пылающих развалин.

— Зачем? — удивился Инженер. — Нам это ничего не даст, бесполезный балласт.

— Я предпочел бы не оставлять радиоактивных следов… Они не знают атомной энергии, и лучше, чтобы они ее не узнали…

— Может, ты и прав, — пробурчал Инженер. — Эдем… — добавил он через мгновение. — Ты знаешь, передо мной вырисовывается картина… После того что рассказал этот двутел-астроном, вернее… калькулятор… жуткая картина…

— Да, — медленно кивнул Координатор. — Какое-то крайнее, потрясающе последовательное злоупотребление теорией информации. Оказывается, она может быть инструментом пыток более чудовищных, чем любые физические мучения. Селекция, торможение, блокировка информации — таким способом в самом деле можно культивировать геометрически точную, кошмарную

«прокрустику», как сказал калькулятор.

— Как ты думаешь, они… он это понимает?

— Что значит — понимает? А… ты имеешь в виду, считает ли он такое состояние нормальным? Ну, в определенном смысле, пожалуй, да. Ведь ничего другого он не знает. Хотя он ссылается на их древнюю историю — тиранов, сначала обычных, потом «анонимных», — значит, он обладает масштабом для сравнения. Да, наверно, если бы ему не с чем было сравнивать, он не сумел бы нам все рассказать.

— Если апелляция к тирании дает ему возможность вспомнить о «лучших временах», то… благодарю…

— А все-таки… Это в некотором роде логичный путь развития. Какой-то очередной тиран, видимо, напал на мысль, что личная анонимность при существующей системе управления будет выгоднее. Общество, не имея возможности сконцентрировать сопротивление, направить враждебные чувства на конкретную особу, становится в какой-то мере морально разоруженным.

— Ах, ты это так понимаешь? Безличный тиран.

— Может, это ложная аналогия, но через некоторое время, когда теоретические основы этой

их «прокрустики» сложились, кто-то из его наследников пошел еще дальше, ликвидировал — мнимо, конечно, — даже свое «инкогнито», упразднил самого себя, саму систему правления. Конечно, исключительно в сфере понятий, слов, публичных высказываний…

— Но почему здесь нет никаких освободительных движений? Этого я не могу понять! Даже если они карают своих «преступников», заключая их в автономные изолированные группы, ведь при отсутствии какой бы то ни было стражи, надзора, внешнего насилия возможно индивидуальное бегство и даже организованное сопротивление.

— Чтобы могла возникнуть организация, должны существовать средства взаимопонимания. — Координатор высунул через лаз башенки глазок счетчика Гейгера, треск которого как будто понемногу утихал. — Заметь, что определенные явления у них, вообще говоря, не лишены названия или связей с другими, но и названия и связи, которые выдаются за истинные, — маски. Уродства, вызванные мутациями, называются эпидемией какой-то болезни. То же самое, очевидно, происходит и со всем остальным. Чтобы покорить мир, нужно его сначала назвать. Без знания, без оружия, без организации, отрезанные

от других жителей планеты, немногое они могут сделать.

— Да, — сказал Инженер, — но эта сцена на кладбище, этот ров под городом, пожалуй, указывают на то, что порядок здесь все-таки не такой уж совершенный, как хотелось бы этому неизвестному властителю. А как наш двутел испугался стеклянистой стены, помнишь? Видно, не все идет здесь гладко.

Счетчик над их головами щелкал все ленивее. Обломки у стены, окружающей корабль, потемнели, только почва еще дымилась, и в столбе дрожащего воздуха странно покачивались звезды.

— Вот мы решили стартовать, — говорил Инженер, — а ведь мы могли бы лучше узнать их язык. Понять, как действует эта их проклятая власть, притворяющаяся несуществующей. И… дать им оружие…

— Кому? Тем несчастным, похожим на нашего двутела? Ты дал бы ему в руки аннигилятор?

— Ну, для начала мы могли бы сами…

— Уничтожить эту власть, да? — спокойно подсказал Координатор. — Другими словами, освободить их силой.

— Если иного способа нет…

— Во-первых, это не люди. Ты не должен забывать, что в конце концов всегда разговариваешь с калькулятором и что двутела понимаешь постольку, поскольку понимает его сам калькулятор. Во-вторых, никто им того, что есть, не навязывал. По крайней мере никто из космоса. Они сами…

— Рассуждая так, ты соглашаешься на все. На все! — крикнул Инженер.

— А как ты хочешь, чтобы я рассуждал? Разве население планеты — это ребенок, который зашел в тупик, откуда его можно вывести за ручку? Если бы это было так просто, боже мой! Хенрик, освобождение началось бы с того, что нам пришлось бы убивать, и чем яростнее была бы борьба, с тем меньшим разбором мы бы действовали, убивая в конце концов только для того, чтобы открыть себе путь для отступления или дорогу для контратаки, убивая всех, кто стоит перед Защитником, — ты-то хорошо знаешь, как это легко!

— Знаю, — буркнул Инженер. — Впрочем, — добавил он, — еще ничего не известно. Без сомнения, они наблюдают за нами, и эти окна, которые мы пооткрывали в их «непроницаемой» оболочке, наверняка им не понравятся. Думаю,

что теперь мы можем ожидать очередной попытки.

— Да, это возможно, — согласился Координатор. — Я подумывал даже, не выставить ли нам какие-нибудь посты. Электронные глаза и уши.

— Это потребовало бы массу времени и поглотило бы материалы, которых у нас не слишком много.

— И об этом я думал, потому и колеблюсь…

— Два рентгена в секунду. Уже можно посылать автоматы.

— Хорошо. Защитника на всякий случай лучше поднять наверх, в ракету.

После полудня небо затянулось тучами, и впервые с того момента, как люди попали на планету, начал идти мелкий теплый дождь. Зеркальная стена потемнела, по ее выпуклостям с шумом сбегали маленькие ручейки. Автоматы работали неутомимо, песчаные струи, рвущиеся из пульсомоторов, скрежетали и шипели на поверхности вырезанных плит, осколки стекла взлетали в воздух, дождь превратил песок в жидкую грязь. Черный втаскивал в ракету через грузовой люк контейнеры, наполненные радиоактивными обломками, другой автомат проверял счетчиком герметичность крышек. Потом обе машины

волокли уже очищенные плиты на места, указанные Инженером, где в брызгающих фонтанах искр, выбрасываемых сварочными аппаратами, большие глыбы размягчались в пламени дуги, схватывались друг с другом и превращались в основание будущего помоста.

Вскоре выяснилось, что строительного материала не хватит. Под вечер Защитник снова выполз из ракеты и остановился напротив продырявленных стен. Зрелище было адским. Дождь все еще шел, он переходил в ливень. Неправильные квадратные солнца разрывали мрак ослепительным светом, гул ядерных взрывов смешивался с тупым шорохом пылающих глыб стекла; падая, они вспахивали почву, и тогда вверх рвались густые облака дыма и пара, лужи дождевой воды испарялись с пронзительным свистом, дождь вскипал в воздухе, не долетая до грунта, в высоте мириадами неподвижных радуг — розовых, зеленых, желтых — вспыхивали молнии. Угольно-черный в этом хаосе света Защитник отступал, медленно поворачивался на месте, поднимая тупое рыло, и снова громы и молнии сотрясали все вокруг.

— Это даже хорошо! — заорал Инженер в самое ухо Координатору. — Может, их отпугнет такая канонада и они оставят нас в покое! Понадобится

еще минимум два дня.

Его залитое потом лицо — в башенке было жарко, как в печке, — казалось ртутной маской.

Когда они отправились отдыхать, автоматы снова вышли наверх и шумели до утра, таская за собой шланги песчаных насосов, грохоча плитами стекла. Около сварочных аппаратов дождь сверкал и искрился невыносимо яркой чистейшей голубизной, грузовой люк глотал новые контейнеры с обломками, параболическая конструкция за кормой ракеты медленно росла, грузовой автомат и экскаватор работали под ее брюхом, ожесточенно вгрызаясь в склон холма.

Экипаж поднялся на рассвете. Часть стеклянного строительного материала была уже использована на крепление штольни.

— Это хорошая мысль, — сказал Координатор, когда все собрались в навигационной рубке у стола, заваленного рулонами чертежей. — Действительно, если бы мы начали убирать стойки, кровля могла бы внезапно завалиться под тяжестью ракеты, и она не только грохнулась бы, но еще и раздавила бы автоматы.

— А хватит нам потом энергии на полет? — спросил Кибернетик.

— На десять полетов. Если возникнет необхо-

димость, мы можем аннигилировать обломки, которые лежат в отстойнике, но я уверен, что это не понадобится. Мы введем в штольню шланг от тепломагистрали и сможем точно регулировать температуру. Когда она достигнет точки плавления стекла, стойки начнут медленно оседать. Если они будут плавиться слишком быстро, мы в любой момент можем впрыснуть в штольню порцию жидкого воздуха. Таким образом, до вечера вытянем ракету. Ну, а потом поставим вертикально.

— Это следующий этап, — сказал Инженер.

В восемь утра тучи разошлись и засияло солнце. Огромный цилиндр корабля, до сих пор беспомощно торчавший из склона холма, дрогнул. Инженер наблюдал за Этим движением — с помощью теодолита он измерял медленное опускание кормы. Нос корабля был уже глубоко подкопан, пустоту, оставшуюся от вынутой глины, заполнил лес стеклянных столбов. Инженер стоял на значительном расстоянии от ракеты, почти у самой стены, которую ряды отверстий делали похожей на развалины выдутого из стекла Колизея.

Люди и двутелы покинули корабль. В какой-то момент Инженер увидал фигурку Доктора, который подходил издали, огибая ракету сзади по

большой дуге, но это промелькнуло, не оставив следа в его сознании. Он был слишком занят наблюдением за аппаратурой. Огромная тяжесть ракеты легла теперь на тонкий слой грунта и систему постепенно размякающих стоек. Восемнадцать толстых тросов бежало от кормовых колец к крюкам, вплавленным в самые массивные развалины стены. Инженер благословил эту стену — без нее роботы провозились бы с опусканием и подъемом ракеты по крайней мере в четыре раза дольше.

По целой сети извивающихся в песке кабелей ток плыл к нагревательным трубам, уложенным внутри штольни. Ее устье, хорошо видное сразу же под тем местом, где корпус ракеты врезался в склон, слабо дымилось. Желто-серые испарения лениво ползли по не высохшей еще после ночного дождя почве. Корма ракеты опускалась мелкими рывками. Когда она начинала оседать резче, Инженер сдвигал левый зажим прибора; тогда из четырех окольцованных шлангов, уходящих в штольню, бил поток жидкого воздуха и отверстие с грохотом изрыгало грязно-белые тучи.

Вдруг весь корпус судорожно задрожал, и, прежде чем Инженер успел повернуть зажим,

более чем стометровый цилиндр с протяжным стоном наклонился, корма описала дугу и в долю секунды пролетела четыре метра; одновременно нос корабля вырвался из грунта. Выбросив вверх кучу песка и мергеля, керамитовый гигант замер. Он придавил собой кабели и металлические шланги, один шланг лопнул. Из него брызнул воющий гейзер жидкого воздуха.

— Лежит! Лежит! — заорал Инженер.

Через мгновение он опомнился — рядом с ним стоял Доктор.

— Что? Что? — повторил Инженер, словно оглохнув, он никак не мог понять, что тот говорит.

— Кажется, мы возвращаемся домой, — сказал Доктор.

Инженер молчал.

— Он будет жить, — сказал Доктор.

— Кто? О ком ты говоришь? А…

Инженер вдруг понял.

— И что? Полетит с нами? — спросил Инженер, шагнув к ракете. Он спешил, ему хотелось как можно скорее осмотреть носовую обшивку.

— Нет, — ответил Доктор.

Он пошел за Инженером, потом, как бы задумавшись, остановился. Явно похолодало: фонтан

жидкого газа все еще бил из раздавленной трубы. На поверхности корпуса ракеты появились фигурки, одна из них исчезла, через несколько минут бурлящий столб газа осел, некоторое время еще брызгала пена, от которой леденел воздух. Неожиданно наступила полная тишина. Доктор огляделся, точно удивившись, как он сюда попал, и медленно двинулся вперед.

Ракета стояла вертикально — белая, белее пронизанных солнцем облаков, среди которых, казалось, уже плыла ее далекая заостренная вершина. Миновали три дня тяжелой работы. Погрузка была окончена. Большой параболический пандус из сваренных обломков стены, которая должна была запереть людей, тянулся вдоль склона холма. В восьмидесяти метрах над поверхностью планеты в открытом люке стояло четверо людей. Они смотрели вниз. Там, на буро-желтой плоской поверхности, виднелись две маленькие фигурки, одна немного светлее другой. Люди смотрели сверху, как они стоят неподвижно совсем близко, всего лишь в нескольких десятках метров от плавно расширяющихся дюзовых колец.

— Почему они не уходят? — нетерпеливо спросил Физик. — Мы не сможем стартовать.

— Они не уйдут, — сказал Доктор.

— Что это значит? Он не хочет, чтобы мы улетали?

Доктор знал, что это значит, но молчал.

Солнце стояло высоко. С запада плыли нагромождения туч. Из открытого люка, как из окна стрельчатой башни, неожиданно вознесшейся в пустыне, виднелись южные горы, поголубевшие, слившиеся с тучами вершины, большая западная пустыня — на сотни километров раскинулись полосы залитых солнцем барханов и фиолетовая шуба лесов, покрывающих склоны на востоке. Гигантское пространство лежало под небосводом с маленьким резким солнцем в зените. Кружевным каркасом тянулось внизу кольцо стены, тень ракеты двигалась по нему, как стрелка титанических солнечных часов, она уже приближалась к двум крохотным фигуркам.

С востока послышался гром, протяжным свистом отозвался воздух, и не гаснущее в лучах солнца пламя сверкнуло из черного купола взрыва.

— Ого, это что-то новое, — сказал Инженер.

Снова гром. Невидимый снаряд выл все ближе, людей накрыл конус адского свиста, казалось, что зацепило нос ракеты — в нескольких десятках метров от корабля почва охнула и подпрыгнула

вверх. Люди почувствовали, как он зашатался.

— Экипаж, по местам! — скомандовал Координатор.

— Но они!.. — гневно воскликнул Химик.

Люк захлопнулся.

В рубке не было слышно рева. На экранах заднего обзора по песку прыгали огненные кусты. Две светлые точки все еще стояли неподвижно у подножия ракеты.

— Застегнуть пояса! — приказал Координатор. — Готовы?

— Готовы, — отозвался экипаж вразнобой.

— Двенадцать часов семь минут. К старту! Пуск!

— Включаю реактор, — сказал Инженер.

— Есть критическая, — сказал Физик.

— Циркуляция нормальная, — сказал Химик.

— Гравиметр на оси, — сказал Кибернетик.

Доктор, вися в кресле, смотрел на задний экран.

— Стоят? — спросил Координатор, и все взглянули на него — это слово не относилось к ритуалу старта.

— Стоят, — ответил Доктор.

Ракета, задетая взрывной волной, вздрогнула.

— Старт! — громко сказал Координатор.

Инженер с мертвым лицом включил привод. Люди не слышали ничего, кроме очень слабых далеких взрывов, как будто они происходили в другом, ничего общего с людьми не имеющем мире. Медленно нарастал тихий, пронизывающий свист — все как бы растворилось в нем, растеклось, мягко покачиваясь; люди проваливались в объятия неодолимой силы.

— Стоим на огне, — сказал Инженер.

Это значило, что ракета оторвалась от грунта и выбрасывает ровно столько огненных газов, сколько необходимо, чтобы уравновесить собственную тяжесть.

— Нормальная синергическая, — сказал Координатор.

— Выходим за нормальную, — доложил Кибернетик.

Лапы амортизаторов медленно поползли назад.

— Кислород! — крикнул Доктор, как бы проснувшись, и сам закусил эластичный мундштук.

Через двенадцать минут корабль вышел за пределы атмосферы. Не уменьшая скорости, он уходил в звездную чернь по виткам разматывающейся спирали. Семьсот сорок огоньков указателей, контрольных ламп, приборных

шкал пульсировало, дрожало, мигало и сверкало в рубке. Люди расстегнули пояса и побросали карабины на пол. Они подходили к распределительным пультам, недоверчиво клали на них ладони, проверяли, не греются ли где-нибудь трубопроводы, не слышно ли шипения замыканий, подозрительно втягивали воздух — нет ли запаха огня, гари, — заглядывали в экраны, проверяли показания астродезических калькуляторов — все было таким, каким должно было быть: воздух чистый, температура нормальная, распределительный щит словно никогда и не превращался в груду обломков.

В навигационной рубке над картами склонились Инженер и Координатор.

Звездные карты были больше, чем стол, они свисали на пол, иногда рвались. Давно шли разговоры, что в навигационной нужен стол побольше, а то все топчут карты. Стол по-прежнему был тот же.

— Видел Эдем? — спросил Инженер.

Координатор непонимающе взглянул на него:

— Кто? Я?

— Сейчас. Погляди.

Координатор обернулся. На экране, гася близкие звезды, плыла огромная опаловая капля.

— Прекрасная планета, — сказал Инженер. — Потому мы и свернули с курса, что она такая прекрасная. Мы хотели только пролететь над ней.

— Да. Хотели только пролететь.

— Исключительный блеск. Другие планеты не такие прозрачно-чистые. Земля так просто голубая.

Они все еще смотрели на экран.

— Остались, — тихо сказал Координатор.

— Да, он сам так захотел.

— Ты думаешь?

— Уверен. Он предпочел, чтобы мы, а не они… Это было все, что мы могли для него сделать.

Некоторое время они молчали. Эдем удалялся.

— Какая чистая, — сказал Координатор. — Но… знаешь… По теории вероятностей следует, что бывают еще прекраснее.